Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

XVI Таврические философские Чтения «АНАХАРСИС»

ФИЛОСОФСКИЕ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы всероссийской конференции

Симферополь 2020

Философские практики в культуре: история и современность : материалы Всероссийской научной конференции XVI Таврические философские чтения «Анахарсис» [Электронный ресурс]. – Симферополь, 2020. – 224 с.

ISBN 978-5-91556-912-5

В сборнике публикуются материалы Шестнадцатых Таврических философских чтений «Анахарсис» (18-20 сентября 2020 г., Республика Крым, г. Судак, пос. Новый Свет).

Что делают философы? Какое место разные культуры отводят философии? Какая от философии польза? Эти вопросы — в центре внимания работы секций и круглых столов XVI Таврических философских чтений «Анахарсис». Философская деятельность может выливаться в «заботу о себе» и медитации, иметь следствием революционную борьбу на баррикадах и распространение манифестов, быть диалогами о смысле жизни и сотериологией, критикой культуры и междисциплинарным исследованием. Что из этого считать специфически философским делом? Почему в наши дни требование указать на «практическую значимость» философского труда ни у кого не вызывает удивления? Участники чтений обсуждают наусщные проблемы философской практики, имея в виду возможность редуцирования философской деятельности к эстетической, этической и познавательной. Отдельный предмет обсуждения — учение В. Соловьева, идеал цельного знания и решение вопроса о смысле и назначении философской деятельности.

ISBN 978-5-91556-912-5 УДК 101 ББК 87

Содержание

Философия как творчество: эстетика философствования	
Eакулов B . A . C иленко C . B . E 0 Теоретико-философские основания применения креативных	
	6
<i>Дрожецкая Е. В.</i> Феноменологический статус аффективной реакции на воображаемый (сфантазированный) предмет в работах Э. Гуссерля и ЖП. Сартра	8
	11
Золотухина-Аболина Е.В. Философское творчество как метафилософская проблема	13
Красова И. Е. Феномен бессознательного: социально-философский дискурс	14
<i>Лумпова М. А.</i> Исследование реальности в контексте визуального поворота и онтологии субъективности	17
•	19
	21
	23
Петрин И.С. Эстетическое измерение шизоанализа Делеза и Гваттари: между теорией и	23
практикой	26
Пигалев А.И. Два типа философии и идеал универсализма: от метафизики к литературной образности	28
<i>Сливная 3.А.</i> Эстетика философской игры нонконформизма в арт-пространстве современной музейной среды	31
•	32
Toomia III. B. Thistocoperior libop recibe in severification denotification in the severification in the sever	
Философия как образ жизни: этика философской деятельности	
Белюрко Н. М. Нравственность как духовное совершенство личности (на примере работ	
	35
Близнеков В. Л. Философская этика ценностей Дитриха фон Гильдебранда	37
Бургете Аяла М.Р. Цивилизация в ловушке порядка и образа жизни (размышления об	
	38
$Bеряскина\ B.\ \Pi.\ $ Философские практики управления собой и другими: от истории к современности	41
<i>Доронина С. Г.</i> Исторические формы философской практики	43
	45
	48
	50
	52
	55
	57
Мартемьянов К. А. М. Хайдеггер и С.Л. Франк: концептуализация «подлинности»	
	58
·	59
	62
	64
	67
Помников О.И. Аристотелевский идеал справедливости и проблема его актуальности для	
	69
Попова В.С. Этический смысл философских представлений о времени в концепциях	
	72
	74
Pыскельдиева Л.Т. О философской персонологии	75

Савинцев В.И. Темпоральные идеи Г.И. Челпанова в контексте междисциплинарного подхода	
в философии	78
Сидорина Т.Ю. Кайтанджян М.Г. Прагматизм социального теоретизирования: безусловный	
базовый доход в условиях социального экстремума	80
Шаповал В. Н. Философия в современном мире: поиски и альтернативы	82
Шестова Е. А. Экономика смысла: Мерло-Понти и Деррида о займе и возмещении смысла	84
Шиян Т.А. Философия как практика: от античности до наших дней	86
Шульга Е. Н. Эволюция образа философского знания: от мудреца к эксперту	88
Философия как экспертиза: интеллектуальный вкус и критический анализ	
Богданова М.А. О месте и роли философии в современной когнитивной науке	92
Величко С. А. Танатологический дискурс философии психоанализа	94
Глебов О. А. Мотивации в создании искусственного интеллекта	99
Данилов А.Н. Данилова Н.Н. Суверенитет в контексте цифровизации (этический аспект)	101
Измайлова А.М. Университет 3.0: формально-философский анализ	102
Кудрин С.К. Анализ философии В. Декомба: основные критические точки	105
Коротченко Ю.М. Идеология как объект аналитической критики	108
	110
	114
* * *	116
• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	118
Мачкарина О. Д. Польза или вред от философии: раздумья философов в XIX веке	110
	122
	125
	128
Перов В.Ю. Онлайн вызовы профессиональной этике в высшем образовании: основные	
	131
Попова О.В. Этико-правовые проблемы коммодификации биоматериалов в процессе	
	133
Пороховская Т.И. О моральных предпосылках философского познания	135
Прошкин А.С. «Шпионящий капитализм» как глобальная угроза информационной	
	138
	139
Хамидов А.А. Аргумент к незнанию как презумптивный аргумент в практической	
	141
<i>Цокало О.А.</i> Аргументативные паттерны современного публичного дискурса	144
Шамарина Е.Т. Трансцендентальный метод Германа Когена в эпистемологии и философии	
	147
Шиян А. А. Критическая функция трансцендентализма: метод сомнения и работа с	
предпосылками	150
Философия как схола: нищета компетенции	
$Bасюков B. \ Л. \ $ Зачем философия не философам: феномен философии науки	153
Волкова А.А. Экология как коммуникация: философия в борьбе за природу	155
Герасимова И.А. Медитации на тему вузовского образования	157
Глушко Е.С. Событийное бытие: образование и философия	159
Демин И.В. Самопозиционирование философии в контексте современного образования	
(является ли философия «гуманитарной дисциплиной»?)	162
Зарапин О.В. Философский диалог в оптике дейксиса: действие vs. функция	165
Камарали А.В. Образование и информационная цивилизация	167
Малюкова О. В. Философия компетентности и юридическое образование	169

Минченко Т. П. Универсализм пайдейи vs компетентностный подход в преподавании
философии: история и современность
Сироткина Л.С. Аксиологический потенциал философского образования и субъективный ценностный статус философии
Смирнова О.М. Экзистенциальные и социальные риски высшего образования в контексте
когнитивной эволюции
Сомова О.А. Понимание языка философии: от логоса к коммуникации
$Tumos\ A.\ B.\ $ Философия и математика: диалектика как методологическая основа исследования
метаматематики в ее развитии
Черноскутов Ю.Ю. С.А.Богомолов и С.И.Поварнин о логике отношений
Владимир Соловьев в философии религии и религиовелении
Антипов Г. А. Владимир Соловьёв о русской идее
Безик Ю. И. Русские религиозно-философские идеи как необходимый элемент религиозного
воспитания военнослужащих русской императорской армии в годы первой мировой войны
Грива О.А. Долговечность мифа о Софии: от ретроспекций к современным аномалиям
Давыдов И.П. Соловьев, гностицизм и юнгианство
Дидык М. А. К вопросу о полифоническом философском шедевре В.С. Соловьева
Едошина И.А. Владимир Соловьёв и Павел Флоренский как два типа христианских философов
Карабыков А.В. Актуальность Соловьёва
Клепикова Ю. В. Преемственность идей В. Соловьева в работах Г. Федотова, их связь и
значении для русского человека и национальной государственности
Козарезова О.О. Триадология о. Сергия Булгакова в контексте философии всеединства
Наука, общество, власть – история и современность
Артамонов Д.С. Тихонова С.В. Философия в онлайне: публичная самопрезентация философа и зоны обмена
Душина С.А. К вопросу об управлении наукой: коммерциализация университета
Куприянов В. А. К вопросу о роли философии в организации научных академий раннего Нового
времени: организационные проекты Г.В.Ф. Лейбница
U алимов $C.B.$ Советско-французское сотрудничество в области биологии во второй половине 1960-х — 1970-е гг
<i>Шиповалова Л. В.</i> Медиасреда публичной научной коммуникации или Кто управляет посредством цифровых технологий?
<i>Юсупова Т.И.</i> взгляд из 1920-х гг. на проблемы современной академической науки (письмо
С.Ф. Ольденбурга к А.И. Рыкову)

ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ КРЕАТИВНЫХ ТЕХНИК В КАЧЕСТВЕ МЕТОДОВ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Бакулов В. Д.

Доктор философских наук, профессор. Южный федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия)

Силенко С. В.

Кандидат философских наук, доцент, Южный федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия)

УДК 165.02

В статье рассматриваются проблемы методологии научного познания на современном этапе развития науки. Современная наука ориентирована на интенсивное производство нового знания, в связи с чем, актуальным становится исследование эвристических методов и креативных техник применительно к научному творчеству. В статье обосновывается идея о необходимости сочетания выводов философско-науковедческого подхода и методологии креативного мышления, разработанной в различных сферах социальной деятельности, для осмысления потенциала научного творчества.

Ключевые слова: наука, научное творчество, методология, эвристические методы, креативные техники, научное познание, креативное мышление.

THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR APPLYING CREATIVE TECHNIQUES AS METHODS OF SCIENTIFIC CREATIVITY

Bakulov V. D.

DSc in Philosophy, Prof. South Federal University (Rostov-on-Don. Russia)

Silenko S. V.

PhD in Philosophy, Assoc. Prof. South Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

The article deals with the problems of methodology of scientific knowledge at the present stage of science development. Modern science is focused on the intensive production of new knowledge, and therefore the study of heuristic methods and creative techniques in science becomes relevant. The article substantiates the idea that it is necessary to combine the conclusions of the philosophical and scientific approach and the methodology of creative thinking developed in various spheres of public activity to understand the potential of scientific creativity.

Keywords: science, scientific creativity, methodology, heuristic methods, creative techniques, scientific knowledge, creative thinking.

Наука выступает важнейшей производительной силой общества, определяет образ жизни современного человека, противоречивую динамику его эволюции, представляющей собой парадоксальное сочетание процессов глобализации, глокализации и, – как реакции на

них, – принимающие массовый характер антиглобалистские движения и действия в сфере политики, культуры, экономики и искусства. Вместе с тем изучение и самоизучение самой науки совершенно недостаточно, совершенно не соответствуют той роли и месту, которое она занимает. К числу проблем, ставших наиболее актуальными на современном этапе развития науки, относятся проблемы разработки методологии научного познания соответствующей этому этапу, а также центральной для этой методологии проблематики, связанной с выявлением методов и средств научного творчества, экспликации его механизмов.

Анализ методологии научного познания в целом и научного творчества в особенности, имеет важное и актуальное значение как для науковедческой саморефлексии науки, так и для исследования такой ее сущностной характерологической черты как необходимость постоянного прироста и развития системы необходимых обществу знаний. Это развитие и прирост невозможны без сознательного применения эвристических методов научного познания. Однако именно в этой сфере непонятого и неисследованного гораздо больше, чем изученного. Само творчество, выступая сущностной спецификацией природы самого человека, важнейшей характеристикой его личности, определяющим детерминантом его деятельности по преобразованию мира и собственного саморазвития, должно выступать определяющим, предметообразующим компонентом всех наук о человеке, и в первую очередь истории, психологии, культурологии, экономики, права и других. Однако этого нет.

В этом контексте становится понятным отсутствие прорыва в разработке методологии научного творчества, без которого оказывается невозможным решение, диктуемых современным этапом развития общества, задач интенсификации прироста научного знания и управления его эффективностью 1 .

Вместе с тем мы можем видеть развивающуюся параллельно области методологии научного творчества сферу разработки методов творческого мышления и специальных креативных техник в таких областях как бизнес, управление, дизайн, реклама и других. При всей разнородности этих сфер, разработка творческого мышления в них вышла на достаточно высокий уровень развития, а ряд креативных техник, прежде всего таких, как бисоциация, синектика, шесть мыслительных колпаков и другие, продвинулись далеко за пределы их прикладного применения и используются в самых различных сферах деятельности. Среди разработчиков креативных техник появился ряд теоретиков, концептуальные положения которых относительно характера и природы творческого мышления получили всемирное признание (Эдвард де Боно, Майкл Микалко, Артур Кестлер и др.).

В этом плане вполне приемлемой становится идея о фокусировке исследовательского внимания методологов науки на основных достижениях сферы развития креативного мышления, изучении разрабатываемых креативных техник, постановке вопроса о возможности их применения как эвристических методов научного познания.

Правомерность такой постановки вопроса становится очевидной, если мы обратимся к научному наследию крупного отечественного науковеда М. К. Петрова, одного из ярких представителей Ростовской науковедческой школы. А конкретно к тем работам, в которых анализируются идеи уникального британского писателя и общественного деятеля Артура Кестлера.

Прежде всего речь идет об осмыслении М. К. Петровым концепции творческой деятельности А. Кестлера, понимаемой как процесс «биосоциации», в контексте исследования научного творчества.

Наиболее репрезентативной с точки зрения М. К. Петрова и ряда других крупных исследователей науки и научного творчества (Дж. Бернала, П. Л. Капицы) является проблема соотношения индивидуального и коллективного аспектов творческой деятельности в науке. С одной стороны, создание принципиально нового знания в науке требует индивидуального творческого поиска, но, с другой стороны, научная деятельность, будучи интерсубъективной

7

¹ Из числа фундаментальных работ вышедших в настоящее время и непосредственно посвященных разработке методологии научного творчества, мы можем указать лишь на монографию А.С. Майданова «Методология научного творчества» (М.: Издательство ЛКИ, 2008).

по своей сути, нуждается в согласовании интересов отдельных исследователей с целями, стоящими перед обществом в целом и с теми требованиями, которые предъявляются научным сообществом к методологии и результатам научного исследования. Это означает, что в научном творчестве присутствует сложное, диалектическое сочетание личностного и социального интересов, обусловливающее необходимость создания адекватной этой задаче «питательной среды», благодаря которой становится возможным решение главной задачи научной деятельности – производства нового знания. Как писал М. К. Петров: «Эта общность и единство в оценке решающей роли личного начала, яркой индивидуальности, необычной мысли, нетрадиционных задач и нетрадиционного подхода к их решению, как раз и образует, как нам кажется, ключ к пониманию интимных механизмов научного творчества, который можно было бы в первом приближении определить как кумуляцию разномыслия» [1, с. 145].

Концепт «кумуляция разномыслия» является очень важным для понимания сущности и специфики научного творчества, т.к. именно здесь фиксируется единство индивидуального и коллективного, выступающее как результат индивидуальных творческих исканий без повторов и плагиата, и синтез принципиально нового знания с учетом достижений современников и предшественников, происходит своего рода «вписывание» индивидуальных достижений в научную традицию, чем достигается эффект кумуляции научного знания.

Список литературы

1. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1992. – с. 145.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС АФФЕКТИВНОЙ РЕАКЦИИ НА ВООБРАЖАЕМЫЙ (СФАНТАЗИРОВАННЫЙ) ПРЕДМЕТ В РАБОТАХ Э. ГУССЕРЛЯ И Ж.-П. САРТРА

Дрожецкая Е. В.

Аспирант Философского факультета Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

УДК 1/14 (091), 165.62

В докладе исследуется феноменологический статус аффективной реакции на воображаемый (сфантазированный) предмет с точки зрения Э. Гуссерля как основателя феноменологии и Ж.-П. Сартра, вдохновленного его идеями и создавшего собственную «феноменологическую психологию воображения». Мы отталкиваемся от утверждения Гуссерля о существующей между актами восприятия и фантазии корреляции, выражающейся в том, что в фантазии может быть апперципирован тот же самый предмет, что и в восприятии. Также Гуссерль справедливо отмечает, что в случае, когда мы «живем» и растворяемся в актах фантазии, на ее основе возникает комплексные акты, и в частности акты аффективные, в которых мы эмоционально затронуты сфантазированным предметом. Возникает вопрос о том, могут ли такие чувства иметь аналогичную природу, что и чувства, направленные на предмет восприятия. На этот вопрос и Гуссерль, и Сартр дают отрицательный ответ, содержание которого вкупе с соответствующей аргументацией и будет исследовано в докладе.

Ключевые слова: воображение, фантазия, аффективные акты, модифицированные акты, квазичувства, модус «как если бы».

PHENOMENOLOGICAL STATUS OF AN AFFECTIVE REACTION TO AN IMAGINED (PHANTASIED) OBJECT IN E. HUSSERL'S AND J.-P. SARTRE'S WORKS

Drozhetskaya E. V.

post-graduate student of the Department of Philosophy Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Husserl points out parallelism between the perceptual and imaginative (phantasy) intentions, namely that to every perceptual presentation a phantasy presentation corresponds in which the same object is intended nearly in the same manner. Both a perceptual act and an act of phantasy may found complex acts of the similar sorts, including affective ones. As Husserl marks further one can either exercise a phantasying act without living in it or carry out the act of phantasy intuiting the phantasied object as if it were actual and were present «in person». In the latter case considering the supposed similarity of perceptual and phantasied objects a question arises whether emotions aimed at them may be exactly the same. Both Husserl and Sartre give a negative response which I am going to examine.

Keywords: imagination, phantasy, affective acts, modified feelings, quasi-feelings, «as if it were» mode.

Как отмечает Э. Гуссерль в V «Логическом исследовании», одна и та же интенциональная предметность может подразумеваться различными способами, с помощью разных типологических свойств актов сознания (Aktcharakteren) [1, с. 375–377, 390]. Иными словами, одна и та же материя (абстрактный момент интенционального содержания акта сознания, обеспечивающий его первичное отношение к предметному) может сочетаться с любым качеством акта. Развивая эту мысль, Гуссерль указывает, что, в частности, возможно наличие общей материи для актов восприятия и фантазии – постольку, поскольку предмет схватывается в них «как тот же самый» [1, с. 382]. В лекциях 1904–1905 гг. (текст №1 из HUA XXIII) Гуссерль уточняет свой тезис, утверждая, что существует корреляция между актами восприятия и воображения (фантазии), заключающаяся в том, что каждому представлению в восприятии корреспондирует представление в воображении (фантазии), в котором интенция направлена на тот же самый предмет и даже тем же самым способом [2, с. 17]. В свою очередь, и акт восприятия, и акт воображения (фантазии) могут стать фундирующими для комплексных актов, и в том числе для актов аффективных 1. Как отмечает Гуссерль, наряду с актами фантазии, в которых наше внимание² не направлено на сфантазированный предмет, он не является объектом нашего интереса и играет второстепенную роль, возможны такие акты фантазии, в которых мы «живем», вследствие чего созерцаем сфантазированный предмет так, как если бы он был действительным и присутствовал здесь и сейчас «во плоти» [2, с. 411–412]. В последнем случае, учитывая предполагаемую возможность тождества воспринятого и сфантазированного предметов, а также возможность быть поглощенным предметом фантазии до «самозабвения» [2, с. 412], возникает вопрос, могут ли обладать чувства, направленные на сфантазированный предмет, той же природой, что и чувства по отношению к воспринятому предмету.

Здесь мы сталкиваемся с рядом трудностей. Как утверждает Гуссерль, «сфера фантазии полностью отделена от сферы восприятия» [2, с. 53]. В соответствии с гуссерлианской схемой конституирования предмета реельное содержание акта восприятия включает в себя чувственные данные — ощущения, которые апперципируются указанным актом, тогда как в акте фантазии подвергаются интерпретации иные чувственные данные — фантазмы [2, с. 11].

¹ Необходимо отметить четкое различение, проводимое Гуссерлем между ощущениями – неинтенциональным содержанием сознания, нуждающимся для конституирования предмета в «одушевлении» апперципирующим актом, и чувствами, являющимися интенциональным актами.

² О функции внимания см. § 19 V «Логического исследования» [1, с. 370–375].

Основное отличие, однако, в способах апперцепции чувственных данных: восприятие, которое Гуссерль считает парадигмальным актом сознания, представляет собой приведение к присутствию предмета «во плоти», встречу с вещью, тогда как фантазия является всего лишь репрезентацией (репродукцией) отсутствующего предмета. В случае фантазии предмет является нам не в собственном смысле этого слова, а лишь в модусе «как если бы», что позволяет Гуссерлю называть его «квазивидимым» предметом [2, с. 50]. Вопреки высказанной ранее позиции о возможном тождестве предмета восприятия и фантазии Гуссерль приходит к выводу, что «сфантазированный предмет, рассматриваемый в точности так, как он является в фантазии, нельзя найти ни в каком восприятии» [2, с. 63].

Однако вывод о том, что ни ощущения и фантазмы, ни поле воспринятого и сфантазированного не могут сосуществовать, еще не дает права утверждать, что и чувство, направленное на сфантазированный предмет, не может иметь тождественную природу с чувством, направленным на предмет восприятия. Будет неверным предположить, что чувство, направленное на сфантазированный предмет, всегда с необходимостью является объектом рефлексии. Напротив, как отмечают и Гуссерль, и его учитель Брентано, рефлексия, направленная на чувства, неизбежно модифицирует их. Также было бы ошибочно смешивать чувство, направленное на сфантазированный предмет, со сфантазированным чувством [2, с. 457]. В то же время Гуссерль полагает, что репрезентативная природа сфантазированного предмета, его данность в модусе «как если бы» определяет и сущность связанного с ним чувства — данное чувство является модифицированным, поскольку не связано с действительностью, направлено не на актуальный (присутствующий), а на отсутствующий предмет. Гуссерль именует его «квазичувством», чтобы подчеркнуть его различие с действительным чувством, которое может быть направлено только на предмет, данный в восприятии [2, с. 411, 446—447].

Эту сущностную особенность чувства, направленного на сфантазированный предмет, исследует Сартр [3]. Он также настаивает на том, что реальность и воображаемое являются радикально различными сферами. При этом обе этих сферы для Сартра обладают своего рода целокупностью, предполагающей, что индекс реальности либо, соответственно, ирреальности имеют не только сами предметы, но и все проявления душевной жизни. Так, в реальном мире равно реальны и аффективные, и волевые акты, тогда как в воображаемом мире все акты сознания являются воображаемыми, однако не в буквальном смысле. Согласно теории Сартра аффективность участвует в самом конституировании образа, в связи с чем необходимо различать данную ситуацию с аффективной реакцией на воображаемый предмет. Чувство, возникшее по отношению к воспринятому предмету, непрерывно обогащается в силу того, что предмет никогда не является целиком и изолированно, а лишь во внутреннем и внешнем горизонте потенциального опыта. Поскольку в восприятии происходит встреча с предметом в его подлинности, «во плоти», он обладает изменчивостью и всегда ускользает от окончательной определенности, что и поддерживает существование чувства. В отличие от реального, воображаемый предмет, по мнению Сартра, конституируется с участием аффективности и знания и не может предложить чувству ничего нового помимо того, что мы сами туда вложили, пусть и на дорефлексивном уровне. Поэтому возникшее по отношению к воображаемому предмету чувство не может быть реальным, оно поддерживается усилием воли и постепенно вырождается, становясь все более абстрактным.

- 1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с.
- 2. Husserl E. Phantasy, image consciousness, and memory (1898-1925). Dordrecht: Springer, 2005. 723 p.
- 3. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.

ОПЫТ ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕКРАСНОГО В ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТАХ

Жалдак Н. Н.

Кандидат философских наук, доцент Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

УДК 101.1

Автор философского произведения может в создании содержания и формы философского текста стремиться к прекрасному как представлению того, что соответствует интересам эффективной деятельности, и апеллировать к такому чувству у читателя, использовать стихотворное изложение философии.

Ключевые слова: философское произведение, прекрасное, соответствующее интересам, философия в стихах.

Прекрасное определим как формы, соответствующие интересам независимо от материализации этих форм. Интерес же состоит в достижении каждого нужного результата минимальными затратами ресурсов, чтобы всеми затратами получить максимальные результаты. Поэтому прекрасное содержит в себе экстремальное отношение получаемому к затраченному. Прекрасен круг с максимумом площади на минимум периметра, прекрасна снежинка с минимумом площади на максимум периметра и т.д. Стремление к прекрасному характерно для всего, что я делал в философии.

К нему автор стремился, выбирая и создавая средства языка, методы и систему философской практической логики естественного языка, а также устройства, которыми эти методы реализуются. Средства языка выбирались наиболее экономичные и близкие к обычным. Чем меньшей затратой сил, средств и времени решается задача, тем красивее решение. Построение линейно-табличных диаграмм существования превращения таблицы истинности с буквенным или цифровым заполнением в линейнотабличную диаграмму с заменой обозначения «истина» отрезком горизонтальной линии, обозначения «ложь» – пробелом. По горизонтали глазу намного легче соотносить множества столбцов, выделяемые линиями, смежные отрезки слились в один, пробел избавил от написания не менее, чем от половины обозначений «истина» и «ложь». В результате, для задач с пятью переменными оказалось нужным вычертить до 20 раз меньше отрезков линий, чем написать обозначений «истина» и «ложь» в равнозначной таблице истинности. Для студентов, которые освоили вычислительные методы решения задач логики высказываний, решение тех же задач за 4-5 минут построением линейно-табличной диаграммы кажется, как выразился коллега Н. Н. Непейвода, «фокусом». Это – эстетическая оценка диаграмм логиком. Принятые в логике предикатов обозначения существования и несуществования ∃ и ¬∃ заменил привычными для таблиц и более простыми знаками «+», «· ·» и «-» на диаграммах и получил линейно-табличные диаграммы существования (ЛТДС). Запись на языке таких диаграмм для передачи одной и той же информации в общем многократно лаконичнее, чем запись на символическом языке логики предикатов. Лаконичные совмещенные диаграммы, на которых для каждой формы суждения выделялась своя строка, позволили построить самые полные диаграммные словари логических форм суждений с двумя терминами. В таком словаре значения простых атрибутивных сужений о предметах изображали 148 диаграмм со всеми возможными комбинациями экзистенциальных обозначений, которые были переведены на естественный язык. Словарь открылся для любых экзистенциальных квантификаторов естественного языка для суждений о предметах. В этом словаре только 8 строк соответствовало формам суждения, охваченным традиционной силлогистикой: 4 формы, умноженные на 2 в связи с перестановкой терминов в каждой форме. Были показана возможность снять шоры, которые мешали замечать логикам те квантификаторы, которые каждым нормальным человеком усваивались с детства и употреблялись в деловой речи и в деловых документах. Были построены аналогичные с таким же набором диаграмм словари логических форм суждений о случаях, о местах, о временах и о точках зрения. Алгоритмизированный метод построения и проверки рассуждений из всех форм суждений каждого из этих словарей был изложен на трех страницах. Освоив и применив этот несложный метод, нормальный человек может строить и проверять такие рассуждения (умозаключения, доказательства и объяснения) с несколькими посылками и со сложными терминами в посылках, каких не может никакими другими методами. Число всех возможных форм этих рассуждений становится неопределенно большим по сравнению с 256 модусами традиционных силлогизмов.

Во всех моих диаграммных методах мелкая моторика пальцев связывается с изображением множеств, отношений между множествами и операций с множествами, т.е. с выполнением логических операций. Для обучения детей предложил делать это на пальцах и предложит переходной метод пальцевых диаграмм. На линейно-табличных диаграммах для детей заменил скучные символы занимательными рисунками, где уместно изобразительное искусство.

Стремясь к прекрасному, а точнее к соответствию интересам людей, старался давать студентам практичную философию, которую назвал практической не в том смысле, что это только моральная философия, а в том, что ее текст должен содержать знания необходимые для осуществления интересов эффективной практики в любой сфере. Конструктивно критически извлекал такое знание из трудов философов, в том числе и из трудов классиков марксизма, выявляя в их трудах противоречия и противоречивые, а значит, неосуществимые утверждения и цели. Сама собой вставала задача давать такое философское знание в форме, соответствующей интересам студентов, чтобы оно само переживалось как прекрасное. По примеру Тита Лукреция Кара использовал для передачи философских знаний стихотворную форму. Протестуя против дебилизации населения, которая соответствует формированию члена общества потребления, который не умствует и которому «можно впарить всё, что угодно», напечатал затем дополнял и переиздавал сборник «Антидебилизатор (философия в стихах)». Делал в сборнике в качестве художественного введения подборку басен, используя то, что в морали басни содержится одно или более собственно философские высказывания. Позже это введение издал и переиздал отдельно как сборник «Басни философа». Далее приведу фрагменты из басни «Ослиный порядок», полезной для усвоения категории «мера»:

...Строчат же планы и отчёты Все вместо плановой работы... Порядок чтобы увеличить, Отчётность надо ограничить, А тот, кому её всё мало, Доводит дело до развала... Всему хорошему есть мера, И этот случай — для примера.

Собственно философию в стихах издал частично и готовлю к переизданию полностью в виде сборника «Практическая философия в стихах» [1], который по замыслу должен помочь преподавать философию так, чтобы философское знание «ложилось на душу» студентам.

Список литературы

1. Жалдак Н.Н. Практическая философия в стихах. – ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 36 с.

ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК МЕТАФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Золотухина-Аболина Е.В.

Доктор философских наук, профессор Южный федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия)

УДК 101

В статье дается определение метафилософии как самосознания философии и выдвигается несколько тезисов о философии как творческом занятии. Во-первых, автор считает, что философы творцы по определению, поскольку создают оригинальные интеллектуальные миры, находящиеся в постоянном диалоге друг с другом. Во-вторых, источников философского творчества, по мнению автора, является биография философа. И, в-третьих, философское творчество, как и искусство, является прежде всего метафорическим.

Ключевые слова: философия, метафилософия, творчество, индивидуальные интнллектуальные миры, биография, метафора.

PHILOSOPHICAL CREATIVITY AS A METAPHILOSOPHICAL PROBLEM

Zolotukhina-Abolina E. V.

DSc in Philosophy, Prof. South Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

The article defines metaphilosophy as the self-consciousness of philosophy and puts forward several theses about philosophy as a creative activity. First, the author believes that philosophers are creators by definition, since they create original intellectual worlds that are in constant dialogue with each other. Secondly, according to the author, the source of philosophical creativity is the biography of the philosopher. And, third, philosophical creativity, like art, is primarily metaphorical.

Keywords: philosophy, metaphilosophy, creativity, individual spiritual worlds, biography, metaphor.

Загадочный термин «метафилософия» означает не что иное, как обращение философии к себе самой, попытка осмыслить круг собственных проблем, обозреть поле возможных исследований, бесспорно входящих в ареал «философских». Если сама философия – это теоретическое самосознание эпохи, культуры, человечества, то метафилософия самосознание философии. К метафилософской проблематике относятся вопросы о предмете и методе философии, о ее границах, о языке, на котором она говорит, а также многие другие. К такого рода проблематике можно отнести и тему философского творчества, которая не сводится лишь к моменту эстетического в философствовании, но касается самой сути философских занятий. Выскажем несколько тезисов, которых сформулируем метафилософское представление о творческом характере философии.

1. Каждый крупный философ по определению творец, потому что он создает свой духовный и интеллектуальный мир — оригинальную версию реальности с собственным пониманием онтологических, гносеологических, этических и эстетических вопросов. В этом философы близки к выдающимся художникам и писателям, произведения которых, с одной стороны — выражение их личной субъективности, а с другой — реализация некоторого «призыва бытия»: к Моцарту взывает, чтобы воплотиться, «мир Моцарта», к Мольеру — «мир Мольера» (М. Дюфрен). «Мир Гегеля» или «мир Сартра» являют собой еще в большей степени своеобычное видение, потому что касаются предметов трансцендентных и трансцендентальных, непосредственно не проверяемых в эмпирической реальности.

Философия, занятая сложным отношением и взаимопроникновением мира и человека, природы и культуры, сознания и материи, созидает «на пределе возможного» фантастические версии реальности, выступающие как модели действительности, и модели эти вступают нередко в сражение друг с другом, потому что каждая из них — крайняя и «категорически иная» — противоположная другой. Творческий диалог «высекает искры» новых идей.

- 2. Философское творчество во многом проистекает как из личных особенностей философа, так и деталей его биографии. Конечно, оно нередко бывает связано традицией, принятой идеологией, но все-таки оно идет прежде всего из глубин личности, впитывая в себя все впечатления конкретной жизненной истории. Переживания, полученные в разных возрастах и в разных ситуациях, уникальные моменты духовного и душеного развития становятся источником создания философских концепций, категорий, версий мира, его характеристик и оценок. Это особенно заметно в экзистенциальном философствовании, где собственный опыт автора онтологизируется, обобщается, творчески перерабатывается и превращается в описание «реальности как таковой», будь то космос или человеческая коммуникация. Причем, один и тот же сюжет в разном авторском прочтении может получать диаметрально противоположные характеристики: так негативная «воля к жизни» Шопенгауэра, ведущая к одним страданиям, становится у А. Швейцера позитивной «волей к жизни», которая позволяет справляться с трудностями и побеждать. Стоит также заметить, что бурное творчество философа далеко не всегда совпадают с пафосом его эмпирической жизни. Философствование – это нередко результат особого типа духовного опыта (как у всех великих идеалистов от Платона до Гегеля), компенсаторная реакция (как у Ф. Ницше), критика несовершенного человечества (как у Ж.-П. Сартра), построение идеальных моделей человека и общества (как у Э. Фромма) и т.д. То есть, это форма духовной жизни, в значительной степени «параллельная» повседневности. Чаще всего совпадение философского творчества и жизни характерно для подвижников: мистиков (М. Экхарт), революционеров (К. Маркс), героев нравственности (А. Швейцер). «Академические философы» это как правило «мыслители в чистом виде».
- 3. Философское творчество, как и творчество поэтическое, носит в большинстве случаев метафорический характер. Все крупные философские идеи это идеи-метафоры: мир идей, вещь в себе и вещь для нас, абсолютная идея, коммунизм как «подлинная история человечества», архетипы, симулякры и т.д. Заявляя о себе как о логико-понятийном мышлении, философия, заглядывающая за грань посюстороннего и обыденного, стоит в своем познавательном порыве на границе категориального и образного. Она гораздо в большей степени эссеистика, свободное философствование и неумеренное фантазирование, чем ей хотелось бы об этом думать при сравнении себя со строго научными доказательными. Даже скрупулезное копание в собственном понятийном аппарате приводит ее не к научности, похожей на научность эмпирически проверяемой физики, а к таинственному растворению самого предмета разговора. Но, возможно, именно эта укореннность в «идее помимо ее форм», способность к смысловой трансформации делает философию интересной и востребованной в современном мире также как в прежние века.

ФЕНОМЕН БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Красова И. Е.

аспирант кафедры философии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк)

УДК 101.1

Анализируются некоторые аспекты феномена бессознательного в современном социально-философском дискурсе. Проанализированы важные составляющие сущности человеческого бытия в контексте бессознательного.

Ключевые слова: сознание, феномен бессознательного, социально-философский дискурс.

PHENOMENON OF THE UNCONSCIOUS: SOCIAL-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Krasova I. E.,

graduate student of the department of philosophy Donetsk National University GOU VPO (Donetsk)

Some aspects of the phenomenon of the unconscious in modern socio-philosophical discourse are analyzed. The important components of the essence of human being in an unconscious state are analyzed.

Keywords: consciousness, the phenomenon of the unconscious, socio-philosophical discourse.

Поиск ответов на извечные вопросы человеческого существования побуждает ко все новым попыткам их актуализации, осмысление того разнообразного единства, которым и является мир.

Такая потребность возникает вследствие безграничной проблематичности и обеспокоенности бытия человека. И прежде всего это касается общих принципов, методологий и конкретных направлений исследований. Сформированные в рамках европейской рационалистической традиции подходы, могут полно, адекватно отразить и оценить роль и место человека, общества и универсума, характер, масштабы, способы и возможные перспективы их взаимодействия в современных условиях. Именно поэтому в новом тысячелетии имеет место до этого невиданный методологический плюрализм, который отчасти восполняет вакуум в философском постижении проблем.

Целью исследования является рассмотрение проблемных моментов и раскрытие сущности феномена бессознательного в его социально-философском дискурсе

Открытие бессознательного и различных его проявлений, стало одним из этапов глобальной переориентации огромного массива философской проблематики, который определяет неоспоримую значимость сознания, и его компонентов в жизни индивида и общества. Конституирование в сознании человека противоположного начала, способствовало формированию нового поля взаимодействия этих восходящих элементов его бытия.

Анализ этапов формирования научной парадигмы бессознательного позволяет отделить ряд имеющихся исследовательских направлений, одно из которых посвящено разработке ее общефилософских аспектов. Так у Г. Лейбница, бессознательное, которое находится за чертой осознанных представлений, рассматривалось как наиболее низкая форма душевной деятельности [2]. Кант интерпретировал сознание как проявление трансцендентального единства апперцепции. С этих позиций рассматривал волю как восходящий принцип жизни и Шопенгауэр. А в работе «Философия бессознательного» Н. Гартман поднял бессознательное в ранг универсального начала и основы бытия. Освещая проблему сознательного и бессознательного, Кант говорит о существовании у человека «темных представлений», не контролируемых разумом. И сфера этих неизвестных представлений гораздо больше, чем сфера сознания. Согласно взглядам Канта, на «карте нашей души освещено только немного пунктов», но если бы некая высшая сила неожиданно осенила всю карту, то «перед нашими глазами открылось бы как бы полмира» [2]. Таким образом, кантовская философская антропология ставит вопрос о сознательном и бессознательном. Фихте также признает бессознательный момент познания, которым является интуиция. Но он, в отличие от Канта, подчеркивает нечувствительный характер интуиции, в которой он понимает «созерцание, и причем не чувственное созерцание, которое касается чистой деятельности, которая представляет собой нечто, не неподвижно находится, а постоянно в движении, не бытие, а жизнь» [1]. Подобно Фихте, Шеллинг использует понятие интеллектуальной интуиции для решения диалектического противоречия абсолютного и относительного, бесконечного и конечного, природы и сознания, необходимости и свободы. По его мнению, интеллектуальная интуиция — это интеллект субъекта, который связывает в акте своего созерцания бытия и деятельности. При этом интеллект рассматривается как способность, которая становится и развивается и которая присуща только отдельным, особым лицам, избранникам духа [3]. Именно такое познание и есть интеллектуальной интуицией. Шеллинг утверждает, что заранее установленная гармония между идеальным и реальным мирами является результатом как сознательной, так и бессознательной деятельности. При этом имеется в виду, что «деятельность, в нашем поведении есть сознательно продуктивной, в своем порождении мира продуктивна бессознательно» [3]. Познание Шеллинг сводит к самосозерцанию или припоминанию всего пути, бессознательно пройденного интеллектом. Историю познания он превращает в мистический процесс самопогружения, самоуглубления бессознательного духа в свою бессознательную предысторию.

Становление медико-психологического направления исследования бессознательного связывается с его характеристикой как динамического процесса И. Ф. Гербартом в 1824 году. Исследование французской психиатрической школы (Ф.-А. Месмер, Ж. Шарко, Л. Шерток, Р. де Соссюр, Ж. Лакан и др.) позволили определить отличную от сознательной психическую патологическую деятельность, которая не осознается пациентом, продолжение этой линии связано с трудами Фрейда, который установил непосредственные связи между невротическими симптомами и бессознательными переживаниями травматического характера. Он объяснял бессознательное как могущественное, антагонистическое сознание, иррациональную силу. С психоаналитическим учением Фрейда связано возникновение целого ряда школ: от ортодоксальных до еретических (Адлер, В. Райх, О. Ранк, Э. Фромм, К. Хорни, Х. Том, Х. Кёхелю).

Фундаментальной теоретической основой исследования являются труды одного из «отступников» фрейдовского психоанализа К. Юнга, творчество которого не только аккумулирует итоги общефилософских и психиатрических научных исследований, но и содержит широкий спектр мифологического, историко-этнографического, философскомистического иззотерического материала. Это позволило ему оформить результаты своих обобщений в основательную культурологическую концепцию, в которой связывается роль архетипов бессознательного с процессами культурного становления индивида и общества, одновременно отличается от постоянных, выдержанных в классических рационалистических бессознательные детерминанты обшественной взглядов Непосредственно с этим связан и авторский анализ теоретических разработок юнгианских учеников и последователей, а также многочисленных интерпретаторов его творчества (Е. Самуелс, Л. Стейн – школа развития в аналитической психологии; Дж. Хендерсен, М.-Л. фон Франц, И. Якоби, А. Яффе, Дж. А. Холл, Г. Адлер, Э. Нойман – классическая школа в аналитической психологии; Дж. Хиллман – архетипическая школа в аналитической психологии; К. Кереньи, Е. Росси, Е. Гловер, Р. Хобсон,, Д. Шпир, Ст. Гроф, А.Р. Джонсон, Ч. Райкрофт, Р. Моаканин и др.). Особо следует отметить исследования американского психолога-аналитика происхождения В. Одайника, который наиболее близко подошел к осознанию социальной проблематики творческого наследия К. Юнга.

Итак, проблема бессознательного как феномена, вопрос его происхождения и определения границ бытия является одной из центральных в современной философии и психологии в виду того, что человек является единственным существом, которое осознает себя, в частности через рефлексию феномена бессознательного.

Список литературы

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Научное издание. Монография. Самара: «Изд-во «Универс-групп», 2006. – 348 с.

- 2. Альбуханова-Славская К.А. Принципы субъекта в концепции С.Л.Рубинштейна: очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. 490 с.
- 3. Гейзенберг В. Физика и философия. И: Наука, 1989. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GEJZENBERG/physicsandphilosophy.txt (дата обращения: 22.06.20)
- 4. Мельник Л.Г. Тайны развития. Сумы: Университетская книга, 2005 378 с.
- 5. Минделл А. Процессуальный ум. Беловодье, 2011. 346 с.
- 6. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. Часть 2: Новая физика, необходимая для понимания разума. г. Ижевск: Институт компьютерных исследований. 2005. 352 с.
- 7. Психология и новые идеалы научности (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №5. С. 3–43; URL: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/psychsci0.htm (дата обращения: 22.06.20)
- 8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. 238 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА И ОНТОЛОГИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Лумпова М. А.

Аспирант I года обучения.

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

УДК 141.2

Рассматриваются методологические основания для построения междисциплинарной модели исследования реальности. Данная программа реализуется в контексте «визуальных исследований» и предполагает погружение в проблематику онтологии субъекта. Исследование человека включает в себя рассмотрение воздействия визуального опыта на способ существования. Исходные положения анализа базируются на философии В. Беньямина и Э. Блоха. Развитие идеи об «объективно возможном» и «реально возможном» позволяет сформировать новую диалектическую модель времени. Рассматривается перспективный путь исследования социокультурной реальности в контексте бытия «процессуального субъекта».

Ключевые слова: реальность, визуальный поворот, онтология субъективности, хронотоп присутствия, временность, Э. Блох.

THE STUDY OF REALITY IN THE CONTEXT OF VISUAL ROTATION AND THE ONTOLOGY OF SUBJECTIVITY.

Lumpova M. A.

Post-graduate student
Perm State National Research University
(Perm, Russia)

The methodological grounds for constructing an interdisciplinary model of reality research are considered. This program is implemented in the context of "visual research" and involves immersion in the subject's ontology. Human research involves examining the impact of visual experience on a way of being. The starting points of the analysis are based on the philosophy of V. Benjamin and E. Bloch. The development of the idea of "objectively possible" and "really possible" allows us to form a new dialectical model of time. The perspective way of studying socio-cultural reality in the context of being a "procedural subject" is considered.

Keywords: reality, visual turn, ontology of subjectivity, chronotope of presence, temporality, E. Bloch.

Современная философская мысль невероятно разнообразна. Проблемы человеческого присутствия раскрываются с позиций, зачастую противоположных друг другу, что обусловлено чередой поворотов, изменивших ландшафт гуманитарного знания. Характеризуя современную мысль, философы говорят об *искусстве*, событии и субъекте [1], указывая на то, что исследование конкретных художественных практик позволит подступиться к проблеме реальности во всей полноте.

Сегодня актуальным пространством исследования становится сфера визуального опыта, обуславливающего модальности человеческого присутствия. Мы предлагаем поставить вопрос о реальности в контексте онтологии субъективности (хронотопа присутствия). Подчеркнём, что исследование человека предполагает здесь рассмотрение воздействия визуального опыта на исторический способ его существования.

Данная программа предполагает междисциплинарное исследование: эвристическим потенциалом обладают работы представителей «визуальных исследований», предлагающих пересмотреть традиционные представления о визуальном образе [2; 3]. Решая общеметодологическую задачу исследования реальности в дискурсе постнеклассической диалектической мысли, мы исходим из сочетания двух аспектов: а) проблемы временности присутствия и б) опыта видения, взаимосвязанных «диалектической спайкой», обуславливающей способ укорененности в настоящем времени присутствия.

Реализация данного исследования возможна на основании последовательного развития концептов В. Беньямина и Э. Блоха, предложивших пересмотреть традиционное понимание истории. Так Беньямин указывает на то, что процессуальность истории должна быть обнаружена не в виде реконструирования прошлого, но как его конструирование. Заявленный, но не законченный Беньямином проект мы предлагаем развить в русле философии Э. Блоха, его концептуального различия между «объективно возможным» и «реально возможным» прошлым [4]. Объективно возможное представляет собой ожидаемое, прогнозируемое возможное, то, что могло произойти. Реально возможное, это то, что не могло произойти в прошлом как конкретный факт, но то, что может быть реализовано лишь в процессе конструирования прошлого в настоящем (определяя тем самым его бытийный статус). На основании данного различения выстроена авторская диалектическая модель временности бытия человека, раскрывающая внутреннюю опосредованность конструирования реальности субъектом (в процессе взаимодействия с миром визуальных образов). Бытие человека обусловлено незавершенностью мира и представляет собой проективный ассамбляж; сотворение реальности может быть прояснено посредствам двухшаговой модели рецепции визуального художественного образа.

Исходя из понимания непредикативной формы визуального опыта, имеет смысл рассмотреть проблему реальности в контексте «процессуального субъекта», реализующего внеязыковые формы самоидентификации в мире визуальных образов. Такой подход может стать основанием для постижения социокультурной реальности, в которую погружён современный человек.

- 1. Бадью А. Манифест философии. СПб: Machina, 2003. 184 с.
- 2. Elkins J., Frank G., Manghani S. Farewell to Visual Studies. The Pennsylvania State University Press, 2015. 286 p.
- 3. Митчел У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 240 с.
- 4. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991 С. 49–78.

ДИАЛОГ ЗАПАД-ВОСТОК: ВОЗМОЖНОСТЬ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Люрья Н.А.

доктор философских наук, Томский государственный педагогический университет (г. Томск, Россия)

УДК 008.001.8+316.3 ББК 71.05+87

В статье обосновывается положение о том, что в условиях коммуникации, взаимосвязи культур, и их открытости возможно найти то общее, что их объединяет и что взаимопонимание возможно. Для этого анализируются такие сферы общественной жизни, как религиозная, образовательная, экономическая. В религии происходит осознание общности содержания священных текстов, В образовании общность культур проявляется в том, что западное образование все больше использует методы, восточной практики, активизируя не только не только разум. интеллект, но и внерациональные качества субъектов образования; заимствуются методы из непосредственной жизни — (индивидуализация, игра, проекты, медитация и др.). То же самое характерно и для экономики.

Ключевые слова: Западная культура, Восточная культура, менталитет, религия, образование, экономика.

West-East dialogue: the possibility of mutual understanding

Lyurya N.A.

Doctor of Philosophical Science Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

The article substantiates the position that in the conditions of communication, interaction of cultures, and their openness, it is possible to find the common thing that unites them and that mutual understanding is possible. For this purpose, such spheres of public life as religious, educational, and economic are analyzed. In religion, there is an awareness of the common content of sacred texts, in education, the commonality of cultures is manifested in the fact that Western education is increasingly using the methods used in Eastern practice, activating not only the mind. intelligence, but also the extra-rational qualities of the subjects of education; methods are borrowed from direct life – (individualization, play, projects, meditation, etc.), the same is true for the economy.

Keywords: Western culture, Eastern culture, mentality, religion, education, economy.

Современная глобализация неизбежно ведет к необходимости адекватного понимания существующих проблем мира у самых различных культур и народов. Анализ диалога Восток-Запад проводится путем поиска единого содержания в менталитетах двух типов отношений к реальности этих общественных групп. Цель — показать, что процесс сближения разных культурных общностей на основе осознания нерефлектируемых качеств их менталитетов и принятия «другого», происходит в настоящее время в самых различных областях общественной жизни. Западный менталитет ориентирован на интенсивную деятельность по обеспечению своей материальной жизни. Отсюда — развитая рациональность и активное отношение ко всем процессам материального мира, убеждение в приоритете разумного, интеллектуального отношения к действительности. Восточная ментальность, благодаря и природным условиям, и традициям имеет, в основном, созерцательный характер, В ее основе лежит убеждение в ограниченности интеллекта, разума, ума, которая может быть преодолена выходом за его (ума) рамки, убеждение в возможности выйти за пределы наличного бытия, которая достигается духовной практикой (медитацией и др.), которая позволяет осуществить

потенциальные возможности человека быть в единстве с космической Божественной силой и обрести осуществление всех своих желаний.

Общие точки взаимодействия двух культур

Религиозная сфера жизни общества

Запад. Все более заинтересованное внимание к ценностям Востока. Различные Гуру Восточных стран знакомят западного человека с совершенно иным мировоззрением, образом жизни, ценностями. Значительное влияние на мировоззрение западного человека оказали найденные в середине 20 го века гностические Апокрифические Евангелия, содержащие ранние высказывания Иисуса Христа и переданные его учениками без последующих искажений [1]. Найденные апокрифы заставили пересмотреть священные тексты, которые в плане взаимопонимания. нашли много общего, что раньше преподносилось в церкви как ересь. Это касается идеи спасения, идеи самопознания в Евангелии от Филиппа [1, с. 274–296], идеи перевоплощения душ Апокриф Иоанна [1, с. 197–217]. Прослеживается единство содержания священных текстах различных конфессий. Так, во всех них говорится о необходимости познания себя как духовного существа, о правилах жизни в обществе как о Вселенских законах (Дхарма, 10 заповедей, восьмеричных круг Будды и т.л.). Во всех говорится о суде поступков каждого человека, во время Страшного Суда (Апокалипсиса), о цели жизни на земле (Спасение, Воскресение, Второе рождение, рождение в Духе).

Проявление общности менталитетов в социальной жизни

Образование

Современное системное образование качественно меняется, интегрируясь с другими институтами, приобретая непрерывный характер, что приводит как к изменению самих субъектов образовательного процесса, так и к модификации его методов. Педагог должен обладать знанием не только профессией, но и знанием человеческой природы (как Гуру в восточной терминологии). От учащегося требуется не только рациональное знание, интеллект, но и интерес, желание учиться, способность к раскрытию и использование внутренних резервов, волевые качества, творчество (аналогия ученика в религиозной практике). Методы: приближены к непосредственной жизни, используя нерациональные факторы – игра, проекты, диалог, коммуникация, интеграция с профессиональными институтами и пр. Геймификация – это использование игровых техник и элементов в неигровых ситуациях. Эдьютейнмент» (от англ.: education – обучение и entertainment – развлечение).

Экономика.

Бизнес, базирующийся прежде всего на рациональности для своего существования и развития, так же меняет свои приоритеты и методы, используя внерациональные качества участников сообщества для достижения успехов своей деятельности. Например, при выборе кадров на работу в различные компании в Америке человек тестируется не только на когнитивный интеллект (IQ), но и на эмоциональный (EQ). В настоящее время внедряется идея о том, что наибольшее влияние на успех предприятия оказывают те качества, которые свойственны высоконравственным, святым людям, что позволяет ввести новые тесты на глубинный (духовный) (SQ) интеллект [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что сближение культур происходит во всех сферах обшественной жизни.

- 1. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. 336 с.
- 2. Вигглсворс С. Глубинный интеллект: жизненно важные множественные интеллекты для успешного лидерства в 21-м веке. URL: https://integraltranslations.wordpress.com/2012/11/26/wigglesworth-deepintelligence (дата обращения: 20.06.2020)

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФИИ И В ЯЗЫКЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБЩЕНИЯ¹

Майленова Ф.Г.

доктор философских наук Институт философии РАН (Москва, Россия)

Обращение философии к метафоре, учитывая особое место и роль философии в познании мира, неслучайно и закономерно. Философское знание, пронзая собой всю жизнь человека, общества и мира в целом, выходит за пределы обыденности; такой масштаб понимания и осмысления требует для себя соответствующих средств выражения, особого языка. Метафоричность, будучи неизменным атрибутом философской мысли начиная с античности, тем не менее долгое время воспринималась больше как естественное свойство речи или художественный приём. Однако современная философия, претерпевшая в ХХвеке тягу к эссеизации, возродила традицию метафоризации философских терминов, которые невозможно понять, пользуясь лишь логическими, рациональными методами. Сближение философии не только с литературой, а также с психологией и другими естественными науками (в последние годы - нейронауками), стремление философов современности постичь тайны человеческой психики и мышления, которые невозможно исследовать и описать без стремления шагнуть в пространство бессознательного, возродили использование метафоры как способа познания и языка междисциплинарного общения.

Ключевые слова: метафора, философия, междисциплинарное общение, язык образов, проблема понимания, трансфер знания, терапевтическая метафора.

THE ROLE OF METAPHOR IN PHILOSOPHY AND THE LANGUAGE OF INTERDISCIPLINARY COMMUNICATION

Maylenova F.G.

Doctor of philosophical science, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Appealing to the metaphor of philosophy, given the special place and role of philosophy in the knowledge of the world, is natural and not occasional. Philosophical knowledge, piercing the whole life of man, society and the world, goes beyond the ordinary. This scale of understanding and reflection requires appropriate means of expression, a special language. Metaphoricity, being a constant attribute of philosophical thought since antiquity, has long been perceived more as a natural property of speech or as art method. However, contemporary philosophy, which underwent a craving for essayization in the 20th century, revived the tradition of metaphorizing philosophical terms that cannot be understood using only logical, rational methods. The convergence of philosophy not only with literature, but also with psychology and other natural sciences (in recent years - neurosciences), the intention of modern philosophers to comprehend the secrets of the human psyche and thinking, which cannot be explored and described without the attempt to step into the space of the unconscious, revived the use of metaphor as a means of cognition and language of interdisciplinary communication.

Keywords: metaphor, language of images, philosophy, interdisciplinary communication, problem of understanding, transfer of knowledge, therapeutic metaphor.

¹ Подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-011-01082

Исследование метафоры как феномена языка имеет давнюю традицию, которая восходит ещё к эпохе античности и проходит красной нитью во всей истории философии, литературы и науки до наших дней. Аристотель в «Поэтике» определял метафору как необычное словоупотребление, подчёркивая, что использование необычных слов делает речь благородной. При этом Аристотель называет благородным такое словесное выражение, которое повествует о сложных, важных, глубоких вещах, будучи к тому же интересным, раскрывающим индивидуальность говорящего. Также необходимо иметь в виду, что такая речь не может быть обращённой ко всем и понята всеми, так как ее глубинный смысл не лежит на поверхности и зачастую требует особого умения и усилий при его постижении. Философское знание, пронзая собой всю жизнь человека, общества и мира в целом, выходит за пределы обыденности; такой масштаб понимания и осмысления требует для себя соответствующих средств выражения, особого языка. Необходимость передачи сложнейших оттенков не только мысли, но также и интуиции, движения познания между рациональным и чувственным, восхождения философской мысли от поверхностного к глубинному слою сущего должно быть отражено в соответствующем, также в многоуровневом, углубляющемся словесном образе. Таким образом, обращение философии к метафоре не случайно и закономерно, учитывая также особое место и роль философии в познании мира. Проблема отношения философии к науке часто всплывает в современных дискуссиях о статусе философии и философов, и споры о том, является ли философия наукой в строгом смысле этого слова, каковы ее критерии истинности, теснейшим образом связаны с вопросом о ее языке, способах высказывания философских идей.

Существует обширнейшая литература, благодаря которой можно отследить изменение роли метафоры в науке, философии и языкознании. Близость языка художественных и философских текстов прослеживается прежде всего в использовании метафор, каковые используются в философии не только для лучшей передачи эмоций, переживаний, настроений автора и героев художественных произведений, а для более глубокой и точной передачи смысла.

Метафоричность, будучи неизменным атрибутом философской мысли, тем не менее долгое время воспринималась больше как естественное свойство речи или художественный приём, поэтому на первом месте стоят работы, в которых основное внимание уделяется лингвистическому анализу метафоры (Н.Д. Арутюнова, Ю.М. Лотмана, А.К. Авеличев, А. Ричардс, Кассирер Э., Дж. Миллер и др.), так что это явление наиболее полно исследуется именно на стыке философии и лингвистики.

Между тем наметившаяся в XX веке тяга к эссеизации философских текстов возродила традицию метафоризации философских терминов, которые невозможно понять, пользуясь лишь логическими, рациональными методами. Сближение философии не только с литературой, а также с психологией, стремление философов современности постичь тайны человеческой психики и мышления, которые невозможно исследовать и описать без стремления шагнуть в пространство бессознательного, возродили использование метафоры как способа познания (М. Блэк, Д. Дэвидсон, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева, Н. С. Автономова, М. Мамардашвили, М. Эпитейн, В.В. Бибихин, П. Рикер, Д. Лакофф, X. Ортеги-и-Гассет и др.), и автор полагает логичным исследовать также метафоры в психологии.

Появление психотерапии как лечения словом наполнило идею метафоры новыми смыслами. Современная гипнотерапия, основоположником которой является М. Эриксон, использует метафоры как расшифрованные послания, чтобы вступить в диалог с бессознательным клиентов. Таким образом новый гипноз не стремится расшифровывать послания бессознательно, а напротив, изобретает способы отправлять послания, зашифрованные в виде метафорических историй, в глубины человеческой психики, которые пока ещё не поддаются познанию и рациональному описанию, используя образы или истории как метафоры психологических проблем, с которыми терапевт работает, когда клиент находится в состоянии гипнотического транса. Терапевтическая функция метафоры доказана

на практике, однако научное исследование этого феномена только начинается, так как современные методы исследования мозга с помощью новейших магнитных томографов, позволяющие объяснить терапевтические свойства транса, появились совсем недавно и литература об этих явлениях в основном о медицинских фактах, философское осмысление которых ждёт своего часа.

Цель автора: исследовать, каким образом метафора встроена в язык, коммуникацию, в само бытие человека в целом и какова ее роль как в научном и философском познании, так и в самопознании. Исследование вопроса о роли и месте метафоры в философии способствует прояснению более фундаментального вопроса о соотношении философии, науки и художественного творчества. Также невозможно переоценить роль метафоры в пространстве междисциплинарного общения, успешность которого зависит прежде всего взаимопонимания и возможности вообразить и понять сложнейшие вещи, зачастую совершенно новые для участников. Трансфер подобных новых знаний, которых не было в личном опыте, возможен лишь при наличии языка, интуитивно понятного каждому участнику диалога - образного языка предметного мира. Способность думать, понимать, размышлять и взаимодействовать невозможна без метафор, и современная коммуникация, в которой зачастую сплетаются воедино философия, поэзия, психология, религия, научное и обыденное знание, возможность метафоры создавать мосты между незнанием и знанием, логикой и интуицией, рацио и творчеством, позволяет нам получить более цельное представление о человеке и его месте в современном мире.

ЭСТЕТИЗМ КАК ОСОБЕННОСТЬ УТОПИЧЕСКОГО МИРООТНОШЕНИЯ¹

Малыхина Ю.Ю.

магистрант Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

УДК 101.1

Целью доклада является исследование рефлексии автора утопий и антиутопий как текста о будущем. Отправной точкой анализа является положение, согласно которому утопический образ будущего корениться в критическом отношении автора к современному состоянию общества. С одной стороны, автор утопий ориентирован в будущее, с другой стороны, он хочет изменить настоящее. Утопический дискурс образуется путем выделения в настоящем сторон и тенденций, вселяющих страх или надежду на продолжения их в будущем.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, эстетизм, настоящее, образ будущего, мироотношение.

AESTHETICISM AS A FEATURE OF UTOPIAN WORLD RELATIONS

Malykhina Y.Y.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

The purpose of the report is to study the reflection of the author of utopias and dystopias as a text about the future. The starting point of the analysis is the position that the utopian image of the future is rooted in the author's critical attitude to the modern state of society. On the one hand, the

_

 $^{^{1}}$ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

author of utopias is oriented towards the future, on the other hand, he wants to change the present. Utopian discourse is formed by highlighting in the present the sides and trends that inspire fear or hope for their continuation in the future.

Keywords: utopia, dystopia, aestheticism, present, image of the future, world relations.

К. Поппер в своем труде «Открытое общество и его враги» впервые сформулировал идею эстетизма. Под эстетизмом он понимал разновидность утопизма, выражающего желание построить лучший мир, «который не просто немного лучше или рациональнее нашего, но который свободен от всех его безобразий: не стеганка, кое-как залатанная одежка, а совершенно новое одеяние – действительно *прекрасный новый мир* (курсив мой. – *М.Ю.*)» [1, с. 207]. Идея эстетизма была развита П.П. Гайденко в работе «Трагедия эстетизма. О миросозерцании Серена Кьеркегора». П. Гайденко подошла к проблеме не просто с художественной стороны, где под эстетизмом понимали определенное направление в искусстве, а с философской, в рамках которой эстетизм понимался как определенное отношение к действительности — созерцательное [2]. При таком отношении мир всегда не таков, каким должен быть.

Эстетизм утопического текста состоит в том, что его создание происходит как бы «на границе» литературы, науки и философии. В итоге образуется утопический текст, в котором понятия сознательно, а не вынужденно уступают место образам, в частности, посредством метафор, с помощью которых автор может выражать философские идеи или проекты идеального устройства государства или социальный идеал. По мнению Э.В. Ильенкова, идеал «есть идея в ее "внешнем", зримом и осязаемом, воплощении, в ее чувственно-предметном бытии... Поэтому идеал должен быть найден и осуществлен здесь, на земле» [3, с. 118]. Идеал может выражаться не только в утопическом дискурсе. В текстах практической философии он дан через языковой маркер «должного», но если идеал (особенно социальный) находит свое выражение в образах, когда должное заменяется будущим, которое можно представить, то тогда мы получаем текст-утопию. Само долженствование, которое в утопии заменено образом, дополняется, например, социальной конкретикой «здесь и сейчас» (настоящего) для того, чтобы показать идеал того, «что должно быть».

Автор утопии для нас — это создатель *образа будущего*, но создатель весьма специфичный. Он создает образ того, что «должно быть», по его мнению, но само долженствование не подвергает рефлексии, а заменяет его *картиной* будущего, не размышляет о нем, а представляет его. Однако его образы связаны с его отношением к миру. Для автора утопий социальная действительность, в которой он сам проживает — всегда не идеальна, не такая, какая «должна быть». Утопия, которую он создает, является рефлексивным продуктом работы разума, вырастающая из недовольства наличного бытия, она же становится основанием для его критики. Мир утопии построен на признании её эмпирического отсутствия, но самое главное, на утверждении ее необходимости как *«лучшего будущего»*.

Утопически-философские образы мира рисуют не просто желательное будущее, а непременно действенное будущее, которое выступает как моральный проект. Утопический текст претендует на то, чтобы занять место текстов практической философии, при этом в нем происходит подмена идеи должного на представления о будущем. Мы полагаем, что именно поэтому утопия в наши дни так популярна и порой может заменить философию в процессе формирования мировоззрения и мироотношения. Автор утопий создает образ того, что «должно быть», но само долженствование, заменяется картиной будущего, то есть долженствование превращается в другую модальность.

До XX века, авторы утопии рисовали нам образ лучшего устройства мира и общества, с начала Научно-технической революции авторы отказались от «восторженной интонации» и на место ей пришла ненависть к спокойной, однородной жизни. Ярче всего это выразил О. Хаксли в своем «О дивном новом мире», где монолог «Гамлета» выразил всю ненависть к такому будущему: «Я требую права быть несчастным», право на старость, право иметь сифилис или рак, голодать, права быть вшивым, права жить в постоянной тревоге перед

завтрашним днем» [4, с. 265]. Разве можем мы представить, что житель государства Платона или человек из отдалённого острова Т. Мора о таком даже задумывался и тем более требовал? Конечно, нет. Время в классической утопии застыло, оно не движется вперед, будущее там уже наступило и теперь настало время вечного настоящего. В антиутопиях все наоборот, время постоянно движется, и чаще всего герой книги (антиутопии) яростно этому движению противостоит. Утописту прошлого показалась бы абсурдным сама постановка данной проблемы, например, счастлив ли отдельный индивид в этом прекрасном и совершенном мире. А ведь будущее у О. Хаксли действительно по всем канонам классической утопии прекрасно: в этом мире преодолен страх перед смертью, а, следовательно, нет и страдания, в этом мире нет насилия и, следовательно, войн. В этом новом мире, по словам одного из героя, «нужно было выбирать между счастьем и тем, что древние называли высоким искусством. Мы пожертвовали искусством» [там же, с. 242]. Новый мир жертвует искусством, которое не приносит никакой пользы для социума, во имя всеобщего счастья. О. Хаксли в течение жизни неоднократно рефлексировал предложенное им мироустройство и его вероятность воплощения в будущем. С 1940-х годах «новый мир» трактовался как один из возможных сценариев грядущего, писатель анализировал достижения науки на тот период и реальную политическую практику, пришел к выводу, что такой мир реален в будущем.

Современное утопическое творчество – это критические статьи и книги о сегодняшней действительности, как бы увиденной из завтрашнего дня, это вопрошание «от имени будущего», где проявляется эстетистское мироотношение автора. Можно сравнить творчество утопистов с архитекторами: архитектор, создавая свой проект должен считаться с материалом, которым располагает (для автора утопий – это прошлое), со средствами, которые у него имеются (для утописта - это настоящее) и в конечном итоге, архитектор создает модель будущего здания (для автора утопии – это будущее). А то, каким предстанет здание, смоделированное архитектором (ведь он его не строит!) в глазах его современников и потомков, зависит уже не от него. В случае утопии, утопист моделирует образ будущего, но не влияет на него. Даже если утопии и оказывают влияние на исторический ход событий, то не вследствие реализма самой картины показанного будущего, а именно благодаря воздействию образа грядущего, противопоставляя его действительному, на массы. В итоге, автор утопий не проецирует на будущее определенных тенденций настоящего (это делают футурологи), а наоборот, разрывает с ними связь и всегда противопоставляет свой образ будущего современности. Тексты утопий всегда пишутся как альтернатива настоящему, которая всегда не такая, какая должна быть. «Раз возможен идеальный мир, то реальный мир, мир в том состоянии, в котором он находится, оказывается под вопросом и должен быть поставлен под вопрос» [5, с. 15] – пишет А.А. Гусейнов. С одной стороны, автор утопий ориентирован в будущее, с другой стороны, он хочет изменить настоящее положение дел, это и создает основу утопического дискурса.

- 1. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. M., 1992. 448 с.
- 2. Гайденко П. П. Трагедия эстетизма. M., 1970. 197 с.
- 3. Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии // Вопросы философии, 1962. №10. С. 118–129.
- 4. Хаксли О. О дивный новый мир // Антиутопии XX века. М.: Книжная палата, 1989. 284 с.
- Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2013. № 3(67). С. 11–16

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ШИЗОАНАЛИЗА ДЕЛЕЗА И ГВАТТАРИ: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

Петрин И.С.

Магистр факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 101.1

Статья посвящена проблеме статуса шизоанализа Делеза и Гваттари. Рассматривается критический потенциал шизоанализа в отношении психоаналитических практик. Исследуются онтологические основания более широкого и востребованного в современной материалистической критике эстетического измерения шизоанализа. Делается вывод о специфике шизоанализа искусства, который рассматривается как форма research-creation, направленная на раскрытие имманентной произведению искусства и генеративной для мысли экологии художественной техники.

Ключевые слова: шизоанализ, эстетика, research-creation, практика.

AESTHETIC DIMENSION OF DELEUZE AND GUATTARI'S SCHIZOANALYSIS: BETWEEN THEORY AND PRACTICE

Petrin I. S.

St. Petersburg University
The Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College)
(St. Petersburg, Russia)

The article is devoted to the problem of the status of Deleuze and Guattari's schizoanalysis. The critical potential of schizoanalysis in relation to psychoanalytic strategies is examined. The article researches ontological basis of a wider and more demanded in modern materialistic criticism aesthetic dimension of schizoanalysis. The conclusion is drawn about the specifics of schizoanalysis of art, which is considered as a form of research-creation aimed at revealing the ecology of art technique that is immanent to an artwork and generative for thought.

Keywords: schizoanalysis, aesthetics, research-creation, practice.

В философии Делеза и Гваттари шизоанализ возникает как альтернатива фрейдистскому психоанализу с его аксиоматикой эдипального театра и одновременно как критика основополагающей для семиотики дуальности «означающее — означаемое» и репрезентативной модели мышления. В этом отношении шизофреник оказывается формой социально-политического протеста [1], на теоретическом уровне означающей смещение акцентов с метафизики Эдипа на трансцендентальное бессознательное машинерии желания, с принципа удвоения реальности (универсализация желания в символическом) на принцип симуляции, с проблемы смысла на проблему прагматики и способов использования [2].

Однако разработка шизоанализа затрагивает куда более широкий пласт вопросов. Шизоанализ в современных спекулятивных стратегиях и «art-based» исследованиях рассматривается как критическая практика в отношении метода как такового. И, в частности, как производство метода в условиях конкретной материальности и процессуальности взаимодействия с произведениями искусства. Иными словами, данный подход направлен на создание трансверсальных, «гибридных» моделей дискурса (с точки зрения как терминологического аппарата, составленного из гетерогенных концептов, так и методологической матрицы, отличающейся от классических представлениях о методе как таковом), раскрывающих особенность связи между теорией и практикой-техникой в литературе, визуальном искусстве, кино [3]. Это не значит, что шизоанализ превращается в

не-метод, в лишенную всякого основания ситуативную композицию понятий и частную интерпретацию. Напротив, в качестве аналитической позиции шизоанализа можно выделить, во-первых, принципы имманентизма и трансцендентального эмпиризма и, во-вторых, онтологию произведения искусства. Эту совокупность принципов и последующий механизм их практической реализации мы будем называть эстетическим измерением шизоанализа, актуализирующим проблему статуса данной программы, которая, по замечаниям многих исследователей, оказывается скорее практикой и прагматикой, нежели теорией.

Итак, в первую очередь в философии Делеза осуществляется пересмотр субъектобъектной схемы мышления, что имеет принципиальное значение для дальнейшей реализации шизоанализа как практики. Оппозиция субъекта и объекта привилегированное положение универсальной схемы. Пределом оказываются самотождественный субъект и его внешнее, объект, но формирующие субъективность и осуществляющие индивидуацию материи силы и интенсивности. Эти силы и интенсивности составляют мир различия и становления, материальный план имманентности. Центром эстетики в данном случае является ощущение как «место» индивидуации и событие реального опыта [4]. Отсюда задачей трансцендентального эмпиризма и, следовательно, шизоанализа оказывается исследование доиндивидуального поля процессов индивидуации и практика освобождения пространства дестратифицированных и детерриторизованных интенсивностей и множеств [5]. В эстетическом измерении фигура шизофреника становится утверждением новой формы «опыта материи как дестратифицированной и интенсивной» [6].

Данные положения уточняют онтологический статус произведения искусства. Искусство рассматривается не как определенный в своих границах объект, удваивающий реальность, но как режим существования материи, как совокупность машинных ассамбляжей в неразличимости искусственного и естественного. Иными словами, произведение искусства оказывается критической, нерепрезентативной практикой соединения материальных потоков [6] и траекторией экспериментирования и режимом креативности, которые конституируются бессубъектным имманентным полем [7].

Практическое воплощение принципов эстетической программы шизоанализа при рассмотрении искусства превращает его в форму «research-creation», где анализирующий занимает позицию между теорией и практикой, на «срезе потока реляционного взаимодействия» [7], в том смысле, в котором метод, направленный на обоснование опыта, необходимо оформляет части становящегося материального потока в виде статической организации категорий. Однако этот срез осуществляется в трасверсальной позиции, где художественная практика оказывается генеративной в отношении мысли. Таким образом, шизоанализ стремится к раскрытию имманентной процессу создания искусства экологии художественной техники, и становится практикой и прагматикой дестратификации стратифицированной материи, спекулятивным вмешательством в производство новой реальности [6].

- 1. Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
- 2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
- 3. Deleuze and the schizoanalysis of Visual Art / edited by Ian Buchanan and Lorna Collins. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2014. 298 p.
- 4. Володина А. Эстетика Жиля Делёза: к имманентистской философии искусства // Философия и культура. 2018. № 3. С. 49-63.
- 5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
- 6. Zepke S. Art as Abstract Machine. Ontology and Aesthetics in Deleuze and Guattari. New York, London : Routledge, 2005. 320 p.
- 7. Manning, E. Against Method // Non-Representational Methodologies: Re-Envisioning Research / Ph. Vannini (ed.). New York, London: Routledge, 2015. P. 52–71.

ДВА ТИПА ФИЛОСОФИИ И ИДЕАЛ УНИВЕРСАЛИЗМА: ОТ МЕТАФИЗИКИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБРАЗНОСТИ

Пигалев А.И.

Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Волгоградский государственный университет, (Волгоград, Россия)

УДК 1(091):130.2

В докладе рассматриваются особенности мышления и изложения, характерные для систематической и наставительной философии, как эти типы философствования были названы Р. Рорти. Они отличаются друг от друга, в общих чертах, своим отношением к философской традиции, так что систематическая философия исходит из постулата, что человек познает сущности, в то время как наставительная философия, будучи намеренно периферийной, скептически относится к цели и подходам систематической философии. Кроме того, если первый тип философии основывается на метафизике как структуре репрезентации вместе с ее требованиями логической строгости, в рамках второго типа философии предполагается, что слова не являются репрезентациями и получают свои значения только от других слов. В результате наставительная философия тяготеет к риторике и прибегает, скорее, к литературной образности, чем к логическому анализу и доказательствам, вследствие чего она не может соответствовать требованиям универсализма. Взаимодействие философии и литературы в наставительной философии рассматривается в ракурсе истории философии как литературы, которая, со временем занимая место метафизики, берет на себя главную роль в упорядочении и ограничении отношений между интерпретативными означающими, которые, как представляется, утратили свои означаемые.

Ключевые слова: философия, метафизика, репрезентация, литература, универсализм

THE TWO TYPES OF PHILOSOPHY AND THE IDEAL OF UNIVERSALISM: FROM METAPHYSICS TO LITERARY FIGURATIONS

Pigalev A. I.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher.

Volgograd State University,

(Volgograd, Russia)

The paper deals with the peculiarities of thinking and exposition that characterize the systematic and the edifying types of philosophy as they were labeled by R. Rorty. Generally, they differ from each other in their attitude to the philosophical tradition, so that the systematic philosophy proceeds from the postulate that man is a knower of essences, while the edifying philosophy, being intentionally peripheral, is sceptical about the goal and the approaches of the systematic one. Besides, whereas the first type of philosophy relies on metaphysics as the representational structure together with its requirements of the logical rigor, the second one believes that words are not representational and take their meanings barely from other words. In the issue, the edifying philosophy gravitates towards the rhetoric and resorts to the literary figurations rather than to logical analysis and reasoning, whereupon it cannot meet the requirements of universalism. The interplay of philosophy and literature in the edifying philosophy is considered from the perspective of the history of philosophy as literature that, eventually taking the place of metaphysics, assumes a dominating role in ordering and limiting the relations between the interpretive signifiers which seem to lose their signifieds.

Keywords: philosophy, metaphysics, literature, representation, universalism

Концепция стилей в философии или, точнее, типов философского мышления уже довольно давно перестала быть предметом горячих дискуссий, перейдя в разряд рабочих гипотез или даже общепризнанных постулатов. Это позволяет, однако, выделять такие типы на основе различных признаков и, тем самым, создавая различные варианты их классификации, демонстрировать их условность. В то же время, классификация такого рода действительно представляют интерес в качестве предмета теоретического анализа, если позиция ее создателя не только обозначена явным образом, но и входит в число теоретических предпосылок этой классификации, пусть даже неосознаваемых. Представляется, что в этом отношении наиболее высоким эвристическим потенциалом обладает проведенное Р. Рорти различие между группами мыслителей, которых он называет, соответственно, «философамисистематиками» и «философами-наставниками» [1, с. 264–266].

Различие подходов этих мыслителей к задачам философии проявляются, в целом, в отношении к некоторому основному руслу, канону, традиции или парадигме, и они классифицируются именно в соответствии с этим признаком. Философы-систематики первоначально выделяют из множества практик одну — познание сущностей, затем превращают ее в парадигму человеческой деятельности и работают в ее границах. Напротив, философы-наставники находятся на периферии систематической философии и, главным образом, выступают против нее, подвергая критике как ее образ человека, так и ее картину мира, и настаивая на том, что язык не имеет репрезентативного характера и берет свои значения отнюдь не из реальности, а из отношений одних слов с другими [1, с. 270–276].

В этом смысле дискурс, создаваемый и поддерживаемый философами-наставниками, не стремится к истине в ее понимании философами-систематиками, изначально и вполне сознательно предполагается выходящим за пределы нормы и действует, используя силу своей непривычности. Точно так же философы-наставники отвергают характерное стремление философов-систематиков к универсализму или, как пишет Рорти, к соизмеримости. Это признание наличия оснований для чего-то общего («соизмеримого») с другими людьми, некоторого нейтрального концептуального каркаса, который обеспечивал бы согласие с ними [1, с. 216]. В сущности, речь идет о вере философов-систематиков в универсализм собственного дискурса, тогда как философы-наставники с большим скепсисом относятся к самой возможности такого универсализма.

При этом, однако, именно философы-наставники проявляют особый интерес к лиминальным состояниям и приграничным областям взаимодействующих культур с тем, чтобы установить связи между «несоизмеримыми» культурами, сохраняя их своеобразие. Возможно и обратное стремление — перетолковать собственное и поэтому понятное знаковое окружение в незнакомых терминах [1, с. 266]. В любом случае систематическая философия не столько полностью отвергается, сколько превращается лишь в один из возможных способов познания сущности, а ее дискурс в силу этого не может считаться универсальным. Этим объясняется и то, что философы-наставники были первыми, кто с одной стороны, в явном виде поставил проблему Другого, а с другой стороны, связал эту проблему с критикой метафизики в качестве средства универсализации посредством стандартной процедуры отнесения какоголибо вида к некоторому роду.

Именно в этой связи особую актуальность приобретает проблема взаимодействия философии и литературы. Философы-систематики ориентированы на логику и доказательность, основывающиеся на метафизике, которая обеспечивает универсализм мышления. Философы-наставники ориентированы на риторику и литературную образность, возможность обеспечения универсализма которыми далеко не очевидна. В основе противопоставления риторики и логики лежит вопрос о соотношении достоверности и вероятности, и если риторика имеет дело с вероятными аргументами, то логика требует, чтобы аргументы были достоверными и, соответственно, универсальными. Это ставит вопрос о самой возможности выражения философского содержания с помощью тяготеющих к риторике, а не к логике литературных жанров — диалога, поэзии, эссе, повествования, афоризмов и др. Однако последний вопрос не является самостоятельным и зависит от

отношений литературы с метафизикой как системой репрезентации и основой того мышления, который считается нормативным философами-систематиками.

Констатация конца метафизики в современной философии ведет к признанию того, что единственной реальностью оказывается воля к власти, которая переходит в волю к воле в качестве собственного истока и основания. Это означает, что именно власть, утратившая связь с обосновывающим и упорядочивающим остовом метафизики, вынуждена исполнять ее роль в ее отсутствие [2]. При ближайшем рассмотрении выясняется, что кроме метафизики, которую, впрочем, можно было бы попытаться восстановить в ее правах, еще одним претендентом на эту роль является литература, особенно в ее поэтической ипостаси, с которой также связывается способность восстановления разрушенной целостности культуры. В итоге возникает осознание того, что метафизика не дана в своей уникальности, а сконструирована. Следовательно, она может рассматриваться лишь как один из вариантов интерпретации рациональной упорядоченности мира [3, с. 656–657].

Значение вещи при таком понимании не может считаться органически присущим ей свойством, а должно всякий раз заново возникать из взаимодействия данной вещи с другими вещами. Соответственно, искусство и, в частности, литература в рамках такой теоретической модели не могут рассматриваться как репрезентация фиксированного трансцендентного означаемого. Как и искусство в целом, литература превращаются в деятельность, результатом которой может быть лишь введение новых означающих, не имеющих, однако, означаемых. В философском дискурсе в рамках такого подхода никакие заранее данные, вечные и неименные означаемые, подобные метафизическим сущностям, также не допускаются. В лучшем случае означаемые могут считаться лишь «следами» [4, с 198–200], которые не могут быть репрезентированы и служат основой для множественных независимых друг от друга интерпретаций, число которых ничем не ограничено.

Поскольку в этих условиях философский дискурс не предполагает существование объединяющей трансцендентной структуры в качестве означаемого, он неизбежно приобретает черты литературного. Обнаружение объединяющей трансцендентной структуры в разрозненных и изменчивых фрагментах опыта или их соотнесение с ней позволило бы включить их в процесс обобщающей репрезентации, способной придать им устойчивое универсальное значение. Однако в новых условиях философский дискурс может сводить такую структуру лишь к некоторому нормативному принципу, упорядочивающему и ограничивающему взаимодействие интерпретативных означающих. При этом они не имеют означаемых и не зависят друг от друга, существуя в качестве множества неустранимых различий [3, с. 661–662]. В результате эстетика философского текста, в котором преобладает литературная образность, приобретает особое значение, но способность соответствующего философского дискурса выражать универсальные истины оказывается под сомнением.

- 1. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997.-320 с.
- 2. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002. Ч. 1. С. 220–248.
- 3. Wolosky S. Religion and Literature: Exegesis, Hermeneutics, Post-Modern Theories // The Palgrave Handbook of Philosophy and Literature. Ed. by B. Stocker and M. Mack. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 645–664.
- 4. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

ЭСТЕТИКА ФИЛОСОФСКОЙ ИГРЫ НОНКОНФОРМИЗМА В АРТ-ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ СРЕДЫ

Сливная З.А.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

УДК 130.2

В статье рассматривается значение эстетики философской игры для раскрытия рефлексивной энергии искусства нонконформизма в синтетических формах дополненной реальности художественного пространства музея. Автор анализирует концепт игры как метафору свободного творчества нонконформизма, лежащую в основе интерпретационного кода, раскрывающего уникальность воображаемых миров. Этот код пронизывает пространство дополненной реальности музея, распахивая перед зрителем метафизическую глубину свободной игры смыслами нонконформизма.

Ключевые слова: философия игры, эстетика игры, нонконформизм, художественный музей, дополненная реальность, культурный код.

AESTHETICS OF THE PHILOSOPHICAL GAME OF NONCONFORMISM IN THE ART SPACE OF THE MODERN MUSEUM ENVIRONMENT

Slivnaya Z.A.

Saratov state university (Saratov, Russia)

The article deals the significance of the aesthetics of the philosophical game for revealing the reflexive energy of nonconformist art in the synthetic forms of augmented reality of the museum's art space. The author analyzes the concept of the game as a metaphor for free creativity of nonconformism, which is the basis of the interpretive code that reveals the uniqueness of imaginary worlds. This code permeates the museum's augmented reality space, opening up the metaphysical depth of free play with nonconformist meanings to the viewer.

Keywords: game philosophy, game aesthetics, nonconformism, art museum, augmented reality, cultural code.

Ключевым событием для истории отечественного нонконформизма является «Бульдозерная выставка», неофициальная выставка художников, разогнанная властями тяжелой техникой 15 сентября 1974 г. на окраине Москвы. Бульдозер, давящий непризнанное искусство. Как отмечает А.В. Малей, нонконформизм, «в широком смысле слова, – это несогласие с господствующим в обществе порядком и на фоне этого активное отстаивание собственных взглядов» [1, с. 90]. В эстетике оппозиционное мышление вело активный поиск средств создания нового культурного пространства, противостоящего утопическому сознанию официальной советской культуры. Показательно, что нонконформизм, не смотря на высокую сложность концептуализации, не знает четкого противопоставления массового и элитарного искусства. Так, например, С.А. Пушкин рассматривает массовую культуру как ключевой фактор развития нонконформизма, считая его источниками комиксы и компьютерные игры [2]. Протестная сущность нонконформизма задает доминирование аксиологического и критического пафоса в его философском основании, созвучную исканиям французского экзистенциализма с его чаянием свободы, путь к которой лежит через освобождение сознания от воздействия мира предметов, от власти социальных институтов, от претензий другого человека, от тошноты [3]. Художественный нонконформизм, изгнанный из подцензурного публичного пространства выставок, музеев и галерей, нивелировал иерархии и приближался к деконструктивизму постмодерна в своем подпольном андеграудном бытии. Нонконформизм не только выражал энергию протеста, но избегал чистого отрицания в творческих прорывах и радикальных инновациях.

Задача «возвращения» нонконформизма в пространство культуры и философской рефлексии не исчерпывается бинарной логикой реабилитации. Вернуть нонконформизм массам можно только через раскрытие его рефлексивной энергии в адекватных синтетических формах. Эту миссию музей «АZ» (московский музей Анатолия Зверева) реализует через создание дополненной реальности вокруг произведений художников нонконформистов, обеспечивающей глубину и интерактивность зрительского восприятия. Применение цифровых технологий для создания эстетической среды, технологий 3D-съемки, цифровой анимации и мультимедиа необходимо не только для включения и погружения посетителей в произведения художников-нонконформистов, но и разработку сложной системы кросскультурного полилога гениальных художников, режиссеров, поэтов и писателей. Ее основой выступает творческий поиск семиозиса, обеспечивающего сближение литературы, кинематографа и живописи на основе конструирования новых культурных кодов.

Особую роль в этом контексте приобретает концептуализация их наследия, выявление, обнажение и акцентирование ключевых философских понятий их творчества. Наиболее значимым из последних является концепт игры. Согласно известному афоризму А. Зверева из рукописного «Трактата о шашках», мир существует лишь в воображении и вне его. Игра – основа продуктивной работы воображения, и в искусстве Зверева жизнь часто предстает как самая масштабная форма игры. Человек как мера всех вещей продуцирует анаграммы из смыслов, событий, упований. Человек играющий становится свободным творцом, для которого искусство – и цель, и, одновременно, средство. Игра является объединяющей силой, способной интегрировать в полифоническое целое разноплановое творчество представленных в экспозиции музея художников нонконформистов. И именно она становится тем универсальным кодом, благодаря которому раскрывается уникальность их воображаемых миров. Владимир Немухин использовал в качестве сквозного философского сюжета своих картин метафору карточной игры, Дмитрий Краснопевцев как мастер игры в бисер играл метафизическими натюрмортами, Анатолий Зверев практиковал бесконечные игры с первобытным пространством и Фортуной, Платон Инфанте подхватывает эти игры и трансформирует их в перекройку виртуального пространства. Этот код пронизывает пространство дополненной реальности музея, распахивая перед зрителем метафизическую глубину свободной игры смыслами нонконформизма.

Список литературы:

- 1. Малей А.В. Витебский «Квадрат» и нонконформизм как генезис современной постсоветской культуры // Искусство и культура. 2014. № 2(14). С. 89–94.
- 2. Пушкин С.А. Нонконформизм и комикс-реальность: проблема взаимообусловленности // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. №4. С. 19–24.
- 3. Неганов Ф.М., Яруллина Л.Х. Нонконформизм и подлинность человеческого существования в концепции Ж.-П. Сартра // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. №4. С. 1490–1493

ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЭСТЕТИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Юдина М. Е.

Кандидат философских наук, доцент РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М.Губкина (Москва, Россия)

УДК 101

Предпринята попытка рассмотреть соотношение философского и художественного творчества, их синкретический характер. Философское и эстетическое творчество — это проектирование культуры, информирующее о нарождающихся картинах мира, предлагающее новые типы существования и взаимодействия людей.

Ключевые слова: творчество, философия и искусство, синкретизм, образность, эстетизация лействительности, современное искусство.

PHILOSOPHICAL CREATIVITY AND AESTHETICIZATION OF REALITY

Ivdina M. E.

associate professor Gubkin State University (Moscow, Russia)

An attempt is made to consider the correlation of philosophical and artistic creativity, their syncretic nature. Philosophical and aesthetic creativity is the design of culture, informing about emerging pictures of the world, offering new types of existence and interaction of people.

Keywords: creativity, philosophy and art, syncretism, imagery, aestheticization of reality, modern art.

Леонардо да Винчи назвал живопись «истинной философией», а Гегель считал, что «высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический и что истина и благо соединяются родственными узами лишь в красоте». Философ, подобно поэту, должен обладать эстетическим даром. Искусство выглядит как проектирование культуры, нарождающихся предлагающее информирующее o картинах мира, существования, приглашающие партнера К контакту по поводу определенного мироотношения. Философская рефлексия расширяет горизонт видения проблемы, инициирует новые, неординарные подходы к ее исследованию. Философия и искусство традиционно считались духовно-практическими формами освоения действительности. Возникнув из мифа, они были формами синкретического творчества и выполняли культово-религиозные, политические, нравственно-этические, социальные и т.д. функции. Постепенно философия удалялась от этой целостности, превращаясь в различного рода знания о знании, становясь логикой науки. Одновременно, в философии происходило, по мере удаления от мифа, угасание образности. В ней возобладали абстрактные формы познавательной деятельности. Человек заговорил понятиями. Из стремления к мудрости, она превратилась в логику, из Творческая образность, интуитивность и эмоциональность эпистему. кристаллизовались в других областях, например, в искусстве мы видим продолжение той же творческой деятельности, которая некогда была делом философии. Область мысли шире рассудка. Тексты же (произведения) искусства всегда прочитывались и толковались поразному. Поэтому, они стали носителями самых различных функций (политических, идеологических, бытовых и т.д.) Если современное искусство делает ставку на управлении процессами человеческого восприятия и поэтому следует за новациями в области науки и техники (особенно, в области исследования сознания), то тесное сплетение художественных и псевдохудожественных образов становится очевидной. Искусство оказывается деятельностью по исследованию невозможного. Оно делает предметом преодоления все: опыт, запрет, привычки, метод и т.д. Эксперимент в искусстве занимает все больше места, границы общепонятного и общепринятого сдвигаются, на первый план выходит непонятное, абсурдное. В эпоху постмодерна искусство представляет собой безостановочную активность художника (точнее, сообществ художников) в системе массовых коммуникаций и в сетевых взаимодействиях. Эти характерные черты определяются двумя словами: провокационность и акционизм. Массовая культура, прогресс в области передачи информации, появление глобальных средств коммуникаций, а также доминирование клиповой модели сознания, - всё это существенно сказалось и на искусстве, и на философии. По сути, современному человеку сложно спрятаться от пропаганды, предложений различных мнений, а искусство облекает некоторые идеологемы в популярную и модную форму. Как же в такой пестроте человеку прийти к осмыслению своей жизни, своего назначения? Как философское творчество может упорядочить хаос бытия, понять природу целого, возможностей его познания? В истории философской мысли восприятие целого неразрывно было связано с понятием красоты. Традиционно считалось, за сферу прекрасного отвечает искусство, а идеалом науки является истина, однако в наши дни искусство во многом ставится научным, а наука искусством. В эпоху постмодерна философское мышление (творчество) приобретает во многом игровые черты и свойства. Оно стремится к разрушению антигуманных технократических и бюрократических структур, преодолению отчуждения человека. Искусство-игра вписывает художественную практику с ее свободой и творчеством в повседневность, объединяет всех людей в общем деле, утверждает более гуманный тип ценностей в отношениях человека к миру, природе и самому человеку. Но вместе с тем, во многих современных исследованиях эстетизация действительности рассматривается как своеобразное «расширение творческой сферы», которое осуществляется за счёт самых разнообразных форм дизайна. Творческий процесс – это всегда действие, готовность, постоянное обучение. Это внутренняя деятельность человека, заключенная в нем самом, но еще не осознанная им, это поиск новых форм и языка философствования. Ни религия, ни наука с ее специальным языком, не способны объединить мир, но это могут и должны сделать Искусство и Философия, которые на своих вершинах сливаются. Как только меняются некоторые взгляды человечества на мир, тут же становится возможным ощутить легкие колебания в предметах искусства, создаваемых поэтами, художниками, архитекторами и многими другими людьми, которые пожелали не остаться в стороне от труднопостижимого мира философии. Творчество необходимо в Переломные моменты в обществе, в цивилизации. Восприятия человека не успевает за развитием техники, за бешенным машинным прогрессом. Должны начаться процессы «расширения» сознания, его многомерности. Философия, как и искусство, пытается этому научить.

- 1. Бычков В.В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. СПб., 2016. 783 с.
- 2. Герасимова И.А. Искусство и наука видения // Визуальный образ. Опыт междисциплинарного исследования / отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФРАН, 2008. С. 4–9
- 3. Колейчук В. Геометрия космоса. Материалы к выставке Вячеслава Клейчука в Московском Планетарии. «Скай Групп». 2012. 178 с.
- 4. Самохвалова В.И. Красота против энтропии. М.: Наука, 1990. 176 с.
- 5. Юдина М.Е. Реализуем ли гуманитарный идеал научного знания в техническом вузе? // Сборник материалов XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения, 2017». М.: МАКС Пресс, 2017. С. 304–306.

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВО ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ)

Белюрко Н. М.

преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»; аспирант кафедры философии ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет» (Донецк)

УДК 179.9

Рассмотрена проблема нравственности в античной философии. В тезисах проанализированы представления о нравственности как духовном совершенстве личности выдающихся философов Античности и прежде всего Аристотеля, основоположника этики, как науки.

Ключевые слова: нравственность, мораль, этика, поступки, человек

MORALITY AS THE SPIRITUAL PERFECTION OF THE PERSONALITY (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF ANCIENT PHILOSOPHERS)

Belyurko N. M.

State Educational Institution of Higher Professional Education "Donbass Law Academy", State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University" (Donetsk)

The problem of morality in ancient philosophy is considered. The theses analyze the concept of morality as the spiritual perfection of the personality of the outstanding philosophers of Antiquity and, above all, Aristotle, the founder of ethics as a science.

Keywords: morality, morality, ethics, actions, people

Как философская наука, отличная от стихийно формирующегося в процессе социального взаимодействия людей обыденного морального сознания, этика возникла в результате разграничения духовно-теоретической и материально-практической деятельности.

Вопрос о происхождении и развитии морали раскрыт в трех подходах: религиозном, возводящем мораль к божественному началу, натуралистическом, выводящем мораль из законов природы, в частности, биологической эволюции, и социальном, рассматривающем мораль в качестве одного из социальных, социокультурных механизмов, обеспечивающих стабильность общества.

По мнению выдающегося российского философа XXI века, А. А. Гусейнова, возникновение морали произошло не одновременно с возникновением общества, а по мере обособления индивидов внутри него, формирования их особых бытийных статусов, включенных в единый социум, но не совпадающих с ним.

Стремление людей к добродетели, как человеческому совершенству, софисты (в особенности это относится к младшим софистам) понимали как поступки, направленные на улучшение своих дел, получение преимуществ, выгод, что достигается сознательными усилиями людей. Софисты разработали принципы нравственного релятивизма, полагая, что каждый человек имеет собственное представление о счастье, смысле жизни и добродетели.

Они предложили себя обществу как платных учителей, способных научить добродетели, и преуспели в этой деятельности.

Ряд идей софистов, их установка на то, что ценность добродетели заключается не в ней самой, а во внешних выгодах, которые с ней сопряжены, не получили продолжения, более успешной оказалась традиция, начало которой было заложено их критиком, Сократом.

Философ был согласен с софистами в том, что человек с его стремлением к добродетели является основой философских размышлений, но расходился с ними в том, что принимал это стремление максимально серьезно, интеллектуализировал силы, лежащие в основе добродетели. Сократ рассматривал еще только зарождающуюся как науку этику как теоретическую науку, определил добродетель как знание. Философ полагал, что человек, знающий, что такое добродетель, всегда будет действовать подобным образом, добродетельно, как пишет Аристотель: «Сократ исследовал нравственные добродетели и первый пытался давать их общие определения» [2].

На человеческую добродетель, как на предмет, заслуживающий углубленного исследования, первым обратил внимание Аристотель. Философ создал специальную науку, которую назвал этикой, это же название она носит и в настоящее время. Он разработал методологию исследования, адекватную исследуемому предмету, описал базовые принципы, представленные в работах «Никомахова этика», «Эвдемова этика», «Большая этика2 и что самое главное: точно обозначил цель, усмотрев ее не в познании, а в поступках.

Для Аристотеля этика стала не просто новой областью знания, дискутируя с Платоном, философ говорит, что этика имеет дело не с понятием блага самого по себе, а лишь с осуществимым благом, т.е., благом, которое может стать человеческой добродетелью. В отличии от Сократа, Аристотель полагает, что этика изучает не то, что есть добродетель в общем, а что есть добродетель в конкретном случае. Аристотель отрицает влияние на человека судьбы, рока, всего, что снимает с него ответственность за собственные деяния. Человек свободен, и в его власти совершать ли ему добродетельные поступки или порочные, при этом добродетель не дается от природы, а достигается человеком в процессе воспитания и образования, и в этом Аристотель видит главную функцию семьи и государства.

Основной вопрос, который философ решает в своей этике, есть вопрос о том, что есть добродетельность индивида, воплощенная в совершаемых им поступках. Задачей этики и как практики, и как науки является определение того, какое из разных пониманий счастья является истинным и какие качества должен развить в себе индивид и какие совершать действия, чтобы достичь такого состояния. Ответ Аристотеля, заключаетися в том, что для этого индивид должен обладать совершенным, добродетельным нравом [1].

В этических учениях древних философов представления об обязательных нормах рознятся, а каждая этическая система предлагает свое видение высокоморального поведения: Аристипп отождествлял добродетельную разумность с наслаждениями, а Антисфен, наоборот, говорил, что лучше сойти с ума, чем наслаждаться; стоики полагали, что добродетель состоит в том, чтобы со стойкостью делать все, что надлежит; эпикурейцы склонялись к тому, чтобы уклоняться от мира и жить незаметно [3].

Античные философы отождествляли мораль с разумным способом действия и отметили различие практического разума и теоретического, заключающееся в том, что практический разум устанавливает субъективную обоснованность истины и выражается в «верных», правильных мыслях, которые должны реализовываться в соответствующих действиях индивида, а теоретический или научный разум направлен на объективную доказательность и выражен в утверждениях, которые истинны сами по себе и одинаковы для всех.

- 1. Дубко Е.Л. Титов В.А. Идеал, справедливость, счастье. Москва: Изд-во МГУ, 1989. –с. 188.
- 2. Иванов В.Г. История этики Древнего мира. Л.: Изд. ЛГЦ, 1980. с. 297.
- 3. Философия: Учебник / Под ред. проф. О.А. Митрошенкова. М.: Гардарики, 2002. 655 с.

ФИЛОСОФСКАЯ ЭТИКА ЦЕННОСТЕЙ ДИТРИХА ФОН ГИЛЬДЕБРАНДА

Близнеков В. Л.

PhD, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Москва, Российская Федерация)

В докладе анализируется философская этика ценностей Дитриха фон Гильдебранда. Особое внимание уделяется учению Гильдебранда об объективных нравственных ценностях, познание которых возможно только посредством интеллектуальной интуиции. В докладе рассматривается проблема призвания и идеала образа жизни философа в отношении нравственных ценностей на примере образа жизни Сократа.

Ключевые слова: этика, ценность, интуиция, познание, мотивация, поступок.

PHILOSOPHICAL ETHICS OF THE VALUES OF DIETRICH VON HILDEBRAND.

Bliznekov V.L.

PhD in Philosophy, associate professor, Department of Humanities Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), (Moscow, Russia)

The report analyzes the philosophical ethics of the values of Dietrich von Hildebrand. Special attention is paid to Hildebrand's teaching about objective moral values, the knowledge of which is possible only through intellectual intuition. In the report is considered the problem of the vocation and ideal of the philosopher's lifestyle in relation to moral values using the example of Socrates's lifestyle.

Keywords: ethics, value, intuition, cognition, motivation, action.

Дитрих фон Гильдебранд – известный немецкий философ-феноменолог XX века, ученик Эдмунда Гуссерля и Макса Шелера, посвятил значительную часть своего творчества этике. Феноменологическая этика ценностей Гильдебранда противостоит кантианской этике и стремится преодолеть нигилизм Ницше.

убеждению Гильдебранда, философская этика всегда имеет дело непосредственными данностями, и такой первичной реальностью, постигаемой интуитивно, всегда выступает ценность. Он понимает ценность как изначальную, не сводимую ни к чему иному данность, наряду с такими понятиями, как истина, Dasein, сущность, познание, которые могут быть познаны только интуитивно. Любой объект, будучи выделенным из «ничто», обладает ценностью существования и индивидуального бытия. Ценность не может зависеть от субъективного характера человеческой мотивации. Таким образом, ценности являются фундаментальными данностями, которые существуют полностью независимо от воли человека, именно поэтому ценность нельзя отрицать. Главная цель, которую Гильдебранд ставил перед собой в области этики, состояла в чётком и однозначном определении сущности нравственных ценностей.

Мотивация поступка человека, по Гильдебранду, определяется тремя различных категориями значимости и мотивации: объективными нравственными ценностями, объективным благом для человека и субъективными удовольствиями. С позиции иерархии данных категорий у Гильдебранда высшими являются нравственные ценности, прежде всего моральные и религиозные, которые присущи только человеку. Каждая из трех категорий значимости по Гильдебранду: объективные ценности, объективные блага, субъективные удовольствия, независима и несводима друг к другу.

Гильдебранд определяет ценность как: «истинное, действительное, само значимое». Ценность является свойством бытия, источником его качественного многообразия; она объективна, поскольку является подлинным свойством объекта. Ее значимость не предполагает какого-либо отношения к конкретному человеку: в отличие от объективного блага и субъективно приятного для человека ценность значима сама по себе.

Нравственные ценности у Гильдебранда присущи только личностям. Они укоренены в свободе и достоинстве личности. Этика, по убеждению философа, является наукой о нравственных поступках и основана на познании ценностей. Абсолютно достоверное познание ценностей возможно только посредством интеллектуальной интуиции.

Призвание философа и идеал образа жизни философа состоит, по мнению, Гильдебранда, в совершении поступков, основанных на нравственных ценностях и в помощи для развития у других людей интеллектуальной интуиции для познания нравственных ценностей. Классическим примером этической деятельности философа такого рода является образ жизни Сократа.

В своем фундаментальном философском труде «Этика» Гильдебранд методом феноменологического анализа исследует понятия ценности и мотивации, феномены свободы и любви, проблему этического релятивизма, отношение ценности и нравственности, истоки нравственного добра и зла и многие другие этические проблемы.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЛОВУШКЕ ПОРЯДКА И ОБРАЗА ЖИЗНИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ «ВОЙНЫ МИРОВ»)

Бургете Аяла М.Р.

Институт философии РАН. (Москва, Россия)

УДК 167.1

Размышляя о событиях, которые произошли пять столетий назад и изменили траектории развития двух цивилизаций, до того момента абсолютно изолированных друг от друга. На конкретно-историческом материале — цивилизации ацтеков, как создателей собственного образа жизни, делается попытка дать ответы на некоторые вопросы поставленные в преамбуле конференции. А именно: Что представлял собой идеал философии как специфического образа жизни? Какие образы философской жизни имели место в одной из неевропейских культур? Доступны ли они сравнительному и типологическому изучению? Существовали ли в истории культуры представления о круге особенных обязанностей и прав философа? применении к анализируемому Можно ли считать общечеловеческим этот некогда полученный опыт.

Ключевые слова: завоевание Америки, философия как основа образа жизни, воспитание, конфликт цивилизаций

CIVILIZATION IS TRAPPED IN ORDER AND WAY OF LIFE (REFLECTIONS ON THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE «WAR OF THE WORLDS»)

Burgete Ayala M.R.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian)

Reflecting on events that occurred five centuries ago and changed the trajectory of development of two civilizations, until then completely isolated from each other. Based on concrete historical

material-the Aztec civilization, as the creators of their own way of life, an attempt is made to give answers to some of the questions raised in the preamble of the conference. Namely: What was the ideal of philosophy as a specific way of life? What images of philosophical life took place in one of the non-European cultures? Are they available for comparative and typological study? Were there any ideas in the history of culture about the circle of special duties and rights of the philosopher? can this once-received experience be considered universal when applied to the subject being analyzed?

Keywords: the conquest of America, philosophy as the basis of lifestyle, education, conflict of civilizations

На рубеже XV–XVI веков открытие Нового света не только формально закрепило физическую шарообразность Земли, но и «запустило» процесс глобализации в различных сферах человеческой жизнедеятельности, о конце которого поспешили заявить сегодня в связи с обстоятельствами вызванными объявленной пандемией. Итог состоявшегося контакта известен: цивилизации существовавшие на американском континенте были практически уничтожены, их традиции прерваны и утрачены, тогда как европейская получила мощный толчок в своем развитии и обрела новые горизонты в различных областях жизнедеятельности.

1. Парадокс «мгновенного» завоевания (1519–1521)

Цивилизация (традиционно называемая империей ацтеков) имела ярко выраженную «национальную идею», основанную на религиозно-космологическом миропонимании, астрономически выверенную систему летоисчисления, строгую социальную организацию, всеобщую систему образования, четкие законы, регламентирующие повседневную жизнь. Почему так прочно и разумно устроенный мир какого европейцы «никогда не видели и даже во сне не грезили ни о чем подобном» [1, с. 29] оказалась таким уязвимым и хрупким и не смог устоять под натиском конкисты? Точку уязвимости, удар по которой привел к таким катастрофическим последствиям, можно обнаружить в том, что можно назвать «рациональной основой мироустройства».

2. Комплекс мировоззренческих религиозно-философских воззрений, лежащих в основе образа жизни и его роль в поддержании целостности и жизнеспособности цивилизации. «Мир — это система взаимно отражающихся символов: цвета, времена, ориентированные пространства, светила, боги, исторические события — все находится в некотором соответствии. Мы встречаем здесь не «длинные цепи рассуждений», а взаимное и постоянное проникновение различных сторон единого целого» [2, с. 69].

Миропонимание базировалось на научном знании, основанном на астрономических наблюдениях, соответствующих уровню технических возможностей. Ацтеки имели точный календарь, не утративший актуальности до настоящего времени. Вся их личная и общественная жизнь была подчинена порядку, устанавливаемому на его основе. Основным итогом и центральной космологической идеей была Легенда о Солнцах – эпохах сменяющихся в результате катастроф. Боги решают еще раз создать Солнце. Приносят себя в жертву, бросаясь в огонь, но вновь взошедшее Солнце не движется. И чтобы придать ему силы, боги пожертвовали собой и пожертвовав ему свою кровь. Именно из этой ключевой идеи что Солнце и жизнь существуют благодаря жертве, лишь с помощью такой же жертвы мир может сохраниться, берет начало понимание ацтеками своей космической миссии. Высшее предназначение, было связующим элементом, который пронизывал всю систему общества и культуры, выступал организующим моментом единого живого организма цивилизации. Понимаемая таким образом реальность бытия ставила перед человеком задачу, для решения которой исторически сформировались два способа, две «программы действования» органически соединенные в единое целое перед лицом гибели Вселенной. Можно выделить две составляющих мышления нагуа:

Метафизическую – по способу постижения и выражения знания о мире и создания трансцендентальных философских смыслов (потусторонность, двойственное творящее начало, мимолетность всего живущего на земле, проблема постижения истины) по форме и

содержанию оцениваемую как высочайший уровень мифопоэтики;

Философию действия — она предполагает активное вмешательство в дела этого мира и заключается в доктрине «цветущей войны».

Идея, делавшая ацтеков народом с особой миссией «работала» и выполняла свою функцию консолидации общества, на систему, только при условии соблюдения целостности всей системы.

- 3. Философы ученые учителя *Тламатини*. Именно они профессионально обеспечивали разработку и трансляцию знаний в обществе. «Ученый, как костер или большой факел, как хорошо отшлифованное и блестящее с двух сторон зеркало, всеми высоко ценится; человек знающий есть пример и путеводитель для других. Хороший ученый, как хороший врач, находит правильные решения, дает нужные советы и наставления, которыми направляет и освещает путь всем остальным, так как пользуется доверием и авторитетом среди них, будучи во всем безукоризненным и правдивым; для того чтобы дела шли хорошо, он создает порядок и согласие и этим удовлетворяет и радует всех, отвечая желаниям и надеждам тех, кто приходит к нему; он всем содействует и помогает своими знаниями» [2, с. 84].
- 4. Система обучения и воспитания повторяла ту же двойную схему: школы двух типов готовили одни жрецов и правителей (кламекак), где преподавались «самые возвышенные элементы культуры», другие воинов (тельпочкали). Покровителем первых был Кетиалькоать бог самопожертвования, наук, искусства, ремесел и ветра, всего комплекса знаний и навыков высокой культуры тольтеков, наследниками которых считали себя ацтеки. Тескатлипока бог воинов, покровитель военного искусства, представлявший собственно ацтекскую идеологию. Их объединяла общая цель «лица делать мудрыми, а сердца твердыми как камень». В процессе воспитания и образования происходила передача традиции, из мальчиков и девочек готовились члены общества, осознающие свои повседневные задачи и высшее предназначение. Оно распространялось на всю социальную и повседневную жизнь общества и каждого человека, действуя в законах, порядках, установлениях образа жизни, упорядоченного и рационального.

Созданный ацтеками образ жизни основывался на гармонии между действительным и должным. Ее разрушение привело к тому, что менталитет не выдержал постигшего их недоумения и обрушившегося на их головы противоречия между тем и другим. Для цивилизации «метафор и чисел» наступил предсказанный конец света, не спасла и кровавая жертва, в которую пришельцы превратили целую цивилизацию [3].

Таким образом, сильная сторона цивилизации — ее организованность и установленный порядок оказалась слабым звеном, разрушение которого привело к распаду целостности. Разрушение основы, потеря высшего назначения — стержня этого отлаженного, действующего механизма, вызвало крах всей системы: религиозных ритуалов, хозяйственной организации, управленческих структур, образования, воспитания и повседневного уклада жизни.

Список литературы

- 1. Сустель, Жак. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Жак Сустель; науч. Ред. И вступ. Ст. Г.Г.Ершовой; пер. с фр. Е.В.Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 207. 287 с.
- 2. Леон-Портилья М. Философия нагуа. Исследование источников. 2-е изд., изм. и доп. пер. с исп. Р. Бургете, М. Бургете. М.: Постум, 2010. 480 с.
- 3. Бургете Аяла М.Р. Взгляд на завоевание Америки в фокусе взаимоотношения теории и практики управления // Философия управления: методологические проблемы и проекты. М.: ИФРАН, 2013. С. 286–302

ФИЛОСОФСКИЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ СОБОЙ И ДРУГИМИ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Веряскина В. П.

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Институт философии РАН (Москва, Россия)

УДК 101.1: 16

В работе рассматривается идея философии как специфического образа жизни. В этой связи внимание обращено к исторической реконструкции идеи философии, проведенной М.Фуко, смысл которой в управлении собой и другими. В работе рассматриваются практики заботы о себе на основе самопознания человека, составляющие концепт культуры себя. Выделены тренды управления собой в контексте современности: технологизация повседневной практики, персональная модернизация и ориентация на эффективность человеческого капитала. Автор делает вывод, что возрождение философии как образа жизни в условиях глобальных кризисов возможно лишь на основе моральных императивов, направленных на общее благо.

Ключевые слова: философия, античная модель философии, самопознание, управление собой, практики, забота о себе, современность, современные тренды управления.

PHILOSOPHICAL PRACTICES OF MANAGING ONESELF AND OTHERS: FROM HISTORY TO THE PRESENT.

Veryaskina V. P.

Associate Professor, PhD in Philosophy, Senior Research Fellow The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The paper considers the idea of philosophy as a specific way of life. In this regard, attention is paid to the historical reconstruction of the idea of philosophy, carried out by M. Foucault, the meaning of which is in the management of oneself and others. The work examines the practice of taking care of oneself on the basis of human self-knowledge, which constitute the concept of self-culture. The trends of self-management in the context of modernity are highlighted: technologization of everyday practice, personal modernization and focus on the effectiveness of human capital. The author concludes that the revival of philosophy as a way of life in conditions of global crises is possible only on the basis of moral imperatives aimed at the common good.

Keywords: philosophy, the ancient model of philosophy, self-knowledge, self-management, practices, self-care, modernity, modern management trends.

В работах М.Фуко, на основе анализа источников античных и римских авторов, рассматривается роль философии и философского образа жизни. Опираясь на понятие раггhesia (парессия) как высказывание правды в философском дискурсе в ходе истории, М.Фуко проблематизирует заново смысл философии как практики преобразования себя, позволяющей управлять собой и другими. Обращение к данной проблематизации позволяет поставить вопрос об актуальности в современных условиях возможности философии как образа жизни и тех складывающихся трендах в развитии человека, которые позволят или нет этому реализоваться.

В этой связи обозначим для рассмотрения ряд тезисов.

- 1. Историческая модель философии, реконструированная и преобразованная М.Фуко.
- 2. Философские практики заботы о себе, их специфика как «культуры себя», характеризующие философский образ жизни.

3. Управление собой и другими в контексте современности: тренды технологизации практик повседневности, персональной модернизации и ориентации на эффективность.

Обратимся последовательно к этим тезисам.

1. Обращаясь к философии и текстам Платона, М.Фуко ставит ряд важных вопросов: в чем реальность философии, какое дело, которым она должна заниматься, в чем подлинность философской веридикции и долг философа. В общем виде ответ следующий: философия в своей реальности представляет волю говорить правду, причем должна «иметь мужество, обратиться к тому, кто осуществляет власть» [1, с. 240]. Философия должна быть не только дискурсом, logos'om (логосом), но и ergon'om (делом), сохранять связь с реальностью. Связь с реальностью не в том, чтобы указывать, каким должно быть общественное устройство государства, политика и управление, а проникновение ее в самых разных формах в политическую сферу: установление законов, советы государю, убеждение толпы.

Реконструируя модель философии, подлинность которой быть делом, а не только дискурсом, М.Фуко обозначает три круга, три плоскости аргументации, при которых это возможно. Это круг «слушания», круг практики философии и круг знания. Чтобы философия была реальностью, она должна обращаться не ко всем и каждому, но только к тем, кто хочет слушать и желает следовать совету. Второй круг – распознавание тех, кто станет слушать, кто готов к практике философии, к пути, который является результатом выбора. Это формирование философии субъекта, преобразование человека как итог практики философии в результате работы человека над собой. «Работа над собой – это и есть реальность философии» [1, с. 254]. Третий круг обоснования реальности философии – круг познания. Вывод относительно исторической модели философии таков: дело философии, ее задача и одновременно ее реальность артикулируются как проблемы управления собой и другими.

- 2. В чем же конкретизируется работа над собой? Она реализуется через практики заботы о себе, через «культуру себя» (М.Фуко). Это забота о преображении и совершенствовании души и тела. В основе таких практик лежит самопознание. Оно реализуется через практики испытания, самоанализа, работы мысли над собой. Практика испытания реализуется через ограничения, воздержание, владение собой. Практика самоанализа позволяет оценивать задуманное и выполненное. Практика работы мысли над собой это фильтр представлений кто ты, куда идешь. Таким образом, потребность в самопознании «превращается в вопрос об истинности того, что ты есть, что делаешь и на что способен в центральный момент становления морального субъекта» [2, с. 76].
- 3. Обращение к историческим истокам, откуда берет начало культура управления собой и другими и философские практики заботы о себе, актуализирует вопрос, куда идет этот процесс и в каких формах он реализуется в современном мире. Мы предполагаем в качестве гипотезы, что в контексте современности складываются тренды технологизации практик повседневности, персональной модернизации и ориентации на эффективность.

В обществе модерна, особенно в его радикализированной форме (Э.Гидденс), возрастает роль практик повседневности, обусловленная развитием науки и технологий. Эти практики оказывают свое трансформирующее воздействие на индивида [3], воздействие которых не является субъективным выбором человека, а скорее носит характер адаптации к внешнему воздействию. В этом направлении реализуется и биотехнонаука в условиях когнитивного капитализма.

В условиях капитализма главным императивом которого является прибыль, распространяются практики персональной модернизации, самомодернизации [4], при которых источником мотивации является стремление к эффективности человеческого капитала. В этом же ключе рассматривается роль дошкольного воспитания, направленная на формирование когнитивных функций, востребованных в будущем для работы с технологиями. Практики заботы о себе возникают в связи с роботизацией производства, цифровизацией экономики [5] и возникновением прекариата.

Можно сделать вывод о том, что направление исторического процесса управления собой и другими трансформируется в современных обществах от доминирования в прошлом

внутренней духовной работы по преобразованию себя к детерминации внешними фактами и социальными институтами. В итоге, в условиях глобальных кризисов может оказаться востребованной роль философии как образа жизни с ее моральным императивом значимости общего блага.

Список литературы

- 1. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / М.Фуко, Пер.с фр. А.В.Дьяков. СПб: Наука, 2011. 432 с.
- 2. Мишель Фуко. История сексуальности III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н.Титовой и О.И.Хомы под общ.ред. А.В.Мокроусова. Киев: Дух и Литера; Грунт; М.: Рефл-бук. 1988. 288 с.
- 3. Гринфилд Адам. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Адам Гринфилд. Пер. с англ. И.Кушнаревой. М.: Изд.дом «Дело» РАНХиГС. 2018. 424 с.
- 4. Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А.Дынкина. М.: Магистр, 2017. 352 с.
- 5. Вайсман Джуди. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / Д.Вайсман. Пер. с англ. Н.Эдельмана, под науч.ред. С.Щукиной. М.: Изд.дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 304 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ

Доронина С. Г.

аспирант

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, (Минск, Беларусь)

УДК 101.2

Целью статьи является выделение ряда философских концепций, в структуре которых можно обнаружить присутствие «философской практики». В процессе исторической реконструкции было выявлено, что философскую практику можно определить как мыслительную и коммуникативную деятельность, задающую специфически философский образ жизни, связанную с осмыслением фундаментальных проблем человеческого бытия.

Ключевые слова: философская практика; образ жизни; забота о себе; духовные упражнения; техника самотрансформации.

HISTORICAL FORMS OF PHILOSOPHICAL PRACTICES

Doronina S. G.

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus)

The author of the article identifies a number of philosophical concepts in the structure of which one can detect the presence of "philosophical practice." In the process of historical reconstruction, the author found that philosophical practice can be defined as mental and communicative activity that defines a specifically philosophical way of life associated with understanding the fundamental problems of human existence.

Keywords: philosophical practice; lifestyle; self-care; spiritual exercises; self-transformation technique.

В концентрированной форме описание философских практик содержится в таком классическом произведении, как диалоги Платона. Одной из представленных в них форм философских практик является «упражнение в смерти», смысл которого заключается в смещении перспективы человеческого восприятия. В произведении «Теэтет» Платон описывает еще одну форму философских практик, которую можно обозначить как

диалектический метод Сократа [1, с. 100]. Этот метод демонстрирует тесную зависимость эффективности коммуникации от способа ее организации, а также позволяет выявить одно из перспективных направлений приложения философского знания в педагогике, медиации, а также в психологическом консультировании и когнитивной психотерапии.

Еще одной исторической формой философской практики являются духовные упражнения стоиков, которые, по мнению французского исследователя античной философии П. Адо, имеют статус системы экзистенциальных практик, направленных на достижение целостного мировоззрения. В качестве основного моделирующего принципа жизни стоики рассматривали опыт гармоничного существования, предполагающего объединение теоретической модели жизни и ее практического осуществления, с целью подготовки человека к решению определенных жизненных проблем [2, с. 31].

В несколько другом контексте исторической формой философской практики является «техника самотрансформации» в неоплатонизме. Представители неоплатонизма, упоминая об интеллектуальной деятельности, подчеркивали, что философский образ жизни заключается не столько в обучении абстрактным речам, сколько связан с усилиями по преобразованию полученных ранее учений в «природу собственной жизни» [3, с. 33–38]. Можно сказать, что философия в эллинистическую эпоху является, прежде всего, способом бытия, и только во вторую очередь – теорией познания, неотделимой от жизни.

В истории философии существовали и другие формы философской практики. Таким примером является практика «ученого незнания» Н. Кузанского, описанная в «Книге простеца» [4]. Ратуя за реабилитацию античных духовных традиций, он призывал обучаться «знающему незнанию», ведущему к подлинной жизни. В несколько другом ключе развивает понимание философской практики французский философ М. Монтень. В своем приближении философии к повседневной жизни он создал определенные схемы взаимоотношения человека и мира, основанные на принципах управления переживаниями [5, с. 228]. Такую форму философской практики можно отнести также к «техникам самотрансформации».

Частично проблемы философской практики были артикулированы в трудах более поздних философов, таких как П. Адо, М. Хайдеггер, М. Фуко.

М. Фуко, смещая акцент с духовных античных практик в сторону дискретного приложения «эстетики существования» к повседневной жизни, расширяет контекст философской практики. Чтобы обозначить этот контекст, философ ввел такие понятия как «забота о себе», «техники себя», «культура себя». Ими описываются процессы субъективации, которые, будучи приобретенными в различных актах существования, позволяют установить человеку собственные границы поведения [6, с. 315–319]. С этой точки зрения М. Фуко, философия не связана с построением теоретических систем, а означает ситуативную захваченность экзистенцией.

В отличие от М. Фуко у немецкого философа М. Хайдеггера концепт «забота» вводится в качестве ключевой характеристики человеческого существования, устраняющей превратное понимание смерти. Подлинное понимание смерти, по Хайдеггеру, связано с обнаружением феномена «возможности невозможности существования», осознание и артикуляция которого позволяет выявить ценность человеческого существования [7].

Несмотря на разницу в интерпретациях концепта «забота о себе» у раннего Хайдеггера и позднего Фуко, в их концепциях онтологическое отношение к себе является практическим способом быть, философской практикой, посредством которой конституируется личность. Практика «забота о себе» является следующей исторической формой философской практики.

Французский философ Пьер Адо является еще одним философом, чьи убеждения позволяют взглянуть на философию как на конкретную форму практики. Исследуя античную философию, П. Адо пришел к заключению о том, что изобретенный в античности способ философствования не был предназначен для формирования и изложения теорий, а использовался в качестве развития определенных интеллектуальных и духовных навыков философствующего [8; 9]. Предложенное П. Адо понятие «духовные упражнения» (и/или практики) функционирует не на уровне концепции, а обозначает деятельность, связанную с

преобразованием образа жизни согласно определенным философским учениям, что позволяет выявить еще одну форму философской практик.

Соотношение теоретической философии и фундированных ею философских практик свидетельствует о нецелесообразности рассмотрения их в качестве дифференцированных друг от друга областей знания. Хотя теоретическая система философского знания и практика его применения могут развиваться параллельно, а философский дискурс — существовать отдельно от практик его реализации, философская практика может совпадать с ценностными убеждениями людей, практикующих их в соответствии с той или иной концепцией. Следовательно, многообразие подходов, описанных различными философскими школами, не только оправдано, но и демонстрирует преимущество, связанное с тем, что философская практика может оказать влияние на большее количество людей, имеющих различные предпочтения, убеждения и отличающихся уровнем подготовки.

В процессе исторической реконструкции было выявлен ряд исторических форм философской практики: «упражнение в смерти» Платона; диалектичсекий метод Сократа; духовные упражнения стоиков и П. Адо; «техники самотрансформации» в неоплатонизме и в философии М. Монтеня; «забота о себе» М. Фуко и М. Хайдеггера. Все они представляют собой мыслительную и коммуникативную деятельность, задающую специфически философский образ жизни, связанную с осмыслением фундаментальных проблем человеческого бытия.

Список литературы

- 1. Платон. Театет. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
- 2. Гаджикурбанова, П. А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. Вып. 9. М.: ИФ РАН. 2009. С. 27–42.
- 3. Плотин. Эннеады / Плотин. К.: «УЦИММ-ПРЕСС», 1995–1996; К.: PSYLIB, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/ (дата доступа: 4.03.2020).
- 4. Кузанский, Н. Собрание сочинений: в 2 т. / Н. Кузанский. М. : Мысль, 1979. Т. 1. Цифровая библиотека по философии [Электронный ресурс]. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000579/ (дата доступа: 3.03.2020).
- 5. Монтень, M. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. M. : Голос, 1992. Т. 1. 384 с.
- 6. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М. : Касталь Γ од, 1996. 448 с.
- 7. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М.: ad MArginem, 1997. 1510 с.
- 8. Адо, П. Духовные упражнения и античность. М.; СПб. : Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло, 2005.-448 с.
- 9. Адо, П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом и. Дэвидсоном. М.; СПб. : Изд-во «Степной Ветер»; ИД «Коло», 2005. 288 с.

ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗ ИЛИ ТЕХНИКА ЖИЗНИ

Кацапова И.А.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия)

УДК 101

Философия как особый образ жизни является сознательным и свободным выбором, в отличие от университетского образования, которое является «выражением поучительного человеческого опыта».

Ключевые слова: философия, мораль, греческая этика, техника жизни, эстетика существования.

PHILOSOPHY AS A WAY OR TECHNIQUE OF LIFE

Katsapova I.A.

PhD in Philosophy, senior researcher Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. (Moscow, Russia)

Philosophy as a special way of life is a conscious and free choice, in contrast to university education, which is "an expression of instructive human experience".

Keywords: philosophy, morality, Greek ethics, the technique of life, the aesthetics of existence.

Тематическая преемственность в философии является существенным моментом в становлении философского знания от идеи универсального познания бытия, до определения «смысла жизни» отдельного человека. Но важно также проследить противоположность», как считал П. Адо (P.Hadot), между «античной философской школой, которая обращается к каждому отдельному индивидууму, оказывая глубокое воздействие на его личность», и, собственно, университетским знанием и университетом, «задача которого – присуждать дипломы соответственно определенному уровню знаний, подлежащему объективной оценке» [1, с. 274]. Университетская философия в той или иной ситуации зависит от объективно существующих обстоятельств – от теологии, во времена средневековья, иногда от науки, но «всегда и везде она подчинена императивам общей организации преподавания, а в современную эпоху – и научных исследований» [1, с. 274]. Функциональная организация преподавания философии: подбор преподавателей, выбор учебных дисциплин и экзаменов, непосредственно зависит и, соответственно, отвечает т.н. «объективным критериям» политическим, финансовым, которые весьма далеки от самой философии. Функциональная обязанность преподавателя в этой системе, в свою очередь, сводится к подготовке к профессии ученого или преподавателя, т.е. специалиста, теоретика в области философии.

Очевидность «коренной противоположности» античной философской школы и университетским знанием состоит в том, что в античности, как утверждает Адо, «формировали человека», в университетах готовят специалистов по философии, и такого рода знание «не определяет всю дальнейшую жизнь человека, к чему стремилась античная философия» [1, с. 275]. В конечном счете, став «только выражением поучительного человеческого опыта» (Витгенштейн), философия между тем не утратила известной устойчивости и неистребимости античной концепции. Не будет преувеличением сказать, что каждая эпоха создавала свой образ античности.

В античности философия была особым образом жизни, сознательно и свободно избранным философским отношением к действительности, при котором античный человек, живя философской жизнью, неустанно само-совершенствовался. Пьер Адо тесно связал «философский образ жизни» с «философским дискурсом» [1, с. 19], не противопоставляя и не разделяя «философию как образ жизни» и «философский дискурс как нечто в известном смысле внешнее по отношению к философии» [1, с. 20]. Напротив, он стремился показать, что жизненный выбор философа (античного) определяет его философский дискурс, который является неотъемлемой частью образа жизни. Дискурс, как настоящий разговор, представляет собой словесную игру, где сам разговор выступает не в качестве поединка, но в качестве обмена мнениями, воззрениями. Наилучшим примером подлинного служения философии и философского образа жизни является жизненный путь Сократа (в диалоге Платона «Пир»). В истории философии образ Сократа практически уже не мыслим вне философского дискурса, который, приобретая характер духовной практики, позволял собеседнику духовно совершенствоваться, открывая новые возможности внутреннего преображения. Практический опыт сотрудничества в такой ситуации детерминируется моралью, которая приобретает общественный характер взаимодействия между заинтересованными друг в друге людьми.

В древнегреческом мире философы-мудрецы, рассуждая о нравственности на уровне философской моралистики, отстаивали этический идеал человека, устремленного прежде всего к духовным благам. При этом они подчеркивали привлекательность и мудрость человеческого, гуманного характера несуетного образа жизни. Стиль их нравственного философствования очень близок был житейски-нравственным рассуждениям о благонравии, добродетели, духовно ориентированного человека. Весьма характерным моментом античной практики было и то, что в рамках древнегреческой этики люди больше интересовались своим поведением, своей этикой, своими взаимоотношениями с другими, чем проблемой человеческого, индивидуального существования.

Преобладающим направлением античных исследовательских программ является направление «Смысл жизни — в самой жизни человека». Древние греки говорили о человеческом достоинстве и учили не морали как таковой, а добродетели, что, по существу, не является тождественным¹. Традиционные добродетели аттического общества такие как — благоразумие, храбрость, умеренность во всем, справедливость, честность — были для греков приоритетными. Простота нравственного философствования позволяла им быть уверенными в том, что люди знают о существовании добродетелей и поэтому могут и должны к ним стремится. В тоже время античные греки считали, что подлинная добродетель в поступках должна быть противопоставлена речам о добродетели. Основополагающей проблемой их внимания становится интенция: что должен делать человек и что он должен использовать, чтобы жить так, как ему следует жить. По существу, главной проблемой их внимания становится — техника жизни.

Греческая этика центрируется на проблеме персонального выбора, но не на проблеме индивидуализации существования, а на так называемой эстетизм. В рассуждениях Аристотеля о добродетели и поступках, он акцентирует внимание не на психических и волевых качествах поступков, а на общественно значимом и практически полезном их действии. Человеческие поступки и добродетель не даны человеку от природы, они имеют практически полезное действие и должны быть в человеке воспитаны: «признаки добродетели и соответствующие им поступки и чувства нравственно хорошего человека прекрасны, (...)» [2, с. 44], «прекрасны те, которые человек совершает, имея в виду нечто желательное, но не для себя самого, прекрасны также (...) поступки, которые кто-либо совершил для пользы отечества, презрев свою собственную выгоду (...)» [2, с. 22].

Впоследствии проблема техники жизни переросла в *технику себя*: каждый должен был заботиться о себе, чтобы править городом (Платон в «Алквидиаде»). Древнегреческая этика, по мнению М. Фуко, была «исключительно проблемой личного выбора» [3, с. 136], и, собственно, не пыталась нормализовать население. Она была элитарной и практически «закреплена лишь за немногими представителями населения, это не был вопрос формы поведения каждого. Это был персональный выбор узкой элиты» [3, с. 136]. Тематическая преемственность данной этики — это стремление жить прекрасно и желание оставить другим свои «воспоминания о прекрасном существовании». Предметом, или темой их философского дискурса было конституирование *особой этики*, которая представляла бы собой этакую эстетику существования.

Жизненные правила эллинов вырастали из обобщения ими личного и общественного опыта. И если в древности мыслители стремились научить человека житейской мудрости, определив ему смысл жизненного пути, то сегодня, недостаточно самостоятельной рефлексии над жизнью, в ситуации, когда добрые нравы уходят в прошлое, и перестают быть субстанциальными и реальными, возникает необходимость в философском оправдании и возвращении их к жизни.

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.

_

 $^{^{1}}$ Термины «мораль» и «этика» дают не просто два разных понимания, но и два разных состояния морали

- 2. Аристотель. Риторика // Античные риторики. Kн. 1. M., МГУ, 1978. C. 15–164.
- 3. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. № 2 (65), 2008. С. 135–158.

«ПИСЬМО О ГУМАНИЗМЕ» М.ХАЙДЕГГЕРА: ОНТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

Козырев Д. Н.

Кандидат философских наук, доцент Всероссийский государственный университет юстиции (РПА МЮ РФ) (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 101

В работе предлагается взгляд на новоевропейский гуманизм как на мировоззрение, принципиально не совместимое с технократизмом. Рассматривается место экзистенциального гуманизма Хайдеггера в этической традиции и подчёркивается его связь с фундаментальной онтологией.

Ключевые слова: гуманизм, технократизм, экзистенциальная антропология, поэтика, близость к бытию, онтология.

"LETTER ON HUMANISM" BY M. HEIDEGGER: ONTOLOGY AND POETICS

Kozyrev D. N.

Candidate of philosophy, associate Professor Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of the Russian Federation). (Saint Petersburg, Russia)

The paper suggests a view of new European humanism as a worldview that is fundamentally incompatible with technocratism. The article considers the place of Heidegger's existential humanism in the ethical tradition and emphasizes its connection with fundamental ontology.

Keywords: humanism, technocratism, existential anthropology, poetics, proximity to being, ontology.

Человек есть существо этическое, и древняя оппозиция добра и зла образует стержень философских раздумий о мире. Стиль мышления определённой эпохи вносит в них свои коррективы; так, в наши дни положительный полюс прочно связывается с гуманизмом как апологией человечности и конкретными действиями в её защиту. Однако познание сути этого культурного феномена затрудняется семантической неоднородностью, изначально встроенной в это звучное слово. Неясность порождает недоразумения. С одной стороны, появляются пустые понятия (такие, как «классовый гуманизм», «экологический гуманизм»). С другой – провоцируется конфликт между религиозным мировоззрением как традиционным хранителем ценностей и «гуманизмом», понимаемым как знамя атеистического натурализма.

Хронологически рождение гуманизма соотносится с ренессансным обращением к античному наследию, однако содержащаяся в нём могучая и властная энергетика явно не вмещается в берега гармоничного греческого космоцентризма. Так, духовному лидеру Северного Возрождения кардиналу Николаю Кузанскому принадлежат слова «человек измеряет свой разум способностью творить». В трактате «Берилл» философ обращается к герметической традиции и извлекает из её недр дерзкий тезис «человек есть второй бог» (очевидно, им допускалась возможность согласования этой мысли с догматом о боговоплощении). В знаменитом афоризме Протагора («человек есть мера всех вещей») мыслитель видит ключ к раскрытию нового смыслового пространства. «Человек обнаруживает в себе как в измеряющем основании все сотворенное» [1, с. 99]; так тезис

знаменитого софиста из релятивистской декларации становится девизом, утверждающим новую формулу бытия и возвышающим субъективную реальность до уровня первого начала (которое, согласно кардиналу, является «царём всего»).

Согласно этой формуле, ничто природное не может быть мерой человеческого; человек сам себе мерило и норма. История идей свидетельствует об ожесточённом сопротивлении этому последовательному гуманистическому принципу. Отрицание может принимать разнообразные формы, но в итоге стягивается к единому комплексу взглядов. Полюсом противостояния человечности выступает технократизм — мировоззрение, которое исходит из принципа конгруэнтности двух мегаструктур (социума и физического мира). Оптимальной мерой отношений между людьми технократизм признаёт отношения между вещами; свободная воля оказывается угнётённой двойной необходимостью и оценивается как досадный деструктивный фактор. Технократизм, таким образом, становится крайней формой бессубъектного мировоззрения [3, с. 80].

Гуманистический подход видит в этой системе взглядов радикальное заблуждение; человек не должен оцениваться по функциональным критериям нужности и полезности. В противостоянии мертвящему человекоотрицающему началу рождается важнейшая для новоевропейской этики идея возвышения моральной сферы над утилитарными задачами. Так, для Канта неприкосновенность внутреннего мира автономного субъекта предстаёт неоспоримой и безусловной; личность как цель сама по себе обретает по существу сакральный статус.

Продолжением этой традиции следует считать экзистенциальную антропологию М. Хайдеггера, изложенную в знаменитом «Письме о гуманизме», вышедшем в 1946 году. Текст работы насыщен богатством смысловых аллюзий; утверждение собственной оригинальной линии сопровождается критикой объективирующего гуманизма, который он называет «метафизическим». Речь идёт о гуманизме, в котором человек признаётся достойной частью некоей объективной среды («сущего»). С точки зрения философа, любой панегирик такого рода не отвечает в полной мере истинному достоинству человека.

Экзистенциальный гуманизм Хайдеггера определяется им как «гуманизм, мыслящий человечность человека из близости к бытию» [2, с. 236]. Германский мыслитель выражает решительное недоверие к «измам»; гуманизм для него – это не комплекс идей, а созерцание и раскрытие потаённого. Открытость бытию становится у философа основой для понимания человеческой идентичности (мир вещей, напротив, пронизан силой бытия, но закрыт и самозамкнут).

Постижение сути человеческого для Хайдеггера есть в то же самое время возвышение к своего рода метаусловию существования мировой тотальности - всего, что обладает качеством и формой. Это возвышение есть движение от обусловленного к тайне обусловливающего. Здесь уместно говорить о своего рода «приключении сознания», при котором мысль вплотную подходит к исчерпанию рациональности и соприкасается с мистическим опытом. Истина, посылаемая бытием, открывает простор, где «свобода хранит своё существо»; однако для вхождения в этот простор необходимо обновление разума, при котором метафизика усиливается поэтикой.

Рационально-логическое постижение мира органически связано с «выпаданием» мысли на чужеродное постигающему субъекту пространство сущего. Однако связь понятий схватывается мыслью лишь в перспективе единства, создаваемого надпонятийной мысленной тканью. Так возникает особый экзистенциально-онтологический стиль мышления; следует отметить, что иррационализм Хайдеггера не имеет ничего общего с воспеванием инстинктивной «жизненной силы». Речь идёт о попытке создания особой рефлексивно-поэтической рациональности. «Бытие принципиально шире, чем всё сущее»; поэтому постижение его целостности возможно только через «осмысляющее раздумье» [4, с. 104], опасность утери которого философ связывал с грозной поступью технической эпохи. Уклонение мысли от своей онтологической стихии («забвение бытия») философом воспринималось как антропологическая катастрофа.

Хайдеггер говорит о бытии как о «тихой силе» возможного. Этот аспект его онтологической концепции легко проецируется на антропологическую плоскость и создаёт реальную альтернативу актуалистическим схемам, в которых достоинство человека определяется исключительно суммой достигнутого. Таким образом, попытка экзистенциального переосмысления гуманизма позволяет, говоря словами Платона, «обратить глаза внутрь», встретиться с собственной человечностью и открыть в другой личности невыразимую глубину субъективной реальности.

Список литературы

- 1. Кузанский Н. Берилл // Собр.соч. в 2-х томах. –М., 1980. Т.2 С. 95–133.
- 2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., Прогресс, 1988 С. 314–356
- 3. Козырев Д.Н. Век техники век инструментального разума. СПб, 2013. 172 с.
- 4. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М., 1991. 192 с.

ТАРО В РОССИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кузнецова-Фетисова Л. Е.

Аспирант 3 курса, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

УДК 141.33

В статье рассматривается история возникновения и развития в России так называемого оккультно-философского направления таро. За период менее двух десятилетий в России появилось несколько ярких его представителей, были созданы произведения, оказывающие влияние на последователей этой традиции и по сей день. Также, несмотря на искусственно созданные условия изоляции и запрет на изучение таро, Россия всего за 30 лет пришла в этой области к тем же результатам, что и западные страны, где подобных ограничений не было.

Ключевые слова: Таро, философия таро, оккультное таро, нью-эйдж, гадание на таро, современная Россия

TAROT IN RUSSIA AS A PHILOSOPHICAL SYSTEM: TRADITIONS AND MODERNITY

Kuznetsova-Fetisova L. E.

3-year postgraduate student, Russian State Social University Moscow, Russia

The article discusses the history of the emergence and development of the so-called occult and philosophical direction of tarot in Russia. For a period of less than two decades, several prominent representatives appeared in Russia, who created works that have an impact on the followers of this tradition to this day. Also, despite the artificially created conditions of isolation and the ban on the study of tarot, in just 30 years Russia has come to the same results in this area as Western countries, where there were no such restrictions.

Keywords: Tarot, philosophy of tarot, occult tarot, new age, tarot divination, modern Russia

Таро – это колода из 78 карт, или арканов, которая делится на 22 старших и 56 младших аркана. В настоящее время таро связывается преимущественно с гаданием, – однако существует и оккультно-философская традиция, считающая ее ключом к самым сокровенным тайнам мироздания. Классический период оккультного таро датируется 1781–1951 гг. [1, с. 6]; но если французская, английская и американская школы таро хорошо известны, то о российском таро ранее конца XX века упоминаний очень мало. Тем не менее, и в России существовала самобытная тарологическая философская школа.

Первые сохранившиеся упоминания о картах таро датируются XIV веком. Появились они в северной Италии, — и, похоже, предназначались тогда исключительно для развлечения [1, с. 188–194]. Встречаются и упоминания об использовании таро для дивинации; однако никаких упоминаний о связи таро с оккультными науками в этот период мы не находим.

Новая веха открывается в 1781 году: в 8 томе своего капитального труда «Первобытный мир» протестантский пастор, масон и исследователь древнего мира К. де Жебелен выдвигает гипотезу, что колода таро — это чудом сохранившаяся древнеегипетская книга, хранящая в зашифрованном виде секреты египетских мудрецов. В той же книге граф де Милле впервые называет таро «Книгой Тота» (по имени древнеегипетского бога мудрости), а также впервые проводит связь между старшими арканами таро, каббалой и пифагорейским учением [2, с. 61–62; с. 116–117].

Далее в течение XIX века ряд известных эзотериков и оккультистов изучали связь колоды таро с каббалой и астрологией, выдвигали теории о происхождении колоды от египетских, иудейских и тибетских мудрецов и обосновывали свои эзотерические учения в том числе и символизмом арканов. Предпринимаются попытки воссоздать «изначальную» колоду таро, освободить ее от искажений, внесенных либо по незнанию, либо намеренно, с целью скрыть тайны Книги Тота от непосвященных.

В России активное изучение таро начинается лишь в XX веке: по личному приглашению императора Николая II в 1901, 1905 и 1906 годах в Россию приезжает известный оккультист Папюс (Жерар Анкосс). Основанная им Петербургская мартинистская ложа в 1909—1916 гг. издает оккультный журнал «Изида», основной популяризатор идей оккультизма и астрологии в дореволюционной России.

В России в последние годы перед революцией выходят сразу несколько книг о таро: Г. О. Мебес (Г.О.М.) («Курса энциклопедии оккультизма» (1912)), П.Д. Успенский («Символы таро», 1912 г.); В.А. Шмаков («Священная Книга Тота: Великие Арканы Таро», 1916 г.). Интересно, что современные российские тарологи назвали книги Мебеса и Шмакова в числе оказавших на них наибольшее влияние [3, стр. 14].

После революции традиция таро в России прервалась; Е.Колесов, опубликовавший одну из первых в современной России книг по таро, утверждает: «В советское время ни о каком Таро, ни гадательном, ни тем более мистико-философском не могло быть и речи» [4]. Часть авторов эмигрировала (Успенский, Шмаков); Г. Мебес был арестован в 1926г. по «Делу ленинградских масонов» и умер в ссылке. Тем не менее, отголоски дореволюционной тарологической мысли продолжали существовать: В.А. Шмаков в 1922 году издал «Основы пневматологии», где посвящает одну из глав таро; слушательница Мебеса Н. Рудникова в 1936г. опубликовала книгу «Сакральный мистицизм Египта», которая позднее несколько раз была переиздана; в 1962 г. на основе «Курса энциклопедии оккультизма» польский эмигрант М. Судовски издал в Австралии книгу «Таро: Современный курс квинтэссенции герметического оккультизма» [1, с. 98]

Существовали в СССР и отдельные энтузиасты, которые сохраняли таро как философскую и эзотерическую традицию, восстанавливая ее по книгам в библиотеках [5]. Ходили слухи и о непрерывной линии передачи, восходящей к Мебесу через его личных учеников. Тем не менее, ни в исследованиях, посвященных оккультуре в СССР, ни в воспоминаниях непосредственных участников колода таро не фигурирует. Впрочем, есть вероятность, что философская традиция передавалась без посредства карт.

В 1989 году в журнале «Наука и религия» была опубликована первая в СССР статья о таро [6, с. 48–54], давшая старт небывалой прежде популярности таро в России. За прошедшие 30 лет в нашей стране возникло множество мастеров и школ таро, колоды и книги по таро можно встретить практически в любом книжном магазине, на рынке таро представлены практически все мировые издательства и авторы, проводятся российские и международные конференции таро. И если до революции таро было известно лишь узкому кругу посвященных, то сейчас оно широко представлено в масс-медийном пространстве.

Однако, в отличие от дореволюционного философски-мистического изучения арканов, сейчас речь идет о гадании на таро. Впрочем, существуют и попытки создать собственные системы трактовки арканов (Ф. Эльдемуров, Г. Шишкин), но они не получили широкого распространения. При этом современная традиция таромансии в России не является восстановлением дореволюционной; она была воспринята из англо-американской школы, является порождением эпохи нью-эйдж, и основывается на интуитивном чтении и психотерапевтической трактовке карт.

Считается, что классический период оккультного таро закончился в начале 1950-х годов; на смену ему пришли колоды и методы эпохи нью-эйдж. Эта тенденция в полной мере проявлена и в современной России, несмотря на 70-летний перерыв в традиции и отсутствие прямых контактов с западом. Тем не менее, таро как философия, как попытка проникнуть в тайны строения вселенной представлена в России и в мире и по сей день, однако остается уделом очень ограниченного числа лиц и практически не встречается в публичном пространстве.

Список литературы

- 1. Халиков Р. Х. Краткий путеводитель по оккультному таро (1781–1951). Киев: ФЛП Халиков, 2017.-213 с.
- 2. Костенко А. Начало оккультного Таро. Кур де Жебелен и граф де Мелле (1781). Киев: Издательство Руслана Халикова, 2020. 164 с.
- 3. Белявский Г.Н. Карты Таро глазами практиков. Подробный отчет о Делфи эксперименте в русскоязычном Таро сообществе. Минск: ООО «Группа Белявского», 2020. URL: https://belgroup.by/tarot-delphi/ (дата обращения 10.07.2020).
- 4. Колесов Е. Очерк истории Таро. URL: https://www.diary.ru/~kudesnik13/p145415804.htm?oam (дата обращения 18.05.2020).
- 5. Фролова Н.М. Хранитель традиции Брунов Н.А. URL: https://tarotclub.ru/library-tarot/stati-o-tarot/xranitel-tradiczii-brunov-n.a (дата обращения 14.07.2020).
- 6. Вяткин А.Р. Таро: ключ от закрытого храма // Наука и религия. 1989. № 1. С. 48—51

ИНВЕРСИЯ ПРИНЦИПОВ ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИИ¹

Курилович И.С.

Кандидат философских наук Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

УДК 101

Автор представляет к дискуссии гипотетическую объяснительную модель институционализации философской работы на основании концепций дарообмена (Мосс. Деррида, Марион), неоинституционализма (Мейер, Роуэн), правительности (Фуко) и развития понятия свободы (Гегель). Тезисы доклада являют собой экспериментальную

 $^{^1}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00121) в Российском государственном гуманитарном университете. This work is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 20-78-00121 in Russian State University for the Humanities.

констелляцию разнородного теоретического аппарата в целях нахождения комплиментарных и эвристически продуктивных метаописаний философской работы, не претендуя на универсальность. Предлагается рассмотреть эволюцию философии как совместной организованной деятельности философов с учетом внутренних и внешних заинтересованных сторон. Объяснительная модель проблематизирует институциональное устройство философской работы и позволяет предположить инверсию ее принципов.

Ключевые слова: рациональность, институционализация, философия образования, университетская философия

INVERSION OF PHILOSOPHICAL WORK PRINCIPLES: PROBLEM OF REFLECTION

Kurilovich I.S.

PhD in Philosophy
Russian state university for the humanities
(Moscow, Russia)

The author presents a hypothetical explanatory model for the institutionalization of philosophical work based on the concepts of gift exchange (Mauss. Derrida, Marion), new institutional economics (Meyer, Rowan), governmentality (Foucault) and the development of the concept of freedom (Hegel). The theses of the report are an experimental constellation of a heterogeneous theoretical apparatus in order to find complimentary and heuristically productive meta descriptions of philosophical work, without claiming to be universal. It is proposed to consider the evolution of philosophy as a jointly organized activity of philosophers, taking into account internal and external stakeholders. The explanatory model problematizes the institutional structure of philosophical work and suggests an inversion of its principles.

Keywords: rationality, institutionalization, philosophy of education, university philosophy

«...ни одно из нынешних государственных устройств, – писал Платон, – не достойно натуры философа. Такая натура при них извращается и меняет свой облик» [1, Книга VI, 497 b]. Спустя две с половиной тысячи лет Деррида добавляет: «сегодня как никогда трудно отделить нашу работу в той или иной дисциплине от размышлений о политическиинституциональных условиях этой работы» [2]. Философы, живущие в обществе и выстраивают определенную взаимодействия, форму упорядочивают обстоятельства своей работы, институционализируют философию, и при этом неизменно задаются вопросом возможности свободы философской мысли, ее автономного самоопределения по собственным принципам. Речь о свободе философской мысли позволяет нам обратиться к трехактному развитию понятия свободы у Гегеля [3, §§484, 486, 487] и применить его к эволюции институционализации философии, это порождает три взгляда на связь институционализации и сохранении свободы. Во-первых, институционализация философии как упорядочение обстоятельств деятельности философа есть закрепощение философии, и философ нуждается во внешнем выведении из-под гнета - по аналогии с гегелевским развитием понятия свободы назовем это доличностной свободой через собственность и как собственность, она характерна для античной мысли, начиная с Платона, хотя так или иначе наследуется. Во-вторых, при взгляде изнутри, это личный вызов философу, который образом жизни, этикой философской деятельности должен отстоять свободу мысли, эта личная свобода морального выбора обнаруживает себя почти сразу, когда надежда на собственность ослабевает, свое высшее выражение она находит в мысли Канта, хотя встречается и ранее. Наконец, возможно принятие внешнего, когда за упорядочиванием обстоятельств, мы видим ограничение ограничений, так институционализация может быть понята как утверждение пространства свободы – это деятельное проникновение свободы в действительность в виде ее правового устройства – очевидно, этот этап мы можем отнести к дискуссиям об университете у Шлейермахера, Канта, Фихте и Гегеля. При том, что все три перспективы были намечены еще Сократом. Безусловно, такая генерализация — лишь объяснительная модель, ценная не своей неуязвимостью к критике, но проблематизацией самоочевидностей. Рассмотрим ее подробнее.

Первый тип свободы философии обеспечен собственностью. Но платоновский Сократ настаивает на выведении этой собственности из рыночного оборота: платежеспособный спрос коррумпирует мысль, заставляя философа удовлетворят интерес того, кто пришел заплатить, но платящий считает себя правым в своих ожиданиях, а они дофилософские [1, Книга VI, 493b-d]. Соответственно, ни философия не может восприниматься как предмет торговли, ни собственность, гарантирующая свободу досуга и труда философа, — они с необходимостью понимаются как дар, находящийся в отношении дарообмена При основателях Академия и Ликей существовали согласно этому принципу. Проблема первого типа институционализации философии в том, что ее определение негативно, это лишь непродаваемая собственность, предмет дарообмена. Свободная через собственность, такая мысль еще не знает себя саму как свободную.

Второй тип свободы философии как личной свободы философа, независимой от обстоятельств, был намечен Сократом в мифическом образе даймона, развивался у киников и стоиков, но полноценно раскрылся позднее. Еще по Илиаде мы помним о правилах античного дарообмена, нарушение которых лежало в узловых моментах сюжета: дар должен был быть симметричным, он предполагал отдаривание, и чтобы быть успешным, должен был иметь получателя, который бы совершил отдаривание (Эрида указала неопределенного адресата); должен иметь доступного дарителя, чтобы он получил отдаривание (оставившие коня данайцы отступили); дар должен быть соразмерным возможностям получателя к отдариванию (согласно одному из толкований, чтобы занести коня в город пришлось частично разобрать защитную стену). Однако, приход христианства реконцептуализировал дар – дар стал ассимметричным. Его новые свойства, продолжая работы Мосса [6], описали Деррида и Марион в своей знаменитой дискуссии: дар из факта стал апорией [7], потому что Бог стал образцом, единственным свидетелем и инстанцией отдаривания (Матф. 6:3), притом инстанцией недосягаемой, его возможное отдаривание, которое одновременно и дар, бесконечно благ (Спасение), а цена этого дара немыслима (смерть Бога). При полностью разрушенном старом симметричном дарообмене больше нельзя быть уверенным в свободе через него, философу необходимо развить внутреннее сознание свободы. Условием мысли становится воля колеблющегося субъекта, и она сразу обнаруживает свою недостаточность. Кант утверждал, что свобода – свойство воли разумных существ [8, с. 226], воля мыслима как безусловно добрая [8, с. 116] или свободная от внешнего интереса или влияния, но, как показал Гегель, таковой она никогда не дана «в конкретном случае совершения действительных поступков» [9, с. 320] без подозрения в собственной и, тем более, чужой гетерономии.

Третье видение институционализации философии также связано с собственностью и дарообменом, оно также предлагалась Сократом, когда он говорил, что городская община или государство посредством безвозмездного предоставления из своего бюджета «дарового обеда» тоже могут быть гарантом существования свободной от рынка философии [10, 36 d], но Сократ же и признавал, что последний способ поставил бы под подозрение его самого [10, 31 с]. И также новую концептуализацию данной ситуации можно найти в теологических изменениях: универсальная инстанция отдаривания оставила институции, действующие от ее имени, церковь и государство — дальнейшая история философской мысли связана с ними. Начался новый этап церковной, частно-придворной, а затем и анонимно-государственной институционализированной философии. Как пишет Фуко, философия перестала быть «наукой наук» [11, с. 141], ее место заступила «правительность». Смена науки наук произошла по той же причине, от которой предостерегал платоновский Сократ в споре с

¹ Порядок транзакций в экономике отдаривания, который Сократу приписывает традиция, см.: [4, с. 358], специально об этом см.: [5]

софистами и риторами: как платежеспособный спрос в античном образовании коррумпировал философию обыденными целями покупателя образования, так и государственная университетская философия оказывается под подозрением.

Согласно Канту и Гумбольдту, обеспеченное государством положение философии в университетах [12, с. 75–76] и значимость профессиональной университетской работы для своих государств [13, с. 7–8] поддерживаются и обосновываются обращением как к подлинно рациональным к принципам, которые совпадают с необходимыми обстоятельствами существования отдельного ученого на своей позиции в университете: уединение, свобода от объединений, ценностная нейтральность 1. Современная университетская философия, развитая в рамках гумбольдтовской и наполеоновской образовательных реформ, не теряя общепризнанных плодов своей двухсотлетней работы, обнаруживает основания для подозрения в инверсии обстоятельств существования и принципов рациональности — в подмене собственных принципов философского знания, если таковые возможно выявить, нуждами институции, инстанции отдаривания. А значит перед нами вырастает проблема рефлексии и мета-позиции: можно ли обнаружить принципы философской работы, которые бы не оказывались под подозрением? Вопрос равен эпистемологической проблеме возможности интерналистского определения универсальной рациональности.

Список литературы

- 1. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
- 2. Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. (6). С. 96–103. URL: http://www.strana-oz.ru/2003/6/univer.
- 3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977 г. 471 с.
- 4. Лосев, А.Ф., Тахо-Годи, А.А. Платон. Аристотель / ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2005 г..
- 5. Маяцкий, М. Сократ-экономист, или К политэкономии дружбы // Логос. 2011. № 83 (4). С. 120–130.
- 6. Мосс, М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.
- 7. Деррида Ж., Марион Ж.-Л. О даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Философско-литературный журнал Логос. 2011. № 3. С. 144–171.
- 8. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. M.: Чоро, 1994 г. 630 c.
- 9. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. M.: Наука, 2000 г. 495 с.
- 10.Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. M.: Мысль, $1990 \, \Gamma. 860 \, c$.
- 11. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011 г. 544 с.
- 12. Кант, И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994 г. 495 с.
- 13.фон Гумбольдт К. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. (2). С. 5–10.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК «СПОСОБ ЖИТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ Р.М. РИЛЬКЕ

Логинов А.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечественной философии Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

УДК 316.324.8

Проблема философской интерпретации поэзии Р.М. Рильке остается достаточно сложной. В докладе привлекается внимание к необходимости изучения внутреннего духовного

¹ Список можно дополнить принципами этики ученого и этоса науки CODUS Р. Мертона.

опыта поэта, интеллектуальных и эмоциональных влияний которые он испытал. Р.М. Рильке является одним из самых ярких примеров единства подлинной философии и подлинной поэзии, которые становятся способом жить.

Ключевые слова: метафизика, способ жить, богопознание, антропология, христианство

METAPHYSICAL POETRY AS A "WAY TO LIVE" IN THE WORK OF R. M. RILKE

Loginov A.V.

PhD in Philosophy, associate professor, section of history of Russian philosophy Russian state university for the humanities (Moscow, Russia)

The problem of philosophical interpretation of R. M. Rilke's poetry remains quite complex. The report draws attention to the need to study the inner spiritual experience of the poet, the intellectual and emotional influences that he experienced. R. M. Rilke is one of the most striking examples of the unity of true philosophy and true poetry, which become a way to live.

Keywords: metaphysics, the way to live, knowledge of God, anthropology, Christianity

Р. М. Рильке, безусловно, – это один из самых глубоких в философском плане поэтов XX века. Не случайно то, что его творчество привлекло внимание целого ряда мыслителей, среди которых можно упомянуть, в частности, М. Хайдеггрера, Г. Марселя, Р. Гвардини, С. Франка и даже П. Слотердайка. Конечно, Рильке совсем не был философом не только в академическом, но и в иных смыслах этого слова. Достаточно глубоко понимая философскую традицию, испытав влияние С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Бергсона, он отверг понятийную, а тем более систематическую философию в пользу персонального опыта самопознания и богопознания. Его философия превратилась в непрерывный поиск определенной жизненной формы, которая в наибольшей степени приобщена к бытийным основам мироздания. В одном из своих писем он иронично описывал немецких философов – систематиков, утверждавших, что «мир вот таков, человек вот таков, таковы его пути, его цели, его одежда, его шляпа и его Бог». И это, по его словам, «чудовищное обеднение». Немецкий поэт противопоставляя этому глубокую жизненную философию, которую он нашел в России у представителей различных сословий. Современники поэта отмечали цельность личности поэта, для него было характерно непрерывное движение в поиске самоосуществления. При этом в его творчестве не было волюнтаризма, он как бы давал в ней слово самим вещам, самому миру. Пересекаясь в жизни со многими людьми, ведя с ними напряженный и искренний диалог, поэт бережно хранил свое одиночество и уединенность которые были необходимы ему для творчества. В поэзии Рильке обычно выделяют несколько этапов развития. Оригинальный поэтический язык Рильке формируется в «Часослове», книге написанной под глубоким впечатлением от путешествия в Россию. Особое место в его наследии занимают «Истории о Господе Боге». Это произведение - оригинальный, предельно индивидуальный опыт богопознания. В «Новых стихотворениях» запечатлено включения автора в ритм бытия вещей. В этих стихотворениях потеснен субъективный эстетический опыт, столь характерный для современной поэзии, здесь присутствует смирение перед миром и внутренний диалог с ним. В этих стихотворениях возникает как бы две перспективы: с точки зрения предмета и с точки зрения смотрящего. Наконец, позднее творчество немецкого поэта, «Дуинские элегии» и «Сонеты к Орфею» - это результат преодоления «предметного говорения». Поэтическая речь приобретает новое качество, превращаясь в диалог с ангелами и, одновременно, диалог ангелов с людьми. Именно здесь заходит речь об особом положении человека в мире, о специфике человеческого сознания, о временности нашего бытия. Здесь в подлинном смысле открывается «Weltinnenraum» (внутреннее пространство мира). «Дуинские элегии» максимально удалены от опыта привычной жизни, в них представлены такие фигуры, как ангел, дети, звери, рано умершие люди, «великие любящие», но не конкретные персонажи. Именно здесь метафизическая антропология Рильке достигла своей вершины. Внутренний опыт Рильке выводит его за рамки западнохристианской традиции. Пройдя сложный путь внутренних духовных исканий, приобретя свой собственный целостный опыт общения с Богом, ощущая скудость и нищету секулярного мира, он в некоторые моменты своей жизни удивительно близко подходил к православному видению мира и человека. Он пережил подлинную пасхальную радость во время своего визита в Россию, впоследствии носил православный крест, тематика русского православия нашла отражение в его творчестве. Закончил он жизнь так и не став христианином. Его внутренний опыт так и остался уникальным и неповторимым путем одиночки в бездушном мире двадцатого столетия.

ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ: ГЕРМЕНЕВТИКА СУБЪЕКТА У ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Марченко О. В.

доктор философских наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Одна из идей, настойчиво проводимых многими русскими философами, заключается в установлении существенной зависимости горизонтов познания от принципиального понимания субъекта познания. Геменевтика субъекта определяет формы и методы самого видения реальности. Античные (сократическо-платонически-эллинистические) модели познания, предполагающее соответствующее понимание проблемы субъекта в его отношении к истине, актуализировал и практиковал в Новое время, в частности, украинский философ XVIII в. Г.С. Сковорода. В своей радикальной обращённости ad fontes он понимал познание как самопознание, предполагающее преобразование субъекта – и этой динамикой созидающее основу познания всего сущего. Учением о «внутреннем человеке», «эротической» природе познания, «мудром нарциссизме» он реализует динамическую концепцию познания. Но в качестве философа Нового Времени, построяющего герменевтику субъекта вне и помимо картезианства, украинский мыслитель оказывается на периферии современного ему новоевропейского философствования. Интерес к Сковороде возрождается в XX веке, когда картезианская модель исчерпывает себя и сама уходит на периферию, освобождая место для нереализованных в Новое Время эпистемологических моделей. Освобождая место для вопрошания: не является ли ошибочным описание традиции герменевтики субъекта исключительно как традиции Cogito? Заставляя спрашивать – в чём состоит мера истинного познания? Именно таков смысл вопросов русских мыслителей начала XX века, Владимира Эрна, Павла Флоренского и др., именно таков смысл вопросов позднего Фуко. И в связи со стремлением французского мыслителя актуализировать эллинистическую модель «заботы» напрашивается ещё один вопрос: пригодна ли эта модель в нынешней ситуации изменения как самого человека, так и представления о нём?

Список литературы

- 1. Ушкалов Л.В. Марченко О.В. Нариси з філософіі Григорія Сковороди. Харків: Основа (ХДУ), 1993. 152 с.
- 2. Марченко О.В. Герменевтика субъекта у Григория Сковороды // Філософія. Історія культури. Освіта: Доповіді та повідомлення III Міжнародного конгресу україністів. Харків, 1996. С. 66—69
- 3. Марченко О.В. Очерки по истории философии. М.: МГУП, 2002. 251 с.
- 4. Марченко О.В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX-XX вв. Исследования и материалы. Часть І. М., 2007. 276 с.

М. ХАЙДЕГГЕР И С.Л. ФРАНК: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «ПОДЛИННОСТИ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Мартемьянов К. А.

аспирант 1 года обучения
Стажер-исследователь международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)

В докладе сопоставляются, проблематизируются и эксплицируются две философские стратегии осуществления человеческого бытия в качестве подлинного, т. е. как осмысленного, «собственного». Первая из них принадлежит крупнейшему европейскому философу XX века — Мартину Хайдеггеру, вторая — крупнейшему (по оценке В. Зеньковского) русскому философу того же времени — Семену Франку. Если в случае Хайдеггера мы сосредоточимся на его ранних текстах конца 20х-начала 30х гг. («Что такое метафизика?» (1929) и «Бытие и время» (1927), то философская позиция Франка будет раскрываться на основе его поздних работ (в особенности таких, как «Непостижимое» и «Реальность и человек»).

Ключевые слова: М. Хайдеггер, С.Л.Франк, существование, подлинность

В докладе я собираюсь проблематизировать тему «подлинности» человеческого существования — тему, являющуюся одной из основополагающих в религии, философии и религиозной философии.

Если первостепенность этой темы в религиозной мысли понятна и обусловлена фундаментальным (для религиозного субъекта) переживанием себя, которое можно выразить через дихотомию «греховность — чистота (преображенное состояние)», то в случае философии, настаивающей на своей автономности по отношению к иным видам духовной деятельности (в т.ч. и от религиозной веры), этот тезис может показаться менее очевидным.

Тем не менее, войдя в эксплицитном виде в поле философии уже через Платона и понимаясь как *цель* определенного внутреннего усилия, «поворачивающего глаза души», категория «подлинности» остается одной из самых востребованных и в современной философии (по крайней мере, в континентальной). И дело не ограничивается одной лишь экзистенциальной философией, где концентрация на *подлинном способе быть* лежит почти на поверхности. Так, например, категория «подлинности» играет центральную роль в социально-политической философии Ханны Арендт. Для нее "подлинно личное" как подлинно человеческое бытие «может осуществляться только через публичное, политическое действие, в котором различные индивиды в совместных усилиях благодаря творчеству достигают всеобщего блага» [5, с. 23].

Планируемый доклад будет посвящен сопоставлению, проблематизации и экспликации двух философских стратегий осуществления человеческого бытия в качестве подлинного, т. е. как осмысленного, «собственного». Первая из них принадлежит крупнейшему европейскому философу XX века — Мартину Хайдеггеру, вторая — крупнейшему (по оценке В. Зеньковского) русскому философу того же времени — Семену Франку. Если в случае Хайдеггера мы сосредоточимся на его ранних текстах конца 20х-начала 30х гг. («Что такое метафизика?» (1929) и «Бытие и время» (1927), то философская позиция Франка будет раскрываться на основе его поздних работ (в особенности таких, как «Непостижимое» и «Реальность и человек»). В диалоге мыслителей, который я попытаюсь воссоздать, обнажатся столь же фундаментальные пересечения мысли, сколь и непреодолимые различия.

Если Хайдеггер говорит о «зове» (который понимается как проявление «совести»), который нельзя считать «голосом» некоего «Другого», который необходимо должен исходить только «из меня» (Dasein «есть зовущий и призванный сразу»), то Франк говорит о «нужде» в объективной основе, которую испытывает всякий беспристрастно воспринимающий себя

субъект. И для Франка уже само чувство нужды, сама устремленность к восполняющему его началу есть своеобразное обнаружение «предмета» этой стремления. «Человек в своем самосознании — на основании внутреннего опыта, убеждающего в совершенной своеобразности, именно сверхмирности его существа как личности, — испытывает себя как «образ», проявление, обнаружение на земле сверхмирного начала — начала, инородного всему земному бытию, первичного и абсолютно ценного, — т. е. Бога...» [2, с. 314]. Если для Хайдеггера «стоять лицом к лицу перед тем, что сегодня достойно вопрошания», имеет более решающее значение, чем искать «укрытие в какой-либо теологии типа христианской, даже если она и обладает определенными возможностями» [3, с. 81], то для Франка решающей в достижении подлинности человеческого бытия станет возможность (для человека) встречи с тем, что, с одной стороны, вбирая в себя весь универсум личностного бытия, в то же время кратно превышает его, будучи объективным. Иными словами, по Франку, лишь та инстанция может даровать человеку подлинность существования, в полной мере «осмыслить» его, которая опытно воспринимается одновременно и как личность, и как объективное, вне нас стоящее бытие (именно эта инстанция реальности обозначается словом «Бог»).

Предыдущий абзац лишь обрисовал контуры, внутри которых будет разворачиваться речь доклада. Ее методом будет не столько пересказ двух философий, сколько попытка «присвоить» проделанную работу мысли Хайдеггера и Франка, т.е. не оставить ее в качестве лишь еще одного исторического факта, но попытаться увидеть ее как *ресурс* для современного человека.

Список литературы

- 1. Бохенский Ю.М. Современная европейская философия. М.: Научный мир, 2000. 256 с.
- 2. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 383 с.
- 3. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером в 4 х книгах. Кн. 4. Путь Хайдеггера. М.: Владимир Даль, 2009. 217 с.
- 4. Ломако О.М. Социальная философия Ханны Арендт: политика и этика // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 21–25.
- 5. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с
- 6. Франк С. Л. Конспект книги М. Хайдеггера «Бытие и время» // М. Хайдеггер: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2020. С. 55–61

ЭСТЕТИКА ФИЛОСОФСКОЙ ЖИЗНИ¹

Медведев Н. В.

доктор философских наук, профессор Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)

Медведева Е. Е.

кандидат философских наук Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 1(091)

Доклад посвящен анализу эстетической модели философской жизни, воплощенной в творческой деятельности Л. Витгенштейна и М. Фуко. Раскрывается содержание понятия эстетики философской жизни как способа самосовершенствования и самовыражения. Отмечается, что основным признаком философской жизни является духовное развитие личности, ее самопостроение посредством критической рефлексии. Философия демонстрирует свое подлинное предназначение с точки зрения обоснованности возможных

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254

путей достижения достойного человеческого существования. Философия, как искусство практической жизни, призвана создавать обновленные, эстетически привлекательные формы человеческого бытия.

Ключевые слова: Витгенштейн, Фуко, эстетика, искусство, философская жизнь, самосовершенствование.

AESTHETICS OF PHILOSOPHICAL LIFE

Medvedev N. V.

Doctor in Philosophy, Professor G.R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Medvedeva E. E.

PhD in Philosophy
Peters the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

The report is devoted to the analysis of the aesthetic model of philosophical life embodied in the creative activities of L. Wittgenstein and M. Foucault. The content of the concept of aesthetics of philosophical life is revealed as a way of self-improvement and self-expression. It is noted that the main sign of philosophical life is the spiritual development of the individual, his self-construction through critical reflection. Philosophy demonstrates its true purpose in terms of the validity of possible ways to achieve a decent human existence. Philosophy, as the art of practical life, is called upon to create updated, aesthetically attractive forms of human being.

Keywords: Wittgenstein, Foucault, aesthetics, art, philosophical life, self-improvement.

Целью доклада является раскрытие особенностей эстетики философской жизни на основе анализа эстетических моделей философской деятельности Л. Витгенштейна и М. Фуко.

Довольно сложно описать тот образ жизни, который должен соответствовать общим установкам эстетической модели человеческого существования. Дело в том, что понятия «искусство» и «эстетика» сами по себе неоднозначны и нередко вызывают теоретические споры. К тому же в истории европейской культуры сложились различные представления о подлинных образцах эстетической жизни. Уже в античные времена философы стремились придать человеческой жизни эстетическую форму. Так, в платоновском «Пире» источником философии объявляется неудержимое любовное влечение человеческой личности к прекрасному. Неустанные поиски высшей красоты формируют смысл и направленность человеческой деятельности. Такие поиски осуществляются для того, чтобы создавать прекрасное: «прекрасные учения», «прекрасные нравы», «великолепные речи и мысли». Вместе с тем цель философской деятельности есть нечто большее, а именно созерцать прекрасное само по себе, «всегда в самом себе единообразное» [1, с. 121]. Доказывая значимость философии для потребностей жизненной практики, античные мыслители разграничивали предмет философии и искусства. Критерии греческой классической эстетики (красота, гармония, мера) стали играть гораздо меньшую роль в эстетике модернизма, когда под влиянием идеологии романтизма индивидуальность, оригинальность и новизна превратились в главные принципы произведения искусства. Защитники концепции человеческой жизни как искусства обычно упускают из виду существенные различия в моделях эстетического бытия, которые сложились в историческом развитии культуры. Это приводит к концептуальной путанице и имеет негативные последствия как для практической деятельности, так и для теории. Для того, чтобы выявить особенности эстетики философской жизни нам полезно обратиться к анализу интеллектуальной деятельности выдающихся мыслителей XX века – Л. Витгенштейна и М. Фуко, которые репрезентировали своим образом жизни специфические эстетические модели философского существования.

Так, Л. Витгенштейн в процессе своих кропотливых занятий философией стремился установить особый стиль философской жизни, который требовал «предельной концентрации воли и интеллекта». В конечном итоге он смог воплотить свою заветную мечту – превратить философскую жизнь в «высочайшее произведение искусства» [2, с. 180]. Свидетельством приверженности Витгенштейна эстетической модели философской жизни служат его дневниковые записи, которые были опубликованы уже после его смерти в книге «Культура и ценность». «Мое отношение к философии, – пишет он, – суммарно можно выразить так: философию, по сути, можно лишь творить» [3, с. 434]. «Работа в философии – как во многом и в архитектуре – это в значительной мере работа над самим собой. Над собственной точкой зрения» [3, с. 427]. Как и «работа художника», мышление философа, по словам Витгенштейна, может быть успешным и «рассматривать мир sub specie aeterni (авт. – с точки зрения вечности)», обеспечивая видение, в котором он может смотреть на «свою жизнь как произведение искусства» [3, с. 416]. Работа мысли не сводится к распутыванию сложных логических головоломок. Витгенштейн убежден в том, что поиск ответов на философские загадки жизни есть не столько теоретическая, сколько практическая задача, обремененная постоянно расширяющимся жизненным опытом. Поэтому философия должна выполнять этико-эстетическую функцию – помогать людям достигать лучшего образа жизни через самопознание и самокритику. Любое философское учение способно раскрыть свое подлинное предназначение лишь с точки зрения ее ценности для человеческой жизни, в которой она находит свое применение. Философия неизбежно касается «жизненной проблемы», нашего «умения жить» [3, с. 415]. Философская практика, в конечном итоге, направлена на достижение совершенного способа человеческого существования на основе критической рефлексии.

Другой мыслитель современности Мишель Фуко воспринимал идеал эстетической жизни, воплощенный в культуре античной Греции, как своего рода упражнение в искусстве существования, связанного со стремлением философов достичь благородной жизни и хранить для других воспоминания о прекрасном существовании. Он выражает недовольство тем обстоятельством, что в наши дни античная модель жизни как искусства осталась без внимания в силу произошедшей специализации искусства. «Меня поражает тот факт, – говорит он, – что в нашем обществе искусство стало тем, что связано только с предметами, а не с людьми или с жизнью. Это искусство является специализированным, оно создается экспертамихудожниками. Но разве жизнь каждого из нас не может стать произведением искусства? Почему лампа или дом должны быть предметом искусства, а не нашей жизнью?» [4, 350]. Фуко признается, что его увлекла «идея биоса, как материала для эстетического произведения искусства» [4, с. 348]. Поскольку наше «я» не дается нам изначально в готовом виде, мы должны «создавать самих себя как произведение искусства» [4, с. 351].

Фуко приложил немало интеллектуальных усилий для того, чтобы реконструировать особенности эстетической жизни в античной Греции, которые воплотились в индивидуальных практиках существования. В древнегреческом обществе точные предписания относительно сексуальности, семейно-брачных отношений, диеты и т.п. были подобраны эстетически, причем так, чтобы человеческая жизнь могла приобрести почтенную и благородную форму [5]. Такой подбор предполагал соблюдение определенной меры для свободного эстетического самовыражения личности. Вместе с тем древние греки руководствовались в своем поведении конвенциональными моделями. В античном обществе существовало твердое понимание того, что собой представляет благородная, достойная восхищения человеческая жизнь. Художественность проявлялась в эстетическом развертывании устоявшихся моделей общественной жизни, способных придать жизни отдельных граждан привлекательную форму. Однако далеко не каждый мог руководствоваться в своем бытии эстетическими представлениями о жизни, у большинства греков не было ни вкуса, ни средств для этого. Поэтому люди не испытывали потребность изобретать новый стиль жизни. Радикальное несоответствие образа жизни конкретного индивида принятым в обществе моделям поведения в античности считалось проявлением эстетического безвкусия и бескультурья.

Фуко отдал предпочтение особому эстетическому образу жизни. Он выбрал для себя модель жизни художника-авангардиста, стремящегося внести в практику своего существования нечто радикально новое, оригинальное через самоконструирование и самовыражение. Фуко реализовал эстетику трансгрессивного экспериментирования, связанную с самооценкой, с преодолением личностью границы между возможным и невозможным. Идея Фуко о креативной трансгрессии как радикальном способе самосозидания связана не только с модернистской эстетикой Ш. Бодлера, но и с критическим проектом Канта по определению границы человеческого познания. Ранняя смерть Фуко стала кульминацией его философской жизни, посвященной превращению индивидуального бытия в выразительное произведение искусства с использованием трансгрессивных практик.

Несмотря на различие философских проектов Фуко и Витгенштейна, их идейные установки сближаются в двух моментах: 1) оба мыслителя подчеркивают тесную связь философской рефлексии со стилем жизни; 2) они выступили с призывом направить философскую деятельность на решение важной практической задачи, связанной с совершенствованием образа жизни людей. Тем самым эти философы своим жизненным примером конституировали особую эстетическую модель самосовершенствования. Их интеллектуальные устремления выходили за рамки чистой теоретизации, были обращены к повседневной практике и связаны с обоснованием эстетического идеала жизни.

Список литературы

- 1. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.
- 2. Медведев Е.Е. Философия как искусство практической жизни: мировоззренческие искания Л. Витгенштейна // Манускрипт. 2019. Том. 12. Вып. 12. С. 179–183.
- 3. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть І. Пер. с нем. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 407–492.
- 4. Foucault M. The Foucault Reader. Ed. P. Rabinow. New York: Pantheon books, 1984.
- 5. Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефлбук, 1998. 288 с.

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ ИЛИ «ФИЛОСОФЫ НЕ ПЕКУТ ХЛЕБ»

Николина Н.В.

Кандидат философских наук НИ Томский государственный университет (Томск, Россия)

УДК 316.77

В работе обозначены основные проблемы, связанные с необходимостью для философа быть публичным интеллектуалом в современном научно-образовательном пространстве. Затрагивается проблема практического значения философских исследований для науки. Автор анализирует зарубежные исследования по теме, однако отмечает, что подобные проблемы могут иметь место и в российской науке.

Ключевые слова: публичный интеллектуал, финансирование, научные убеждения, социология коммуникации.

PUBLIC INTELLECTUAL OR "PHILOSOPHERS BAKE NO BREAD" Nikolina N.V.

PhD in Philosophy NR Tomsk State University (Tomsk, Russia) The paper outlined the main problems associated with the need for a philosopher to be a public intellectual in the modern scientific and educational space. The problem of the practical significance of philosophical research for science is raised. The author analyzes foreign studies on the topic, but notes that similar problems can occur in Russian science.

Keywords: public intellectual, financing, scientific beliefs, sociology of communication.

В современном научно-образовательном пространстве клише «философы не пекут хлеб» связано с вопросом практического значения философских исследований [1]. Дискуссии вокруг этого вопроса стали «общим местом» в административных отделах университетов и научных институтов. В условиях «погони» за рейтингами и грантами философ — эффективный менеджер. Статусу и сущности феномена публичного интеллектуала посвящено много зарубежных исследований [2]. Публичный интеллектуал определяется как исследователь, ведущий публичную деятельность в медийном пространстве, выступающий на острые политические, экономические, социальные, культурные, научные и другие темы. Среди знаменитых современных философов — публичных интеллектуалов отмечают Ю. Хабермаса и С. Жижека. Однако авторы обозначают более серьезные проблемы, связанные с публичностью, которые происходят внутри научных сообществ и науки в целом. Стремление к обладанию статуса «публичный интеллектуал» (даже если это не цель самого ученого, а необходимость в условиях конкуренции) вскрывает две основные проблемы в научнообразовательном пространстве.

Философ как медийный персонаж. Исследователи феномена «публичный интеллектуал», такие как М. Фуко, Р. Дебре, Ю. Хабермас, отмечают его основные качества – общественная активность, политическая нейтральность, отстаивание универсальных ценностей [2]. Публичный интеллектуал – социально-культурный идеал, который находится вне пропаганды, вне личных или корпоративных интересов [2]. Основные цели – сделать свой голос услышанным в публичной сфере, вносить изменения в общество, используя такие стандарты, как статьи в журналах, выступления на радио и в новостях, вплоть до того, чтобы быть известным как национальное имя, и иметь ощущение, что их так же слушают на улице, как и в аудиториях. Однако в реальности не все так идеализировано. Б. Бабич отмечает, что на самом деле речь идет не только о том, чтобы сделать свое имя известным в социальных сетях, но и о том, чтобы получить финансирование, в идеале через корпоративное спонсорство, для тех же самых идей и проектов, где «косвенные издержки» приносят пользу модели корпоративного университета [1]. Автор сравнивает публичную активность философа с коммерческой деятельностью, так как принятие роли публичного интеллектуала связано с проблемой привлечения интереса, то есть задача состоит «не в том, чтобы вывести товар на рынок, а в том, чтобы найти покупателей». Это иногда заставляет «играть не по правилам». Р. Познер разделяет два вида публичного интеллектуала: академический и богемный. Академический – научный сотрудник, который отличается специализированным языком и стремлением к идеалам. Богемный – представитель культурной интеллигенции, который «часто небрежен с фактами и опрометчив в прогнозах» [3, р. 12].

Здесь можно увидеть как минимум два пути для философа в публичной сфере: непоколебимый идеал и эффективный менеджер. Необязательно, что эти варианты противоположны, между ними можно найти компромисс. Но, возникает вопрос: почему не все философы становятся (а некоторое и не стремятся к этому) публичными интеллектуалами? Причиной этого, по мнению Д. Лач, является амбивалентность. С одной стороны, как бы они ни любили волнение концептуальной игры, в глубине души многие философы подозревают, что в том, что они делают, есть что-то несерьезное: после того, как все сказано и сделано, это мало что меняет или не меняет в мире. В этом отношении Д. Лач указывает, что философы все еще «не пекут хлеб», но развивающаяся область практической этики — шаг к преодолению страха (но не среди всех). С другой стороны, приверженность трансцендентной добродетели философии порождает мысль о том, что бесполезно привлекать невежественную публику. Поэтому некоторые университетские философы хотят

«оставаться чистыми», чтобы не попасть в ситуацию опасности сокращения из-за неправильно понятых речей в публичном месте [4].

2. Проблема «влияния» идей в научной сфере. «Не все хорошие вещи попадают на рынок» [1] — это еще одна причина стать «публичным интеллектуалом», то есть, принимая проект «быть публичным интеллектуалом», философу кажется, что все изменится. Это вскрывает проблему зависимости новых исследований от согласованных концепций. Принятые в науке знания ограничивают возможности научных гипотез. Например, Б. Харви считает, что научные споры останавливаются тогда, когда научные истины примиряются с кажущейся незыблемостью принятых убеждений [5]. А. Пикеринг предлагает термин «отсылка назад»: ученые ссылаются на устоявшиеся знания и практики [5]. Б. Барбер указывает на источники сопротивления научным открытиям, среди которых препятствия, налагаемые существенными методологическими концепциями [6]. С. Фуллер сделал замечание: «наука всегда была немного "пост-правдой"» [7]. Одним из способов выйти из-под влияния устоявшихся концепций, как ни иронично это звучит, самому стать влиятельным. Как мы уже выяснили, путь публичного интеллектуала — эффективный, но не самый простой для этого способ.

Обозначение данных проблем приводит к закономерному вопросу: так ли необходимо философу быть публичным интеллектуалом? С точки зрения административного персонала научных и образовательных организаций ответ однозначно положительный, так как основной интерес связан с достижением эффективных показателей. С точки зрения философов ответ может быть неоднозначным из-за личной позиции, но предоставлен ли им выбор?

Данная работа основана на исследованиях зарубежных авторов, но можно ли говорить о существовании подобных проблем в российской действительности? «Пекут» ли российские философы «хлеб»? На тему сущности публичного интеллектуала в российской научной литературе не так много работ, однако, обозначенные проблемы встречаются в исследованиях, посвященных специфике научных сообществ, институтов, социальных ориентиров в науке и других.

Список литературы

- 1. Babich B. Philosophy Bakes No Bread (2017) // Articles and Chapters in Academic Book Collections // URL: https://fordham.bepress.com/phil_babich/84
- 2. Шестакова Э. Г. Публичный интеллектуал ценностная основа модерного общества и государства // Журналистский ежегодник. -2015. -№4. -C. 57–62
- 3. Posner R. A. Public Intellectuals: A Study of Decline. Cambridge: Harvard University Press. 2001. 416 p.
- 4. Lachs J. Can Philosophy Still Produce Public Intellectuals? (2009) //Philosophy Now//URL: https://philosophynow.org/issues/75/Can_Philosophy_Still_Produce_Public_Intellectuals
- 5. Gieryn T. F. Relativist/Constructivist Programmes in the Sociology of Science: Redundance and Retreat (1982) // Social Studies of Science. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 279–297.
- 6. Barber B. Resistance by scientists to scientific discovery (1961) // Science. Vol. 134. P. 592–602
- 7. Fuller S. Science Has Always Been a Bit 'Post-truth' (2016) // The Guardian // URL: https://www.theguardian.com/science/political-science/2016/dec/15/science-has-always-been-a-bit-post-truth

АВТОМАТ СОФИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ КОНЦЕПТОВ В.В. БИБИХИНА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Павлов И.И.

Стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога; аспирант, Школа философии, факультет гуманитарных наук,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК 130.2

Автор рассматривает проблему применимости ряда идей отечественного философа Владимира Бибихина к тематическому полю философии техники. Демонстрируется, что концепты «автомат» и «амехания», разработанные Бибихиным, позволяют по-новому подойти к пониманию техники, представленному в экзистенциалистской традиции.

Ключевые слова: Владимир Бибихин, Мартин Хайдеггер, философия техники, экзистенциализм, экология.

THE AUTOMAT OF SOPHIA: THE RELEVANCE OF V. BIBIKHIN'S CONCEPTS FOR PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

Pavlov I. I.

Research Assistant, The International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, PhD Student, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics» (Moscow, Russia)

The author considers the problem of applicability of the ideas proposed by the Russian philosopher Vladimir Bibikhin to the thematic field of philosophy of technology. It is demonstrated that the concepts of "automaton" and "amechania" developed by Bibikhin allow a new approach to the understanding of technology presented in the existentialist tradition.

Keywords: Vladimir Bibikhin, Martin Heidegger, philosophy of technology, existentialism, ecology.

Отечественный философ Владимир Вениаминович Бибихин наиболее известен как переводчик трудов Мартина Хайдеггера. Тем не менее, в последнее время все чаще о Бибихине говорят как о самостоятельном философе, в чем-то продолжающем разработку того направления философии, которое было заявлено Хайдеггером, а в чем-то отходящим от концепций Хайдеггера, переосмысляя их в контексте своего времени, а также традиции русской философии.

В наследии Бибихина, в отличие от повлиявшего на него Хайдеггера, последовательно разрабатывавшего свою философию техники [10], нет текстов, посвященных непосредственно проблеме техники напрямую. Однако ряд идей Бибихина может быть приложим к осмыслению техники в рамках экзистенциалистской традиции, дополняя и расширяя ее и позволяя соединить с экологической.

На наш взгляд, наиболее актуальными для тематического поля философии техники являются концепты «автомат» и «амехания», разработанные в лекционном курсе «Чтение философии». Трактуя свое понимание автомата, Бибихин противопоставляет его механизму. Если механизм есть то, что приводится в действие человеком и контролируется им, то автомат, в буквальном переводе с греческого αὐτόματον, Бибихин понимает как то, что движется само собой [7, с. 76–77]. Механизмы Бибихин понимает расширительно – не только как технику, но также как все формы распорядительной человеческой деятельности. В духе экзистенциалистской традиции Бибихин трактует механизмы, включая механизмы в буквальном смысле, как экзистенциал, то есть определенное состояние человека. В этом случае механизмом раг excellence является не то или иное техническое приспособление, а само человеческое сознание.

Состояние отключения механизмов, отказа от распорядительного отношения к себе и миру, Бибихин называет *амеханией*. Амехания для Бибихина становится предельной

этической целью и существом человеческой жизни: «Никакого другого пути для человека нет, ничего вообще другого, чем неподвижное <...> бытие в амехании, отключении механизмов планирования и организации, но не отключения автоматов, потому что автоматы — сами собой действующие — в принципе отключены быть не могут, — это единственное что есть, и ничего другого просто нет, в сильном парменидовском смысле, что небытия безусловно нет [7, с. 76]».

На первый взгляд может показаться, что, если Бибихин трактует автомат, механизм и амеханию как экзистенциалы, он фокусируется исключительно на состояниях человека в его отрыве от мира и природы. Однако Бибихин, вслед за «Бытием и временем» Хайдеггера [9], понимает феноменологию и экзистенциальную аналитику, работающую со способами бытия человека, как понимание самого бытия и самого мира вообще [6]. Мир и «Я» для Бибихина — коррелятивные или даже совпадающие в своей онтологической сути вещи [2; 3; 4], но точно не независимые друг от друга реальности, какими их представляют расхожие дихотомии субъекта и объекта, общества и природы.

В связи с этим экзистенциальная аналитика Бибихина не исключает возможности применения ее к технике в строгом смысле — более того, она намечает интересные перспективы такой работы. Характерно, что понятия «автомата» и «амехании», которые в «Чтении философии» представлены в первую очередь как экзистенциалы человеческого бытия, в лекционном курсе «Лес» Бибихин применяет для разговора об онтологии природы и биологической жизни во всех ее проявлениях, в первую очередь — нечеловеческих [1]. Бибихин трактует биологическую жизнь как «автомат Софии»; таким отчасти поэтическим образом, отсылающим к традиции русской религиозной мысли, философ подчеркивает, что способ бытия природы по ее собственным законам биологической жизни далек от распорядительной деятельности человека, но экзистенциально соприкасается с тем состоянием замирания и неподвижности, которое Бибихин назвал амеханией.

Но каким именно видит Бибихин взаимодействие человека и природы? Об этом вопросе философ не пишет подробно. Но некоторые намеки на то направление, в котором можно размышлять об этой теме, он дает в ряде пассажей курса «Энергия». В начале лекционного курса Бибихин, прежде чем обратиться к философскому и богословскому понятию энергии, вновь говорит о специфической амехании, которая должна быть экзистенциальной целью философии. Но практикуемая философом амехания приводит к вполне определенным последствиям — его выпадению из того дележа энергии, на котором часто построено капиталистическое общество. Конкуренция за энергию настолько высока, что даже в философских размышлениях о понятии энергии деловые люди могут заподозрить претензию «на участие в дележе выгод от потока энергии», поскольку «причастность к энергии, к ее источникам, всякая, даже самая малая, дает в наше время престиж, статус, валюту» [8, с. 13].

Хотя Бибихин не пишет об этом прямо, но совершенно очевидно, что он имеет в виду природные источники энергии, в первую очередь – нефть, один из важнейших или важнейший товар в современном капиталистическом обществе, вокруг которого в России эпохи «лихих девяностых» велась ожесточенная борьба. Таким образом, состояние амехании имеет место, когда человек не только внутренне, экзистенциально, живет тем же способом бытия, которым существует природа, но и внешне не насилует природу ради своей выгоды. Два этих смысла совпадают в одном: если человек не гонится за прибылью, ему незачем насиловать природу, относясь к ней как к источнику энергии, которая может принести доход или быть эффективно управляема.

Так, в философии Бибихина мы видим продолжение экзистенциалистского подхода к философии техники, намеченного Хайдеггером. При этом Бибихин не противопоставляет экзистенциальную аналитику ни философии природы и биологии, ни вопросу о современных практиках обращения с природной энергией. Иначе говоря, мысль Бибихина, на мой взгляд, имеет крайне высокую ценность для философии экологии. В отличие от большинства экологических подходов, философия Бибихина озабочена не только состоянием природы, но указывает на онтологическую связь человека с природой, которая теряется в случае

распорядительного и операционализированного подхода к последней. Неслучайно к философии Бибихина, представленной в курсе «Лес», проявляет большой интерес американский философ Майкл Мардер, разрабатывающий философию вегетативной жизни [5]. Более того, концепт «амехании» позволяет сочетать темы «глубинной экологии» с критикой капитализма и связанных с ним техническим практик освоения природы.

Список литературы

- 1. Бибихин В. В. Лес (hyle). СПб.: Наука, 2011. 425 с.
- 2. Бибихин В. В. Мир. СПб.: Наука, 2007. 28 с.
- 3. Бибихин В. В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 391 с.
- 4. Бибихин В. В. Узнай себя. СПб.: Наука, 2015. 577 с.
- 5. Мардер М. Близость леса // Stasis. 2015. № 1 (3). С. 484–492.
- 6. Михайловский А. В. Онтологическая герменевтика В. В. Бибихина // Stasis. 2015. № 1 (3). С. 306–323.
- 7. Бибихин В. В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 28 с.
- 8. Бибихин В. В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 485 с.
- 9. Хайдеггер M. Бытие и время. СПб.: Hayka, 2006. 447 c.
- 10.Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 221—238.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЕВГЕНИКЕ: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Перова Н.В.

Обучающаяся 3 курса

Институт Философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

В современном обществе можно наблюдать рост интереса к евгенике, которая, казалось бы, давно была забыта. Новая, или либеральная, евгеника предлагает использование репродуктивных технологий и генной инженерии для улучшения генотипа отдельных индивидов. Перед классической евгеникой, популярной в первой половине 20 век, был поставлен ряд этических проблем, которые так и не были решены. Будучи основанной на принципах либерализма и плюрализма, либеральная евгеника претендует на то, что она преодолела этические проблемы классической евгеники. Однако, некоторые из них так и остаются нерешенными. В добавок к этому, методы и технологии, используемые в рамках либеральный евгеники, также ставят новые этические проблемы.

Ключевые слова: Этика, евгеника, Либеральная евгеника, нейроэтика, биоэтика.

FROM CLASSICAL TO LIBERAL EUGENICS: ETHICAL PROBLEMS

Perova N.V.

Institute of Philosophy, Saint-Petersburg state university (Saint-Petersburg, Russia)

In modern society, one can observe an increasing interest in eugenics, which, it would seem, has long been forgotten. New or liberal eugenics suggests the use of reproductive technologies and genetic engineering to improve the genotype of individuals. Classical eugenics, popular in the first half of the 20th century, was faced with a number of ethical problems that were never resolved. Based on the principles of liberalism and pluralism, liberal eugenics claims to have overcome the ethical problems of classical eugenics. However, some of them remain unresolved. In addition to this, the methods and technologies used within liberal eugenics also pose new ethical challenges.

Keywords: Ethics, eugenics, Liberal eugenics, neuroethics, bioethics.

Термин «евгеника» впервые появился в трудах Фрэнсиса Гальтона в конце 19 века. Он считал ее наукой о социально контролируемых методах изменения физических и психологических качеств будущих поколений. Евгеника данного типа называется классической и ее реализация характеризуется в первую очередь государственными программами реализации евгенических идей.

Идея «освобождения» человечества от негативных качеств довольно быстро заинтересовала ученых по всему миру. Так, например, в США в общей сложности около 30 штатов законодательно закрепили евгенические практики в конце 19 — начале 20 веков. Принудительные стерилизации и запреты браков между носителями «нежелательных» качеств были призваны исключить возможность рождения детей с этими самыми «нежелательными» качествами. Существовал постоянно пополнявшийся список болезней. Однако, помимо реальных заболеваний, в нем были бедность, аморальность и «ген преступности».

Успехами евгенических практик в США заинтересовались политики и ученые Германии, что стало переломным моментом развития классической евгеники. Целью нацистских евгенических практик было поддержание «чистоты» арийской расы под лозунгами расовой гигиены. В долгосрочном плане нацистов было создание породы идеальных людей, расы «полубогов».

С конца 19-го века реализация евгенических практик сопровождалась постановкой ряда этических проблем, без решения которых дальнейшая реализация евгенических проектов казалась им невозможной. Перед учеными ставились проблемы о допустимых методах реализации евгенических программ, о границах евгенических вмешательств и о целях евгеники. Одно из центральных мест среди этих проблем занимает вопрос о «главном селекционере», которому предстояло выбирать «хорошие» и «плохие» качества. Не менее важно было решить вопрос судьбы «нежелательных» людей: одни евгеники выступали за ограничение вмешательства прекращением возможности «нежелательного» человека иметь детей, в то время как были сторонники уничтожения «недостойных».

Развитие классической евгеники завершилось евгеническими практиками нацистской Германии. После того как мир узнал о расовых чистках, термин евгеника фактически был запрещен в научном сообществе. Евгенические организации закрывались или переименовывались, а учёные стремились как можно быстрее из евгеников стать биологами, генетиками или представителями любых других наук. При этом этические вопросы так и не были решены.

Современным этапом развития евгеники является новая евгеника или либеральная евгеника. Она выступает за изменение и улучшение черт и способностей человека через использование репродуктивных технологий и генной инженерии. Либеральная евгеника нацелена на изменение генотипа каждого отдельного человека, в отличие от классической евгеники, которая занимается созданием некоего идеального генофонда страны или нации. Определением характеристик будущего ребёнка в либеральной евгенике занимаются родители этого ребёнка, в то время как в классической евгенике то, каким будет новое поколение, определяют государственные программы. Сторонники либеральной евгеники считают, что все основные этические проблемы классической евгеники можно решить ориентацией на плюрализм, который отражен в индивидуальном характере практик новой евгеники. Но так ли это?

Как уже было сказано выше, одной из центральных среди этических проблем евгеники является вопрос о «главном селекционере». Евгеника подразумевает, что есть некий человека или группа людей, которые знают каким должно быть человечество. Сторонники либеральной евгеники считают, что передача роли «главного селекционера» родителям решает этот вопрос. С одной стороны, государство больше не вмешивается в вопрос о характеристиках ребенка, все решения принимают будущие родители. Но можно ли с уверенностью сказать, что выбор

родителей лучше? Родители, так же, как и государство, могут сделать выбор, руководствуясь корыстными целями, расистскими или националистскими убеждениями.

Эта проблема также прямым образом связана с проблемой «генетического супермаркета». Развитие генной инженерии и репродуктивных технологий предполагает, что родители, придя в центр искусственного оплодотворения, смогут выбрать все характеристики своего будущего ребёнка, начиная от предрасположенности к заболеваниям, и заканчивая интересами и сексуальной ориентацией. Предполагается, что таким образом родители заботяться о своём потомстве, избавив их ото всех будущих болезней и недугов. Но получается, что, как в настоящем магазине, люди могут выбрать и не самоочевидные для других «товары». Например, можно предположить, что глухие родители захотят себе глухого ребёнка, чтобы он был частью той же культуры, воспринимал мир также, как и родители. С точки зрения либеральный евгеники нет причин, почему так делать нельзя. Но можем ли мы сказать, что использование данных генетических преобразований этично?

Не менее важна для либеральной евгеники проблема изменения характера отношений между детьми и родителями. Семейные отношения в рамках новой евгеники заменяются экономическими, дети становятся товаром. С одной стороны, определить эти взаимоотношения исключительно как товарные нельзя. С другой стороны, полностью отказаться от элементов экономических элементов в отношениях не представляется возможным. Ребёнка нельзя рассматривать как товар, но при этом, учитывая, что за указанные характеристики родители заплатили, получается, что именно товаром ребёнок и является.

Либеральная евгеника использует новейшие технологии, опираясь на принципы плюрализма и либерализма. Она позиционирует себя как наука, которая учитывает исторический опыт использования евгенических практик. Современные сторонники евгеники рассматривают новую евгенику как решившую проблему классической. Однако при более внимательном изучении, кажется, что либеральная евгеника не может быть пока использована на практике.

АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ИДЕАЛ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРОБЛЕМА ЕГО АКТУАЛЬНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Помников О.И.

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», (Луганск)

УДК 1(091):17

Актуальность исследования проблемы справедливости обусловлена рядом сложных социальных и культурно-исторических причин, среди которых на первый план выходит необходимость разрешения многообразных кризисов и конфликтов, характерных для нашего времени, на основе научно обоснованных универсальных принципов. Авторская аргументация направлена на то, чтобы показать, что в условиях нарастающего научно-философского скептицизма и ценностного релятивизма аристотелевская парадигма справедливости в эвристическом отношении представляется жизнеспособной альтернативой наиболее распространенным в современной науке «теориям справедливости».

Ключевые слова: Аристотель, практическая философия, ценность, справедливость.

ARISTOTLE'S IDEAL OF JUSTICE AND THE PROBLEM OF ITS RELEVANCE FOR THE MODERN SOCIETY

Pomnikov O.I.

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law SE of LPR «Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko», (Lugansk)

The relevance of the study of the problem of justice is due to a number of complex social, cultural and historical reasons, among which the need to resolve the various crises and conflicts characteristic of our time comes to the fore on the basis of scientifically based universal principles. The author's argumentation is aimed at showing that under the conditions of growing scientific and philosophical skepticism and value relativism, the Aristotelian paradigm of justice in the heuristic sense seems to be a viable alternative to the "theories of justice" most widespread in modern science. Keywords: Aristotle, practical philosophy, value, justice.

Характерный для современной практической философии повышенный интерес к проблематике справедливости обусловлен целым рядом глубоких социально-экономических, политических и культурно-исторических причин. Общественная жизнь практически во всех ее сферах отмечена сегодня множеством явных и скрытых конфликтов, неразрешаемых, а зачастую и неразрешимых противоречий и кризисов. На наших глазах чередой манифестаций и общественных волнений, прокатившихся по странам Северной Америки и Западной Европы, разворачивается одна из кульминационных сцен драматического процесса крушения однополярной модели мироустройства. Ценовыми «качелями» на рынке углеводородов, год от года становящимися всё масштабнее пожарами, наводнениями и техногенными напоминает о себе энергетически-экологический бездоказательными обвинениями в адрес «недемократических» государств, за которыми традиционно следуют очередные пакеты санкций, не дают забыть о себе практики «избирательного правосудия» и «двойных стандартов», свидетельствующие о затянувшемся кризисе международного права. На фоне этих и других кризисных проявлений – в диалектической связи с ними – разворачивается кризис общественно-ориентирующих ценностей, мировоззренческих и смысло-жизненных установок, задающий широко распространившееся скептическое отношение к самой идее возможности урегулирования конфликтов и противоречий современного мира на основе признаваемых всеми (универсальных) принципов и норм.

Всё отмеченное в своей совокупности актуализирует исследования предметного поля справедливости. Причём нужно отметить, что за последние шесть десятилетий «теория справедливости» переросла рамки традиционного деления на научные дисциплины и всё увереннее заявляет претензии на признание за нею самостоятельной области исследований. Справедливость как научная и философская категория, универсальная ценность и интегральная совокупность практических проблем, настоятельно требующих разрешения, на сегодняшний день становится «точкой пересечения» множества научных и вне-научных сложное многоуровневое целое интересов; «смысловым узлом», соединяющим в философский, юридический, политический, экономический, экологический, социологический, морально-этический, религиозный, лингвистический, художественноэстетический и культурологический дискурсы.

Теория справедливости — одна из наиболее активно разрабатываемых предметных областей как в западной, так и в отечественной науке и философии. К её исследованию обращались такие ведущие умы современности, как Дж. Ролз, Д. Белл, Б. Бэрри, Р. Дворкин, А. Макинтайр, Р. Нозик, А. Сен, М. Сэндел, Ч. Тейлор, М. Фридман, О. Хёффе, З. Бербешкина, А.А. Гусейнов и многие-многие другие. К сожалению, ни одна из предложенных исследователями концепций не получила всеобщего признания; ни одна из них не смогла быть эффективно реализованной на практике.

В этом контексте возникает необходимость в реактуализации философскопрактического наследия античности, и в первую очередь, учения о справедливости Аристотеля.

В рамках античной культуры на основе двух интуитивно воспринимаемых идей сформировались два различных подхода к пониманию справедливости (δίκη). В зависимости от того, какая из интуиций выступала определяющей, эти подходы можно условно определить как устремленность к закону или, наоборот, устремленность к мере. Согласно первому подходу, справедливость понимается как соответствие каких-либо социально значимых явлений (действий, намерений, отношений и проч.) внешнему по отношению к этим явлениям образцу (божественному замыслу, божественной воле, идее, трансцендентному закону, т.д.), существующему объективно, обладающему полнотой совершенства и выступающему критерием оценки и нормирования многообразных жизненных ситуаций. Этот подход восходит корнями к мифологическим представлениям о космическом (вселенском) порядке, довлеющим над человеком и требующем от человека полного себе подчинения. Его классическим философским выражением стало учение о справедливости Платона. Второй подход заострял внимание на нахождении равновесия между элементами, установлении соответствия между различными частями целого внутри самой ситуации, сложившейся в конкретных, по-своему уникальных жизненных обстоятельствах. Этот подход получил наиболее полное выражение в разработанном Аристотелем учении о справедливости.

Аристотелевская концепция справедливости стала, с одной стороны, продолжением и логическим завершением платоновских исследований справедливости, с другой стороны, – их диалектическим преодолением. В целом, Аристотелем было положено начало особой *парадигме* справедливости, отличительными чертами которой являются:

- рассмотрение проблем справедливости в контексте широкой программы *благой* человеческой *жизни*;
 - сохранение телеологической перспективы;
 - следование методологическому принципу «золотой середины»;
- комплексное рассмотрение человеческого существа с признанием диалектической взаимосвязи, взаимообусловленности и противоречивости его индивидуального и общественного (политического) начала, рациональных и иррациональных (неразумных) составляющих его природы;
 - подчеркивание духовно-деятельностного начала в человеке;
- оптимистическая позиция относительно возможности установления и поддержания социальной гармонии.

Предложенный Аристотелем идеал справедливости имеет два аспекта своего выражения: индивидуально-личностый и социально-политический. Идеал справедливости в индивидуально-личностном выражении – это справедливый человек, достигший в результате интеллектуально-волевых целенаправленных усилий контролировать свои желаний и аффекты так, чтобы всякий его поступок оказывался по своей сути справедливым, и обладающего достаточным жизненным опытом и зрелостью мышления, чтобы принимать справедливые решения и судить по справедливости в ситуациях неопределенности. Идеалом справедливости в социально-политическом аспекте для Аристотеля выступает полис, жизнь которого конституируется на разумных законах; где каждый гражданин, реализуя в публичном пространстве свою способность к свободному мышлению и свободному высказыванию, совместно с другими гражданами созидает нормативный и организационный порядок, обеспечивающий возможность достижения блага для всех. Возрождение аристотелевского идеала справедливости в обоих его аспектах есть, по нашему мнению, ключ к разрешению многих проблем современности.

Отметим также, что аристотелевское учение о справедливости выступает составной частью его более широкого учения о добродетели. Определяющей чертой «философии добродетелей» (в отличие, например, от кантианской «философии императивов») есть то, что в центре внимания здесь находится не нормативная сторона морали или права, а живой индивид, человек, обладающий особым *складом характера*, который и формируется, и раскрывается в процессе совершения поступков. Такая установка подчеркивает активнотворческое начало в человеке, ведь, совершая поступок, добродетельный человек должен не

руководствоваться некоей известной заранее схемой, а осуществлять своеобразный творческий акт, выбирая из множества возможных действий — наилучшее для данных обстоятельств.

Добавим далее, что понятие «справедливость» в содержательном плане тесно увязано Аристотелем не только с понятием добродетель, но и с таким важными для него понятиями, как природа человека, благо, эвдемония, практический разум (фронезис). Все эти понятия и соответствующие им концепты в разное время были выведены из активного научного оборота и считались устаревшими, однако тенденции развития современной практической философии таковы, что каждое из них получает шанс на реабилитацию и может быть снова возвращено в пространство актуальных научных исследований.

Учитывая все указанные выше моменты, считаем возможным утверждать, что аристотелевская парадигма справедливости обладает огромным, еще не реализованным полностью эвристическим потенциалом, который может быть эффективно использован для решения многих современных научно-теоретических и практических задач.

ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПЦИЯХ А.И. ВВЕДЕНСКОГО И Н.О. ЛОССКОГО¹

Попова В.С.

Кандидат философских наук, доцент БФУ им. И. Канта, (Калининград, Россия)

УДК 1(091)

Рассматриваются учения о времени, представленные в концепциях А.И. Введенского и Н.О. Лосского. Выявляется место этих представлений в моделях мира данных авторов, для проводится сравнительный и логико-аргументативный чего анализ текстов. Устанавливается, что представления о времени в этих концепциях являются опорными элементами моделей мира указанных авторов и важны в системе их философской исследуемых концепциях ценностные установки идентичности. Bдеятельности и стили философских размышлений имеют существенные общие черты. Таким образом, установлено, что представления о времени имеют важный этический смысл в рамках философского мировоззрения и входят в модель мира философа.

Ключевые слова: время, А.И. Введенский, Н.О. Лосский, модель мира, пресуппозиция, этический смысл, философское мировоззрение

THE ETHICAL SENSE OF THE PHILOSOPHICAL DOCTRINES OF TIME IN THE CONCEPTS OF A.I. VVEDENSKY AND N.O. LOSSKY

Popova V. S.

CSc in Philosophy,
I. Kant Baltic Federal University, Assistant Professor
(Kaliningrad, Russia)

The doctrines of time presented in the concepts of A.I. Vvedensky and N.O. Lossky. The place of these representations in the models of the world of these authors is revealed, for which a comparative and logical-argumentative analysis of texts is carried out. It is established that the ideas of time in these concepts are the supporting elements of the world models of these authors and are

_

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 19-011-00302 А «Темпоральные размышления в русской философии XIX-XX вв.: опыт реконструкции и актуализация»).

important in the system of their philosophical identity. In the concepts under study, the value orientations of philosophical activity and styles of philosophical reflection have significant common features. Thus, it was established that ideas about time have an important ethical meaning in the framework of a philosophical worldview and are included in the philosophical model of the world.

Keywords: time, A.I. Vvedensky, N.O. Lossky, model of the world, presupposition, ethical meaning, philosophical worldview.

Задачи моего исследования следующие: эксплицировать этический смысл темпоральных размышлений двух русских философов, которые так или иначе оттолкнулись от Кантова априоризма, – А.И. Введенского и Н.О. Лосского, также сопоставить эти концепции времени, выделить их взаимосвязи с мировоззренческими, ценностными позициями этих авторов. Гипотеза моего исследования такова: поскольку хронотопические представления, весь понятийный комплекс, посредством которого они выражаются (прошлое, настоящее, будущее, вечность, бессмертие, бесконечность и др.) составляют опоры модели мира некоторого субъекта как мыслящей монады определенной культурно-исторической реальности, то при всем расхождении философских взглядов и явно выраженных интерпретаций темпоральных категорий различными субъектами, ценностные установки их философской деятельности и стили философских размышлений будут иметь существенные общие черты. В результате следует выяснить, какие образы философской жизни были сформированы в системе темпоральных представлений русских университетских философов первой четверти XX века на примере А.И. Введенского и Н.О. Лосского. Это своего рода философская идентичность.

Философская идентичность не дана в готовом виде, она строится в процессе жизни и потому связана с темпоральными представлениями: «Личная идентичность человека создается и в прошлое, и в будущее из настоящего. В прошлое это – постоянное собирание себя из мозаики памяти о жизни при помощи «Я так хотел!», в будущее – это постоянное стремление почувствовать, схватить свою задачу и осознать в себе средства для решения её» [1, с. 88] Но модель мира философствующей личности отличается тем, что опорные её понятия оказываются в том или ином виде отрефлексированными. Причем эта явная рефлексия, отраженная в философских текстах, может отличаться от неявных представлений, скрывающихся в слое «затекстов», т.е. неких пресуппозиций, обусловленных культурно-исторически и объединяющих мировоззрения своих авторов.

Для выявления модели мира, места в ней темпоральных представлений, их ценностногуманитарного смысла принимаемой мной методологии, разработанной В. Н. Брюшинкиным, используется логико-аргументативный анализ текста. При этом «особенности аргументации обусловливаются, с одной стороны, избранными логическими средствами, а с другой стороны, свойствами подразумеваемой модели мира» [2, с. 23]. Поэтому, можно использовать анализ аргументации для того, чтобы выделить модель мира, которая обязательно присутствует в мышлении того или иного философа, но почти никогда не даются в явном виде, но присутствуют в виде прессуппозиций, которые можно реконструировать при помощи логико-аргументативного анализа. При таком анализе текстов А.И Введенского и Н.О. Лосского я буду опираться на следующую трактовку модели мира: это само собой разумеющееся представление субъекта о мире, включающее систему базисных объектов и базисных связей между этими объектами и позволяющее справиться личности с непомерной сложностью бытия (см.: [2, с. 11–13]).

Список литературы

- 1. Брюшинкин В.Н. Особенности исследования идентичности // Ценности и смыслы. 2010. № 5. С. 84–93.
- 2. Брюшинкин В.Н. Сравнительное исследование западноевропейской и русской философии методами теории аргументации на примере текстов И. Канта и Вл. Соловьёва // Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии: Кант, Ницше, Соловьёв. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 256 с.

О СПЕЦИФИКЕ ФИЛОСОФСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пушкарский А.Г.

БФУ им. И. Канта (Калининград, Россия)

УДК 16

Обсуждается природа и специфика философской деятельности и ее зависимость от логического анализа языков представления знаний и типа применяемой логики в методологии познания.

Ключевые слова: философская деятельность, логический анализ, Б. Рассел, философские проблемы.

ABOUT SPECIFICITY OF PHILOSOPHICAL ACTIVITY

Pushkarsky A.G.

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

The nature and specificity of philosophical activity and its dependence on the logical analysis of languages representing knowledge and the type of logic used in the methodology of its knowledge are discussed.

Keywords: philosophical activity, logical analysis, B. Russell, philosophical problems.

Почти на всем протяжении своей истории философия не была озабочена своим оправданием. Любое занятие теоретической научной деятельностью уже считалось философским. Философия так же как наука есть система знаний и познаний и занимается поиском истин. Но истин просто более глубоких, которые остаются таковыми и в религии, и в математике, и в естествознании. Возникновение и развитие современной науки, рожденной в лоне философии просвещения, но довольно быстро ставшей от нее автономной, вынудило философию заняться поиском обоснований исключительно философского знания и сокровенных философских истин. И с особой тщательностью отрефлексировать средства и методы философствования. Нельзя сказать, что философия всегда оставалась, так сказать, нечувствительной к ним. Скорее, наоборот, наиболее выдающиеся философы указывали на особые источники философского знания, превосходящие повседневные представления и научный опыт и позволяющие достигать неопровержимых и высших истин. Разум, рассудок, рефлексия, интроспекция, особые виды интуиции представлялись как законные и самостоятельные средства философского познания. Классическая философия всегда отстаивала их неприкосновенность и философскую суверенность. Такая независимость, призванная продемонстрировать превосходство философского познания над всеми другими, приводит в XX веке к осознанию того, что философия не является наукой. А если она не наука, то является ли она системой специфических знаний, способных указать всем другим областям человеческой деятельности путь к непогрешимой истине? Логические позитивисты довольно категорично попытались ответить на этот вопрос: «... мы видим в философии не систему познаваний, но систему действий; философия – такая деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять значение предложений. С помощью философии предложения объясняются, с помощью науки они верифицируются ... Наука занимается истинностью предложений, а философия – тем, что они на самом деле означают. Содержание, душа и дух науки состоят, естественно, в том, что именно в действительности означают ее предложения; философская деятельность по наделению смыслом есть, таким образом, альфа и омега всего научного знания» [1, с. 31]. Еще более радикальное представление о философии мы находим у Б. Рассела. Он видит основную ошибку философов в том, они понимают философскую деятельность как самоцель, из-за чего она может стать бессмысленной. Поскольку фактически любая заслуживающая внимания философия является в некотором смысле побочным продуктом: «Философия, которая может иметь какую-либо ценность, должна строиться на широкой и твердой основе знания, которое не является конкретно философским». Рассел полагал, что любая значительная философия в конце концов терпит неудачу. Но, только немногие из собственно философов достаточно честны чтобы признать это: «Искренний философ должен признать, что он, скорее всего, не достиг окончательной истины, но, учитывая неискоренимую склонность к познанию в человеческой природе, он намерен сделать все чтобы достичь ее до тех пор, пока его неудачи не станут совершенно очевидными. В обязанности сделать их очевидными и заключалась искренность Канта, которая заставила его работать лучше, чем большинство других философов. Его философские идеи были побочными продуктами его поисков истины в области определенного вида познания, и эти поиски закончились неудачей» [2, р. 264]. Почему тогда подобные неудачи оказываются настолько плодотворными? Если философия – «это история обоснования «вечных» ответов на «вечные» же вопросы» [3, с. 104], то, во-первых, решение философской проблемы может состоять в том, чтобы продемонстрировать, почему она не имеет строго научного решения, и, во-вторых, любая философская проблема – это проблема анализа обоснования и интерпретации знаний и познаний определенного рода. Т.е. анализа как раз того каким образом получают свой смысл и значение система высказываний, составляющих основу такого знания и что делает их истинными. Примером такой проблемы является проблема существования объектов научнотеоретического познания. «Вечной» она оказывается потому что относится к области философской, а не научной деятельности и оказывается напрямую зависимой от логикофилософского анализа языков представления знания и типа используемой логики в применяемой ею методологии [см. 4]. И в этом смысле слова выдающегося современного логика Джона Майкла Данна не будут звучать слишком вызывающе: «В известном смысле философия является основанием всего. Это сомнительное счастье. Прекрасно иметь основание для всего, однако ни у кого, по-видимому нет согласия в том, что является основанием философии и что является основой для согласия и разногласия. Логика? Коли так, логика является основанием философии» [5, с. 133]. В любом случае этика философской деятельности в значительной степени будет заключается в ее логической добросовестности и обоснованности.

Список литературы

- 1. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28–49.
- 2. Wood A. Russell's Philosophy: A Study of its Development // Russell B. My Philosophical Development. Simon and Schuster. New York, 1959. P. 255–277.
- 3. Грязнов Б.Г. Логика, рациональность, творчество. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 256 с.
- 4. Пушкарский А.Г. Методология исторических исследований и логическая культура // РАЦИО.ru 18(2), 2017. С. 29–40.
- 5. Данн Дж. Майкл. Люди это разумные орудия труда создающие животные // Современная логика: основания, предмет и перспективы развития. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 161 с.

О ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ1

Рыскельдиева Л.Т.

Доктор философских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

-

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ проекта А 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

УДК 101

Ставится вопрос о механизме воздействия философского текста на читателя. Предлагается увидеть его в практической установке автора и отличать ее от теоретической, а мировоззрение — от мироотношения. Теоретическая, основанная на созерцании, направлена на познание и поиск истины, практическая направлена на оценку и целеполагание. Мироотношение, выражающееся в практической установке, не связано с психологическими особенностями автора, даже если иметь в виду семиотическую, текстовую персонологию. В соответствие с особенностями рефлексии мира как целостности возможны два типа мироотношения — отвержение и принятие, которые, в свою очередь, фундированы долженствованием бытия и долженствованием действия. В практическом смысле философов можно «поделить» в соответствии с их типом мироотношения.

Ключевые слова: философский текст, мироотношение, смысл, персонология.

ON PHILOSOPHICAL PERSONOLOGY Ryskeldieva L.T.

Doctor of Philosophy, Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Does worldview have a practical aspect? Yes, it has and we can find it in the impact that the philosophical text has on the reader. Deontology as the basis of practical philosophy forms the ways of reflection of due and duty, making up a kind of symmetry to the methodology in theoretical philosophy. A philosophical text has a special "subject" – integrity and special meaning – Smysl, and there is practical analogue of the world view – world attitude (WA). The WA of the author of a philosophical text sets its pragmatics and can work as the basis for a typology of practical philosophies. The European "logique du sens", the way of reflection of due and duty lexically limits it to the use of the expressions "should" and "should do". Therefore, there are only two types of WA – rejection and acceptance.

Keywords: philosophical text, attitude to the world, meaning, personology.

Одна из примет нашего времени — всеобщая и окончательная практическая победа прагматизма, который осуществляет замену старых понятий на новые: специальность на набор компетенций, творчество — на креативность, замысел — на проект и т.д. Одно из следствий этой победы — господство релятивизма обыденного мышления, отстаивание права обывателя иметь не только свое мнение, но и свою философию. Откуда она у него? Очевидно, что из Сети, в ней теперь «прописаны» философские тексты в качестве единственной формы объективации продуктов философской рефлексии. Зависит ли это их действие от особенностей личности автора и читателя? Возможна ли типология воздействия философского текста?

Сколько бы мы ни рассуждали о читателе как со-творце, понимание смысла текста читателем все же коррелирует с авторским замыслом. Другими словами, прагматике философского текста соответствует его практическая компонента, действенное выражение авторской философской позиции. Она выражается в том, что можно назвать практическим коррелятом мировоззрения — в мироотношении. Каким может быть отношение к миру, и как оно связано с философской персонологией?

Персонологию принято считать направлением психологии, испытывающим влияние смежных наук — социологии, культурологии, политологии, философии и проч. Так и есть. Но я обращу ваше внимание на вариант типологии личностей, осуществленной в 60-годы в Советском Союзе в рамках нарождающейся тогда отечественной семиотики. На границе между психологией и текстологией были ранние работы А.М. Пятигорского, но особая

зоркость саморефлексии буддолога привела его проекту «семиотической персонологии», представленной им совместно с Б.А. Успенским [1]. Она отвечает на вопросы о том, знаком чего может быть то или иное поведение личности, и основывается на следующих положениях.

- А) Любая персонология опирается на анализ особого рода текста текста поведения, которое рассматривается как последовательность знаков, а поведение личности, таким образом, что-то значит. Задача персонолога при этом найти «механизм, обусловливающий поведение индивида в целом» [1, с. 7] и подвести под тот или иной тип;
- Б) С точки зрения порождения текста своего поведения это типы семиотический, когда ситуация для человека «что-то значит» или «ничего это не значит», и асемиотический, когда человек видит только вещи и ситуации, а не их значения;
- В) С точки зрения того, как семиотизируется восприятие мира это различие между типологизирующей личностью, которая видит зависимость ситуации от личных свойств человека, и тополигизирующей личностью, которая в ситуации видит внешнюю силу, воздействующую на человека;
- Γ) С точки зрения того, как субъект семиотизирует собственное «я», как он воспринимает несоответствие между собой и миром: одни склонны во всех неприятностях видеть лично против него направленную чью-то волю, другие воспринимают мир как благожелательный;
- Д) Особая роль у наблюдателя, которого А.М. Пятигорский назвал «преобразователем описания», то есть «...актом или последовательностью актов **текстового поведения** в смысле создания конкретной разновидности текста...» [2].

Преобразователь описания, демонстрирующий осознанное текстовое поведение - это интерпретатор, выражающий результаты своих наблюдений в тексте. На деле это субъект, объектом наблюдения которого могут быть вещи, процессы, ситуации и люди, но можно вести речь и о мире в целом, о целостности. Тогда мир в целом для него тоже может что-то значить, он его тоже «семиотизирует». Если увидеть в этом субъекте философа-теоретика, то он тоже может принадлежать к одному из выделенных психосемиотических типов или быть результатом их интерференции. Тогда прав У. Джеймс, настаивающий на зависимости философии от темперамента философа, однако также прав и К.-Г. Юнг, когда критикует У. Джеймса с его классификацией философий по темпераментам и предлагает деление на интровертов и экстравертов. Но можно ли вообще делить философии по психологическому основанию?

Следует признать, что «преобразователь описания» такого уникального объекта как мир-целостность существенно иной, нежели тот, кто семиотизирует случившуюся с ним самим неприятность. Именно тогда, когда речь идет о мире в целом, познавательные возможности теоретической установки по отношению к нему исчерпываются, а значит, в дальнейшем мышлении не смогут сказаться особенности семиотического типа личности философа, тип его работы со знаками и значениями. Более того, в топологии целостности не действует семиотика вообще, неуместны знаки и значения, так как они уступают место смыслу, а смысл требует смены рефлексивной установки с теоретической на практическую. Это и выражается не в созерцательно-познающей (онтологической) и ориентированной на истину, а в практически-оценивающей (деонтологической) и ориентированной на цели деятельности мыслителя, в формировании его мироотношения. В постановке вопросов долженствования — как должно быть? что я должен делать? — сказывается в практическом отношении фундаментальное различение сущего и должного, сопряжение которых является основной для европейской логики смысла рефлексивной операцией воссоздания целостности.

Таким образом, типов мироотношения всего два: отвержение и принятие. Практическая, то есть, деонтологическая философия оценок и целей, соответственно, имеет два основания: долженствование бытия и долженствование действия. Какие практические и прагматические импликации имеет каждая из них — это отдельный вопрос.

Список литературы

- 1. Пятигорский А.М. Успенский Б.А. Персонологическая классификация как семиотическая проблема // Ученые записки Тартусского университета. Труды по знаковым системам. 1967. т. III(198). с. 7—30.
- 2. Пятигорский А.М. О категориях лингвистической психологии // Пятигорский А.М. Избранные статьи по индологии и буддологии 1960–1970 г.г. URL: https://alexanderpiatigorsky.com/ru/teksty/knigi/filosofskie-i-buddologii/o-kategoriyah-lingvisticheskoy-psihologii/

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ИДЕИ Г.И. ЧЕЛПАНОВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ФИЛОСОФИИ¹

Савинцев В.И.

Кандидат философских наук Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

УДК 1 (091)

В работе анализируются темпоральные идеи русского философа и психолога Г. И. Челпанова. Сообщается о влияниях И. Канта и В. Вундта на его творчество. Отмечается. что Г.И. Челпанов различал время «математическое» и время рамках «психологическое». психологического времени, согласно философу. конституирующая функция принадлежит настоящему. Кроме того, развивая учение о психофизиологическом параллелизме, Челпанов высказывался о зависимости восприятия времени от телесно-душевного устройства. Он предвосхитил некоторые из разработок когнитивистов конца XX- начала XIX вв.

Ключевые слова: время, пространство, Кант, Вундт, переживание, припоминание, настоящее, сознание, тело.

G. I. CHELPANOV'S TEMPORAL CONCEPT IN THE CONTEXT OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN PHILOSOPHY.

Savintsev V.I.

Associate Professor
I. Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia)

The paper analyzes the temporal ideas of the Russian philosopher and psychologist G. I. Chelpanov. It is noted the influence on him of works of I. Kant and W. Wundt, N. Chelpanov distinguished between "mathematical" and "psychological" time. Within the framework of psychological time, the constitutive function belongs to the present time. Also developing the doctrine of psychophysiological parallelism, Chelpanov spoke about the dependence of the perception of time on the body-soul structure, thus he predicted some of the developments of specialists in the cognitive Sciences of the late XX - early XIX centuries.

Keywords: time, space, Kant, Wundt, experience, recollection, present, consciousness, body.

В конце XIX — начале XX вв. происходил переход от классической философии к неклассической. Постепенно видоизменялись «образы философской жизни» и то, что раньше выступало в качестве идеала интеллектуального развития, стало претерпевать трансформации.

_

 $^{^{1}}$ Работа выполнена финансовой поддержке РФФИ, проект «Темпоральные размышления в русской философии XIX-XX вв.: опыт реконструкции и актуализация» № 19-011-00302 А

Так, западноевропейские философы, искавшие интеллектуальной стабильности в сближении философии и математики, обратились уже к экспериментальным наукам. Характерный пример тому — творчество философа и психолога Г.И. Челпанова. Разрабатывая собственную версию концепции психофизического параллелизма, философ внес весомый вклад в изучение психологического времени.

1. Время – форма чувственного познания.

Исходной точкой темпоральных построений Челпанова является трансцендентализм Канта. Челпанов поддерживает идею, что время и пространство — внеопытные формы чувственности. Однако, если метафизика XVIII — XIX вв. не углублялась в истоки возникновения этой способности души, то Челпанов, отметая различные версии «внешнего» обыденно-эмпирического происхождения, сводит ее к продуктам «логической переработки» ума [1, с. 43]. Признавая новаторство Канта в обосновании происхождения «объективного» математического знания из «субъективных» начал, Челпанов называет метафизическую (математическую) концепцию времени искусственной: она удобна в теоретических целях, но бесполезна в объяснении проявлений жизни души.

В статье «О природе времени» и книге «Мозг и душа» [2; 3] Челпанов размышляет над свойствами психологического времени. Каково оно? В отличие от математического, оно дискретно и неоднозначно в проявлениях. Психологическое время — связано с количеством и скоростью переживаемых образов. Челпанов отмечает то, что в процессах *переживания* и последующего *припоминания*, пережитый отрезок времени представляется субъектом поразному. Потому, вслед за Августином Блаженным, он отмечает условность элементов времени, акцентируя внимание на конституирующей роли настоящего.

Экспериментальная психология преодолевает аристотелевский подход к настоящему. Челпанов приводит данные лаборатории В. Вундта, согласно которым психологическое настоящее (количество образов, которые возможно одномоментно удержать в памяти) укладывается в пределы от 1/500 сек. – до 2-3 сек. [2, с. 46]. Своеобразно в психологической концепции Челпанова представлены понятия «прошлое» и «будущее». В жизни души они, как было отмечено выше, условны. Будучи логически отделенными от настоящего, будущее и прошлое связаны с продуктивным настоящим «комплексом ассоциаций». При необходимости образы прошлого и будущего как бы «всплывают» в памяти. При этом они постоянно трансформируются, а в некоторых случаях и забываются.

2. На пути к «междисциплинарности»: сознание-тело-время.

Еще одной чертой темпоральной концепции Челпанова является выход за пределы традиционного взгляда на природу времени. Челпанов интерпретирует время на границе естественных и гуманитарных наук. Он расширяет классическое представление о сознании как прерогативе бытия человека. Сознание взаимодействует с телом, его деятельность обусловлена уровнем организации тела. Если бы Челпанов жил и работал в конце XX - начале XXI вв., его эпистемологические устремления, на наш взгляд, были бы близки философамэнактивистам, для которых «организм (тело-разум) и окружающий мир есть единая система. Организм находится в циклическом взаимодействии, структурном сопряжении со средой, а внешняя среда становится частью собственной организации организма, его собственным созданием, создающим его самого» [4, с. 341]. Конечно, то, что по этому поводу высказывал Челпанов, не имеет системного характера и не является учением. Это, скорее, любопытные мысли на тему соотнесения тела-сознания человека с таковым у некоторых животных и насекомых. Прорывная составляющая здесь в том, что Челпанов в начале XX века намекает на необходимость переосмысления составляющих познавательного акта с целью понять: не с чем должно, а с чем в действительности имеет дело сознание.

В частности, Челпанов приводит мнение о зависимости скорости восприятия времени от скорости пульса, высказанное К. Э. фон Бэром. Далее Челпанов развивает эту идею так: «Мы можем, например, предположить, что жизнь человеческая, обнимающая детство, зрелый возраст и старчество, сведена на один месяц, и пульс человека стал биться в тысячу раз скорее, чем обыкновенно; тогда мысль его стала бы протекать в тысячу раз скорее, чем

теперь. Тогда восприятие явлений изменилось бы коренным образом, именно, так как мысль его стала быстрее, то он будет в состоянии воспринимать такие движения, которых он теперь не в состоянии воспринять вследствие их чрезмерной скорости» [3, с. 196.]

Итак, Челпанов высказывает интересную мысль о том, что представляемые атрибуты мира — пространство, движение, время имеют субъективную природу. Складываемая посредством этих атрибутов картина мира зависит не от каких-то внедренных высшими силами установок, а от особенностей телесно-духовной организации когнитивного агента.

Список литературы

- 1. Челанов Г.И. Введение в философию // Сочинения в 4 т.Т.1. Киев. НПУ; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014.-405 с.
- Челпанов Г.И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. М., 1893. № 19 (4). С. 36–54.
- 3. Челпанов Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. M., 1912. 319 с.
- 4. Князева Е.Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С.339–350.

ПРАГМАТИЗМ СОЦИАЛЬНОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ: БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСТРЕМУМА

Сидорина Т.Ю.

Профессор, доктор философских наук, Национальный университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), Факультет экономических наук, Лаборатория сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ.

Кайтанджян М.Г.

Доцент, кандидат педагогических наук, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

УДК 101.0

В условиях сокращения социального государства вопросы социальной защиты, обеспечения социальных потребностей постепенно становятся прерогативой самого человека и гражданского общества. Понятие социальных гарантий становится симулякром. В результате глобализации, экспансии развития технологический значительная часть населения планеты в трудоспособном возрасте оказывается на грани потери источников существования. Какие стратегии и сценарии преодоления неопределенности предлагает современная социальная теория? Какие теоретические конструкты обретают актуальность в условиях новых социальных экстремумов, с которыми сталкивается человечество в преддверии 2020 годов.

Ключевые слова: социальная катастрофа, ценности демократии, симулякр, новый общественный договор, солидарность, безусловный базовый доход, социальный экстремум

PRAGMATISM OF SOCIAL THEORIZING: UNCONDITIONAL BASIC INCOME IN CONDITIONS OF SOCIAL EXTREMUM

Sidorina T. Yu.

Professor, Doctor of Philosophy,

National Research University "Higher School of Economics", (Moscow, Russia)

Kaitandjyan M.G.

Ph. D., associate Professor, Moscow pedagogical state University. (Moscow, Russia)

Under reduction of the social state, issues of social protection, ensuring social needs are gradually becoming the prerogative of the individual and civil society. In the context of a reduction in the social state, the sphere of work and the needs of the employee go beyond the control of the state and the employer. The concept of social guarantees becomes a simulacrum. Globalization, the expansion of technology development have caused a significant part of the world's working-age population to be on the verge of losing their livelihoods. What strategies and scenarios for overcoming uncertainty does modern social theory offer? What theoretical constructs are gaining relevance in the face of new social extremes that humanity is facing on the eve of 2020s.

Keywords: social theory, values of democracy, simulacrum, new social contract, solidarity, unconditional basic income, social extreme

На рубеже XX-XXI вв. вопрос безусловного базового дохода обретает особую актуальность в контексте пересмотра концепта социальное государство и политики благосостояния, проводившейся в XX в. многими экономически развитыми странами.

Проблематика безусловного базового дохода затрагивает широкое теоретическое поле. В обсуждении этой темы мы опираемся на следующие концепции: прагматизм социальной утопии, «новый катастрофизм» (Дж. Урри), амбивалентность социальных конструктов (Ж. Бодрийяр), социальная зависимость, «право на жизнь» (К. Поланьи), «ловушка бедности» (Р. Лукас, П. Ромер), новый общественный договор (У. Бек), безусловный базовый доход как социальная практика (А. Горц).

Отправным пунктом нашего рассмотрения становится прогностический потенциал социального утопизма, вдохновлявший социальных теоретиков и практиков на реализацию проектов общественного развития. Согласно Дж. Урри, «в 1990-х гг. на Западе было распространено представление о том, что новое светлое будущее вот-вот должно наступить. Это была оптимистическая утопическая глобализация...» [1, с. 56]. Однако рубеж XX-XXI вв. показал, что у «глобализации есть свои темные, антиутопические стороны. Открытость границ означает также <...> экологические риски, войны, пандемии... Значимость данных потоков породила в общественной мысли феномен, который можно назвать "новым катастрофизмом"» [1, с. 57–58].

В этой связи амбивалентными становятся многие концепты социальных теорий прошлого, в том числе перечисленные нами «общественный договор» и «безусловный базовый доход». В работах 2000-х годов У. Бек ставит вопрос о новом общественном договоре. в условиях кризиса модели государства, кризиса основных социальных институтов, кризиса политики благосостояния и Welfare State вектор интереса смещается от проблемы возникновения государства к организации гражданского общества.

Какие стратегии и сценарии преодоления неопределенности предлагает современная социальная теория? С 1995 г. активно обсуждается идея безусловного базового дохода, в частности французский социолог и экономист А. Горц предлагал введение пособия на существование, которое поможет найти формы самодеятельности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях [2, с. 38].

Идея безусловного дохода вызвала как положительные, так и критические отклики. Высказываются предположения, что несмотря на положительный потенциал безусловного базового дохода (снижение затрат на администрирование социальных программ, возможность

получить новую специальность), введение этой практики потребует серьезных расходов; также одним из последствий может стать социальное иждивенчество [3].

Однако в ситуациях, подобных Пандемии, с которой столкнулось мировое человечество на рубеже 2019–2020 гг., необходимы экстренные решения. Так, в ряде стран были высказаны предложения предоставить гражданам специальные выплаты на время карантина (как краткосрочной формы ББД). Мы ставим вопрос: может быть ББД в той или иной форме может рассматриваться как один из инструментов преодоления экстремальной ситуации, возвращения к ценностям демократии, солидарности, взаимопомощи, гражданской инипиативы?

Список литературы

- 1. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Дело, 2019. 351 с.
- 2. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: НИУ ВШЭ, 2010. 208 с.
- 3. Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М.: РГГУ, 2013. 144 с.

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Шаповал В. Н.

доктор философских наук, профессор профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Харьковский национальный университет внутренних дел (Харьков, Украина)

УДК 101

В статье затрагиваются вопросы о месте и роли философии в мире, рассматриваемые в широком историческом контексте. Современная эпоха, переполненная противоречиями и кризисами, несмотря на ее кажущуюся нефилософичность, остро нуждается в новых смыслах, которые не могут дать ни обыденная жизнь, ни религия, ни наука. Данное обстоятельство с необходимостью заставляет обращаться к философии, подчеркивая ее непреходящее значение в качестве квинтэссенции культуры.

Ключевые слова: философия, культура, современность, смысл.

PHILOSOPHY IN THE MODERN WORLD: SEARCHES AND ALTERNATIVES.

Shapoval V. N.

Doctor of Philosophy, Professor Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines Kharkiv National University of Internal Affairs (Kharkiv, Ukraine)

The article raises questions about the place and role of philosophy in the world. They are considered in a broad historical context. The modern era is filled with contradictions and crises. It seems unphilosophical. Nevertheless, we need new meanings that neither ordinary life, nor religion, nor science can give. This circumstance necessarily makes one turn to philosophy, emphasizes its enduring importance as the quintessence of culture/

Keywords: philosophy, culture, modernity, meaning.

Философия, наряду с религией, моралью, искусством, наукой является одним из важнейших элементов духовной культуры. История показывает, что в различные периоды и в различных культурах приобретает главенствующее значение та или иная форма духовной

деятельности, в то время как другие до времени остаются в тени. Последнее связано с тем, какие духовные интересы преобладают в обществе, какие мировоззренческие запросы оказываются в центре внимания. В Древней Греции на первый план вышло мифологически окрашенное искусство, в Древнем Риме особое значение приобрела политика, Средневековая Европа характеризовалась проникновением религии во все стороны жизни, а с Нового времени здесь во весь голос заявила о себе наука. Именно наука оказывает сегодня решающее влияние на все стороны жизни современного общества. При этом все другие формы духовной жизни, включая философию, зародившись в глубокой древности, никуда не исчезают, и в новых обстоятельствах становятся весомым фактором перемен в обществе.

Если задуматься, то основные идеи, положенные в основу европейской цивилизации и европейского миропонимания, почерпнуты из античной философии и христианской религии. Равным образом, это справедливо для индийской, китайской, арабской и иных цивилизаций, где имели место свои духовные поиски и находки. Ведущие цели и ценности, основные нравственные ориентиры нашего современника, в значительной степени, определяются теми идеями, которые взяты из прошлого. Свобода и общественное благо, рабство и права человека, патерналистские и антипатерналистские отношения народа и государства, равенство и справедливость — все эти, а также многие другие концепты, зародившись в недрах философии, приобрели ныне важнейшее социальное и политическое звучание. Оформляясь новой риторикой и приобретая современное звучание, они становятся мотивами актуальных лействий.

Вместе с тем, многое нуждается в переосмыслении. В частности, — мысль Канта, согласно которой человек является жителем двух миров: феноменального и ноуменального, мира природы и мира свободы [1]. Современная наука, с большой долей вероятности, позволяет утверждать, что представления о том, что кроме феноменального есть еще и ноуменальный мир, являются неубедительными. Свобода — это не более чем иллюзия нашего сознания, полезная фикция, придуманная людьми для того, чтобы найти способы регуляции общественных отношений больших масс людей через механизмы морали и права. Скорее всего, человек, как все живые существа, живет только в одном мире — феноменальном мире природы.

Мысль о его свободе имеет далеко идущие последствия. Многие из глобальных проблем современности имеют свои корни именно в ложной уверенности, что человек, якобы, свободен. Если человеческую свободу и допускать, то только как выбор из имеющегося веера возможностей, предоставляемых феноменальным миром. Люди не свободны ни от внешней, ни от внутренней детерминации. Благодаря своему разуму, они в состоянии совершать выбор, который кажется им оптимальным. Но в таком выборе нет ничего выдающегося. Нечто подобное делают и другие высшие млекопитающие, и не только они. Разумеется, только человек создает государство, право, искусство, религию и философию. Однако, их появление связано не со свободой, или не только со свободой, а главным образом, с особыми, сложными формами жизни, создаваемыми людьми в целях выживания и процветания своего рода.

Сегодня говорят о необходимости устойчивого развития глобальной земной цивилизации, выдавая эту идею за нечто новое и оригинальное [2]. Однако, стоит вспомнить, что задолго до нас, полулегендарные «семь древнегреческих мудрецов» оставили изречение: «Всё – в меру», – представляющее собой более сжатую, лаконичную форму той же мысли [3]. Если обратиться к всемирному философскому наследию, можно обнаружить великое множество идей, которые позволяют по-новому взглянуть на существующие сегодня проблемы и во многих случаях, подсказать решение. Можно сказать, что философское и общекультурное наследие прошлого представляет собой ту сокровищницу духа, которая, в случае гибели материальной составляющей цивилизации, могла бы стать фундаментом будущего возрождения. С другой стороны, утрата этих идей, утрата памяти о прошлом, при сохранении материального базиса жизни, превратила бы людей в скопище безумцев, которые погубили бы себя и всю планету [4].

Одним из важнейших явлений общественной жизни последнего столетия стало «восстание масс» [5], которое выразилось в том, что десятки миллионов людей стали активными участниками социально-политических действий. Новые средства информации и коммуникации, появление Интернета позволили подключиться к массовым действиям уже сотням миллионов людей. Но смысла от этого не прибавилось. Наряду с реальными, образуются «виртуальные толпы» со всеми характерными чертами человеческой толпы, на которые обращал внимание еще Гераклит.

Мир становится всё более динамичным и всё более непредсказуемым. Наше время, кроме всего прочего, можно было бы назвать временем тотальных практических действий. Обстоятельное обдумывание происходящего и дальновидное прогнозирование будущего, — это не про нас. Мыслить со скоростью светового сигнала в Интернете — таково умонастроение нашей эпохи. Сегодняшнее время вряд ли можно назвать философским. Кроме всего прочего, это еще и потому, что философия живет, скорее, в ритмах природы, а не в ритмах современной информационно-цифровой цивилизации.

Философия в последние два столетия пережила немало серьезных испытаний. Неоднократно высказывались мнения о ее конце. Как это бывало и раньше, подобные предположения оказываются неоправданными. На самом деле, наряду с глобальными социальными трансформациями, решительные перемены происходят в сфере духа, вследствие чего не только наука, как ядро современности, но также и философия претерпевают серьезные изменения, всё более активно вторгаясь в область повседневности.

Философия тем или иным образом оказывает влияние на каждую из форм духовной жизни, выступая их метафизическим началом, а также критической рефлексией по поводу оснований их существования и развития. Она несет в себе как индивидуально-личностную, так и социокультурную составляющую. Мировоззренческий контекст, поиски человеком себя и смысла жизни, независимо от того, отрефлексированы они или присутствуют неосознанно, напрямую заставляют обратиться к ее основополагающим идеям. Философия представляет собой квинтэссенцию подобных поисков, и для всякого, кто чувствует себя потерявшимся в этом мире, она может стать путеводной звездой. С ее помощью человек и человеческая культура в целом осмысливают прошлое, ищут рациональные объяснения коллизиям настоящего, обретают силы и вдохновенье для созидания будущего.

Список литературы

- 1. Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- 2. «Наше общее будущее»: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): Пер. с англ. / Под ред. и с послесл. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 244 с.
- 3. Фрагменты ранних греческих философов. M.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
- 4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Кн. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. В.Н. Садовского. М.: «Феникс», Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
- 5. Ортега-и-Гассет X. Что такое философия? M.: Hayka, 1991. 408 с.

ЭКОНОМИКА СМЫСЛА: МЕРЛО-ПОНТИ И ДЕРРИДА О ЗАЙМЕ И ВОЗМЕЩЕНИИ СМЫСЛА

Шестова Е. А.

Кандидат философских наук Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

УДК 101

Пересматривая гуссерлевское понятие «традиции», М. Мерло-Понти и Ж. Деррида ставят под вопрос противопоставление «моего» и «чужого» смысла и указывают на интерсубъективное конституирование смысла. Мерло-Понти предлагает концепцию общего смысла, который может быть исполнен мною и другим и разделен между нами. Деррида говорит об отчуждении смысла в языке: «исполняя» смысл, читатель заимствует его, чтобы затем вернуть с процентами. Язык становится интерсубъективной средой существования смыслов, не имеющих явного истока и однозначной принадлежности, но одалживаемых и возвращаемых. Это позволяет уйти от метафизической парадигмы «принадлежности» смысла субъекту.

Ключевые слова: М. Мерло-Понти, Ж. Деррида, феноменология чтения, интерсубъективность,

ECONOMICS OF SENSE: MERLEAU-PONTY AND DERRIDA ABOUT BORROWING AND REPAYING SENSE

Shestova E. A.

PhD

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. Merleau-Ponty and J. Derrida revise Husserl's concept of 'tradition'. They bring into a question the opposition of the mine and the other's sense and emphasise the intersubjective constitution of sense. Merleau-Ponty proposes the conception of the collective sense, that can be fulfilled by me as well as by the others and shared. Derrida claims, the sense is alienated by the language: by fulfilling the sense the reader borrows the deposed sense and repays it later with interest. The French philosophers consider the language as the intersubjective medium of senses, which have no definite origin and and wasn't produced, but borrowed and than repaid. It is the way to elude the metaphysical concept, that the subject is the owner of sense.

Keywords: M. Merleau-Ponty, J. Derrida, phenomenology of reading, intersubjectivity

В докладе рассматривается разработка феноменологического (гуссерлевского) понятия традиции у французских феноменологов. Гуссерль понимает механизм традиции как взаимодействие производства и оседания смысла, но поскольку он изначально полон недоверия к языку, «искушающему» нас пользоваться готовыми смыслами без их реактивации, он старается свести роль языка к минимуму. Гуссерль, таким образом резко разводит «мой» и «чужой» опыт, и в конечном счете только мой собственный опыт может дать мне истину. Для него это базовое положение феноменологии. Однако в традиции роль чужого смысла для производства моего собственного не до конца ясна. Чтобы обозначить сопоставление описанного опыта и моей собственной верификации его Гуссерль использует понятие "Deckung" — покрытие, перекрытие, в частности, как отмечает переводчик М. Маяцкий, «покрытие векселя» или займа. Комментируя Гуссерля, Мерло-Понти и Деррида ставят под сомнение его идею «живого настоящего» и возможной «реактивации смысла», пересматривая таким образом самые основания гуссерлевской концепции.

Наш интерес заключается как раз в том, чтобы рассмотреть через понятие традиции опыт чтения. Мы хотели бы исследовать специфическую роль роль языка как среды смыслов и уйти от однозначного разграничения «моего» и «чужого» смысла. Вслед за французскими феноменологами мы предлагаем сосредоточиться на моменте «покрытия», в котором и происходит для них учреждение истины. Если для Гуссерля истина учреждается в момент созерцательного наполнения интенции значения, а при седиментации она уже «выдыхается», то для Мерло-Понти и Деррида только в седиментации и имеет место истина. Истина опознается постфактум, как всегда уже повторенная, при этом в традиции повторение это (reprise, Nachvollzug) чаще всего является повторением чужого смысла. В связи с этим и

возникает вопрос, кому принадлежит этот смысл, двойное учреждение которого было выполнено разными фактическими субъектами?

Французские феноменологи несколько по-разному подходят к рассмотрению статуса этого смысла. Мерло-Понти в статье «О феноменологии языка» и в неоконченной «Прозе мира» рассматривает его как «общий смысл» — принадлежащий и мне, и другому, и всем потенциальным другим. Язык, понимаемый им как внешний и проницаемый уровень телесности, дает возможность «пересечения тел», разделения одного и того же смысла — вплоть до «одержимости». Когда я усваиваю мысль другого, она становится в некотором роде моей, но и я тем самым меняюсь; так я могу усвоить и стиль того или иного писателя, но усвоить его, лишь уступив ему: «Я создаю Стендаля, и когда я его читаю, то и сам становлюсь Стендалем».

Деррида же во Введении к «Началу геометрии» говорит об «отчуждении смысла», который не принадлежит больше ни мне, ни другому, но помещается на хранение (se depose) в язык, как в банк. Смысл отрешается от изначального собственника, лишается его и также становится общим, но уже как не принадлежащий никому. Исполняя смысл, я как бы заимствую его на время, чтобы вновь вернуть в язык уже с процентами. Таким образом происходит капитализация, или прирастание, истины, ее накопление. Язык становится автономным местом традиции, не зависящим от фактичных участников традиции, но и не полагается как сфера неизменных истин трансцендентального эго, становясь сферой бесконечной работы.

Привнесение в феноменологию проблематики языка и идея о неустранимости языкового измерения у обоих авторов приводит к тому, что язык становится не просто средством закрепления и передачи опыта, но средой существования смыслов, не имеющих явного истока, однозначной принадлежности, но одалживаемых и возвращаемых. Это, в частности, позволяет уйти от метафизической парадигмы «принадлежности», соответственно от антифеноменологичного постулирования «субъекта».

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКТИКА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Шиян Т.А.

кандидат философских наук Фонд «Центр гуманитарных исследований» (Москва, Россия)

УДК 1(091), 101.1, 101.8

В сообщении рассматриваются основные положения концепции античной философии П. Адо с рядом уточняющих и развивающих их положений автора. Основываясь на концепции Адо и его трактовке понимания в школе Аристотеля философской практики как мышления, автор считает, что философия никогда не переставала быть именно практикой, хотя тип практики и сменился. Произошло это в процессе христианизации античной культуры, в результате чего философский дискурс оторвался от неприемлемых для христиан языческих практик. Но он нашел продолжение, с одной стороны, в христианских религиозных практиках, а с другой стороны, в практике мышления. Познание, основанное на мышлении и рефлексии, является областью развертывания философии как практики и сегодня. При этом, как и в античности, философская практика становится философской только в процессе дискурсивного самоописания и самопроектирования.

Ключевые слова: Пьер Адо, Платон, Аристотель, античная философия, философская практика, философский дискурс, христианство, современная философия, мышление, рефлексия, самоописание.

PHILOSOPHY AS PRACTICE: FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT DAYS

Shiyan T.A.

PhD

Foundation for Humanities (Moscow, Russia)

The report discusses the main provisions of the concept of ancient philosophy of P. Hadot with a number of clarifying and developing their provisions of the author. Based on the concept of Hadot and its interpretation of the understanding of philosophical practice as thinking in the school of Aristotle, the author believes that philosophy has never ceased to be exactly a practice, although the type of practice has changed. This happened in the process of Christianization of ancient culture, as a result of which the philosophical discourse broke away from pagan practices unacceptable to Christians. But it has found a continuation, on the one hand, in Christian religious practices. and on the other hand, in the practice of thinking. Cognition based on thinking and reflection is still an area of development of philosophy as a practice today. At the same time, as in antiquity, philosophical practice becomes philosophical only through discursive self-description and self-projection.

Keywords: Pierre Hadot, Plato, Aristotle, ancient philosophy, philosophical practice, philosophical discourse, Christianity, modern philosophy, thinking, reflection, self-description.

Автор в целом разделяет подход к трактовке античной философии П. Адо [1]. При этом, эта концепция, на взгляд автора, гораздо более универсальна, чем осмелился утверждать сам Адо. Автор, начав с основных положений о природе философии и этапах ее становления и развития, разделяемых, как ему представляется, и Адо, имеет целью ответ на вопрос, что же является философской практикой (философией как практикой) в наше время.

- 1. Слова «философия» и «философ» появляются в греческом языке только в эпоху Платона и приобретают особое значение (отличное от смыслов, задаваемых соответствующим словообразованием) в первой половине IV в. до н.э., видимо, в процессе борьбы «философских» школ Исократа и Платона [1, с. 24–37, 55–66 и др.]. Предшествующая интеллектуальная традиция была отнесена греками к философии только ретроспективно.
- 2. Начиная с Платона, античная философия представляет собой некоторую философскую практику, или образ жизни (Адо использует эти выражения как синонимы). При этом, данное утверждение фактически является метафорой. Согласно Адо, философия (философская школа) имеет двухслойную структуру и состоит из собственно философской практики и обслуживающего ее философского дискурса [1, с. 18–21]. С одной стороны, именно философская практика является тем, ради чего существует философия. С другой же стороны, только наличие особого вида дискурса делает эту практику именно философской (а не религиозной, к примеру).
- 3. В традиции Московского методологического кружка (ММК), которой близок автор, социальные структуры, подобные философским школам античности, принято описывать как системы мыследеятельности, а именно как области деятельности, имеющие трехслойную структуру: слой практики, слой коммуникации и слой мышления, которые связаны между собой процессами рефлексии разных видов. В концепции Адо слой мышления и процессы рефлексии в явном виде не выделяются, но, безусловно, он их наличие не отрицает. Дискурс понимается Адо как «"дискурсивная мысль", выраженная посредством письменной или устной речи» [1, с. 20]. Можно сказать, что в концепте «философского дискурса» Адо интегрируются процессы внутришкольной коммуникации, мышления и рефлексии по поводу ее практики. Это важные черты философского дискурса, без которых никакая практика не является философской.
- 4. Философски дискурс по отношению к соответствующей практике (образу жизни) выполняет следующие функции. Самоописание школьной практики в ее дискурсе является, с одной стороны, инструментом рационализации практики (1) и, с другой стороны, механизмом

обратной связи (2), коррекции как образа жизни конкретного философа в целом, так и успешности выполнения им тех или иных духовных упражнений (аскеза). Кроме того, самоописание выполняет проективную функцию (3), функцию построения новых элементов практики. Эти три функции самоописания тесно связаны между собой и являются, на взгляд автора, неотъемлемой частью философии, без которой никакая практика, в чем бы она ни состояла, не является философской. Кроме того, построенное самоописание философии выполняет педагогическую функцию (4), являясь базовым инструментом воспроизводства философии в новом поколении. Другой важной составляющей обучения неофита является обоснование, что данный философский образ жизни, данная жизненная практика является наилучшей (5). Кроме того, философский дискурс выполняет функцию внешней апологетики (6), которая по инструментам риторики и аргументации может отличаться от внутренней апологетики (5).

- 5. Особую роль в понимании концепции Адо и ее переноса на философию в целом играет интерпретация аристотелевской школы. Согласно Адо, практика аристотелевской школы состояла в уподоблении Уму (Нусу), то есть в практике мышления [1, с. 90 и др.]. Которое при этом не отрицает деятельности, поскольку Нус одновременно является и источником любой деятельности, любого движения в мире.
- 6. Кажущийся перелом в структуре философии происходит в процессе смены античной языческой культуры на христианскую. Христиане усваивают дискурсивный слой античной философии в качестве системы общего образования, отбрасывая философскую практику языческих школ как неприемлемую. При этом, некоторая практика (религиозная) у христиан изначально имеется и получает самоописание в рамках христианской теологии, для построения которой собственно и оказывается востребованной античный философский дискурс. Это определяет и место философии в системе византийского образования (которое было перенесено и развито в западноевропейских университетах) как необходимой теоретической подготовки к занятиям теологией. Кроме того, параллельно возникает особая христианская практика монашество, которое нередко восточными отцами церкви (например, каппадокийцами) называется подлинной христианской философией. Но кроме связи в средние века философии с религиозными практиками мне представляется важным указанное выше аристотелевское понимание философской практики как мышления. Такая практика не противоречила остальным христианским практикам и, возможно, именно это стало причиной такого значения Аристотеля как в Византии, так и в католической Европе.
- 7. Именно познание, основанное на мышлении и рефлексии, по убеждению автора, является областью философской практики сегодня. Современная философия состоит в *построении* собственного видения мира на основании рефлексии и мышления как основных инструментов. В связи с таким пониманием философии как видения и личностно ответственного познания было бы уместно упомянуть Э. Гуссерля [2, с. 7] и М. Мерло-Понти [3, с. 33]. При этом наличие концептуализации (самоописания) выстраиваемого подхода как философского является неотъемлемой частью философии сегодня, как и в античности.

Список литературы

- 1. Адо П. Что такое античная философия. M, 1999. 320 c.
- 2. Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. 1991. №2. С. 6–30.
- 3. Интервью с М. Мерло-Понти (1960 г.) // Логос. 1991. №2. С. 31—40.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: ОТ МУДРЕЦА К ЭКСПЕРТУ

Шульга Е. Н.

доктор философских наук Институт философии РАН (Москва, Российская Федерация)

Обоснование проблемы становления философского знания рассмотрено с позиции основополагающих принципов познания. Обращение к истории философии позволяет выявить некоторые универсальные принципы познания, такие как преемственность знания и требование обоснованности. Оба принципа оказываются эффективными как для постановки и решения той или иной научной проблемы, так и непосредственно в философском исследовании. Эти принципы познания наиболее характерны для современного европейского рационализма, и они задают образец культуры философствования. Исходя из философских идей, высказанных Сократом, можно «реконструировать» создаваемый им образ будущей философии, с ее устремленностью к человеку, к пониманию слова как понятия, соотнесенного с предметом исследования. В свою очередь позиция Френсиса Бэкона в вопросах познания ориентирована не на человека, а непосредственно обращена к природе. Хотя наблюдение является исторически первым методом познания, именно философия Бэкона придает ему единственно ценный для науки смысл – объяснять наблюдаемую природу. Делается вывод о множественности неконкурирующих философских концепций и направлений философской мысли XXI в., что создает образ современного философского знания и позволяет конкретизировать роль современного философа как «эксперта».

Ключевые слова: философия, преемственность знания, обоснование, познание

AN EVOLUTION OF THE IMAGE OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE: FROM SAGE TO EXPERT

Shulga E. N.

Doctor of Sciences (Philosophy)
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

The substantiation of the problem of philosophical knowledge development is considering from the point of view of fundamental cognition principles. An address to the history of philosophy allows to reveal some universal cognition principles such as continuity of knowledge and the requirement for substantiation. Both principles turn out to be effective both for formulating and resolving either scientific problem and directly in a philosophical study. These cognition principles are mostly featuring modern European rationalism and they determine a pattern of the culture of philosophizing. Starting from Socrates' philosophical ideas one should "reconstruct" the future philosophy image developed by him featuring by human being directedness and understanding the word as the concept correlated with the study subject. In turn Francis Bacon's position on the questions of cognition is oriented not to a man but directly deals with the Nature. Albeit an observation is historically the first method of cognition just Bacon's philosophy provides it uniquely valuable for science meaning – to explain the observable nature. The conclusion on the plurality of non-concurring philosophical conceptions and XXIth century directions of philosophical thought is drowned that creates an image of modern philosophical knowledge and allows to specify the role of modern philosopher as an "expert".

Keywords: philosophy, continuity of knowledge, substantiation, cognition

Философия эпохи античности дала человечеству образцы философского стиля мышления, которое было направлено на постижение природы во всем ее многообразии и организации мира в их целостности, наряду с выяснением сущности вещей и связи явлений, вплоть до разнообразных попыток постичь начала всего сущего. Эти знания обобщались, систематизировались, задавая основу определенного взгляда на мир и систему ценностей, которую разделяли представители тех или иных школ и направлений. Внутри этих школ формировались и конкретные способы познания и объяснения — натурфилософского значения

и/или метафизической направленности. Так, отталкиваясь в объяснении природы от наблюдаемых фактов или явлений, философы не ограничивались описанием только видимых вещей, но допускали предположения и догадки относительно того, что они видеть и наблюдать не могут. Более того, само наблюдение над фактом, строго говоря, не мыслимо без примеси суждения со стороны нашего ума, без прибавления нечто такого к непосредственно наблюдаемому, что, как предполагается, содержится в нем. Таким образом, факт как некое представление, есть продукт непосредственного наблюдения и последующего вывода. Именно в этом направлении шло становление европейского рационализма как образа (и образца) философии, утвердившего в культуре философствования два важных принципа познания в качестве универсальных — принцип преемственности знания (как основы всех последующих исследований в науке и в философии) и требование обоснованности знания.

Замечу, что в некоторых случаях, касающихся общефилософских рассуждений, добросовестность наблюдателя не имеет большого значения там, где речь идет о проницательности. Так, один француз уверял своего друга, что Земля вращается вокруг Солнца, и в доказательство своего утверждения он давал честное слово. Однако мы знаем, что в трудных вопросах науки и в решении сложных философских проблем «честное слово» не имеет никакого значения. В то же время, ссылка на авторитет — важный этап развертывания аргументации в деле обоснования идеи или концепции, и это всего лишь способ найти подтверждение выдвигаемой идее, имевшей смысл в прошлом или уже доказанной автором. Тем самым отсылка к предшествующему опыту познания, к уже полученному кем-то результату должно рассматриваться не как подтверждение собственных результатов исследования, но, скорее всего, как подтверждение того, что исследователь в полной мере овладел тем исходным материалом, на который опирается, что, по сути дела, согласуется с принципом преемственности знания.

Отличительной чертой современного научного и философского познания является стремление к обоснованности. Причем характерной чертой, свойственной научному методу, является *проверка*. В случае научного исследования проверка — это своего рода переход к неизвестному только через известное — здесь каждое положение рассматривается как гипотетическое, пока оно не будет сопоставлено с фактами, т.е. пока не пройдет проверку. Другими словами, правильность теоретических выводов гарантируется соответствием между выдвигаемой идеей (или отдельным положением концепции) и опытом.

Философия использует метод объяснения, но философское объяснение гарантировано только логической связью допускаемой гипотезы с явлением, которое подлежит объяснению. Разделяя эту позицию в принципе, Френсис Бэкон, тем не менее, тонко подметил, что логические объяснения могут не иметь значения, например, в деле познания природы на том основании, что сложная организация природы, или в его контексте — «утонченность» природы значительно превосходит утонченность всякого аргумента. Однако это утверждение не помешало самому философу признать познавательное значение последовательности доказательств, например, посредством перехода от уже известного частного утверждения к общему выводу, посредством пополняя новым знанием звенья цепи наших рассуждений.

На протяжении длительного периода становления европейской культуры философы задавали те же вопросы, которые занимали еще древних греков. Их пытливый ум был обращен не только к познанию и объяснению сущности вещей – проблематика, получившая развитие в европейской науке и философии, но и задавалась вопросами, непосредственно направленными к человеку. Что есть человек? Что мы, люди можем знать? Обращая мысленный взор к прошлому, нельзя не отметить различие в образе мира, который был характерен для греков и тем, например, который передает позиция Френсиса Бэкона. Так Сократ, как известно, в своих рассуждениях прибегал к индукции; Бэкон же расширил этот способ ведения беседы, придал ему значение индуктивного метода. Ум Сократа был направлен на человека через познание самого себя (к чему, как известно, призывали мудрецы древности), он учил искать истину в самом человеке, а не вне его. Бэкон преследовал противоположную цель: он изучал природу, наблюдая природу и при этом пренебрегал всякими исследованиями человеческого ума. И

хотя оба философа создали собственные образцы философской мысли, именно линия Сократа обладает общекультурной ценностью в деле познания основ так называемой гуманитарной области знания. Например, Сократ был убежден, что нельзя, опираясь на какую-то одну высказанную справедливую мысль, впадать в противоречие с какой-либо другой мыслью и знание, добытое в результате правильного рассуждения, не может содержать противорий. Кроме того, характерной особенностью раннего периода истории философии является отношение к слову как имеющему непосредственную связь с предметом исследования. Отсюда определение предмета через его описание, соотнесение используемого понятия с объяснением сущности предмета и т.д. Хотя этот круг вопросов нуждается в специальном рассмотрении, само указание на них связано с многообразием тем и проблем, которые постепенно, в течение веков приобретают относительно законченные черты, например, разделяя науки на естествознание и гуманитарные науки. При этом философия XXI в. представлена многообразием концепций и направлений (философия жизни, экзистенциализм, неопозитивизм, неотомизм и неосхоластика, философская герменевтика, феноменология, иррационализм и реалистическая метафизика, прагматизм, структурализм и постмодернизм, философия науки и т.д.). Эти философские направления обосновывают решение проблем, формулируемых в контексте непосредственных целей и задач, типичных именно для данных направлений. Особенностью философии XXI в. является то, что все эти концепции, как правило, не занимаются взаимной критикой, но создают собственный образ философии. Если в недрах греческой философии формируется образ (тип человека) мудреца, то современная философии рассуждает о целях философии и ценности философского знания. С одной стороны, сохраняется преемственность во взглядах на место философии в системе знаний, а с другой стороны, все очевиднее значение философа как личности, что согласуется с теми задачами, которые ставит современное общество, отводя философу роль эксперта (в позитивном и широком значении этого слова).

ФИЛОСОФИЯ КАК ЭКСПЕРТИЗА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВКУС И КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О МЕСТЕ И РОЛИ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

Богданова М.А.

доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия)

УДК 167+165.12+303.093.3

Среди исследователей ведутся дискуссии о том, представляет ли собой когнитивная наука одну исследовательскую область или состоит из ряда специализированных областей. Пока достичь «проницаемой» интеллектуальной среды среди разных научных дисциплин не удалось. В когнитивном содружестве наук наибольших результатов достигли психология и компьютерные науки, у философия достаточно скромные позиции. Автор считает роль, что философии в когнитивизме, во-первых, может быть связана с теоретической медиацией и, во-вторых, в связи с множественностью моральных и антропологических проблем, вытекающих из экспериментов над телом и мозгом человека, философия должна участвовать в проведении гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: когнитивная наука, роль философии, гуманитарная экспертиза, теоретическая медиация.

THE ROLE AND PLACE OF PHILOSOPHY IN MODERN COGNITIVE SCIENCE

Bogdanova M.A.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, South Federal University, (Rostov-on-Don, Russia)

There are discussions among researchers about whether cognitive science is a single research area or consists of a number of specialized areas. So far, it has not been possible to achieve a "permeable" intellectual environment among various scientific disciplines. In the cognitive community of sciences, psychology and computer science have achieved the greatest results; philosophy has rather modest positions. The author considers the role that philosophies in cognitivism, firstly, can be associated with theoretical mediation and, secondly, due to the multiplicity of moral and anthropological problems arising from experiments on the human body and brain, philosophy should participate in humanitarian expertise.

Keywords: cognitive science, the role of philosophy, humanitarian expertise, theoretical mediation.

В середине 20 века родилась когнитивная наука. «Когнитивная наука – совокупность наук о познании, трактуемом как приобретение, хранение, преобразование и использование знания живыми и искусственными системами» [1, с. 2].

Основу когнитивных наук составили как традиционные фундаментальные науки о познании, так и новые прикладные отрасли, исследующие вопросы, связанные с содержанием и механизмами порождения знания: экспериментальная психология познания, философия сознания, нейронаука, когнитивная антропология, лингвистика, компьютерные науки и искусственный интеллект.

В последнее время когнитивистика пополнилась новыми областями знания, делающими этот проект все более практико-ориентированным: когнитивная генетика, когнитивная экономика, нейроэкономика, когнитивная эстетика и нейроэстетика, когнитивная поэтика, нейроэтология и другие.

По сути дела, когнитивная наука - это междисциплинарный проект взаимодействия наук, имеющих общую цель — понять природу познавательных процессов.

Когнитивная наука в своем развитии прошла несколько этапов. «Ранняя» когнитивная наука опиралась на «вычислительную» метафору разума, рассматривая разум по аналогии с компьютером. Для современного когнитивизма все более востребованным является тезис о том, что когнитивные функции человеческого интеллекта определяются целостной структурой: ум – телесность – социокультурное окружение.

Многие ученые¹ считают, что еще рано говорить о единой когнитивной науке, корректнее было бы вести речь о когнитивных науках. На основании проведенных исследований был сделан вывод о том, что не все науки равным образом успешно продвигаются в исследовании природы человеческого познания. Психология и компьютерная наука занимают лидирующие позиции, остальные вносят незначительный вклад в развитие когнитивной науки в целом; среди «отстающих» и философия. Не всегда процессы интеграции наук (отсутствие дисциплинарных барьеров и создание общей теоретико-методологической платформы – основной императив когнитивистики) проходят гладко и безболезненно, и в этом есть как объективные (научный контекст), так и субъективные (вненаучный контекст) причины.

К объективным причинам можно отнести существующий между науками когнитивный барьер, проявляющийся, прежде всего, в наличие по-разному функционирующих «интеллектуальных полей» [2]. Давая определение «интеллектуального поля», П. Бурдье пишет, что это место, в котором действует особый порядок. «Следуя логике «интеллектуального поля», каждая научная дисциплина имеет свое интеллектуальное поле, включающее все атрибуты «научной респектабельности»: традиции, научные парадигмы, язык, методологию, стиль мышления, способ организации научной деятельности и правила оформления результатов. Именно в этом поле конкретный ученый находит свою «золотую жилу», формулирует познавательные задачи, отбирает материал и исследовательский инструментарий [3, с. 13]. Поскольку основным требованием когнитивной науки является требование преодоление дисциплинарных барьеров, постольку свободное циркулирование идей, концепций, методов различных наук — «категорическое» требование данного проекта.

Переход из одной дисциплины в другую влечет за собой конфликт интерпретаций, столкновение различных типов рациональности и специализированных языков.

Субъективные причины (ненаучный контекст) лежат в плоскости личных взаимодействий ученых. Как пишет Л.А. Маркова, в конкуренции между новой и старой научными парадигмами, победа «достигается в том случае, если члены соответствующего научного сообщества признают её превосходство над старой. Причём согласие достигается главным образом не логическими аргументами, а разного рода социальными, эмоциональными, психологическими факторами» [4, с. 27–37].

Свою роль в деле преодоления этих и других сложностей междисциплинарного взаимодействия наук может сыграть философия.

Значимость роли философии в новой познавательной парадигме объясняется, во-первых, тем, что такие амбициозные междисциплинарные проекты, как когнитивистика нуждаются в теоретической медиации. Место философии среди когнитивных наук определяется ее спецификой, связанной с ее традицией быть транслятором культурных смыслов, многомерностью и объемностью ее дискурса. Поэтому преодолеть серьезные трудности, связанные с существованием междисциплинарных барьеров и затрудняющих коммуникации, может философия, как посредник в этом диалоге.

¹ Д.Спербер, Дж. Миллер и др.

Во-вторых, в условиях множественности моральных перспектив, экспертных оценок, последствий научно-технологических новаций, связанных в том числе и с проводимыми экспериментами над телом и мозгом человека, которые несут угрозу существованию человека, возникает необходимость проведения гуманитарной экспертизы, которую бы могла осуществлять философия вместе с другими общественными институтами.

Список литературы

- 1. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы. / Журнал «Логос». 2014. № 1. С. 1—18.
- 2. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр./ Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
- 3. Богданова М.А. Абросимова Л.С. Концепт человеческой телесности: междисциплинарный синтез: монография / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2018. 108 с.
- 4. Маркова Л.А. 2014. Трансформации междисциплинарности в контексте социальной эпистемологии / Философия науки и техники №1 Том 19. С. 27–37.

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ФИЛОСОФИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Величко С. А.,

кандидат философских наук, доцент Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

В статье рассматриваются особенности постижения феномена человеческой смертности представителями философии психоанализа. На основании сравнительного анализа танатологических идей, высказанных основными представителями этого направления, изучается осмысление влияния смерти на становление основополагающих витальных установок бытия человека, формирование основополагающих особенностей человеческого бытия.

Ключевые слова: смерть, личность, бессознательное, инстинкт смерти, сексуальное влечение, архетип, отчуждение, некрофилия, индустриальное общество.

THANATOLOGICAL DISCOURSE OF THE PHILOSOPHY OF PSYCHOANALYSIS

Velichko S. A.

PhD in philosophy, associate Professor V. I. Vernadsky, Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

The article deals with the peculiarities of understanding the phenomenon of human mortality by representatives of the philosophy of psychoanalysis. Based on a comparative analysis of the thanatological ideas expressed by the main representatives of this direction, we study the understanding of the influence of death on the formation of the fundamental vital attitudes of human existence, formation of the fundamental features of human existence.

Keywords: death, personality, unconscious, death instinct, sexual attraction, archetype, alienation, necrophilia, industrial society.

В поэме «Возмездие» Александра Блока, написанной в самом начале XX века, есть строки, которые очень трудно не назвать пророческими:

«Двадцатый век... Ещё бездомней, Ещё страшнее жизни мгла (Ещё чернее и огромней Тень Люциферова крыла). Пожары дымные заката (Пророчества о нашем дне), Кометы грозной и хвостатой Ужасный призрак в вышине, Безжалостный конец Мессины (Стихийных сил не превозмочь), И неустанный рёв машины, Кующей гибель день и ночь...»

Действительно, двадцатый век, несмотря на небывалый технический прогресс, фантастический рост благосостояния среднестатистического обывателя, достижение до сей поры невиданного уровня комфортности быта его же (обывателя), и многие иные достижения остался все же эпохой скорее трагических разочарований, чем прорывных успехов! И дело не только в мировых войнах, унёсших в совокупности более сотни миллионов жизней, в различных социальных катаклизмах (революциях, путчах, переворотах), сотрясавших Земной шар большую часть Двадцатого века и не в ядерном противостоянии двух сверхдержав, длившемся почти полвека. А если точнее, то дело и в мировых войнах, и в социальных катаклизмах, и в ужасе от возможного начала термоядерной войны, но помимо всего вышеперечисленного еще и в том, что именно двадцатое столетье стало тем веком, когда, образно выражаясь, в мир пришла Смерть!

Подобно цепям, сковывавшим Кощея в сказке о Марье Маревне, различные охранительные явления, основополагающим из которых являлась религиозность, сдерживали деструктивное воздействие такого явления, как смерть, на сознание человека, помогали личности пережить все разрушающий страх осознания своей конечности, давали возможность жить без ежесекундных мыслей о том неотвратимом мгновенье, когда дамоклов меч танатоса падет на его голову!

Для верующего человека смерти как ухода в небытие не существует! Религиозный человек не верит, а знает, что его жизни не будет конца, ну а то, что для перехода на новый витальный этап нужно пройти через некий «туннель» - так ничего в этом страшного, печального и пугающего для него нет!

Но эпоха модерна восприняла религиозность как исключительно негативное явление, как тот «порождающий чудовищ сон разума», который является одним из главных препятствий на пути поступательного движения человечества в прогрессивное, светлое будущее! Мировоззрение, основанное на принципе, изложенном Тертуллианом: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребённый, воскрес – это несомненно, ибо невозможно», воспринималось модерном как однозначно враждебное. Религиозные истины, суть которых так точно, но при этом и поэтично была изложена Тертуллианом, принципиально не постижимы для разума, пусть даже и вооружённого научной методологией. Поэтому для модерна с его верой в разум, с его культом научного знания религия стала олицетворением того зла, без победы над которым построение общества нового типа, основанного на рациональных основаниях, просто невозможно. И, пусть и не без труда, но это «зло» было побеждено. Постепенно, во многом благодаря невиданному техническому прогрессу и росту материального благополучия, религиозная вера перестала быть тем феноменом, которое оказывает сколь-нибудь значительное влияние на формирование мировоззренческих установок как отдельных людей, так и общества в целом. Индустриальная эпоха на основе веры в вечный прогресс по сути создала новую квазирелигию. Основой этой религии прогресса по мнению Эриха Фромма стало: «триединство безграничного производства, абсолютной свободы и бесконечного счастья. Новый земной Град Прогресса пришел на смену Граду Божьему» [6, с. 384].

В сущности, о второй половине двадцатого века (по крайней мере для Европы) можно говорить как о времени победившего атеизма. Но одним из следствий этого стала утрата охранительный функции религии. Человек лишился надежды на вечную жизнь и, по сути, остался одни на один с проблемой своей смертности! Град Земной не смог стать действенной альтернативой Граду Божьему!

Неудивительно поэтому, что в философских воззрениях XX века проблема смерти приобрела особую значимость. Фактически ни одно философское течение двадцатого века мимо этой темы не прошло. Возникший в конце XIX — начале XX века психоанализ, являвшийся направлением не только в философии, но и психологии, не мог не сделать вопрос человеческой смертности одной из основных тем своего осмысления.

Психоанализ является, прежде всего, направлением в психологии. Однако авторы, работавшие в этом русле, Зигмунд Фрейд и Карл Юнг, в исследовании проблем внутреннего мира человека смогли выйти на философский уровень осмысления проблемы. Зигмунд Фрейд пришел к выводу, что в человеке проявляются два основных стремления: тяга к жизни, более или менее идентичная сексуальному влечению, и инстинкт смерти, имеющий целью уничтожение жизни. Он предположил, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, может быть направлен либо против самого человека, либо против объектов вне его [4, с. 17].

Большое влияние на последующие исследования проблемы танатоса оказали идеи Фрейда, касающиеся проблемы влияния смерти на формирование как особенностей внутреннего мира человека, так и его взглядов на окружающую действительность. Важное значение также имело открытие Фрейдом такого феномена, как бессознательное. В исследовании влияния смерти на формирование имманентной действительности человека понятие «бессознательное» заняло одно из центральных мест.

Истоки нашего отношения к «уходу» Фрейд искал в специфическом отношении к смерти первобытного человека. По мнению Фрейда, оно было амбивалентным: «Человек, с одной стороны, принимал смерть всерьез, признавал ее уничтожением жизни и в этом смысле пользовался ею, но, с другой стороны, отвергал ее, начисто ее отрицал» [4, с. 17]. Причина этой двойственности заключалась в том, что «смерть другого не вызывала у него возражений, он воспринимал ее как уничтожение и жаждал ее достичь» [4, с. 17]. Его же собственная смерть была для него точно так же невообразима и неправдоподобна, как ныне для любого из нас.

Однако возможны случаи, когда эти представления смыкались и вступали в конфликт между собой, оказывая определяющее влияние на становление духовного мира человека. Речь шла о тех сюжетах, когда первобытный человек терял кого-то из своих близких. Он убеждался на опыте, что человек может умереть, потому что каждый их тех, кого он любил, был частицей его «Я». Но, с другой стороны, в каждом из этих любимых была и частица, ему чуждая. Именно у тела любимого существа человек, по мнению Фрейда, выдумал «духов, воображал разложение индивидуума на плоть и душу – первоначально не одну, а несколько. Вспоминая об умерших, он создавал себе представления об иных формах существования, для которых смерть – это только начало. Он создавал себе понятие загробной жизни после мнимой смерти [4, с. 18–19].

Появлением учения о загробном мире влияние танатоса на становление особенностей имманентного бытия человека не ограничилось. Фрейд считал, что у тела любимого человека зародились не только представления о душе и вера в бессмертие, но и осознание вины, страх перед смертью и первые этические требования... «Древнейшее требование этики, зародившееся тогда, но важное и теперь, гласило: «Не убивай». Первоначально оно касалось любимого человека, но постепенно распространилось на нелюбимых чужих, а в конце концов – и на врага» [4, с. 20].

На вопрос, как наше бессознательное относится к смерти, Фрейд отвечал: «Наше бессознательное относится к смерти в точности так же, как относился к ней первобытный человек... наше бессознательное так же недоступно для представления о собственной

смерти, так же кровожадно по отношению к чужим, так же двойственно (амбивалентно) по отношению к любимым людям, как первобытный человек» [4, с. 24].

Представляют интерес идеи Фрейда, касающиеся взаимоотношения культуры и смерти. Боль потери любимого человека или только страх его потери заставляет нас всеми возможными способами исключать смерть из нашей жизни. Однако, по мнению Фрейда, жизнь теряет содержательность и интерес, когда из жизненной борьбы исключена высшая ставка, то есть сама жизнь. Она становиться «пустой и пресной» [4, с. 15]. Такое оскудение жизни удовлетворить человека не может, поэтому мы обращаемся к миру воображаемого, к литературе, театру. На сцене мы находим людей, которые еще умеют умирать. Мы удовлетворяем свое желание видеть саму смерть, ставшую значительной ставкой в жизни, причем не для нас, а для другого [4, с. 15]. Такой перенос концентрации внимания с действительности на мир вымысла порождает процесс разрыва социальных связей в реальной жизни. Этот перенос является культурной предпосылкой процесса атомизации европейского общества — феномена, о котором с тревогой пишут и говорят практически все европейские мыслители второй половины XX века.

Подводя итог, можно сказать, что Зигмунд Фрейд внес существенный вклад в исследование феномена «ухода». Его идеи о двойственном восприятии человеком смерти, о воздействии танатоса на формирование этических норм, о взаимоотношении культуры и смерти оказали значительное влияние на последующее развитие танатологических исследований. Однако самым важным вкладом мыслителя в исследование проблемы «ухода» является открытие им феномена бессознательного. Известный религиозный философ Б. П. Вышеславцев феномен вечности души связывал с бессознательным. Он утверждал, что если даже смерть означает потерю сознания, то это еще вовсе не уничтожение души, это может означать только переход из сознательного бытия в бессознательное [1, с. 311].

Вслед за Фрейдом проблемами танатологии занимался другой великий представитель школы психоанализа Карл Густав Юнг. Краеугольным камнем его воззрений на явление «ухода» являлось, как и в концепции Фрейда, понятие бессознательного. Для Юнга бессознательное — это «океан, омывающий сознание. И в этом океане скрыты мотивы поведения, стили мышления, менталитеты народов» [9, с. 190].

Содержащиеся в нашем бессознательном врожденные психологические структуры (или архетипы) несут в себе знание о другом мире. Но наш привязанный к этой действительности разум не позволяет нам заглянуть за пределы нашего бытия. Однако человеку, особенно стареющему, необходим миф о смерти, иначе его ожидают лишь суждения здравого смысла, которые не подсказывают ему ничего лучшего, чем ожидающая его черная яма [9, с. 191]. Юнг замечает по этому поводу: «Отвергнувший миф шагает в ничто, а кто следует архетипу, идет по дороге жизни и полон жизни даже в момент смерти» [9, с. 338].

Смерть для Юнга ни в малейшей степени не является злом, она пугающе воздействует на нашу психику, но при взгляде на нее со стороны вечности представляется нам не таким уж и безысходным явлением: «Она покажется событием радостным, словно некая свадьба. В таком случае душа как бы обретает свою недостающую половину, она достигает полноты» [9, с. 124].

Юнг верит в существование души после смерти: «Если мы сможем распредметить такой «черный ящик», как душа, то поймем феномен жизни до смерти и тайну процесса смерти» [7, с. 192]. Однако, по его мнению, часть человечества желает полной смерти: «Есть люди, которые не нуждаются в бессмертии и которых пугает мысль о том, что десятки тысяч лет они будут сидеть на облаке и играть на арфе» [9, с. 108].

Обобщая все сказанное, можно отметить, что К. Юнг осмысливает проблему танатоса сквозь призму теории архетипов. В архетипах содержатся накопленные в течение многих поколений представления о смерти. Но они даны нам неявным образом. Они спрессованы и загнаны в подсознание, в подпочву души [7, с. 192]. Рационально жизнь после смерти

представить невозможно, но Юнг утверждает, что «должен считаться с фактом, что душа во все времена и во всех регионах утверждает опыт духов» [8, с. 282].

Приверженец философии фрейдизма Эрих Фромм в своем творчестве занимался исследованием влияния феномена танатоса на формирование особенностей имманентного бытия, а также пытался переосмыслить концепцию смерти Фрейда. Гипотеза о существовании инстинкта смерти, по его мнению, обладает тем достоинством, что она отводит важное место разрушительным тенденциям. Но биологическое истолкование стихии разрушительства не может удовлетворительно объяснить тот факт, что глубина этой потребности в высшей степени различна у разных индивидов и у разных социальных групп» [3, с. 17]. Объектом анализа Фромма становятся не инстинкты с их биологической непреложностью, а две изначальные оппозиции: высшая и глубочайшая приверженность к жизни и противостоящая ей тенденция смерти [2, с. 11]. В психике каждого человека заложены обе позиции, однако конкретный человек оказывается ближе к одной или другой ориентации [2; с. 11]. Фромм считает, что стремление к жизни и тяга к разрушению связаны обратно пропорциональной связью: «Чем больше проявляется стремление к жизни, тем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению» [3, с. 18]. Наша эпоха, по мнению Фромма, стремится подавить осознание смерти вместо того, чтобы сделать это осознание одним из важнейших стимулов жизни [3, с. 18].

Фромм подчеркивал, что среди людей есть биофилы и некрофилы. Биофильство понимается исследователем как глубокая жизненная ориентация, пронизывающая все существо человека. В ее основе лежит страстная любовь к жизни и ко всему живому; желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Для биофила добром является все то, что служит жизни, что способствует росту и развитию. Зло все то, что зажимает, ограничивает, душит жизнь [5, с. 276].

Под некрофилией Эрих Фромм понимал «страстное стремление ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей» [5, с. 284]. Некрофильство – это любовь человека к смерти. «Некрофил – антипод жизни. Его неудержимо влечет ко всему, что не растет, не меняется, ко всему механическому. Но движет его поведением не только тяга к омертвелому, но и стремление разрушать зеленеющее, жизнеспособное» [3, с. 18]. Некрофильские тенденции демонстрируются не только отдельными людьми, но во многом самим деперсонализирующимся укладом повседневной жизни [2, с. 13]. Современное индустриальное общество располагает техникой возбуждения некрофильских страстей. Все сферы человеческой деятельности обесчеловечены, машинизированы и омервщлены. Поэтому некрофильство является оптимальной опорой диктатуры в любой ее форме.

Вывод: подводя итоги, можно отметить важность вклада основателей и сторонников школы психоанализа в исследование проблемы танатоса. Их идеи о наличии инстинктов жизни и смерти, о влиянии «ухода» на формирование особенностей духовного мира человека, о взаимоотношении общества и смерти, оказали существенное влияние на последующее освоение танатоса европейской философией XX века. Сам по себе феномен смерти в их концепциях не имеет отрицательного характера. В большей или меньшей степени все они признают танатос позитивным явлением. По Фрейду, смерть опосредованно являлась причиной рождения этических норм, для Фромма она была сильнейшим стимулом жизни. Для Карла Юнга смерть — тот положительный феномен, благодаря которому душа обретает свободу и самостоятельность.

На окружающую действительность отрицательно воздействует не столько сам танатос, сколько заложенная в человеческой психике приверженность к смерти. Переосмысленная

Фроммом и ставшая одним из полюсов фундаментальной оппозиции человеческого сознания «био — некро», эта некрофильская тенденция стала осмысливаться как явление, обладающее ярко выраженным деструктивным характером. Во многом именно феномен некрофилии становится той движущей силой, которая порождает в сознании человека, подавляющего в себе стремление жить, стремление к разрушению всего живого.

Список литературы

- 1. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса М.: Республика, 1994. 342 с.
- 2. Гуревич П. С. Разрушительное в человеке как тайна // Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 3–14.
- 3. О смерти и бессмертии. М.: Знание, 1991 64 с.
- 4. Фрейд 3. Мы и смерть // Рязанцев С. Танатология. СПб., 1994. С. 13–27.
- 5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности бытия. М.: Республика, 1994. 447с.
- 6. Фромм Э. Быть или иметь. M.: ACT, 2007. 602c.
- 7. Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен. К.: Ника-центр, 2003. 320 с.
- 8. Юнг К. Г. О жизни после смерти: тайна смерти. М.: Рипол, 1995. 512 с.
- 9. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993. 330 с.

МОТИВАЦИИ В СОЗДАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Глебов О. А.

Аспирант, Школа философии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК 130.2

Автор рассматривает мотивации в создании искусственного интеллекта и на основе историко-философского исследования приходит к выводу о наличии познавательной и прагматической мотивации в создании искусственного интеллекта, а также следующих из них двух моделях искусственного интеллекта.

Ключевые слова искусственный интеллект, философия искусственного интеллекта, философия культуры, антропология, homo economicus

MOTIVATIONS FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE CREATION

Glebov O. A.

Postgraduate, School of Philosophy, Faculty of Humanities. National research university «Higher school of economics» (Russia, Moscow)

The author examines the motivations in creating artificial intelligence. The author carries out historical-philosophical research and comes to the conclusion that there is cognitive and pragmatic motivation in the creation of artificial intelligence. As well as the following two models of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, philosophy of artificial intelligence, philosophy of culture, anthropology, homo economicus

Вопросы об искусственном интеллекте имплицитно содержат в себе такую установку, в рамках которой, известно, что из себя представляет интеллект естественный. Ведь чтобы искусственно воссоздать естественный интеллект необходимо иметь полноценный пласт знаний о последнем, который станет основой для искусственного воссоздания. Обратимся к

мотивам, приведшим к желанию искусственного воссоздания естественного интеллекта. Если, как мы предположили выше, полноценное знание об интеллекте существует, то отсюда следует первый мотив — познавательный (доказательный). Интеллект в данном мотиве воспринимается настолько полно познанным, что в доказательство этому предлагается осуществить постройку рабочей и действующей модели. Целью данного мотива является доказательство полноценности или недостаточности имеющихся знаний о предмете, т.е. данный мотив руководствуется познавательной целью. Поскольку искусственный интеллект в данном мотиве служит методом апробации теорий интеллекта, отсюда следует, что он должен наиболее полно отражать интеллект естественный, т.е. достигаемым результатом должна стать «машина с разумом» [1; с. 43]. Можно назвать сторонников этого подхода придерживающимися версии сильного искусственного интеллекта, т.к. они считают, что машины могут обладать рефлексивной мыслительной деятельностью, которая приведет их к самосознанию [2].

Для понимания второго мотива необходимо совершить небольшой историкофилософский экскурс, который позволит указать опорные точки в формировании нового антропологического типа.

Бэконовское понимание науки как эффективное накопление знаний посредством универсального метода, целью которого является решение природных проблем (прикладных проблем) послужило интеллектуальным истоком науки как парадигмы и современного экономического роста (который начал эффективно реализоваться в XIX веке и по наше время) [3]. Дело Бэкона продолжил Декарт, считавший, что цель науки заключается в обеспечении контроля над механической природой для рационального человека. От Гоббса мы получаем не только механическое мировоззрение, но и протоутилитарную этику анализа затрат и результатов. Локк привносит в дискурс теорию собственнического индивидуализма. Финальным пунктом является теория А. Смита, в который «эгоистичность» (self-interest) поставлена в основу социальных отношений (обмен = причина, вовлекающая в социальные отношения). Для Смита «эгоизм» является элементом улучшения общества, (т.к. «богатство нации» (паtional wealth) определяется суммой индивидуального труда), и именно он побуждает индивидов предоставлять товары друг для друга [4].

Развитие идей Бэкона Декартом, Гоббсом, Локком и Смитом привело нас к тому, что сейчас главенствует антропология Homo economicus, предикатами которой являются: накопление имущества, являющееся основой социальных отношений; экономическая эффективность как основной критерий оценки деятельности; разделение труда, когда человек учувствует лишь в части производственного процесса и не воспринимает свой труд как производственный (отчуждение); асоциальность, снижение эмоционального уровня (ввиду предыдущих пунктов) [4].

Ценности Homo economicus конституируют новый мотив в создании искусственного интеллекта — прагматический. Целью данной мотивации является создание таких машин, которые были бы способны на интеллектуальный труд, т.е. в создании искусственного интеллекта преследуется коммерческая цель (например, чатботы в сфере продаж, которые могут отвечать клиентам на распространенные вопросы о товаре, также помогающие обрабатывать и находить заказы). Это является следствием описанных выше предикатов. Сторонников данного подхода можно причислить к разделяющим слабую версию искусственного интеллекта, т.к. они отрицают возможность полноценного мышления машины [5]. Прагматическая версия искусственного интеллекта лишь функционально-определенно выполняет интеллектуальные задачи.

В связи с различением двух видов целей и мотивации к подходу к искусственному интеллекту, целесообразно говорить о различии концепций разума в этих системах. В nознавательной мотивации цель воссоздать полноценный, аутентичный разум 1 . А в

.

¹ Можно предположить, что, искусственное воссоздание разума преследует экзистенциальные причины. Разум делает человека человеком, это его особенность. Следовательно, искусственное воссоздание полноценного разума позволит преодолеть «заброшенность» (Geworfenheit).

прагматической мотивации разум искусственного интеллекта является эрзацем, т.к. он ограничен функционально и, следовательно, тест Тьюринга не пройдет.

Список литературы

- 1. Nicholas A. How to Be Human in the Digital Economy, Cambridge: The MIT Press. 2019.
- 2. Chalmers, D. The conscious mind: in search of fundamental theory / D. Chalmers. N. Y.: Oxford University Press, 1996.
- 3. Mokyr J. The intellectual origins of modern economic growth // The Journal of Economic History. 2005. T. 65. № 2. C. 285–351.
- 4. Kirkpatrick A. Purposeless technology and chrematistic: the implicit subordination of homo economicus. Cosmos and History Cooperative. 2017.
- 5. Серл Дж. Разум, мозг и программы // Глаз разума / Д. Хофштадтер, Д. Деннетт. Самара: Бахрах- М, 2003. С. 314—331.
- 6. Гутенев М. Ю. Проблема искусственного интеллекта в философии хх века // Вестник ЧГАКИ. 2012. №4 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-iskusstvennogo-intellekta-v-filosofii-xx-veka (дата обращения: 26.04.2020).

СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ (ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Данилов А.Н.

кандидат технических наук, доцент Московский технический университет связи и информатики (Москва, Россия)

Данилова Н.Н.

кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

УДК 621.396.1

В докладе освещаются проблемы влияния цифровых инноваций на процессы, происходящие в обществе, рассматриваются вопросы рисков и угроз утраты суверенитета на личностном и государственном уровнях, этический аспект цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые инновации, суверенитет, личность, контроль

SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION (ETHIC ASPECT)

Danilov A.N.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor Moscow Technical University of Communications and Informatics (Moscow, Russia)

Danilova N.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

The report highlights the problem of influence of digital innovations on social community behavior, analyses potential risks and threats of both personal and state sovereignty loss and looks at the ethic aspect of digitalization.

Keywords: digitalization, digital innovations, sovereignty, personality, control.

В настоящее время цифровизация рассматривается как необходимое условие развития страны. В связи с этим в апреле 2020 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла внесенный правительством РФ проект федерального закона 922869-7 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», позволяющий провести апробацию (после соответствующей разработки) цифровых инноваций по таким направлениям, как:

- медицинская и фармацевтическая деятельность;
- транспорт (включая беспилотные аппараты и автомобили);
- электронное обучение и дистанционные образовательные технологии;
- финансовый рынок;
- дистанционная торговля;
- строительство;
- государственные и муниципальные услуги и государственный контроль;
- промышленность.

Можно предположить, что реализация этого проекта имеет определенный положительный потенциал. Но необходимо проанализировать данный процесс комплексно, учитывая этический аспект при рассмотрении суверенитета в широком смысле как на уровне отдельно взятой личности, так и на государственном уровне.

При внедрении повсеместной цифровизации возникают вопросы, связанные с рисками утраты (полной или частичной) суверенитета личности и государства. Об этой угрозе говорится в научных публикациях, эту проблему затрагивают и церковные иерархи, указывая на то, что речь идет не о научно-техническом прогрессе, а о прогрессе системы, направленной на контроль человеческой личности в глобальном масштабе, что ведет к нарушению свободы личности. Централизованное хранение оцифрованных данных из разных сфер деятельности, всех персональных данных граждан может сделать эти данные уязвимыми при хакерских атаках как со стороны внутренних, так и внешних преступных элементов, а также агентов зарубежных спецслужб, которые используют полученную таким образом информацию в деструктивных целях влияния на сознание индивида и массовое сознание общества в целом. Возникают и этические проблемы взаимодействия человека и искусственного интеллекта в таких сферах как образование, медицина и др.

Таким образом, необходимо учитывать этический аспект при разработке и внедрении цифровизации, соблюдая интересы суверенной личности и государства при поступательном цивилизационном развитии.

УНИВЕРСИТЕТ 3.0: ФОРМАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Измайлова А.М.

Преподаватель
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Россия)

УДК 160.1

В статье анализируются две модели университета: 2.0 и 3.0. Автор предлагает новый взгляд на исследование университетов, связанный с компонентами — миссией, отношением к знанию, типом ученого, конкурентноспособностью. В итоге автор приходит к выводу, что все отличия в моделях являются следствием из разницы в миссиях.

Ключевые слова: университет 3.0., университет 2.0, миссия университета, формальная модель, знание, тип ученого.

UNIVERSITY 3.0: FORMAL PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Izmailova A.M.

Lecturer, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

The article analyzes two models of the university, namely University 2.0 and 3.0. The author offers a new look at university research related to components – mission, attitude to knowledge, type of scientist, competitiveness. The conclusion reveals that all the differences in the models are a consequence of the difference in the missions.

Keywords: university 3.0., university 2.0, university mission, formal model, knowledge, type of scientist.

В 2016 году бывший ректор РГГУ Е.Н. Ивахненко выступил с лекцией «Миссия университета 3.0», где говорил о стратегическом развитии университета на период 2017—2020 гг. В его словах четко прозвучало следующее: «Университет 3.0 — это новый тип университета, который не только выполняет образовательные и исследовательские функции, но и создает инновационные площадки» [1, 2]. Сейчас уже 2020 год, и Россия живет в эпоху 2.0 университета. Что же пошло не так, и почему переход из одной модели в другую, так и не состоялся?

Выявить эти причины представляется возможным в результате формальнофилософского анализа моделей университета 2.0 и 3.0. Начнем с того, что рассмотрим следующие отношения:

- 1. Отношение к спросу на инновации. В России наблюдается острая нехватка спроса на инновации, которые изобретены местными учеными; предпочтение экспортных аналогов, несмотря на наличие интересных отечественных проектов [3].
- 2. Отношение к знанию. Массовый спрос на высшее образование порождает увеличение количества некачественных вузов [4].
- 3. Отношению к субъекту познания. Инновации в сфере образования невозможны без качественного обновления состава научных сотрудников, но решение затрудняется низкой престижностью профессии преподавателя [4].
- 4. Отношение к направлению подготовки (конкурентноспособность вуза), которая снижает спрос на российских ученых до 8 % по последним показателям ВЦИОМ [5].

Для того, чтобы пояснить эту позицию, построим общую модель университета, выделив ее ключевые компоненты:

$$S = \langle Mis, Kn, Sc, C \rangle$$
,

где Mis – миссия университета, Kn – отношение к знаниям, Sc – тип ученого, формируемый в университете и C – конкурентоспособность университета.

Теперь посмотрим, каким образом эти компоненты раскрываются в моделях университета 2.0 и 3.0:

Таблица 1.

	S 2.0	S 3.0
Mis	Включает в себя две миссии: обучающую и	Включает в себя три миссии:
	научно-исследовательскую.	обучающую, научно-
		исследовательскую, коммерческую
Kn	Основная функция знания – формирование	Знание направлено на производство
	компетенций, необходимых для освоения	нового оборудования и технологий.
	специальности	
Sc	Ученый как субъект познания обладает	Новый тип ученого, который
	рядом компетенций, разного рода знанием,	ориентирован на проектную работу и
	ориентирован в своей работе на «знания	создание новых технологий
	ради знания».	
C	Направления подготовки формируются на	Направления подготовки

основании различных разделов	формируются на стыке дисциплин,
фундаментальных наук	исходя из общественно-
	произволственного запроса

Остановимся подробнее на первых двух компонентах модели.

Во-первых, важная особенность миссии университета — служить передаче накопленных знаний и образованности от поколения к поколению (образовательная миссия). Эта миссия неизменна и встречается во всех вариантах университета. Научно-исследовательская миссия стала встречаться только в университете 2.0 и являлась несколько десятилетий отличительной его составляющей. Однако, процесс глобализации предполагает масштабный обмен потоками знаний, результатами исследований, а также затрагивает коммерческую составляющую научных проектов со стороны спроса на новое оборудование. Следовательно, компонент Mis в системе S 3.0. имеет три направленности: образовательную, научно-исследовательскую и коммерческую, и тем самым оказывается шире, чем в модели S 2.0. Например: «Проект ГК Геоскан» [3]. Этот проект в Санкт-Петербурге учит студентов работать в реальном секторе экономики и сориентироваться на то будущее, в котором есть немало перспективных идей. Такого рода вопрос связан в нашей идеальной модели с миссией университета, а именно коммерческой направленностью.

Во-вторых, в элементе Кп мы говорим о разны типах знания. Нам близка здесь аналогия с мирами К.Поппера [6]: знание как способ формирования компетенций принадлежит «второму» миру, который представляет собой «мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний» [6, с. 55]). Знание как основа производства технологий — «третьему» миру, который есть «мир объективного содержания мышления, мир научных идей, проблем, поэтических мыслей и произведений искусства» [6, с. 75]. Знания в таком мире, на наш взгляд, связаны с пространственно-временными характеристиками (скоростью и широтой распространения, открытостью и скрытостью).

Таким образом, модель S 3.0 должна свою коммерческую составляющую видеть в производстве вещей или продуктов, в которых особо нуждается общество и конкретный человек; к примеру, в Станфордском университете (модель 3.0) производство разных сетевых ПО и разнообразных модных гаджетов фирмы Apple и Microsoft давно вышло за пределы страны и производится по всему миру.

Анализируя содержательные аспекты моделей S 2.0 и S 3.0, мы приходим к выводу о том, что все отличия данных моделей следуют из разницы в миссиях. Если система образования в РФ начнет менять тип ученого или отношение к знанию, то повысится конкурентноспособность вуза, которая приведет к возможности реализации новой миссии.

Список литературы

- 1. Ивахненко Е.Н. Отечественное образование как система и объект управления // Высшее образование в России. -2018.-T.-27. No 8-9.-C. 9-23.
- 2. Ивахненко Е.Н. Аттаева Л.И. Высшая школа: взгляд за горизонт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. No 3. С. 21—34.
- 3. Беспилотные технологии для профессионалов. URL: https://www.geoscan.aero/ru
- 4. Нариманова О.В. Концепция университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Сетевой научный журнал «Личность в меняющемся мире». 2019. Т. 7. №2 (25). С. 32–46.
- 5. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru
- 6. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М. 2002 С. 54–76.

АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ В. ДЕКОМБА: ОСНОВНЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ ТОЧКИ

Кудрин С.К.

Аспирант 1 курса направления 47.06.01 «Философия, этика и религиоведение» Санкт-Петербургский Государственный Университет (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 165.12 + 141

Производится анализ философии субъекта Винсента Декомба на предмет ее критики. Отмечаются ключевые мыслители-критики. Указываются теоретико-методологические точки критики концепции субъекта как дополнения агенса в виде двух групп: 1) точки критики языка; 2) точки критики концепции субъекта. Объясняется, что они тесно взаимосвязаны между собой диалектически с преобладанием точек критики языка. Дается критика каждой точки внутри одной из представленных групп. Делается вывод, что концепция субъекта как дополнения агенса не решает проблему субъекта в силу того, что: а) в ней существуют серьезные пробелы и недостатки, которые свидетельствуют о том, что она не может быть истинной; b) эта концепция не может служить в качестве альтернативы другим концепциям субъекта, так как она не дает разрешить проблему свободу воли/детерминизма. Демонстрируются перспективы критики теории субъекта В. Декомба в будущем.

Ключевые слова: философия субъекта, грамматический метод, субъект как дополнение агенса, аналитическая философия, французская аналитическая традиция.

ANALYSIS OF THE V. DECOMBES'S PHILOSOPHY: THE BASIC CRITICAL POINTS

Kudrin S.K.

Post-graduate student, 1—st year Direction 47.06.01 «Philosophy, ethics and religious studies» Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

The author analyzes the subject's philosophy of Vincent Descombes for its criticism. Key thinkers-critics are noted. Theoretical and methodological points of criticism of the concept of the subject as an addition of agent are specified in the form of two groups: 1) points of criticism of the language; 2) points of criticism of the concept of the subject. It is explained that they are closely interrelated dialectically with the predominance of points of criticism of the language. A critique of each point within one of the presented groups is given. It is concluded that the concept of the subject as an addition of agent does not solve the problem of the subject due to the fact that: a) it has serious gaps and shortcomings that indicate that it cannot be true; b) this concept cannot serve as an alternative to other concepts of the subject, since it does not solve the problem of free will/determinism. The article demonstrates the prospects of criticism of V. Descombes's theory of the subject in the future.

Keywords: the philosophy of the subject, the grammatic method, the subject as an addition of the agent, analytic philosophy, the French analytic tradition.

Трактат В. Декомба «Дополнение к субъекту: опыт исследования действия от собственного лица» [1] наделал немало шума в современном западном философском сообществе. В ней по-новому решалась уже многовековая проблема субъекта. С помощью грамматического метода (аналитического метода, который благодаря семантическому анализу позволяет раскрыть рассматриваемое понятие), введенного в философию Людвигом Витгенштейном [2], в этом трактате давалось определение субъекта как дополнения агенса (дополнение агенса есть семантический субъект при пассивной форме глагола – дополнение к

глаголу — существительное). За 16 лет существования этой книги в печати она приобрела немало критиков по всему миру, занимающихся проблемой субъекта.

Критиками-первопроходцами данной концепции явились участники дискуссии по проблеме субъекта в середине 2000-ых годов во Франции, которые также использовали методы аналитической философии для решения проблемы субъекта — Стефан Шовье [3], Христиана Шовире [4], Сандра Логье [5] и Чарльз Лармор [6]. В Россию обзор этих дискуссий дошел к началу-середине 2010-ых годов. Первой, кто дал критику философии субъекта французского мыслителя, в российском философском сообществе была Ирина Васильевна Дуденкова (2010 г.) [7]. Вслед за И. В. Дуденковой критикой концепции В. Декомба занимались С. К. Кудрин [8] и С. В. Комаров [9] (в период с 2018 по настоящее время). Были также работы О. А. Козыревой [10] и О. А. Останиной [11], имеющие не критический, а описательный характер концепции субъекта В. Декомба.

Все критики философии субъекта французского ученого отмечали как слабость методологии, которую он использует, опираясь на определенное разумение языка (точки критики языка), а также указывали на недостатки конкретного понимания субъекта, вытекающего из используемого метода (точки критики концепции субъекта).

Между точками критики языка и точками критики концепции субъекта существует аналогичная взаимосвязь как между грамматическим методом и субъектом как дополнением агенса. Субъект как дополнение агенса не может существовать без грамматического метода в философии субъекта так же, как и грамматический метод в данной области не может обойтись без субъекта как дополнения агенса. Определяющей в этой диалектической паре является грамматический метод (точки критики языка) благодаря тому, что он способствует появлению субъекта как дополнения агенса (точки критики концепции субъекта), а не наоборот. Тем не менее, оба они важны как единство в теоретических построениях В. Декомба.

Стоит зафиксировать, что лишь для удобства критики эти точки были абстрагированы друг от друга, а так они составляют единое целое в философии субъекта Винсента Декомба.

Точки критики языка:

- а) Метафизичность подхода французского мыслителя, при котором происходит редукция всего и вся к языку.
- b) Язык есть сама действительность, никакой другой действительности, кроме языка нет.
- с) Нет мышления без языка, согласно В. Декомбу, безъязыкового мышления.
- d) Нет различий между концептуальным и обыденным языком в философии субъекта В. Декомба.
- е) В. Декомб анализирует лишь концептуальный язык.
- f) Язык, в концепции В. Декомба, является универсальным и прозрачным.

Точки критики концепции субъекта:

- а) Суверенный субъект и субъект, включенный в социальные языковые практики, имеют разную степень ответственности, а, следовательно, и свободы.
- b) Сознание у французского философа сводится к выражению к теории высказывания.
- с) Ошибочное восприятие теории действия Аристотеля, вследствие чего неадекватное использование ее.
- d) В основе автономии субъекта лежит представление об абсолютно свободной воле, ничем неограниченной.

Таким образом, стоит зафиксировать, что концепция субъекта как дополнения агенса, выдвинутая французским философом Винсентом Декомбом, в результате, не разрешает проблему субъекта, так как она: 1) имеет серьезные минусы в плане понимания языка и применения грамматического метода, которые не могут позволить принять ее как истинную; 2) не является альтернативой другим концепциям субъекта в силу того, что не разрешает проблему свободы воли/детерминизма.

В будущем критика теории субъекта Винсента Декомба может развиваться в двух основных направлениях:

- 1) развитие точек критики языка и нахождение новых недостатков в грамматическом методе у Декомба:
- критика неполноценного и урезанного понимания языка французским философом;
- критика того, что В. Декомб никак не развивает грамматический метод;
- критика узкого использования грамматического метода;
- критика, в целом, ограниченного масштаба применения грамматического метода, хотя и существует претензия его на универсальность.
- 2) развитие точек критики концепции субъекта и отыскание новых слабостей в концепции субъекта как дополнения агенса:
- критика, имеющихся у субъекта, атрибутов и их выражения;
- критика слабой направленности концепции субъекта как дополнения агенса на реальность;
- критика суверенного субъекта, обладающего абсолютной свободной волей;
- критика гносеологического субъекта, не выходящего на онтологический уровень остановка на уровне теории высказывания;
- критика теории действия, заимствованной у Аристотеля, и ошибочно интерпретированной В. Декомбом.

Нужно отметить, что все критические замечания, представленные выше, могут быть развиты вглубь, что позволит еще сильнее увидеть минусы концепции субъекта как дополнения агенса, но, в то же время, позволит самому автору этого концепта, развив свою концепцию с учетом всех недостатков, максимально избавиться от них, сделав ее более адекватной.

Подводя итоги, надо зафиксировать следующий вывод: в грядущем критика философии субъекта французского мыслителя будет как углубляться, так и расширяться. Теория субъекта как дополнения агенса будет все более изученной, следовательно, философы в ней будут обнаруживать все новые и новые недостатки и/или разрабатывать вглубь старые. Тем самым, все ценное из этой концепции В. Декомба будет взято на вооружение будущими философами субъекта, а все ненужное оставлено позади.

Список литературы

- 1. Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. 576 с.
- 2. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. Т. 1-M.: Дом интеллектуальной книги, 2001.-192 с.
- 3. Chauvier St. Dire "Je": Essai sur la Subjectivité. Paris: Vrin, 2001. 256 pp.
- 4. Chauviré Ch. L'immanence de l'ego. Paris, PUF, 2009. 161 pp.
- 5. Laugier S. Wittgenstein: Le mythe de l'inexpressivité. Paris: Vrin, 2010. 272 pp.
- 6. Larmore Ch. Les pratiques du Moi. Paris: PUF, 2004. 264 pp.
- 7. Дуденкова И. Семантика «я» в связи с проблемой индивидуальной идентичности. М.:Философия сознания. Третьи Грязновские чтения. Материалы конференции, 2009.
- 8. Кудрин С. Критика концепции субъекта Винсента Декомба: ее описание и перспективы Пермь: Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, 2019. С. 111–118
- 9. Комаров С. Проблема субъективности в трансцендентально-феноменологической традиции Западной философии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1705/1/urgu0486s.pdf (дата обращения: 31.03.2020).
- 10. Козырева О. Современная французская философия о проблеме субъективности: экспрессионизм В. Декомба // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии: 1-й молодежный конвент: матер. Междунар. студ. конференции (28–29 апреля 2017 г.) Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2017. С. 337–339. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52685/1/978-5-7996-2237-4 2017.pdf (дата обращения: 31.03.2020).
- 11. Останина О. Проблема субъекта и субъективности в контексте лингвистического поворота в философии Липецк: Вестник Липецкого государственного технического университета, No 4(30), 2016. С. 80–82.

ИДЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Коротченко Ю.М.

доцент, доктор философских наук ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь, Россия)

УДК 316.33

Раскрывается критический потенциал философской аналитики в отношении идеологии. Даются определения истинности, выполнимости и общезначимости идеологического высказывания как определяемых на характеристической матрице оценочного языка, средствами которого строятся идеологические высказывания.

Ключевые слова: философская критика идеологии, философская аналитика, идеологическое высказывание, характеристическая матрица оценочного языка

IDEOLOGY AS AN OBJECT FOR PHILOSOPHICAL CRITICISM

Korotchenko Y.M.

PhD in Philosophy, Doctor of Science in Philosophical Sciences V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

The critical potential of philosophical analytics in its relation to ideology is revealed. The definitions of the true, satisfiable and valid ideological proposition are given as defined on the characteristic matrix for the evaluative language, by means of which ideological statements are constructed.

Keywords: philosophical criticism of ideology, philosophical analytics, ideological statement, characteristic matrix of the evaluative language

- 1. Отношения философии и идеологии за длительное время их сосуществования, подчас вынужденного и не мирного, переживали разные коллизии. Сегодня эти отношения реализуются в атмосфере войн, которые обрели новые названия информационных, гибридных и т.п., атмосфере, в которой литература становится нон-фикшн, а журналистика фейковой, в атмосфере post-truth epoch. В эпоху постправды высказывать ложь перестает быть чем-то стыдным, в масштабных публичных дискуссиях побеждает тот, кто высказывает ложь, не проверяемую в момент высказывания, а еще лучше не проверяемую в принципе или хотя бы долго.
- 2. В этом смысле идеологическое высказывание образцово-показательно как не интерпретируемое на объективную реальность. Более того, привлекаемые субъектами идеологического высказывания реальные события описываются такими высказываниями не сами по себе, но всегда оценочно с точки зрения правил оценивания, принятых в идеологической системе, порождающей данное высказывание. В связи с этим никакое идеологическое высказывание не может быть истинным, никакая идеология не может быть квалифицирована как правильная и неправильная, но всякое идеологическое высказывание претендует на общезначимую истинность, и всякая идеология – на неопровержимую правильность. Идеология - всегда ложное сознание, т.к. заведомо ложными являются ее претензии на истинность. Причем это ложность особого рода. Объявление некоторой конкретной идеологии ложной одновременно полагает существование некоторой – другой – идеологии в качестве истинной. Но при этом наблюдается то, что Э.Ю. Соловьев назвал зеркальной симметрией идейных противоположностей, цели которых идентичны: «Основная цель зеркально-симметричных воюющих идеологий – мобилизация аудиторий, захваченных каждой из них» [1, с. 7]. Именно такой взгляд составляет сущность философски-критического отношения к идеологическому – оно интересует как таковое, а не как чье-то правильное и

неправильное. Ложность идеологического — это не валентность отдельно взятых идеологических высказываний: если бы это было так, то существовала (существовали) бы истинная идеология. Идеологическое же ложно как ложен обман, а истинных обманов не бывает. Идеологическое же представляет собой благодатное поле для критически-аналитического исследования. В этом смысле нам близка позиция, высказанная в вышепроцитированной работе Э. Соловьева, связывающая необходимость возврата к императиву логической ответственности именно с философской критикой идеологии, выделяя в качестве новейшего и самого сильного критического средства логико-лингвистический анализ. Логико-лингвистический анализ со всей очевидностью принадлежит аналитической философской традиции.

- 3. Посредством логико-лингвистического анализа оказывается возможной своеобразная экспертиза идеологического сообщения. Идеологическое высказывание имеет двойственную структуру, включая в себя компоненту собственно идеологической оценки и принадлежащую особому оценочному языку, экстрагируемому из естественного. Он задан нами на основе русского языка в [2, с. 94-95] как Valrus. Вторым элементом является часть социальной реальности, оцениваемая с идеологической позиции средствами вышеупомянутого языка. Словарь последнего – совокупность оценочных имен и операций, ставящихся в соответствие фрагментам социальной реальности сообразно принимаемым в данной идеологической системе правилам интерпретации. Эти правила и являются правилами истинности, будучи принятыми в этой системе. Логико-лингвистический анализ обязывает нас сказать о точной интерпретирующей модели, своего рода характеристической матрице идеологической системы. В [2, с. 95–96] мы выстраиваем такую модель, называя ее валюативной, как модель интерпретационной активности коллективного сознания. Данная модель, назовем ее M_{val} , содержит совокупность предзаданных двоек <v; f>, где v - элемент словаря оценочного языка, f – имя фрагмента социальной реальности (события, исторического периода, человека – конкретной исторической фигуры, действий людей и т.п.). Тогда истинным будет идеологическое высказывание, соответствующее двойке <v; f> из M_{val}. Именно в M_{val}, а не вообще. Т.е., истинность идеологического высказывания заведомо предопределена его идеологической системой. И только относительно некоторой M_{val} можно корректно с аналитически критической позиции ставить вопрос об истинности идеологического высказывания. Идеологическое высказывание будет выполнимым в Mval, если и только если оно относительно каких-то двоек из M_{val} истинно, а каких-то – ложно. Идеологическое высказывание будет общезначимым в M_{val} , если и только если оно истинно относительно всех двоек из M_{val} .
- 4. Таким образом, социальная философская критическая аналитика предоставляет средства философской экспертизы идеологического сообщения. Признавая «право на жизнь» неостенсивных и даже не редуцируемых к таковым имен, содержания высказываний, относящегося к субъективной реальности, она говорит, во-первых, о праве адресата знать о об этой их специфике как о праве не быть обманутым, а во-вторых о том, что смыслы, традиционно и с точки зрения обыденного сознания кажущиеся априорно важнейшими для человека и позитивно оцениваемые им как всеобщие ценности, не существуют сами по себе, но только как приписанные социальным субъектом некоторым фрагментам социальной жизни с точки зрения конкретной идеологической системы. Это второе обстоятельство вынуждает признать в качестве единственно возможной оценки идеологического оценку правовую, причем с точки зрения, прежде всего, базовых прав человека, т.к. правовые системы конкретных государств могут их нарушать исторические прецеденты известны и подтверждены, получили правовую квалификацию на международных трибуналах.

Список литературы

- 1. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий // Философский журнал. -2016. Т.9. № 4. С. 5–17
- 2. Коротченко Ю.М. Валюативные модели социального: герои и ценности. М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2018. 153 с. (Научная книга).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ КРИТИКА ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

Кускова С.М.

кандидат филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Электростальский политехнический институт (Москва, Россия)

УДК 1/14 (091), 111.82; ББК 87.2+87.1

В статье предложен подход обоснования познания предметов, понимаемых не как индивиды, а как совокупности. Социальное измерение имеет всякий объект от множества до человеческого общества. Исходя из положения Канта о проецировании субъектом структуры своей организации на объект, мы пытаемся найти такие априорные формы общественного сознания, которые задают видение явлений как состоящих из однородных частей.

Ключевые слова: трансцендентальный подход, априорные формы, социальное познание, формальные свойства, общественное сознание.

TRANSCENDENTAL CRITICISM OF COGNITION OF A SOCIAL OBJECT

Kuskova S.M.

PhD in Philosophy (Logics), teacher in department of Humanities

Elektrostal Polytechnic Institute

(Moscow, Russia)

According to Kant, the result of cognition of an object is determined by the internal organization of the cognizing subject. How is knowledge of social systems possible? To answer this question, it is necessary to identify the structure of consciousness that provides the consideration of any entity as a set of parts. The sciences of complex systems, such as cybernetics and synergetic, are based on the fundamental systemic nature of the transcendental subject. The knowledge of society depends on the fact that it is not an empirical, but a universal subject that implements it. The subject projects his inner social structure on a cognizable phenomenon.

Keywords: Transcendental approach, a priori forms, social cognition, formal properties, social consciousness.

Исследование априорных форм познания явлений на первом этапе отвлекается от внутренней структуры явлений, рассматривая их как индивиды. Учитывая их положение в пространстве и времени, вхождение в те или иные отношения, присутствие или отсутствие, степень достоверности для рассудка, мы проецируем на многообразие явлений структуру деятельности индивидуального сознания. Для подведения предмета под категории и априорные формы чувственности полезно принимать предмет любой степени сложности за индивид. Этот индивид стоит в познавательном отношении к трансцендентальному субъекту, задающему единственную перспективу видения объекта. Но само многообразие возможных явлений не определено именно этой перспективой, оно не предполагает единственности данного. Надо прояснить характер такого многообразия.

Согласно Канту, не познание должно сообразовываться с предметами как они суть сами по себе, а предметы должны соответствовать с организацией сознания. Он пишет: «не предмет заключает в себе связь, которую можно заимствовать из него путём восприятия, только благодаря чему она может быть усвоена рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность а priori связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всём человеческом знании» [2, с. 193]. Обобщим данный подход на

общественную природу человеческого сознания. Конструирование сложного предмета, элементы которого образуют совокупность любой степени упорядоченности, требует нахождения в рассудке соответствующей структуры, то есть, чтобы рассудок а priori был социальным и приписывал это свойство объекту.

Советские философы, например, И. С. Нарский, критиковали Канта за невнимание к истории развития средств и субъекта познания. «Он перенес центр тяжести исследования на анализ структуры и законы деятельности некоего абстрактного и в принципе неизменного субъекта вообще» [4, с. 29]. Но мы не считаем недостатком синхронического подхода его внеисторический характер. В застывшей структуре сохранены компоненты предшествующих стадий. Часть информации об истории развития системы доступна и при синхроническом подходе в её исследовании. Индивидуальное сознание – это результат развития сознания общественного и сохраняет в себе структуры социальности. Это структуры могут быть проецированы на объекты. Если объект необходимо имеет особое социальное измерение, то возможна фундаментальная наука о социальных структурах любых предметов вообще. Дихотомия «индивидуальное – социальное» не зависит от противопоставления «биологическое – духовное» даже в изучении природы человека. Любой объект: физический, биологический, идеальный, может представлять собой индивид или совокупность. Человеческое сознание, направленное на объект, может рассматриваться в одном аспекте как индивидуальное Я, а в другом аспекте как центр пересечения социальных отношений. При отвлечении от всякого содержания этих отношений получим чистую структуру социальности вообще, имеющую корреляты в структурах предметов неклассической науки. Соответственно двум измерениям сознания, его предмет, с одной стороны, есть единство, определяемое свойствами, присущими этому предмету независимо от других предметов. С другой стороны, предмет есть результат взаимодействия не только элементов, из которых он состоит, но и структур, элементом которых он сам является. Второй аспект и есть социальный параметр явления, имеющий трансцендентальные основания в социальной структуре субъекта.

Такие характеристики сознания, как внутренняя системная организованность и наличие разных типов связи с разными типами других сущностей, влияют на характеристики явления.

Явление оказывается, во-первых, системой взаимосвязанных элементов. Во-вторых, явление определяется вхождением в систему отношений со сходными явлениями. В-третьих, явление определяется способами вхождений в отношения с разнородными явлениями.

Мы не принимаем объяснения содержания познаваемого материала социальной практикой познающих субъектов. Антропологический подход, объясняющий всеобщие категории трансцендентального субъекта историческими формами организации общества, неприменим в объяснении точных наук. Мы рассматриваем влияние формальных свойств социальной природы сознания на внутреннюю и внешнюю структуру системно Кант организованного объекта. обосновал априорный характер математики естествознания тем, что её условия возможности суть формы чувственности, организующие любой возможный опыт вообще. И нет таких разнородных явлений природы, к которым бы не были приложимы математические законы, поскольку явления определяются познавательными способностями субъекта. Математика изучает и физический мир в самом фундаментальном его аспекте – пространственно-временной организации, отвлекаясь от эмпирических свойств измеряемых элементов.

Физический мир имеет и другое измерение: взаимодействие устойчивых совокупностей, элементы которых, в свою очередь, связаны отношением, подпадающим под кантовскую категорию «общение». Явления представляют собой некие сообщества. Такое представление должно иметь трансцендентальное обоснование, формальные условия данности сознанию чего-то не в качестве индивида, а в качестве совокупности. Поскольку искомое условие присуще деятельности рассудка а priori, постольку познание особого социального параметра любого явления становится фундаментальным. Это не социология, которая базируется на естествознании, и, в свою очередь, на математическим фундаменте, по отношению к которым её собственный предмет случаен. Это познание системных свойств любых совокупностей,

данных в опыте, обусловлено соответствующей априорной структурой сознания. Кант указывает фундаментальную способность связывать многообразие в единый предмет: «мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений связь есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [2, с. 190]. Согласно К. Марксу, преобразование данного мира в сознании совершает не абстрактный индивид, а универсальный человек, из перспективы системы общественных отношений. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо. Или можно сказать еще так: он есть сознательное существо, т.е. его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо. Только поэтому его деятельность есть свободная деятельность» [3, с. 89]. Но у Маркса общественная природа человека получает структуру преобразования физических обшественной практики тел. что предполагает материалистическую метафизику. В нашем случае метафизического посредника между общественной структурой субъекта и социального аспекта познаваемого объекта нет. Их структурное сходство обусловлено чистой формой интеллектуальной деятельности. Когда я объединяю индивиды в множество, отношу индивид ко множеству или исключаю из него, я действую не как изолированный индивид, а как представитель разумного существа вообще. Варьируя случайные обстоятельства, в которых может протекать познавательный процесс, я пробегаю по множеству возможных эмпирических субъектов, чьи уникальные характеристики безразличны для результата познания.

Так, разбиение многообразия внешних явлений на разные классы эквивалентных элементов воспроизводит строение социального субъекта. Внутри каждого слоя элементы взаимозаменимы, но сами слои различны.

Идея множества не иллюстрируется кучей песчинок. Между песчинками есть пространственно-временные отношения, от которых надо абстрагироваться, чтобы каждая реальная частица находилась в одном и том же отношении с каждой другой частицей. Отношения между элементами множества, в отличие от отношений между песчинками кучи, не являются пространственно-временными. Подобные отношения «Я — другой», в которых находится человек с развитым самосознанием, не основаны на фактических отличиях внешности, статусов и поведения людей, а состоят в чистом различии отдельных индивидов. Выделенное из многообразия индивидуальное сознание проецирует свою самую общую форму на многообразие явлений, выделяя в нём произвольный индивид.

Рассмотрение объекта как некоторого элемента класса — это акт развитого индивидуального субъекта. В эмпирическом мире нет множеств, а есть совокупности так или иначе упорядоченных пространственно-временными и динамическими связями частей. Одни совокупности высоко организованы, как часы или животные. Другие слабо организованы, как облака и кучи орехов. Те и другие комплексы даны рассудку посредством его социальной структуры.

Мы полагаем, что связь между структурой субъекта и структурой объекта осуществляется благодаря способности суждения. «Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное как подчинённое общему» [1, с. 50]. Определяющая способность подводит особенное под заранее данное всеобщее. Рефлектирующая способность ищет всеобщее, под которое подводится имеющееся особенное. Она имеет априорные принципы формальной целесообразности объекта безотносительно к целям субъекта. «Природа представляется таким образом, будто некий рассудок содержит основание единства многообразия её эмпирических законов» [1, с. 51]. Это правомерный трансцендентальный принцип. Метафизический принцип, а priori навязывающий такую информацию о предмете, которая может быть получена эмпирически, — неправомерен. Положение о том, что природа делает всё наиболее экономным способом — это метафизический принцип. Он взят не из чистого рассудка, а из общественной жизни. Принцип систематического единства бесконечного многообразия эмпирических законов — трансцендентальный, так как он

выражает условие рассудочного познания природы. Как целесообразно мыслить предмет – это не объективный принцип вещи самой по себе, а субъективный принцип. Именно поэтому субъект, встречая эмпирический объект, подпадающий под принцип целесообразности, испытывает удовольствие. Это неудовлетворение частных интересов индивида, а чистое наслаждение представителя разумного существа вообще от факта соответствия сущего должному. Способность суждения позволяет делить явления на роды и виды даже в том случае, если бы разнообразие природы оказалось слишком велико, чтобы мы могли его упорядочить. Она не предписывает закономерности природе, а предписывает правила исследования и рефлексии.

Связь эстетического измерения объекта с его внешней структурой описывает М. Хайдеггер, сравнивая понятия «вещи», «изделия» и «художественного творения». В обыденном языке употребление этих слов различно в зависимости от функции денотата в общественной практике. Понимание вещи как субстанции, обладающей акциденциями соответствует простому субъектно-предикатному суждению. Но Хайдеггер спрашивает: «строение простейшего суждения (связывания субъекта и предиката) – это зеркальное отражение строения вещи (объединения субстанции с акциденциями)? Или, быть может, строение вещи, представленное в таком виде, набросано в соответствии с каркасом суждения?» [5, с. 58]. Он полагает, что «строение вещи и строение суждения в своей сложенности и в своих возможных взаимосвязях берут начало в одном, общем для них изначальнейшем источнике» [5, с. 58]. Вещь может представляться как комплекс ощущений, разлагаться на них в анализе. Но мы не воспринимаем сначала цвета и звуки, а потом идентифицируем и синтезируем их. Мы слышим свист ветра в трубе, гул машины и хлопок дверью, а не акустические ощущения. Поэтому целостная вещь ближе к нам, чем ощущения. Согласно Хайдеггеру, искусственные изделия более выражают, что значит быть вещами, чем природные явления. Изделие служит цели и информирует о деятельности, в которой используется. Изделие не самодостаточно, оно – часть социальной практики. Художественное творение более информативно, чем простой товар, и имеет самодостаточность, подобную явлению природы. Картина Ван Гога, изображающая крестьянские башмаки, содержит информацию о жизни людей, о земле и тяжком труде, о характере хозяйки и её отношении к делу. Реальные же башмаки для работы в поле несут меньше информации. Их форма и материал соответствует условиям использования, фасон – моде исторического периода. Еще меньше можно узнать, анализируя башмаки как физическое тело. Таким образом, вещь как субстанция с акциденциями – это редуцированное изделие, а изделие – это редуцированное художественное творение. Восприятие вещи как индивида оказывается результатом абстракции от системы отношений, в которых индивид был дан изначально.

Неклассическая наука, представленная концепциями самоорганизации, которые не суть особые дисциплины, а скорее, аспекты рассмотрения всякой системы, имеет основание в способности суждения универсального субъекта.

Плодотворность трансцендентального подхода к изучению социальных форм выражается в конструировании новых свойств познающего субъекта посредством их усмотрения в системной организации объекта. Это не социальная герменевтика, расшифровывающая в письме философа бессознательные проблемы социального класса, к которому он принадлежит. Это формальные характеристики самого типа социальной системы, которому принадлежат и трансцендентальный субъект, и познаваемый объект. Априорная структура деятельности рассудка налагает самые общие ограничения на явление, задаёт рамочные параметры. Опираясь на них, рассудок обнаруживает в явлении новые свойства, не редуцируемые к сумме свойств его частей. Однако выявление эмерджентного свойства имеет основание в организации субъекта, и было только спроецировано на объект. Следовательно, общая схема эмерджентного свойства объекта присуща сознанию, которое не просто наблюдает отражённые в объекте свойства самого себя, но и создаёт их и присваивает. Социальная структура сознания не задана, а конституируется за счёт приращения информации о системных свойствах явлений.

Список литературы

- 1. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
- 2. Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Соч. в 6 Т. т. 3. 1966. 799 с.
- 3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч. т. 24. М.: Госполитиздат, 1974. 566 с.
- 4. Нарский И.С. Кант. М.: Мысль, 1976. 207 с.
- 5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.

АРГУМЕНТАЦИЯ И КРИТИКА¹

Лисанюк Е.Н.

доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 162.6

В докладе предложены три взгляда на критику в аргументации, связанные с тремя подходами к пониманию аргумента, выводным, диалогическим и абстрактным. Выводной и диалогический аргументы нацелены на обоснование заключения, а абстрактный — на отклонение аргументов в защиту противоположного заключения. Выводной аргумент предполагает одношаговую критику на основе его анализа и окончательную оценку, диалогический подразумевает многошаговый пересмотр оценки, осуществляемой по итогам диалога, а функция абстрактного аргумента сводится к его способности противостоять контраргументации и демонстрирует его роль в защите от критики множества аргументов, к которому он принадлежит.

Ключевые слова: аргумент, выводной, диалогический и абстрактный аргумент, критерии оценки аргументов, контраргумент, критика пригодности аргумента.

ARGUMENTATION AND CRITICISM

Lisanyuk E.N.

Doctor of Philosophy, Professor Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

In the paper we offer three views on what criticism is in argumentation and relate them to three approaches to arguments, inferential, dialogical and abstract. The inferential and dialogical arguments aim at demonstrating the conclusion, while the abstract argument focuses on rejecting arguments in defense of the opposite conclusion. The inferential argument implies a one-step criticism based on its analysis and it is its final evaluation, the dialogical argument presupposes a multi-step revision of its evaluation carried out as a result of the dialogue; the function of the abstract argument amounts to its ability to decline counterarguments, which demonstrates its role in defending the set of arguments to which it belongs.

Keywords: argument, inferential, dialogical and abstract argument, criteria for arguments' evaluation, counterargument, criticism of arguments.

-

¹ Исследование проводится при поддержке РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Анализ, оценка и их имплементация – основные этапы критики – в аргументации относятся к разным вещам: анализ и оценка – к аргументам, а имплементация их результатов подразумевает изменение взглядов людей – авторов и адресатов аргументации, в свою очередь, предполагающее пересмотр оценки аргументов в ходе диалога. Например, если аргумент A отклонен контраргументом B, но затем в защиту аргумента A выдвинут новый довод C, то негативную оценку A надлежит пересмотреть и вернуть A в строй в качестве защищенного аргумента, а B, наоборот, отклонить как несостоятельную критику, оценку которой в дальнейшем, быть может, тоже придется пересмотреть, если в защиту B появится новый контраргумент D, возражающий против C, и т.д. Такой обмен аргументами в дискуссии, сопровождаемый их критикой и переоценкой, кажется естественным, однако он не согласуется с концепциями аргументации, изложенными в большинстве современных учебников по логике и теории аргументации, где господствует выводной взгляд на аргумент, трактующий критику как одношаговую контраргументацию в русле закона исключенного третьего или игры с нулевой суммой. Два других взгляда на аргумент, диалогический и абстрактный, видят критику как возражения и возражения на возражения в диалоге и как защиту от них соответственно. Диалогический взгляд на аргумент характерен для учебников по критическому мышлению, а абстрактный - слишком новый и в учебниках пока не изложен. Приведенное выше описание обмена аргументами с пересмотром их оценки нехарактерно для выводного аргумента, но характерно для диалогового, где критика нацелена на соответствие аргумента критериям пригодности, и для абстрактного, где отсутствие критики означает отсутствие аргументации.

Аргумент – это рассуждение, состоящее из упорядоченного набора предложений и предназначенное обосновывать какое-либо утверждение (мнение) перед лицом сомнения аудитории или возражений против него. В теории аргументации главной функцией аргумента считается поддержка тезиса, и выводной аргумент сфокусирован исключительно на ней, диалогический функции аргумента видит в поддержке тезиса, отклонении критики и выражении сомнений; абстрактный аргумент основной функцией считает защиту от критики и трактует поддержку тезиса как производную от отклонения критики. Понятие абстрактного аргумента отвлекается от внутреннего строения аргументов и изучает функции аргумента в диалоге на множестве других аргументов, упорядоченных в цепочки аргументов и контраргументов через символизирующее критику отношение атаки (отклонения) в паре аргументов: attack [B, A], attack [C, B], attack [D, C]. В споре из этих четырех аргументов аргументы B и D приемлемые, они образуют допустимое множество аргументов, а A и Cотклонены [1, с. 36]. Понятие абстрактного аргумента предложено в логике аргументации – новой ветви логики на стыке информатики, немонотонной логики и теории аргументации. Критерий пригодности абстрактного аргумента сводится к его приемлемости, а допустимость касается множеств аргументов, упорядоченных отношениями атаки. Независимо от своего внутреннего строения и истинности посылок пригодными являются аргументы, способные противостоять критике, либо не атакованные.

Выводной взгляд смотрит на аргумент как продукт интеллектуальной деятельности абстрактного агента и зиждется на умозаключении, посредством которого от истинности одних предложений — посылок, переходят к истинности заключения — предложения, которое желают обосновать. Оценка такого аргумента окончательная, неизменная и абсолютная. Она производится после того, как заключение получено, и если аргумент пригодный, то она сводится к оценке автором, выдвинувшим его, либо к оценке адресата — автора контраргумента, если аргумент непригодный. Выводной аргумент господствует в учебниках по логике [2, с. 43—44] и лежит в основании логических подходов к аргументации [3, с. 216—220], а его главным предназначением является доказательство или опровержения истинности какого-либо предложения.

Необходимые критерии пригодности выводного аргумента — формальный, семантический (истинностный) и прагматический (ФСП-критерии), вместе они образуют достаточное условие пригодности аргумента. Первые два критерия отвечают за логическую

корректность и истинность составляющих его предложений. Прагматический критерий говорит, что аргумент должен быть нацелен на обоснование истинности тезиса или убеждение аудитории в этом, и иные намерения, такие как выиграть спор и т.п., не допускаются. Поскольку оценка аргумента, как пригодного или нет, является окончательной, постольку ее пересмотр в диалоге невозможен, и когда имеются аргумент и контраргумент, то подразумевается, что один из них отклоняет другой из-за того, что отклоненный не отвечает какому-либо из ФСП-критериев. Это также означает, что для выводного аргумента существует только одношаговая критика, а достижение компромисса в дискуссии невозможно.

Диалогический аргумент – это рассуждение, дающее аудитории основания считать какое-либо утверждение истинным [4, с. 10] и предназначенное для того, чтобы защищать. критиковать или ставить под вопрос какое-либо мнение в диалоге. Диалогический взгляд смотрит на аргумент как на процесс или процедуру. За формальную корректность и истинность диалогического аргумента отвечает критерий приемлемости (acceptability), а за процессуально-процедурную пригодность – критерии релевантности (relevance) и достаточности (sufficiency). Релевантный аргумент должен выполнять свои функции в цепочке рассуждений и необязательно, чтобы он был содержательно связан с поддерживаемым им тезисом; достаточный аргумент отклоняет контраргументацию или устраняет сомнения аудитории. Как и ФСП-критерии, каждый из ARS-, или ПРД-критериев выступает необходимым условием пригодности аргумента, а вместе они составляют достаточное условие для этого. Оценка диалогического аргумента по ПРД-критериям тоже окончательная, но по итогам диалога, где его приводят. В ходе диалога адресат может оспорить соответствие аргумента ПРД-критериям, отклонив его, а автор – защищать новыми аргументами и т.д. Возможность пересмотра своей оценки аргументов в диалоге заложена в самой сути диалогового аргумента, в противном случае бессмысленно было бы говорить об аргументах как об основаниях, которые автор предлагает аудитории, чтобы она согласилась с истинностью тезиса.

Список литературы

- 1. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб: Наука, 2015. 398 с.
- 2. Barwise J., Etchemendy J. Language, proof and logic. Stanford: CSLI Publ. 1999. 589 p.
- 3. Ивлев Ю.И. Логика. М. 1998. 272 с.
- 4. Moore, B. N., Parker R. Critical thinking. NY: McGraw-Hill, 2009. 540 p.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И «СИГНИФИКА» ВИКТОРИИ УЭЛБИ¹

Ляшов В.В.

Доцент, кандидат философских наук (Таганрог, Россия)

УДК 091

Цель доклада: рассмотреть основные идеи формирования критического мышления с помощью сигнифики, протосемиотической концепции, рзработанной на рубеже 19-20х в.в. английской исследовательницей леди Викторией Уэлби.

Ключевые слова: клиповое мышление, критическое мышление, сигнифика, интерпретация, перевод, означивчание, знак, значение.

CRITICAL THINKING AND VICTORIA WELBY'S "SIGNIFICS"2

_

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00261.

² The reported study was funded RFBA project number 20-011-00261.

Lyashov V.V.

Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences (Taganrog, Russia)

The objective of the report is to consider the main ideas of critical thinking formation using significs, a proto-semiotic concept developed at the turn of the 19th-20th century by the English researcher Victoria Lady Welby.

Keywords: clip thinking, critical thinking, significs, interpretation, translation, signification, sign, meaning.

Одними из главных функций, которые выполняет философия являются: аналитическая (анализ обыденного знания, религиозных, научных и собственно философских концепций) и критическая (критическое осмысление различного рода общественных явлений своего собственного содержания, а также научных и религиозных построений).

Большой вклад в становление и развитие критического метода, как особой формы философского исследования, внесли: Сократ и Платон (прежде всего благодаря особому стилю вопросительного философствования), Ф. Бэкон, разработавший учение об идолах – препятствиях на пути познания, Р. Декарт, создавший учение о радикальном сомнении, И. Кант, написавший свой знаменитый труд «Критика чистого разума», но особенно ярко эта функция реализовалась в марксизме («Святое семейство или критика критической критики», «К критике политической экономии», «Критика Готской программы», «Критика политической экономии»). Лингвистический поворот сместил реализацию этой функции в область исследования языков (как естественных, так и искусственных)

Но в последнее время философы все больше стали обращать внимание на необходимость формирования в рамках философии практического критического мышления. Такая потребность порождается тенденцией возникновения особого современного типа мышления, получившего название «клиповое».

Критическое мышление — это способ работы с информацией, который предполагает развитие аналитических способностей.

Оно учит анализу и конструированию предложений, умозаключений и понятий и предполагает смещение акцента с простого усвоения и понимания информации на развитие самостоятельного, нестандартного способа мыслить.

При помощи критического мышления, которое отличается своей логичностью, целенаправленностью, можно анализировать различные идеи и их практичность, выявлять их недостатки и сильные стороны, ставить под сомнения идеи, соотносить их с реальными фактами, а также усовершенствовать. Технологии развития критического мышления в настоящее время активно внедряются в систему западного образования как посредством разработки специальных курсов и тренингов, так и с помощью «перестройки» академических дисциплин в русле развития критического мышления. Один из исследователей критического мышления, американский учёный М. Скривен, указывая на необходимость развития умений критического мышления учащихся, говорит о нём как об образовательной ценности «наравне с умениями читать и писать» [1].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что проблемы формирования критического мышления поднимались задолго до возникновения сегодняшних логико-психологических трудностей в формировании человека информационного общества.

Одним из исследователей, который первым обратил внимание на необходимость целенаправленного и планомерного (методического) формирования критического мышления была английский философ Виктория Уэлби (1837–1912). Занимаясь исследованием языка, она создала оригинальное протосемиотическое учение — сигнифику, целью которой было анализ знаков вне логико-гносеологических границ, но в системе отношений знаков к этическим, эстетическим и прагматическим ценностям. Сигнифика исследует этико-прагматические и аксиологические измерения означивания. В.Уэлби описывает свою сигнифику как

«философию интерпретации», «философию перевода» и «философию означивания». [2, с. 89, 61], [3 с. 273–275].

Она дистанцируется от традиционных методов филолого-исторической семантики, а также от того, что сейчас называют теорией речевых актов или лингвистикой текста. Вместо этого она сосредоточилась на генеративной природе процессов означивания и на их способности к развитию и трансформации, как совокупности человеческих эмпирических, когнитивных и экспрессивных способностей.

Она отмечает, что на уровне логической процедуры плохое использование языка и выражений неотделимо от порождения ложных проблем, непонимания и путанных рассуждений. Поэтому понимание различий и общности между знаками, смыслом и значением должно быть улучшено. По её мнению, такое положение дел требует развития «критического языкового сознания» и соответствующей «лингвистической терапии» [3, гл. 4]. Для реализации этой задачи, как адекватная теории знаков и значений, подходит её сигнифика. Сигнифика описывается как «метод умственной тренировки», который концентрирует интеллектуальную деятельность на «значении», как главной ценности и условий для всех форм обучений и познания [2, с. 162].

Языковое сознание предполагает развитие критической и интерпретативной способности и отказ от таких тенденций, как догматизм, педантизм и анархизм в языковом употреблении, логическом выводе и знаковом поведении в целом. Освобождение языка от, так называемых, ловушек, препятствующих его развитию, является условием овладения окружающим миром. Использование аналогии и метафоры как в научно-философском, так и в обыденном языке, происходит имплицитно и бессознательно. По этой причине, изучение таких средств производства смысла должно быть системно внедрено в образовательные программы, с непрерывным тестированием на практическом уровне, согласно определенным критериям эффективности, в общении с собеседниками. «Знаковое образование», овладение методом сигнифики требуется с самых первых лет обучения. Необходимость критики образности и аналогии, а также создание навыков анализа, классификации и проверки выразительных средств вообще, особенно когда речь идет о вербальных знаках, следует прививать с младенчества. [3 с. 774—775]

Уэлби отстаивает необходимость критики языка, осознание сложной природы значения слов, бессознательное использование которых часто приводит к непониманию и лингвистическим ловушкам. И поэтому, вместо того, чтобы сосредоточиться на построении искусственного языка в попытке решить проблемы двусмысленности и непонимания, задача языкового анализа и философской спекуляции состоит в том, чтобы усилить и обновить общий язык, пересмотреть его связь с жизнью во всех её аспектах и на всех уровнях, от повседневного обыденного языка до высших сфер художественного, научного и профессионального языка.

Список литературы

- 1. Скривен М. Критическое мышление: Его определение и оценка. М.: Академия, 1997.
- 2. Welby, Victoria. 1903/1983. What Is Meaning? Studies in the Development of Significance. Reprint of the edition London, 1903, With an Introductory assay by Gerrit Mannoury and Preface by Achim Eschbach. [=Foundations of Semiotics, Volume 2.] Amsterdam / Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. vii-xi, 1-321.
- 3. Petrilli, Susan. 2009. Signifying and Understanding: Reading the Works of Victoria Welby and the Signific Movement. Berlin: Mouton.

ОБОСНОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В «НЕМЕЦКОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ»

Мануйлов В.Т.

Кандидат философских наук, доцент

Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Курской области, (Курск, Россия)

УДК 164.043

Рассматриваются методы обоснования математических теорий в оперативной математике П. Лоренцена и в «Немецком конструктивизме».

Ключевые слова: конструктивная теория науки, оперативная математика, арифметика, анализ, геометрия, конструкция, абстракция, дескрипция.

JUSTIFICATION OF MATHEMATICAL KNOWLEDGE IN "THE GERMAN CONSTRUCTIVISM"

Manuylov V.T.

Candidate of Philosophy, Associate Professor Branch of the Institute for Business Career in the Kursk region (Kursk, Russia)

Methods of justification of mathematical theories in operational mathematics of P. Lorenzen and in "The German constructivism" are considered.

Keywords: constructive theory of science, operational mathematics, arithmetic, analysis, geometry, construction, abstraction, description.

«Немецкий конструктивизм» или «конструктивная теория науки» (konstruktive Wissenschaftstheorie) – исходит из того, что все философские усилия должны осуществляться «внутри [комплекса] (Жизнь, Мир, Язык и т.д.)» с тем, чтобы построить «язык науки» на прагматическом базисе, исходя из первых «жизненно-мировых» начал, и по правилам методического мышления, базирующимся на методическом и диалогическом принципах [1, S. 746]. Методический и диалогический принципы построения языка математики закладываются в оперативной логике и математике П. Лоренцена [2, с. 130–144].

Арифметика натуральных чисел, являющаяся конструктивным базисом оперативной математики, строится П. Лоренценом как теория диалогически обосновываемых высказываний языка, элементарные высказывания которого имеют вид $\xrightarrow{K_i}$ А, где i=2,3,4, а правила образования совпадают с правилами образования языка Я1. «Практическую часть» арифметики натуральных чисел составляют исчисления K_2 , K_3 , K_4 (a, b, c – переменные для объектов):

```
K_2: атом: |; базис: |. Правило (R_{01}): \textbf{a} \square \textbf{a}|. Фигуры K_2 являются объектами K_3 и K_4. K_3: атомы: | =; базис: | = |. Правило (R_{11}): a = b \Rightarrow a \mid = b \mid. K_4: атомы: | + = \cdot; базис: (O_1): \frac{|+|}{||} (O_2): \frac{|-|}{||} Правила: (R_{21}): \frac{a+b}{c} \rightarrow \frac{a+b|}{c|}
```

$$(R_{23}): \frac{|\cdot a|}{a}$$

$$(R_{24}): \frac{a \cdot b}{c}, \frac{c+b}{d} \to \frac{a|\cdot b|}{c}$$

Построение арифметики натуральных чисел производится Лоренценом методом, называемым им «конструкцией» [Ibid, S. 3–11]. Метод основан на *всеобщем принципе индукции* (allgemeine Induktionsprinzip) [3, S. 181]. Выражения, сконструированные по правилам К₄ (возможно с переменными) — арифметические термы. Всеобщей индукцией на основании К₄ доказываются законы арифметики натуральных чисел. Вычитание и деление вводятся неявными определениями термов:

Для перехода к рациональным числам применяется характерный для Лоренценовского построения математики метод «абстракции». Этот метод состоит в следующем:

- 1) конструируются фигуры вида m//n (где m и n переменные для арифметических термов);
 - 2) определяется отношение типа эквивалентности:

 $m_1//n_1 R_9 m_2//n_2 \leftrightharpoons m_1 \cdot n_2 = m_1 \cdot n_2$;

3) выделяют такие высказывания о фигурах вида m//n, которые не меняют свое истинностное значение при замене некоторой фигуры на эквивалентную. Такие высказывания называются «инвариантными» относительно отношения R_3 ; высказывание A(m//n) инвариантно относительно R_3 , если имеет место: $m_1 \cdot n_2 = m_2 \cdot n_1 \supset (A(m_1//n_1) \sim A(m_2//n_2))$, где \sim знак логической эквиваленции.

«Абстракция» понимается Лоренценом как ограничение высказываниями, инвариантными относительно некоторого отношения типа эквивалентности R_3 . Для инвариантных высказываний вводится обозначение m/n вместо m//n, и получаем высказывание:

 $m_1//n_1 R_9 m_2//n_2 \leftrightharpoons m_1/n_1 = m_2/n_2$

где знак «=» понимается как взаимная заменимость термов в высказываниях. Арифметические термы вида m/n рассматриваются как «термы для положительных рациональных чисел». Переход к рациональным числам осуществляется расширением исходного исчисления таким образам, что термы и правила исходного исчисления включаются в новое исчисление.

Важнейшие для построения анализа понятия «функции» и «множества» (рациональных чисел) Лоренцен вводит с помощью **метода абстракции**; именно: функции вводятся посредством абстракции из термов (для рациональных чисел), множества — посредством абстракции из формул.

Связь между понятиями «множество» и «функция» устанавливается посредством терма дескрипции [4, с. 75].

Действительное число рассматривается теперь как множество рациональных чисел, удовлетворяющее условию Коши.

Для построения анализа требуются новые термы и формулы, из которых могли бы быть абстрагированы функции и множества. Эти термы и формулы строятся с помощью так называемых индуктивных схем определения (аналогично рекурсивным схемам определения). Корректность индуктивной схемы определения (то есть существование множества, абстрагированного из формулы, полученной по индуктивной схеме определения) обосновывается с помощью обобщенного принципа математической индукции. Методы «конструкций из исчислений», «абстракции» и образование формул по индуктивным схемам определений позволяют построить иерархию языковых ступеней; формулы каждой ступени описывают «абстрактные объекты» предшествующего слоя. Эти «языковые ступени» можно рассматривать как ступени абстракции над числами, сконструированными посредством исчисления штрихов К₂.

Однако методы «конструкции из исчислений», «абстракции» и образования формул по индуктивным схемам определений оказываются недостаточными для построения (то есть гносеологического обоснования) всего классического анализа. В частности, при ограничении

этими методами не удается доказать фундаментальную для анализа теорему о наличии точной верхней грани у каждого ограниченного множества действительных чисел (действительных чисел, образованных абстракцией из рациональных термов, удовлетворяющих условию Коши, оказывается «мало»). Поэтому Лоренцен применяет при построении анализа новый метод, называемый им «логическая рефлексия над выразительными возможностями языка» [5]. Суть логической рефлексии заключается в допущении возможности говорить о бесконечных возможностях образования понятий; например, говорить о «классе всех возможных арифметических функций и отношений», без допущения абстракции актуальной бесконечности.

Формализация иерархии языковых ступеней приводит к некоторому варианту разветвленной теории типов с двумя сортами переменных, в которой, однако, запрещены не только непредикативное определение понятий, но и актуально бесконечные множества. «Логическая рефлексия» осуществляется посредством различения «определенных» и «неопределённых» объектов и употребления «неопределенных» кванторов. «определенные» объекты вводятся посредством эффективных процессов (конструкция, абстракция, индуктивное определение), то «неопределенные» объекты вводятся с учетом всех расширений языковых средств конструкции. Примером «неопределенного» объекта является неопределенное множество всех определенных множеств основных чисел. Неопределенные множества Лоренцен называет также «классы», подчеркивая тем самым, что с неопределенными множествами нельзя обращаться по аналогии с определенными. Так, Лоренцен утверждает, что канторовское предположение счётности множества всех функций (в его доказательстве несчётности) не согласуется с неопределенностью, ибо при условии всегда возможного (случайного) расширения множества предполагаемый пересчет более не был бы пересчетом всех функций [5]. Другими словами, неопределенность понимается как возможность постоянного случайного расширения средств конструкции. Высказывание, согласованное с неопределенностью, может быть истинным только тогда, когда оно при всех возможных расширениях средств конструкции остается истинным. Использование неопределенных кванторов Лоренцен считает конструктивистски допустимым, так как для неопределенных высказываний (то есть высказываний с неопределенным квантором) он использует интуиционистскую логику. За счет различения определенных и неопределенных объектов Лоренцену удается доказать в «Differential und Integral» большую часть теорем классического анализа.

Конструктивная теория науки вырастает из оперативной логики и математики Лоренцена посредством включения в поле исследований нормативных высказываний. При этом существенно меняется реконструируемый язык; элементарные высказывания этого языка должны содержать термины, выражающие просьбы, требования, действия и предметы, на которые направлены эти действия, субъекты этих действий [6, S. 25–53]. Однако, обоснование арифметики и анализа в конструктивной теории науки отличается от оперативной математики лишь включением в поле исследования геометрии, на необходимость чего указал П. Бернайс [7]. Поэтому в работе П. Лоренцен уделяет особое внимание обоснованию геометрического знания, которое он включает в техническое знание, ссылаясь при этом на Кантовскую терминологию. При этом П. Лоренцен проводит четкое различие между Гильбертовой геометрией, которую он характеризует как чисто формальную теорию, и Евклидовой геометрией, которую он рассматривает как теорию физического пространства. Методы конструкции, абстракции, дескрипции распространяются на геометрическое знание и получают обоснование с широким использованием исторических концепций в философии математики.

Список литературы

- 1. Gethman Carl F. Wissenschaftstheorie, konstruktive // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd.4, Sp-Z. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. S. 746–758.
- 2. Lorenzen P. Differential und Integral. Eine konstruktive Einführung in die klassische Analysis. Frankfurt a. M.: Akad. Verl. Ges., 1965. 298 S.

- 3. Mainzer K. Kants Philosophische Begründung des mathematischen Konstruktivismus und seine Wirkung in der Grundlagenforschung: Inaugural-Diss. Münster, 1972-1973. 497 S.
- 4. Мануйлов В.Т. Конструктивное обоснование логико-математического знания в «Немецком конструктивизме» // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск пятый / Предисловие В.Т. Мануйлова. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. 113 с.
- 5. Lorenzen P. Logical reflection and formalism // Journal of symbolic logic. Groningen, 1958. V. 23, N 3. P. 241–249.
- 6. Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich: BI Wissenschaftsverlag, 1987. 332 S.
- 7. Bernays P. Bemerkungen zu Lorenzen's Stellungsnahme in der Philosophie der Mathematik // Konstruktionen versus Positionen. Bd. I. Spezielle Wissenschaftstheorie / Hrsg. von Lorenz K. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1979. S. 3–16.

ПОЛЬЗА ИЛИ ВРЕД ОТ ФИЛОСОФИИ: РАЗДУМЬЯ ФИЛОСОФОВ В XIX ВЕКЕ (СКВОРЦОВ И.М., КАРПОВ В.Н., ЛИНИЦКИЙ П.И.)

Мачкарина О. Д.

Профессор, доктор философских наук, Мурманский государственный технический университет (Мурманск, Россия)

УДК 1 (091)

Автор раскрывает взгляды русских философов XIX века И.М. Скворцова, В.Н. Карпов, П.И. Линицкого на роль философии в познании окружающего мира в его целостности и постижении «вечного закона», в формировании мыслительной культуры личности, в самопознании и воспитании нравственной личности

Ключевые слова: русская философия, философское познание, культура личности, философия и философствование, критический анализ, воспитание и образование, нравственность

THE USE OR HARM FROM PHILOSOPHY: REFLECTIONS OF PHILOSOPHERS IN THE XIX CENTURY (SKVORTSOV I. M., KARPOV V. N., LINITSKY P. I.)

Machkarina O. D.

DSc in Philosophy, Professor, Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)

The author reveals the views of the 19th century Russian philosophers I. Skvortsov, V. Karpov, P. Linitsky on the role of philosophy in the knowledge of the surrounding world in its integrity and comprehension of the "eternal law", in the formation of the mental culture of the individual, in self-knowledge and education of the moral personality

Keywords Russian philosophy, philosophical knowledge, personality culture, philosophy and philosophizing, critical analysis, upbringing and education, morality

В связи с переходом к «цифровой» экономике, внедрением информационных технологий во все сферы экономики и общественной жизни, изменением структуры общественного производства возникли и новые требования к подготовке специалистов в вузах, необходимость формирования особых компетенций, отвечающих требованиям современного производства. Это повлияло на содержание практико-ориентированной образовательной

программы соответствующей специальности и на структуру учебного плана, в котором прикладные дисциплины значительно превалируют над дисциплинами гуманитарного блока. Изменился и статус философии в спектре учебных дисциплин. Вновь перед руководителями программ стоит вопрос о роли философии в подготовке специалиста: польза или вред от философии? Исходя из предполагаемого ответа, вытекающего из интересов кафедры, они и определяют судьбу дисциплины, тем более, что в новых ФГОС философия, как обязательная дисциплина, не предусмотрена. Нужна ли сегодня философия инженерам и биологам, врачам и учителям? Чтобы ответить на этот вопрос автор предлагает обратиться к истории философской мысли, погрузиться в эпоху, когда, озвученная в 1849 году позиция министра просвещения П.А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен», была реализована запретом с 1850 года преподавания философии в университетах. Философия сохранила свое положение только в духовных академиях, которые в дальнейшем стали кузницей подготовки профессиональных философов. Среди тех, кто настаивал на необходимости чтения философских курсов, на качественной философской подготовке в Киевской духовной академии стали И.М. Скворцов и его ученики В.Н. Карпов, перенесший этот настрой в Санкт-Петербургскую духовную академию, С.С. Гогоцкий, П.И. Линицкий и другие.

От философии ждали многого, прежде всего, конкретных рекомендаций по разрешению жизненных проблем. Среди тех, кто видел важную роль философии в воспитании и образовании личности и считал философию полезной для учащихся, был Иван Михайлович Скворцов (1795 – 1863), ученый-богослов, педагог, ординарный профессор Киевской духовной академии. Руководствуясь рекомендациями М.М. Сперанского, профессор Скворцов стремился сформировать у слушателей академии способности самостоятельного поиска в обширной философской литературе, основы систематической мыслительной культуры, культуры критического анализа, которая вырабатывалась в процессе философских дискуссий. Опираясь на знание языков, Скворцов считал важным в процессе обучения обращение преподавателей и учащихся к первоисточникам, что делал сам и требовал от других, вырабатывая тем самым у учащихся способность мыслить самостоятельно, понимать и толковать тексты, рефлексировать, опираясь на собственные мировоззренческие принципы, расширять знания путем самообразования. Именно в философии он видел ту основу, которая поможет человеку разобраться в том, что составляет основу его свободы, определиться с тем, что является его истинным благом. На собрании студентов в 1819 году по поводу открытия Киевской Духовной академии Скворцов произнесет: философия – это «величественное и прекрасное произведение духа нашего», «удивительное и великолепное здание», предназначенное преимущественно «для достижения потребностей духа нашего» [1, с. 50].

«Святилищем» философии являются метафизические истины, обусловленные единым началом, выходящие за пределы опытного знания, «за горизонт человеческих чувств и разума» [1, с. 52]. Философия в его представлении — это гармоничная система истин, особая наука, из которой «заимствуют свет и основания прочие науки» [1, с. 50], наука, развивающая в человеке «потребность свободного мышления» [2, с. 129]. Совокупность этих истин Скворцов называет philosophia prima. «Полнейшая совершеннейшая» истина это есть philosophia secunda, к которой и стремится философствующий ум, как к полному и всестороннему познанию целостности всех вещей. Посредством решения сложных метафизических вопросов, философия позволит человеку «возвыситься» до идеи Бога.

Обязанность философии, как считал русский богослов, посредством анализа разумной природы нашего духа открыть основные элементы истины и, очистив их от посторонней примеси, изложить в ясных и точных понятиях. Так Скворцов включает разум в структуру религиозного сознания, указывая на то, что разум учит человека умеренности в наслаждениях, учит, как избегать страха и скорби, достигать гармонии. В соответствие со своими религиозными убеждениями, теолог видит начало истинной философии в Боге, а целью философии – познание «вечного закона Высочайшей Премудрости и свое предопределение» [1, с. 54]. Как и Григорий Нисский, Скворцов обнаруживает возможность применения

философии к толкованию религиозных текстов, священного Писания, что и прививает своим ученикам, формируя в них соответствующие умения и навыки.

Учеником И.М. Скворцова стал Карпов Василий Николаевич (1798-1867), выпускник Киевской духовной академии, воспитанный как философ, который продолжит дело своего учителя уже в стенах Санкт-Петербургской Духовной академии. Как и Скворцов, В.Н. Карпов, а в дальнейшем и П.И. Линицкий, отстаивают мысль о философии как науке самопознания. Всякие рассуждения о пользе философии, как и о пользе наук, Карпов считал бесполезными и скучными. Но история показывает, что любое образованное общество никогда не ставило под сомнение пользу наук, в то время как к философии оно относилось с презрением и даже с оскорблением. Как пишет Карпов во «Введении в философию» (1840), философия воспринималась чаще всего как «язва религиозной, нравственной и политической жизни государства» [3, с. 110]. Но стоит обратить внимание на то, что Карпов связывает пользу науки с «благородством» целей, именно такую цель он видит в философии: определение места, значения и отношения человека в мире [3, с. 96]. Человек должен знать свою собственную природу и следовать ее «предписаниям», знать в какие отношения «поставить самого себя» [3, с. 93], и это касается и общественных отношений, и гражданского общества. Незнание всеобщей связи человеком может привести к беспорядку в общественных отношениях и в гражданском обществе, к нарушению законов природы, к нарушению гармонии – «строгого целого».

Рассуждения о полезности философии приводят В.Н. Карпова к обсуждению различий между философией и философствованием. Философствование не всегда философия, чаще всего это упражнение ума, которое Карпов характеризует как простое «чесание слуха» [3, с. 111], и такое действие он считает бесполезным. Философия же проникнута общей идеей, построенной на определенных принципах. И тогда полезность определяется тем, что мы хотим от философии: кому и для чего она нужна. Ответом Карпова на такую постановку вопроса является: польза философии в том, что она позволяет определить место и значение человека в мире, условий его бытия, сферу его обязанностей и прав. Только разные варианты ответов определяется тем, что у каждого свой «ум в голове», свое «царство целей». В зависимости от этих условий человек и ищет варианты ответов с помощью философии [3, с. 111]. И этот поиск беспределен, как и нравственность.

Карпов В.Н. подчеркивает, что на развитие человека влияют условия национального быта, культура общества, в котором он формируется как личности, государственные законы и политика, религиозные верования, поэтому «универсальный» субъект в обществе постепенно превращается в уникальный, единичный, характеризующийся определенным национальным типом, субъект, в личность, для которой характерна своя философия жизни. Поэтому, делает вывод Карпов, в России нужна своя отечественная, оригинальная философия, которая была бы полезна и для религии, и для национального быта, и даже для частных наук, поскольку все будут исходит из одних, общих для всех оснований.

Петр Иванович Линицкий (1839-1906) — профессор Киевской Духовной Академии, «учитель-философ», для которого философия была «своего рода воздухом, которым он дышал» [4, с. 775]. Перед преподавателем стояла важная задача, обозначенная еще И.М. Скворцовым и осуществляемая в стенах Духовной академии: сформировать у учащихся понятие об истинном духе философии, «приучить» их к философским исследованиям [5, с. 303]. Дух времени, влияние научно-технического прогресса в конце XIX — начале XX века, диктовали свои требования к образованию. Иван Триодин, студент КДА в «Слове пред погребением» П.И. Линицкого, сказал: «Все хотели знать свое место в мире. Все жаждали философского просвещения, и мы не хотели быть слепыми в мире» [6, с.773]. И в этом им помогал профессор Линицкий, который стал для них «наставником, руководителем», спасавшим своих учеников от «безнадежного скептицизма», «вещавшим» им истину, «вдохновлявшим» их своей любовью к ней. Линицкий в воспоминаниях учеников стал тем, кто помогал им найти такого мыслителя в истории философии, который был ближе всех к истине, найти ответы на вопросы: «Зачем живу? Зачем страдаю?»

Действительно, П.И. Линицкий в воспитании личности особую роль отводил философии, поскольку справедливо считал, что философия способствует формированию свободного, критического и самостоятельного мышления, «умственного творчества и нравственного совершенства». Прежде всего, речь идет о формировании знаний и умений выстраивать диалог, структурировать мысль. Для всех исследователей, посвящающих себя науке, независимо от предмета изучения, необходимо «философское образование в полном объеме», которое развивает в человеке способности к философскому мышлению [7 с. 12].

Как бы не развивалось и не проявлялось свободомыслие, но «бессмыслие», как справедливо считал профессор, «есть зло несравненно худшее, чем свободомыслие» [8, с. 48]. В философии Линицкий видел побуждение к превосходству умственному, а вместе с ним и к нравственному совершенству.

Как наука философия не ограничена конкретной областью исследования, как частные науки и не имеет конкретных практических задач. Вопросы, которые поднимает философия, имеют «всегдашнее» значение для человеческого духа. Философия направлена на формирование общего мировоззрения, т.е. «стремится к единству в познании, к соединению частного в общем» [9 с. 7]. Но при этом философ черпает знания из опытных наук как материал, который перерабатывает в рамках определенной идеи, как, впрочем, используют результаты исследования пограничных наук и эмпирические науки, тем самым, подтверждая: с одной стороны, достоверность полученного знания, с другой, — расширяя область применения результатов познания.

Необходимо подчеркнуть справедливость позиции Линицкого, утверждавшего, что предназначение науки не ограничивается только решением практических задач. Важным для наук является не только приобретение новых знаний и формулирование теорий, но и предвидение возможных последствий применения полученных результатов.

Список литература

- 1. Скворцов И.М. Метафизические начала философии // Аскоченский В.И. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее, в 1819 году. СПб, 1863. С. 49—67
- 2. Скворцов И.М. Христианское употребление философии или философия Св. Григория Нисского // Труды Киевской духовной академии. 1863. III. № 10. С. 129–160.
- 3. Карпов В.Н. Введение в философию // Карпов В.Н. Сочинения в 3 т. Мелитополь: Изд-во Мелитопольской городской типографии, 2013. Т.1. С. 42–254.
- 4. Богдашевский Д.И. Речи у гроба почившего профессора Киевской Духовной Академии П.И.Линицкого // Труды Киевской Духовной Академии. Т.П. 1906. С.776–780.
- 5. Флоровский Г. Пути русского богословия. М.: «Институт русской цивилизации», 2009. с. 303.
- 6. Речи у гроба почившего профессора Киевской духовной академии П.И. Линицкого // Труды Киевской духовной академии. -1906.-C.737-775.
- 7. Линицкий П.И. О внешних отношениях знания (организация школы) // Вера и разум. Т. II. Ч. I. С. 1–21
- 8. Линицкий П.И. О свободе воли // Философские и социологические этюды. Киев: Типография И. И. Горбунова, 1907. С. 1–48
- 9. Линицкий П.И. Обзор философских учений. Киев: Тип. С.Т. Еремеева, 1874. 253 с.

«НОВЫЙ ГРАД» О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОЕ В РОССИИ¹

Машукова Е.Ю.

кандидат философских наук, доцент Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, (Санкт-Петербург, Россия)

_

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00783. Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20-50-х гг. XX века).

«Мы спрашиваем не о том, во что человек верует, а какого он духа. Под этим знаменем соединились мы в борьбе за правду Нового Града» Г. Федотов

УДК 1 (091)

Предметом данного исследования является отношение авторов эмигрантского журнала «Новый град» к советской действительности в 30-х годах XX века. Для того, чтобы особенности данной рецепции, определяемой прежде всего идеалами и представлениями новоградцев, автор рассматривает основные принципы их мировоззрения. Актуальность данного исследования определяется интересом к советскому проекту, убежденными критиками которого выступали сотрудники данного издания. Авторов «Нового града» в историографии русского зарубежья XX века относят к так называемому «пореволюционному сознанию», для которого было характерно частичное признание достижений советской России. Вместе с тем, авторы журнала, отвергая и капитализм и социализм, предлагают третий путь социального развития – «трудовой строй», в котором были бы реализованы права и свободы человека и осуществлялся приоритет духовных ценностей над материальными. Методологически работа базируется на историкофилософском анализе первоисточников и исследовательской литературы. В результате исследования автор обнаруживает, что критика советского строя новоградцами осуществляется по следующим направлениям: советский режим осуществляет свои преобразования за счет истребления миллионов людей, он держится на лжи и предательстве, в нем отвергается свобода личности, деградирует интеллигенция, падает качество духовной культуры за счет истребления свободы творчества. Но главное, это страшное искажение народной души, которое ведет за собой режим большевиков.

Ключевые слова: «Новый град», пореволюционное сознание, третий путь, советская действительность.

"NOVY GRAD" ABOUT THE SOCIALIST SYSTEM IN RUSSIA

Mashukova E. Yu.

candidate of philosophy, associate Professor Military space Academy named after A. F. Mozhaisky, (Saint-Petersburg, Russia)

The subject of this research is the attitude of the authors of the emigrant magazine "Novy grad" to the Soviet reality in the 30s of the XX century. In order to understand the features of this reception, which is determined primarily by the ideals and ideas of Novograd residents, the author considers the basic principles of their worldview. The relevance of this research is determined by the interest in the Soviet project, which was strongly criticized by the staff of this publication. The authors of the New city in the historiography of the Russian abroad of the XX century refer to the so-called "postrevolutionary consciousness", which was characterized by partial recognition of the achievements of Soviet Russia. At the same time, the authors of the journal, rejecting both capitalism and socialism, suggest a third way of social development – the "labor system", in which human rights and freedoms would be realized and the priority of spiritual values over material ones would be realized. Methodologically, the work is based on the historical and philosophical analysis of primary sources and research literature. As a result of the research, the author finds that the criticism of the Soviet system by Novograd residents is carried out in the following directions: the Soviet regime carries out its transformations by exterminating millions of people, it is based on lies and treachery, it rejects the freedom of the individual, degrades the intelligentsia, and reduces the quality of spiritual culture by destroying the freedom of creativity. But most importantly, this is a terrible distortion of the people's soul, caused by the need for lies and treachery, which leads the Bolshevik regime.

Журнал «Новый град» выходил в Париже с 1931 по 1939 год. Создателями и редакторами «Нового града» были видные деятели русской эмиграции: публицист Георгий Федотов, философ Федор Степун и бывший эсер, объединитель творческой интеллигенции, Илья Бунаков-Фондаминский.

В историографии русского зарубежья журнал относят к тому направлению эмигрантской литературы, которое впоследствии получило название «пореволюционного сознания»¹. Отличие пореволюционного сознания от других направлений русской эмиграции состояло прежде всего в том, что они полагали большевистскую революцию закономерным исходом всей русской истории и частично признавали успехи советского строя.

Для того, чтобы понять, как новоградцы относились к советской действительности, нужно прояснить несколько сюжетов, связанных с их мировоззрением.

«НГ» представлял то направление «послереволюционного сознания», которое надеялось на «самоизживание» коммунизма, так как этот строй несовместим с базовыми человеческими ценностями. Новоградцы были убеждены, что любой общественный строй «держится на душах людей» (И. Бунаков), следовательно большевиков не победишь ни ружьями, ни либеральными речами, надо подорвать доверие людей к этому строю, противопоставить большевистской идеологии целостное мировоззрение, центральной идеей которого было бы признание абсолютной ценности личности. Отсюда вытекала главная задача «пореволюционеров» – создать идеологию будущей России.

Фашизм и коммунизм были «сиамскими близнецами» для новоградцев, потому что в обоих этих политических режимах не осуществлена главная цель социального развития — свободное развитие личности. Можно сказать, что журнал был попыткой дать версию третьего пути для России и Европы, — минуя капитализм и социализм. Будущий строй обозначался неопределенным словом «трудовой», «ибо труд, а не капитал займет в нем почетное место» (И. Бунаков). Этот строй будет организован на началах плана и организации, на началах реальной свободы — прав человека на достойное существование; на началах труда. В этом новом строе останутся капитал, частная собственность и свободный обмен, но они не будут руководящими началами народного хозяйства. Государственное принуждение в организации труда отвергается, хозяйственный процесс должен быть свободным и творческим.

Социальная проблема, которую не могли решить ни фашисты, ни коммунисты, это проблема сохранения личности и ее свобод, прежде всего свободы духа, поэтому послебольшевисткая Россия должен быть обустроена на началах христианства, потому что: «лишь христианство утверждает равенство целого и части, личности и мира, Церкви и человеческой души» [1, с. 6]

Но само христианство понимается своеобразно, так на первый план выходит его нравственное измерение, которое нужно возродить в общественной жизни. Социальная ценность христианства в том, что оно «открывает для людей бесконечную ценность личности – той «души», которой не стоит весь мир» [Цит. По: 2, с. 173].

Необходимо отметить, что «Новый Град» «объединил в отрицательном отношении к себе чуть ли не все подавляющее большинство политически оформленной эмиграции» [3, с. 438].

Оппоненты «НГ» упрекали его авторов в просоветизме, что действительно имело место в некоторых выступлениях Бунакова и Степуна, так, речь шла не только о «бесспорных» производственно-технических достижениях Советского Союза, но и том, что в России рождается «образ нового человека», что она выходит на новый путь духовного, социального и культурного творчества.

-

¹ К этому направлению традиционно относят «сменовеховство», утвержденцев, младороссов, евразийцев, национал-большевиков и др., см. об этом: Русская философия. Энциклопедия. М., Мир философии. 2020 г. С. 553

Еще страшнее казалась позиция Бердяева, утверждавшего, что в России существует своя «советская свобода», которая выше свободы формальной, «буржуазной», ибо последняя равнодушна к истине [4, с. 63].

Насколько справедливы были эти упреки? Как же относились авторы «Нового града» к советскому строю? Тексты их статей обнаруживают, что за редким исключением эта оценка резко негативная. Критика советского строя вытекала из их представлений и идеалов и осуществлялась по следующим направлениям.

Во-первых, они отрицали, что в России строится коммунизм: так, Бердяев полагал, что «под видом коммунизма в советской России осуществлен на самом деле деспотический государственный капитализм, система капитализма наиболее страшная потому, что при ней конкурирующих капиталистов заменяются одним множество капиталистом, эксплуататорской тирании которого уйти никуда нельзя потому, что он обладает всеми средствами государственного принуждения [5, с. 46]. Во-вторых, технические успехи большевиков достигнуты за счет того, что они «отменили человека как духовное существо, наделенное свободой» [6, с. 15]. «Россия поднята на коммунистическую дыбу», утверждает Федотов, во имя коммунизма в России истребляются миллионы, отменяется христианство и культура, воцаряется всеобщая нищета вокруг индустриальных гигантов-монастырей [7, с. 14]. Комсомольцы, трудовой энергией которых можно восхищаться не только строят заводы, но и разрушают храмы и беспощадно расстреливают крестьян. И вообще отчаянная энергия комсомола направлена против народа, которого голодом, обезземеливанием и расстрелами загоняют в технический рай. В-третьих, власть большевиков вряд ли можно назвать народной, она поддерживается только правящим отбором: партией, армией, «молодняком» (Г. Федотов). Народ, рабочие и крестьяне давно уже из деятелей революции превратились в ее жертв. И наконец, в России заглушаются ценности, без которых нет человеческой жизни на земле: веры, любви, свободы, уважения к истине, достоинству человеческой личности. Происходит социальная деградация интеллигенции и вульгаризация культуры, истребляется свобода творчества, утверждает Г. Федотов. Но самое страшное преступление большевиков – это глубокое искажение народной души, которое ведет за собой их режим: «В большей степени, чем проповедь материализма и безбожия, чем сознательное разрушение семьи, эта деморализация связана с необходимостью общей лжи и предательства, с проникновением политического сыска в самые недра народной жизни», пишет Г. Федотов [8, с. 8].

Поэтому главной задачей эмигрантской общественности было создание целостного мировоззрения, которое можно было бы противопоставить идеологии большевизма, мировоззрение в центре которого было бы признание достоинства личности и ее свободы.

Список литературы

- 1. Федотов Г. П. Новый град // Новый град. 1931. № 1 С. 3–8.
- 2. Ананьев О.В., Ермичев А.А. «Новый град»: проект духовного и социального переустройства мира // Философия и общество. 1999. №1 С. 154—172
- 3. Руднев В. Политические заметки // Современные записки. Париж, 1932. С. 438–456.
- 4. Бердяев Н. А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый град. 1931. № 1 С. 59–66
- 5. Бердяев Н. А. Социальный кризис культуры // Новый град. 1932. № 3. С. 46–53
- 6. Степун Ф.А. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. № 2 С. 15–27.
- 7. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Новый град. 1932. № 2. С. 3–14.
- 8. Федотов Г.П. В плену стихии // Новый град. 1932. № 4. С. 8–20.

ШКОЛА ПРАКСИСА О ФИЛОСОФИИ КАК ТОТАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Останина Е.М.

аспирант Вятский государственный университет УДК 101

Философия школы праксиса стала уникальным явлением в истории мировой философии XX века. Позиционируя себя как гуманистический марксизм, школа сумела интегрировать идеи различных философских направлений, исследуя фундаментальные социальные и политические вопросы, формы отчуждения, сущность социально-исторической практики и преобразующей деятельности человека. Школа праксиса в своих философских изысканиях придерживалась метода тотальной критики. Критическому анализу подвергались как работы классиков марксизма, так и общественно-политическое устройство социалистических стран.

Ключевые слова: школа праксиса, гуманистический марксизм, югославская философия, критическая теория, критика.

PRAXIS SCHOOL: PHILOSOPHY AS A TOTAL CRITIQUE

Ostanina E.M.

Postgraduate Vyatka State University (Kirov, Russia)

Philosophy of the Praxis school became a unique phenomenon in the history of the world philosophy of XX century. Positioning as Marxist humanism, the school integrated ideas of different directions of philosophy; the school researched fundamental social and political questions, forms of alienation, the essence of social-historical practice and transforming activity of human. The Praxis school used a method of total critique in researches. Philosophers of the Praxis school analyzed and critiqued both works of classics of Marxism and social-political system of socialist states.

Keywords: Praxis school, Marxist humanism, Yugoslav philosophy, critical theory, critique.

Школа праксиса является одним из вариантов интерпретации и развития марксистской философии в 20 веке. Свое название она получила от одноименного международного журнала, издававшегося в Югославии с 1964 г. по 1974 г. и объединившего сторонников гуманистического социализма (М. Маркович, Г. Петрович, М. Кангрга, Р. Супек, С. Стоянович, З. Пешич-Голубович, В. Милич). Появлению данной школы в Югославии способствовали и социально-исторические и идейно-теоретические факторы. Это пересечение влияния Западной Европы и России, сложный процесс объединения южнославянских народов в федеративном государстве, модель самоуправляющегося социализма И. Броза Тито, рост интереса к гуманизму в философии, психологии, художественной культуре. Идеи философов школы праксиса формировались не только под влиянием работ К. Маркса, но А. Грамши, Г. Лукача, Г.В. Плеханова. Югославские философы активно общались как с советскими (в том числе и во время учебы в СССР), так и с зарубежными философами (А. Айером, Ю. Хабермасом, Э. Фроммом, Ж.-П. Сартром, Г. Маркузе, Э. Блохом и др.). Впоследствии за пределами Югославии, в США и Великобритании, выходил журнал «Praxis International» (1981-1993 гг.), сейчас его дело продолжает журнал «Constellations», издаваемый в США.

Центральным понятием философии школы праксиса является понятие человека. Представители школы праксиса строили понятие природы человека, отвечающее на вопрос «Кем человек не только может, но и должен стать?» [1, с. 68]. Также рассматривались понятия отчуждения, практики, революции, разрабатывалась философская антропология, политическая философия в духе социалистического гуманизма, теория государства, права, партиципативной демократии [1, с. 68].

Можно утверждать, что метод научного познания философов школы праксиса – критический, причём критический в духе Маркса. Наиболее полно разработан данный метод

в работах одного из основателей Франкфуртской школы М. Хоркхаймера («Традиционная и критическая теория», «Диалектика Просвещения» — совместно с Т. Адорно, «Критическая теория: избранные очерки»). М. Хоркхаймер так задекларировал предназначение философии: «Подлинная общественная функция философии состоит в критике всего существующего» [2, с. 208].

Подтверждением преобладания критицизма в философии школы праксиса является и обозначенная в открывавшей первый выпуск статье «Почему Праксис» цель их работы: «Мы хотим философский журнал, в том смысле, в котором философия есть мысль революции: беспощадная критика всего, что существует, истинное гуманистическое видение подлинно человеческого мира и вдохновляющая сила для революционной деятельности» [3, с. 4–5].

Что же критиковали праксисовцы? Критическому анализу, переосмыслению подвергался как марксизм в целом (в т.ч. работы классиков марксизма: К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина), так и существующие системы социализма в мире (в основном советский и югославский варианты). Представители школы праксиса отвергали и сталинизм и титоизм. Они отмечали, что ни в СССР, ни в СФРЮ нет социализма, тип государственного устройства скорее похож на этатизм с элементами социализма, развивается бюрократизм, нередки проявления национализма (в СФРЮ), отсутствуют гуманистических начал, отчуждение не исчезло (несмотря на формальную ликвидацию частной собственности), недостаточно развито рабочего самоуправления (в СФРЮ).

При обсуждении поднимаемых вопросов философы школы праксиса вели «диалог» как с представителями различных марксистских направлений и течений, так и с представителями немарксистских направлений философии [4, с. 26].

Важной особенностью школы праксиса была практическая направленность философии (что было также в ключе критической теории Франкфуртской школы), ими разрабатывались конкретные предложения методов и путей построения истинного социализма в Югославии. Так, представители праксиса организовывали ежегодную летнюю школу на острове Корчула (совр. Хорватия), где собирались ученые — философы, политологи, социологи (в т.ч. из зарубежных стран), целью этой школы была генерация идей и предложений по преодолению все ещё существующего отчуждения (в т.ч. усовершенствованию системы рабочего самоуправления). Статьи философов школы праксиса вызывали острые дискуссии в югославском обществе, также несомненно влияние философии школы праксиса на студенческие волнения в университетских городах Югославии в 1968 г.

Таким образом, мы видим, что философы школы праксиса следовали принципу, сформулированному К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе» («Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [5, с. 367]), ставили перед собой задачу «изменить» мир и предлагали способы решения данной задачи (в основном основываясь на критическом анализе современного им общества).

Список литературы

- 1. Маркович М. Разговор с философом // Дискурс Пи: Научно-практический альманах. 2007. № 1 (7). С. 67–70.
- 2. Пунченко О.П., Водопьянов П.А. Философская критика в структуре методологии научного познания // Гуманітарний вісник ЗДІА. –2012. –№ 48. –С.204–213.
- 3. Petrović G.Čemu praxis? // Praxis. 1964. T. 1. C. 3–8.
- 4. Bogdanić Luka. Čemu praxis? Ili o historijskom porijeklu i mjestu Praxisa//Aspekti praxisa. Refleksije uz 50. obljetnicu. Filozofski fakultet sveučilišta u Zagrebu. Zagreb. 2015. S. 24–45.
- 5. Маркс К. Тезисы о Фейрбахе // Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах. $1934. T.1. C.\ 365-367$

ОНЛАЙН ВЫЗОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Перов В.Ю.

Кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 174.7

Современное внедрение цифровых технологий и широкое распространение онлайн образования приводит к существенным изменениям в профессиональной этике высшего образования. В результате исследования сформулированы следующие проблемные зоны: 1) проблемы справедливости в контексте «цифрового разрыва»; 2) проблемы трансформации академических прав и свобод; 3), проблемы использования персональных данных и демаркации между профессиональной и частной жизнью; 4) проблемы формирования этики e-service в высшем образовании.

Ключевые слова: профессиональная этика, онлайн образование, справедливость, академические права и свободы, профессиональная и частная жизнь

ONLINE CHALLENGES TO PROFESSIONAL ETHICS IN HIGHER EDUCATION: KEY PROBLEMS

Perov V. J.

Candidate of Philosophical Sciences, Docent St.-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

The contemporary development of digital technology and the widespread dissemination of online education leads to significant changes in the professional ethics of higher education. As a result of the study, the following problem areas are formulated: 1) these are problems of justice in the context of the «digital divide» 2) these are problems of the transformation of academic rights and freedoms; 3), these are problems of the use of personal data and the demarcation between professional and private life; 4) these are the problems of forming ethical standards for e-service in higher education.

Keywords: professional ethics, online education, justice, academic rights and freedoms, professional and private life

Возникшая в начале 2020 года пандемия COVID-19, сопровождавшаяся широкими санитарно-эпидемиологическими ограничениями, оказала существенное влияние трансформации трудовых отношений во многих сферах, в том числе и в высшем образовании. Несколько миллионов студентов и сотни тысяч преподавателей университетов, институтов и академий в одночасье оказались в ситуации массового, в буквальном смысле, дистанционного онлайн образования. Сложившаяся ситуация не только породила многочисленные дискуссии по поводу самого онлайн образования (даже оставляя в стороне вопрос о том, насколько простой «перенос» занятий из аудиторий в виртуальную среду может рассматриваться как онлайн образование в строгом смысле), но и обнажила некоторые существующие этические проблемы высшего образования вообще. Оставляя в стороне дискуссионные вопросы технологического, психологического, учебно-методического, административного, экономического и т.д. характера, следует отметить, что происходящие изменения поставили существенные вопросы трансформации некоторых аспектов профессиональной этики в

_

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 19-011-00234

рамках высшего образования. Существующие этические императивы, ценности, права и обязанности, которые в своей совокупности образуют нормативный профессиональный этос профессорско-преподавательского состава, требуют конкретизации и уточнений под влиянием расширения онлайн образования. Эти изменения прямо или косвенно затрагивают и других участников образовательного процесса, прежде всего обучающихся (студентов) и руководство (администрацию) учебных заведений.

В качестве основных можно выделить следующий перечень профессионально-этических проблемных зон.

- 1. Справедливость, которая наиболее ярко проявилась в том, что в широком смысле активно обсуждается в качестве проблемы «digital divide» (цифровой разрыв, цифровое неравенство и т.д.). Сформулированная в качестве императива в сфере образования справедливость понимается, с одной стороны, как требование справедливой оценки достижений в работе для преподавателей или в учёбе для студентов, с другой стороны, как справедливый доступ к «благам образования». Опыт расширенного онлайн образования не только выявил элементы несправедливости в обоих этих аспектах, но и показал, что уже существующие в традиционном (офлайн) образовании требования зачастую не учитывают реалии «digital divide», который включает не только технологические и финансовые проблемы, но различия в «цифровой грамотности». Кроме того, особое значение в данном контексте оказываются сомнения в справедливости самого требования всё более широкого использования информационных технологий в образовательном процессе как непременного условия оценки как работы педагогов, так и обучающихся.
 - 2. Академические права и свободы.
- 2.1. Развитие информационных технологий и особенно онлайн образование по факту подрывает одно из базовых для высшего образования право на свободу преподавания, которое включает свободу выбора педагогически обоснованных форм, средств, методов обучения и т.д. Существующая в настоящее время избыточная формализация учебного процесса уже вызывает у многих «чувство ностальгии», когда они сталкиваются с жесткими шаблонами онлайн курсов, которые практически сводят «к нулю» творческую самостоятельность и инициативу.
- 2.2. Проблема авторского права и права интеллектуальной собственности на результаты трудовой и творческой деятельности педагога. В значительной степени это юридическая проблема, но широкое распространение образовательного контента в информационном публичном пространстве актуализирует и этические вопросы. Важным обстоятельством оказывается то, что значительная часть этого контента обладает не очень понятным как юридическим, так и этическим статусом. Можно ли приравнять видеолекции к опубликованным в виде учебно-методического пособия «Лекциям по...»? От решения данного вопроса зависит не только защита собственных авторских прав, но и то, например, как использовать в занятиях взятые из открытых источников лекции других преподавателей, чтобы это было этичным и не рассматривалось как плагиат.
- 3. *Персональные данные и частная жизнь*. Проблема этичного использования информации касается не только защиты результатов профессиональной деятельности, но и границ личной жизни.
- 3.1. Опыт «массового онлайн» обнажил проблему неопределенности в вопросах демаркации профессионального и личного. Эта проблема уже назревала в связи с широким распространением средств личной связи и коммуникаций, что благодаря взаимной доступности сильно раздвинуло «рабочее время». В связи с этим возникает насущная потребность в этическом регулировании времени исполнения профессиональных обязанностей в рамках взаимоотношений между администрацией и преподавателями, преподавателей с коллегами, преподавателями и студентами.
- 3.2. Распространение образовательных онлайн технологий существенно увеличивает присутствие преподавателей в публичной информационной среде, что не только усиливает важность защиты персональных данных, но и порождает этические проблемы «цифрового

следа», использование которого, представляет возможности для вмешательства и воздействия на частную жизнь. Можно с большой степенью уверенности предположить, что широкое использование технологий «больших данных» в обработке «цифровых следов» привнесет соответствующие этические проблемы и в профессиональную этику высшего образования.

- 3.3. Особого этического регулирования требуют проблемы, возникающие в связи с расширяющейся практикой использования технологий прокторинга систем удаленного мониторинга и контроля действий сотрудников, преподавателей и студентов. Внедрение таких систем, в том числе с использованием элементов технологий искусственного интеллекта, должно сопровождаться созданием специальных этических норм, частью которых будет решение проблем демаркации профессиональной и частной жизни.
- 4. Этика e-service, что предполагает разработку, с одной стороны, своеобразного нетикета (этических правил вежливости при общении онлайн) для образовательного процесса, с другой стороны, этических норм удаленной работы и оказания услуг, который взаимно учитывал бы опыт функционирования различных дистанционных служб и сервисов (электронное правительство, электронное правосудие, телемедицина и т.д.).

Завершая данный перечень проблем, следует отметить, что он не является исчерпывающим, но представляется очень актуальным, и отсутствие норм профессиональной этики, позволяющих не только разрешать, но и предупреждать возникающие проблемы, создает реальные угрозы дальнейшему развитию высшего образования.

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММОДИФИКАЦИИ БИОМАТЕРИАЛОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ГЕНОМИКИ И ГЕНОМНОЙ МЕДИЦИНЫ¹

Попова О.В.

Доктор философских наук Институт философии РАН (Москва, Россия)

УДК 174

Рассмотрен ряд этико-правовых проблем коммодификации биоматериалов в процессе развития геномики и геномной медицины. Показано, что биоматериалы в современном мире рассматриваются как объекты имущественного и патентного права и становятся источником получения прибыли. Зачастую это приводит к появлению казусов, связанных с защитой прав индивида, являющегося источником происхождения биоматериалов. Выдвинут тезис о том, что ситуация, связанная с оборотом биоматериалов, отражается в различных модусах отношений между индивидом, наукой и обществом, с характерной для каждого из них артикуляцией приоритета личного или общественного блага.

Ключевые слова: биоматериалы, коммодификация, этика биотехнологий, наука и общество, этика геномики.

ETHICAL AND LEGAL PROBLEMS OF BIOMATERIAL MODIFICATION IN THE DEVELOPMENT OF GENOMICS AND GENOMIC MEDICINE

Popova O. V.

Doctor of philosophy Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РНФ, грант № 19-18-00422

A number of ethical and legal problems of biomaterial commodification in the development of genomics and genomic medicine are considered. It is shown that biomaterials in the modern world are considered as objects of property and patent law and become a source of profit. This often leads to incidents related to the protection of the rights of the individual who is the source of origin of biomaterials. The thesis is put forward that the situation related to the turnover of biomaterials is reflected in various modes of relations between the individual, science and society, with the articulation of the priority of personal or public good characteristic for each of them.

Keywords: biomaterials, commodification, ethics of biotechnologies, science and society, ethics of genomics.

Коммодификация (коммерциализация) биоматериалов все чаще привлекает внимание общественности, формируя как новый сегмент рыночной экономики, так и новый формат научного знания в области биомедицины. Биоматериалы все чаще фигурируют в качестве коммерческого продукта, из которого можно извлекать прибыль. В этой связи с тенденцией коммодификации связаны такие широко распространенные явления, как продажа биообразцов для биобанков и патентование генов, оплачиваемое участие в клинических испытаниях лекарственных препаратов. В то же время тренд развития коммодификации биоматериалов влияет на развитие нелегальных рынков человеческих органов и тканей человека, то есть на формирование теневого сектора экономики, с характерным для него сокрытием доходов и отсутствием налогообложения.

Развитие процесса коммодификации биоматериалов вызвало формирование различных модусов отношений между индивидом, наукой и обществом: 1) модус противостояния индивида и науки; 2) альтруистический модус; 3) компенсаторный модус [1].

В рамках первого модуса, характерного для науки со слабо развитыми этосом и нормативным полем, наука выступает как институт, не интересующийся благом отдельного индивида. В процессе инструментализации и коммодификации его телесности активно используются его биоматериалы (например, с целью патентования генов). Наука апеллирует к идее решения общественно значимых проблем в сфере здравоохранения и способствует увеличению прибыли крупных биотехнологических корпораций. В этой связи могут возникают судебные процессы, направленные на защиту права индивида или его родственников распоряжаться генетической информацией и не передавать ее для доступа третьим лицам (характерным примером подобных процессов является дело Генриетты Лакс [2].

В рамках второго (альтруистического) модуса отношений сам индивид стремится внести вклад в науку, не возражая против использования биоматериалов, полученных из его тела. Рассмотрим в этой связи нашумевшее «Дело "Паррилло (Parrillo) против Италии"» (жалоба N_2 46470/11) [3; 4].

В рамках данного дела в Европейском Суде по правам человека заявитель (Парилло) отстаивала свое право на передачу эмбрионов в целях научных исследований, в то время как Италия выступала против, апеллируя к национальному закону, запрещающему использование человеческих эмбрионов в экспериментальных целях и придание ему экономической ценности. Несмотря на то, что в Европейском Суде по правам человека отмечалось, что эмбрионы как носители генетического материала женщины являются частью ее биологической идентичности и решение об их судьбе затрагивает ее частную жизнь, в его решении было указано, что их нельзя приравнивать к имуществу (на чем настаивала женщина, требуя права свободного распоряжения собственными эмбрионами). Дело было проиграно заявителем. В целом, оно не является типичным для оценки масштабов тренда коммодификации, поскольку демонстрирует достаточно уникальную ситуацию, когда само государство, отталкиваясь от социокультурных архетипов и ценностных оснований, выступает против коммодификации в науке при готовности самого индивида к этой практике. При этом делается акцент на различии источников полученных биоматериалов и особом

статусе эмбрионов. Их запрещают рассматривать как вещи, инструментализируемые наукой, и выводят из сферы имущественного права.

Современной биомедицине присуща теневая сторона альтруистического модуса. Индивида могут поощрять к донорству биоматериалов, апеллируя к гуманистическим ценностям. При этом не акцентируется внимание на возможных рисках этой процедуры, скрывается информация о негативных последствиях для здоровья и коммерческом интересе исследователей. Характерным примером этой практики является клонирование эмбрионов в исследовательских целях, когда женщин на безвозмездных основаниях поощряют к донорству яйцеклеток и замалчивая существующие для здоровья риски) [5].

Третий, компенсаторный модус отношений между наукой, индивидом и обществом в контексте развития практик коммодификации связан с попытками возмещения индивиду или его родственникам материального или морального ущерба за использование биоматериалов (клеток, субстанций, органов) и генетической информации и полученных на их основе патентов, приносящих прибыль в биотехнологических целях [1].

Развивающиеся процессы коммодификации вызывают необходимость поиска баланса между правами государства и интересами частных лиц, между общественным благом и личностными ценностями. Право распоряжения собственными биоматериалами и генетической информацией, добровольность и безвозмездность передачи биологических материалов, требование соблюдения биобезопасности, врачебной тайны, - все эти проблемы развития геномики требуют постоянного этического мониторинга в каждом конкретном случае использования биоматериалов.

В Российской Федерации данная задача является особенно актуальной, поскольку нормативно-правовая база оказывается недостаточной для регулирования уже сложившегося научного и коммерческого оборота биоматериалов, не созданы необходимые компенсационные механизмы за использование биоматериалов, слабо урегулированы процедуры получения информированного согласия и отказа на донорство биоматериалов для проведения научных исследований.

Список литературы

- 1. Попова О.В. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 140–157.
- 2. Skloot R. Taking the Least of You // New York Times, 16.04.2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/04/16/magazine/16tissue. html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 20.04.2016).
- 3. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 12 (24). 122 с.
- 4. Ксенофонтова Д.С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // LEX RUSSIA. июнь 2019 № 6 (151)– С. 143–152.
- 5. Popova O.V., Savvina O.V. Ethical Issues of Gamete Donation: Body Commodification and Transformation of Family Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 3. С. 310–318.

О МОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

Пороховская Т.И.

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК 17.02

В тезисах рассматриваются три основных подхода к вопросу о моральных предпосылках философского познания. 1) Многие философы (Р. Декарт, Ч.С. Пирс, Ф. Ницше,

М. Шелер, П. Бурдьё и др.) указывают на благотворную роль определенных моральных ориентаций в деятельности ученого. Называют такие качества и нравственные установки, как самообладание, интеллектуальную честность, бесстрашие, мужество, преданность делу и др. 2) К.-О. Апель развивает идею Ч.С. Пирса о коллективном субъекте философского творчества. Коммуникативное сообщество философов, кооперация нуждается в определенных правилах взаимодействия и координации усилий. Нормативную базу совместной деятельности ученых попытался сформулировать в своих статьях американский социолог Р. Мертон. Позже к обсуждению норм взаимодействия в научном сообществе подключаются Р. Богуслав, И. Митрофф, С. Фуллер, Дж. Займен, Б. Пружинин и др. 3) В современных условиях значительно обострилась проблема ответственности интеллектуалов перед обществом и за будущее человечества. Ответственность выражается не только в нравственно-политической позиции, но и в содержании творчества. На это указывали Ж.-П. Сартр, П. Баран, М. Фуко, Ю. Хабермас, Ч. Миллс, А. Бадью, Г. Йонас и др.

Ключевые слова: философское познание, моральные установки, коммуникативное сообщество, моральные нормы, ответственность, гуманизм.

ON THE MORAL PREREQUISITES OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Porokhovskava T.I.

Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Ethics, Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Theses discuss three main approaches to the question of the moral prerequisites of philosophical knowledge. 1) Many philosophers (R. Descartes, Ch.S. Peiarce, F. Nietzsche, M. Scheler, P. Bourdieu and others) point to the beneficial role of certain moral orientations in the activities of a scientist. They call such qualities and moral attitudes as self-control, intellectual honesty, fearlessness, courage, dedication, and others. 2) K.-O. Apel develops the idea of Ch.S. Peirce on the collective subject of philosophical creativity. A communicative community of philosophers, cooperation needs certain rules of interaction and coordination of efforts. The American sociologist R. Merton tried to formulate the regulatory framework for the joint activities of scientists in his articles. Later, R. Boguslav, I. Mitroff, S. Fuller, J. Zaimen, B. Pruzhinin and others join in the discussion of the norms of interaction in the scientific community. 3) In modern conditions, the problem of the responsibility of intellectuals to society and for the future of mankind has become much more acute. Responsibility is expressed not only in the moral and political position, but also in the content of creativity. This was indicated by J.-P. Sartre, P. Baran, M. Foucault, J. Habermas, Ch. Mills, A. Badiou, H. Jonas and others.

Keywords: philosophical knowledge, moral principles, communicative community, moral standards, responsibility, humanism.

Вопрос о моральных предпосылках философского познания является аспектом более широкой проблемы, которая активно обсуждается в XX в., - проблемы соотношения науки и ценностей культуры. Среди тех, кто разделяет мнение о влиянии морали на философское познание, представления о том, каким образом осуществляется это влияние, различаются. Некоторые философы называют личностные нравственные качества и установки, способствующие эффективности и плодотворности исследовательской деятельности. Так, Ф. Ницше в качестве непременных условий научного исследования называл интеллектуальную честность и бесстрашие перед открывающейся честному взгляду истиной. Моральные предпосылки теоретической деятельности философа обосновывал и М. Шелер. По его мнению, необходимым условием философского познания является моральная позиция мыслителя [1, с. 91]. Философское познание нуждается в особом «воспарении», «чтобы

получить доступ к *«бытию самого мира»*, а подобного рода «воспарение» возможно только при наличии определенной моральной позиции ученого. В структуре *«основных моральных актов, отвечающих по сути за философское познание»* Шелер называет: 1) любовь к абсолютной ценности и абсолютному бытию; 2) смирение (усмирение своего естественного Я и своей самости) и 3) самообладание. Эти и только эти моральные установки обеспечивают адекватность философского познания и ведут духовную личность из сферы бытия окружающей среды и из бытийной относительности к абсолютному бытию [1, с. 103–105]. П. Баран писал, что верность истине требует отваги и преданности делу, особенно в условиях политической реакции, антиинтеллектуализма и предрассудков. П. Бурдьё говорил о том, что отстаивание своей позиции требует мужества, воображения и способности рисковать.

К.-О. Апель разделяет позицию Ч.С. Пирса, который выступил против методического солипсизма в понимании процесса научного творчества: субъектом познания является не а научное (коммуникативное, аргументационное) сообщество. ученый, Взаимопонимание и согласие между членами научного сообщества, их солидарная воля обеспечиваются не только силой аргументов, но и моральными нормами и конвенциями (для отдельного человека, о чем говорил еще Пирс, правила не нужны). В качестве аргументирующего исследователь «всегда уже имплицитно признает предпосылку неограниченного критического коммуникативного сообщества» [2, с. 195], а не только своего специализированного научного сообщества. Если же аргументирующее сообщество будет игнорировать точку зрения идеального неограниченного коммуникативного сообщества, то это «может означать лишь то, что обществу предстоит распасться на тех, кто контролирует, и тех, кого контролируют» [2, с. 204]. В дискурсивной этике Апеля нормативные требования к речевому акту (истинность, понятность, нормативная правильность, правдивость) являются одновременно и нравственными требованиями, должным. Дискурсивный принцип дополняется у него морально-стратегическим – принципом дополнительности, который ориентирует на выживание человеческого рода уже не как идеального, а как реального коммуникативного сообщества, а также на реализацию в этом реальном сообществе идеального коммуникационного сообщества.

Нормативную базу деятельности научного сообщества сформулировал американский социолог Р. Мертон. В статьях «Наука и социальный порядок» (1937) и «Нормативная структура науки» (1942), он обозначил комплекс ценностей и норм, которые, по его мнению, разделяются сообществом ученых (универсализм, коммунализм, бескорыстность и организованный скептицизм). Эту тему Мертон разрабатывал и в 1950-е гг., а на основе критического переосмысления сделанного Мертоном к ней подключаются и другие ученые (Р. Богуслав, И. Митрофф, С. Фуллер, Дж. Займен, Б. Пружинин и др.).

Об этике ответственности «социально свободно парящего слоя» (А. Вебер), осуществляющего «суммарный синтез» знания, писал К. Мангейм (к этому слою он причислял, в частности, Гегеля и Маркса). У Апеля, находившегося под влиянием этики ответственности Г. Йонаса, идея социальной ответственности выражена в принципе дополнительности. Сходные идеи высказывали Ж.-П. Сартр, П. Баран, М. Фуко, Ю. Хабермас, Ч. Миллс, А. Бадью и др. Строго говоря, ответственность за будущее человечества не может быть никому конкретно вменена, этот род долга относится к категории «сверхдолжного». Однако в случае негативных последствий политического выбора или научно-технических введений общество возлагает ответственность на интеллектуалов, научное сообщество: вы должны были предвидеть, должны были предостеречь, но не сделали этого. Таким образом, ретроспективная ответственность — ответственность за то, что сделал или что должен был сделать, но не сделал, — активизирует проспективную ответственность — ответственность за прогнозы, принимаемые решения и социальные цели.

Список литературы

1. Шелер М. О сущности философии и моральном условии философского познания // Шелер М. О сушности философии: работы разных лет / пер с нем. А.Н Малинкина. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – С. 75–117

2. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. – М.: Логос, 2001. – С. 193–236

«ШПИОНЯЩИЙ КАПИТАЛИЗМ» КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Прошкин А.С.

Аспирант Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

УДК 101.1:316

В данном докладе рассматривается актуальный этап развития капитализма, характеризующийся бесконтрольным использованием современными корпорациями экономических практик цифрового типа, которые направлены на тайный сбор и алгоритмическую переработку персональных данных потребителей с целью получения дополнительной прибыли. Автор разбирает концепцию социального исследователя Шошаны Зубофф, которая, эксплицировав и критически проанализировав основные особенности функционирования цифровых капиталистических механизмов 21 века, диагностировала возникновение агрессивной формы «шпионящего капитализма», который представляет реальную угрозу для зарождающейся информационной цивилизации.

Ключевые слова: шпионящий капитализм, цифровая экономика, приватность, большие данные, Ш. Зубофф.

«SURVEILLANCE CAPITALISM» AS A GLOBAL CHALLENGE OF THE INFORMATION CIVILIZATION

Proshkin A.S.

Postgraduate student
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)

In this report is discussed the current stage of development of capitalism characterized by the uncontrolled use of digital-type economic practices by modern corporations, which are aimed at secretly collecting and algorithmic conversion of personal data of consumers in order to obtain additional profit. The author considers the concept of social researcher S. Zuboff, who having explicated and critically analyzed the main features of the functioning of digital capitalist mechanisms of the 21st century, diagnosed the emergence of an aggressive form of «surveillance capitalism», which is a real threat of the information civilization.

Keywords: surveillance capitalism, digital economy, privacy, big data, S. Zuboff.

Начало 21 столетия, которое ознаменовалось стремительным распространением глобальной сети Интернет, а также интенсивным развитием компьютерных технологий, сопровождается трансформацией актуальной экономической жизни большинства технологически развитых обществ, что подтверждается становлением капиталистических практик и институтов цифрового типа, значительно отличающихся от своих индустриальных версий. На это указывает и асимметрия успеха в эпоху «текучей современности»: бизнес-империи 20 века, занимавшиеся, главным образом, массовым производством однотипных товаров, уступают лидирующие позиции недавно основанным транснациональным корпорациям, которые занимаются информационными решениями, осуществляя свою

деятельность в сетевом пространстве. Однако в чем же секрет фантастического успеха таких компаний как Google, Facebook, Amazon и др.? Может быть дело в инновационном характере их продуктов, организационной и производственной специфике или эффективности маркетинговых акций?

По мнению американского исследователя Ш. Зубофф, головокружительный успех этих корпораций обусловлен не только перечисленными факторами, сколько агрессивной эксплуатацией персональных данных потребителей, выступающих в качестве ценного сырья для разработки виртуальных моделей, которые способны предсказывать возможную покупательную активность на рынке, что создает уникальные условия для ее односторонней коррекции в реальности. Причем, несмотря на тот факт, что первопроходцами в освоении сферы персональных сведений являются компании из ІТ сектора, данная область все чаще притягивает предприятия, которые работают в самых разных отраслях: начиная от автомобилестроения и заканчивая легкой промышленностью, что, как указывает Ник Колдри, свидетельствует о новом витке процесса колонизации мира персональных данных.

Однако процессы по извлечению и дальнейшему преобразованию личных данных реализуются: во-первых, преимущественно без ведома самих пользователей; во-вторых, практически вне правого поля; в-третьих, исключительно в корыстных интересах корпораций. Это формирует невиданный прежде в истории человечества дисбаланс знания: частные компании знают о своих клиентах практически всё, в то время как клиенты не знают об обслуживающих их компаниях практически ничего. Такова скрытая плата за использование удобных сетевых сервисов, полезных мобильных приложений и бесчисленных товаров с приставкой «смарт».

Таким образом, указанная форма неравенства знания, возникшая, согласно Зубофф, вследствие агрессивной деятельности компаний, которые бесконтрольно эксплуатируют персональные данные пользователей, представляет собой один из главных вызов зарождающейся информационной цивилизации, размывающей ее демократические основы. Для адекватного ответа на возникший глобальный вызов необходим критический анализ новейших капиталистических практик и институтов, который будет первым шагом в свободное цифровое будущее человечества.

Список литературы

- 1. Бауман 3. Текучая Современность СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- 2. Couldry N. Mejias U. The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism (Culture and Economic Life) Stanford University Press, 2019. 704 p.
- 3. Zuboff Shoshana The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power PublicAffairs, 2019. 704 p.
- 4. Zuboff Shoshana Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology 2015. Vol. 30. P. 75–89;
- 5. Zuboff Shoshana, Norma Moellers, David Murakami Wood, David Lyon Surveillance Capitalism: An Interview with Shoshana Zuboff // Surveillance & Society 2019. Vol. 17. No 1/2. P. 257–266.

ОТ «ФИЛОСОФИИ И...» И «ФИЛОСОФИИ КАК...» К МЕТАФИЛОСОФИИ

Скрипник К.Д.

Доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

УДК 101

В докладе предлагается интерпретировать выражения «философия как...» и «философия и ...» в качестве репрезентаций вариантов ответа на вопрос о природе

философии. Подобные вопросы относятся к области метафилософии. Утверждается, что метафилософское исследование создает определенный концептуальный каркас, в рамках которого философия способна осознать свою природу и в сопоставлении с иными интеллектуальными и практическими видами деятельности, и в своих различных «ипостасях». В качестве примеров метафилософского исследования предлагается рассмотреть подход Николаса Решера, и выявление сходства позиций таких современных философов как Рорти и Рикер, представляющих оппозицию аналитической и континентальной философии.

Ключевые слова: «философия как...», «философия и...», природа философии, метафилософия

FROM «PHILOSOPHY AND ...» AND «PHILOSOPHY AS ...» TO METAPHILOSOPHY

Skripnik K.D.

Doctor of Philosophy, Associate Professor Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

The author offers to interpret such propositions as "philosophy as..." and "philosophy and ..." as the representations of various variants of the answer of the question about the philosophy's nature. Such questions belong to the field of metaphilosophy. It is argued that metaphilosophical research creates a certain conceptual framework within which philosophy is able to realize its nature in comparison with other intellectual and practical activities, and in its various "hypostases". As examples of philosophical research, it is proposed to consider the approach of Nicholas Rescher, and the phenomenon of similarity of positions of such modern philosophers as Rorty and Ricoeur, who represent the opposition analytical and continental philosophy.

Keywords: "philosophy as ...", "philosophy and ...", nature of philosophy, methods of philosophy

Для современного философского дискурса стали привычными самые разнообразные словосочетания, в которых слово «философия» употребляется совместно с терминами, обозначающими иные сферы практической и/или интеллектуальной деятельности. Не вызывают «лишних» вопросов такие фразы как «философия и история (право, психология, педагогика, история, история философии, культурология» и тому подобные или «философия и методология науки логистики», «философия и генезис науки». Не менее часто встречаются словосочетания второго типа, указанные в нашем названии — «философия как...»; в этом случае вариантов так же множество: «философия как история философии», «философия как дисциплина», «философия как наука, объясняющая искусство» или «философия как строгая наука». Пример подобных выражений обнаруживается и в названиях секций данной конференции.

Зададимся вопросом: являются ли приведенные примеры просто некоторым «façon de parler» или указывают на некоторые особенности этого самого «разговора», философского дискурса или философского размышления а, быть может, даже примером философского метода? Следует принять как данное, что возможны различные интерпретации подобных словосочетаний с «как» и «и»; представляется, что особого внимания заслуживает та, согласно которой в них в неявной форме выражены запросы на собственное понимание философией «самое себя», поиски ответов на вопросы о собственной природе. Действительно, утверждения о собственной природе могут быть сделаны в форме сопоставления с чем-то иным, сходным и одновременно противопоставленным. Так, например, известно, что широко распространенная оппозиции «аналитическая философия — континентальная философия» принадлежит изначально аналитическому дискурсу и используется им именно в этих целях — обосновании собственной «идентичности путем противопоставления». Не вдаваясь в

подробный анализ природы данного противопоставления, стоит заметить лишь, что оно, несмотря на все выявленные его недостатки, продолжает оставаться работающим. Иным примером является «философия и наука», в самой формулировке которой подразумевается, что философия — не наука, и vice versa. Что касается выражений с «как», то их возможно интерпретировать как идентификацию философии через ее различные «ипостаси», разнообразные «репрезентации» — как «схола», как «образ жизни», как «экспертиза», если использовать предложенные варианты.

Приведенные интерпретации сводятся к вопросам понимания природы философии, иными словами, к вопросам, входящим в область метафилософии, первые упоминания о которой встречаются, по мнению М.Лазеровица, уже в сороковые годы прошлого века. Рост использования данного термина, как демонстрирует Google Ngram, в англоязычной литературе продолжается с 60-х годов прошлого века до 2000 года, а в русскоязычной литературе явный всплеск фиксируется на стыке веков.

Отношение к метафилософии не является однозначным: так, К.Поппер полагает, что «философ должен философствовать, он должен решать философские проблемы, а не говорить о философии». В противоположность ему Дж.Мур указывал, что трудности философии связаны, скорее, не с поиском ответов, а с проблемами правильной постановки вопросов, ответы на которые является целью философов.

Если удастся прийти хотя бы к некоторым общим пунктам в понимании природы философии, это даст возможность закладки общего концептуального каркаса, на основе которого возможно правильно поставить и корректно понять природу философии «на ее собственных ногах», что даст возможность систематически репрезентировать ее и «как ...», и характеризовать в отношении «и...». Хотя обратный путь является комплементарным первому.

Метафилософия и метафилософское исследование строятся по принципу, сходному с бинарными оппозициями в семиотике, начиная с того, что изначально выделяется эксплицитная и имплицитная метафилософия, что природа философии характеризуется дескриптивно или прескриптивно. Дальнейшее построение концептуального каркаса метафилософии включает еще ряд оппозиций, например, «кабинетная — экспериментальная философия», «рефлексивная — нерефлексивная философия», «институциональная — неинституциональная философия» или, как у Рорти — «систематическая — наставительная». Не менее важным представляется обсуждение таких вопросов как вопрос о прогрессе философии, о «смерти» философии и ее будущем, о философии в оппозиции «понимание — объяснение», о существовании стандартов философии (философствования), об особых «философском стиле», «философских достоинствах», «философской рефлексивности», «философской серьезности».

В качестве примеров возможностей метафилософского исследования предлагаются многочисленные работы Николаса Решера, а также демонстрация того, что подобное исследование раскрывает сходство взглядов таких философов как Р. Рорти и П.Рикер, которые принадлежат (Рорти — на начальной стадии своей философской эволюции) противопоставляемым направлениям современной философии — аналитическому и континентальному.

АРГУМЕНТ К НЕЗНАНИЮ КАК ПРЕЗУМПТИВНЫЙ АРГУМЕНТ В ПРАКТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ $^{ m 1}$

Хамидов А.А.

СПбГУ

(Санкт-Петербург, Россия)

_

¹ Исследование проводится при поддержке РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

В данном докладе рассматривается аргумент к незнанию в его отношении к презумптивной аргументации, предложены оригинальные версии критических вопросов для аргумента к незнанию, рассмотрена связь аргумента к незнанию с аргументом к последствиям и с аргументом к популярному мнению.

Ключевые слова: аргумент от незнания, презумптивные аргументы, практическая аргументация, Уолтон, критические вопросы

THE ARGUMENT FROM IGNORANCE AS A PRESUMPTIVE ARGUMENT IN PRACTICAL REASONING

Khamidov A.A.

SPbSU

(Saint Petersburg, Russia)

In this paper we examine the argument from ignorance in relation to presumptive argumentation, we offer original versions of critical questions for the argument from ignorance, and consider the connection between the argument from ignorance, the argument from consequences and the argument from popular opinion.

Keywords: arguments from ignorance, presumptive arguments, practical argumentation, Walton, critical questions

Ключевым аспектом презумптивной аргументации является неполнота данных о ситуации, в которой она осуществляется. Агенты делают допущения в условиях отсутствия сведений об обратном. За появлением контрпримеров следует отказ от сделанных выводов. Все вышесказанное справедливо и по отношению к аргументу к незнанию.

Между презумптивными рассуждениями в целом и аргументом к незнанию существует тесная взаимосвязь. Подтверждением тому служит, например, тот факт, что аргумент к незнанию лежит в основе многих общеизвестных презумпций, например, осуществляющихся в гражданском праве: презумпция смерти, презумпция невиновности ответчика. Соотношение презумптивных рассуждений и аргумента к незнанию является проблематичным.

Попытка дать определение аргументу к незнанию повлекла за собой научную полемику, ход которой подробно отражен в статье М. Д. Хинтона [1, с. 184–190]. Стоит отметить, что понимание аргумента к незнанию варьировалось от простого переноса бремени доказательства на оппонента и рядового примера логических заблуждений до апологии этого аргумента и описания его валидности в замкнутых эпистемических системах.

Среди специалистов по аргументации проблемами аргумента к незнанию особенно интересовались представители диалектического подхода Д. Уолтона, которые разделяют все схемы аргументации на три основные группы [2, с. 71]: дедуктивные, индуктивные, презумптивные. Первые две — со строгими правилами вывода, третья — с отменяемыми. Для проверки валидности презумптивных рассуждений, они предлагают ряд критических вопросов по каждой из схем, с помощью которых агент может подвергнуть рассуждения другого критике. Только в том случае, если агенту удастся в ответ защитить свое рассуждение в процессе диалога, оно будет считаться обоснованным.

В реальности презумптивные рассуждения часто оказываются неполными: чтобы определить тип, к которому относится тот или иной аргумент, его необходимо реконструировать. Для восстановления имплицитных посылок большое значение имеет выбор схемы аргументации, после чего становится возможной проверка обоснованности презумптивных аргументов с помощью критических вопросов. Для аргумента к незнанию Д. Уолтон приводит следующую базовую схему:

Большая посылка: Если бы А было истинным, А было бы известно в качестве истинного.

Меньшая посылка: А не является известным в качестве истинного.

Заключение: А – ложно [3, с. 254].

Критические вопросы для этой схемы:

СО1 Насколько полон поиск знаний в ходе расследования?

CQ2 Насколько полными должны быть знания, чтобы адекватно поддержать аргумент?

Данная схема, а также критические вопросы были подвергнуты критике в исследовательской литературе. Основной мишенью критики оказалась формулировка «быть известным в качестве истинного». Некоторые специалисты предложили собственные варианты схем и вопросов к аргументу от незнания, заменяя, на их взгляд, темные формулировки.

Так, М. Д. Хинтон предлагает свою интерпретацию для схемы аргумента к незнанию:

Нет достоверных доступных нам данных (evidence) о том, что р.

Это резонно ожидать, что, если бы р было истинно, имелись бы достоверные доступные нам данные о р.

Следовательно, р не истинно [1, с. 201].

Критические вопросы Хинтон формулирует следующим образом:

CQ1 Действительно ли нам недоступны эти данные?

CQ2 Обоснованно ли ожидать что эти данные станут доступны нам?

Как видно, схема приобрела более детализированный вид. Так, в первом критическом вопросе уточняется само отсутствие данных у нас, проверяется первая посылка. Если такие данные будут обнаружены, аргумент сразу же окажется необоснованным. Второй вопрос нацелен на вторую посылку.

На наш взгляд, этот критический вопрос следует разделить на два: если допустить, что положение дел описываемое в р имеет место, повлечет ли это за собой наличие данных, свидетельствующих о р? И будут ли эти данные доступны нам? Представляется, что такое разделение отражает два различных аспекта: первый относится скорее к положению дел и к его способности порождать свидетельства (данные), второй – к самому агенту. Только если оба эти фактора имеют место, мы получаем значимое отсутствие свидетельств (данных), которое и будет свидетельствовать в пользу того, что мы имеет дело с аргументом к незнанию.

Другой значимой проблемой является различие между аргументом к незнанию в практической (о том, как следует поступить в данной ситуации) и теоретической аргументации (об истинности предложений). В практической аргументации заключение аргумента выражает намерение совершить действие, являющееся наиболее разумным в сложившихся обстоятельствах. В то время, как в аргументации об истинности предложения речь идет о том, истинно или нет утверждение, описывающее какую-либо ситуации. В текстах Уолтона часто имеет место смешение этих двух дискурсов, когда речь идет о практических рассуждениях, примеры могут оказаться из области убеждений, то есть, рассуждений об истинности предложения, а не о действии.

Обратимся к одному из знаменитых примеров с огнестрельным оружием: «Если вы не знаете, заряжен ли пистолет, разумно предположить, что он заряжен» [4, с. 266]. Речь идет о том, что нам следует обращаться с пистолетом согласно допущению, что он заряжен, хотя, на самом деле, мы не знаем, заряжен ли он. Если понимать рассуждение таким образом, данный пример безусловно стоит отнести к области практической аргументации: аргументируется здесь не тот факт, что пистолет заряжен, а необходимость вести себя, как если бы он был заряжен.

Когда интерпретируемый фрагмент текста или речи оказывается таким неполным, как в примере с пистолетом, возникают сложности с его опознанием (с отнесением его к той или иной схеме аргументации). В практической аргументации, если посылки опущены, мы легко можем спутать схемы между собой. Так, пример с пистолетом может быть легко отнесен либо к аргументу от плохих последствий, если акцентируется возможность нечаянно застрелить кого-то, либо к аргументу от популярного мнения, если внимание обращается на

господствующее в обществе осторожное отношение к оружию. Это свидетельствует о нерасторжимой связи презумптивных аргументов в целом с аргументом к незнанию.

Список литературы

- 1. Hinton M. On Arguments from Ignorance. Informal Logic, 2018. 38 (2), P. 184–212.
- 2. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб: Наука, 2015 398 с.
- 3. Walton D. Arguments from Ignorance. University Park, Pennsylvania: Penn State Press, 1996.
- 4. Walton D. New directions in the logic of dialogue. Synthese (63) 1985. P. 259–274.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА¹

Покало О.А.

Кандидат философских наук, доцент Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

УДК: 162.6

Доклад посвящен выявлению популярного сегодня набора аргументативных паттернов, представляющих собой короткие и повторяемые аргументативные структуры. Предполагается, что определение набора таких структур позволит дать характеристику современному стилю мышления. Анализ проведен на материале корпуса текстов публичных выступлений по вопросам соблюдения режима самоизоляции в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: делиберативная аргументация, аргументативный паттерниквазиаргумент, сложно-сокращенное рассуждение, аргумент к выгоде.

ARGUMENTATIVE PATTERNS OF MODERN PUBLIC DISCOURSE

Tsokalo O.A.

Ph.D. of philosophy, assistant professor Voronezh State University (Voronezh, Russia)

The report is dedicated to detection of a set of argumentative patterns, which are popular today. The author understands argumentative patterns as short and repeatable argumentative structures. She thinks, that finding of these structures set allows to characterize modern thinking style. The analysis is based on the material of the corpus of public speeches texts dedicated to the issue of compliance with self-isolation during the COVID-19 pandemic.

Keywords: deliberative argumentation, argumentative pattern, quasi-argument, sophisticated reasoning, an argument to adventage.

Современный публичный дискурс выполняет множество функций. Среди них – распространение информации, инициирование широких дискуссий по общественно значимым вопросам, формирование по этим вопросам общественного мнения, формирование определенного стиля мышления у потребителя массового контента. Нас будет интересовать этот последний аспект.

Исследования в области истории аргументации демонстрируют, что на различных этапах развития культуры эффективными оказывались разного рода аргументы. Например, в античности была широко распространена правдоподобная аргументация, построенная на базе

-

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

рассуждения по аналогии; в средние века чрезвычайно часто обращались к аргументу к авторитету и т.д.; результаты таких исследований мы находим у С. Тулмина, У. Эко, С. С. Гусева, А.А. Ивина, О.А. Шапиро и др.

«Мода» на те или иные способы аргументации связана с двумя факторами. С одной стороны, она обусловлена развитием науки и философии, которые определяют способы обоснования и трансляции научного знания. С другой стороны, она обусловлена прагматическими требованиями эффективности, т.е. тем, какого рода доводы будут приемлемы для ее целевой аудитории. Но при этом аргументативная мода и формирует свою целевую аудиторию, навязывая ей те или иные способы обоснования и убеждения и таким образом формируя своеобразные аргументативные привычки.

Такие привычки выражаются в аргументативных паттернах — лаконичных аргументативных структурах, повторяющихся в привычном виде в разного рода текстах. Набор употребляемых аргументативных паттернов представляет собой стиль мышления эпохи, о котором пишет А. А. Ивин [1]. Здесь получается замкнутый круг: аргументативные паттерны формируют определенный стиль мышления у своего потребителя, который впредь воспроизводит их как максимально эффективные с прагматической точки зрения. Для смены привычного набора паттернов необходимы веские причины — например, изобретение новых технологий, ведущих к смене актуальной текстовой культуры, социально-культурные катаклизмы и пр.

В своем докладе я хочу остановиться на современных аргументативных паттернах; при этом я буду обращаться к делиберативной аргументации, т.е. к аргументации, цель которой – убедить адресата совершить некоторое действие.

Для выделения повторяющихся аргументативный паттернов мною был взят ряд публичных речей, произнесенных в период пандемии COVID-19¹. Одна из основных делиберативных целей этих речей – убеждение граждан в соблюдении режима самоизоляции. В результате мне удалось выделить три большие группы аргументативных паттернов; привожу их в таблице в порядке убывания интенсивности их использования:

Группа паттернов	Вид (квази)аргумента	Пример
Нравственные	Апелляция к патриотизму	«и Половцы нас терзали, и Печенеги»
	Апелляция к стыду	«если кому-то наплевать, что он
		угрожает безопасности окружающих»
	Аргумент к личности	«мы просим вас повзрослеть»
	Аргумент к выгоде	«это время несовместимо с эгоизмом,
		поскольку проблема касается всех нас»
Правовые	Аргумент к палке	Обещание санкций за нарушение
		режима самоизоляции: «Государство не
		позволит вам быть эгоистами»
	Аргумент к выгоде	Обещания поддержки малого бизнеса
Другие	Сложно-сокращенный	Приведение фактов по росту
	силлогизм	заболеваемости в регионе в сочетании с
		призывом оставаться дома
	Психологические уловки	Подробное выражение благодарности и
		восхищения врачам и др. службам,
		борющимся с коронавирусом, с целью
		заручиться поддержкой
		соответствующей части целевой
		аудитории; внушение (постоянное
		повторение: «оставайтесь дома»)

 $^{^1}$ Для анализа были использованы видеоматериалы с обращениями В.В. Путина, В, Зеленского, В. Кличко, патриарха Кирилла, папы римского Франциска и пр.

Призывы	«церковь и государство говорят одно: оставайтесь дома»
Аргумент к выгоде	«вирус в городе распространяется. Поймите это и не будьте легкомысленными»
Аналогия	«после аварии на ЧАЭС угроза тоже была невидимой»

Отмечу, что здесь — далеко не полный перечень аргументативных средств, применяемых в выбранном корпусе текстов; я привожу только наиболее часто воспроизводимые аргументативные шаблоны, которые в силу их регулярной повторяемости мы можем считать устойчивыми аргументативными паттернами.

Какие выводы мы можем сделать из проведенного анализа аргументации?

Во-первых, в публичных выступлениях не приводится в явном виде доказательная аргументация. Однако мы можем восстановить сложно-сокращенное рассуждение, однотипное для всех речей. В качестве первой посылки приводятся факты о распространении коронавируса на той или иной территории, а на месте вывода оказывается призыв соблюдать режим самоизоляции (карантина).

Вот таким образом это выглядит в восстановленном виде:

1. Заболеваемость коронавирусом растет.	При перемене посылок местами
2. При росте заболеваемости увеличивается риск	получаем modus ponens
заразиться в общественном месте	
Вывод: Сейчас увеличивается риск заражения в	Превращение простого
общестенном месте	общеуствердительного суждения
Вывод: Риск заразиться не увеличится, при	Силлогизм по 1 фигуре, Celarent
отказе от посещения общественных мест	
2.3. Вы хотите, чтобы риск заразиться не	
увеличился	
Вывод: Вы заинтересованы остаться дома	

При этом посылки 2 и 2.3 опускаются в силу их очевидности; кроме того, по-видимому делается ставка на психологический эффект первого аргумента, который должен вызвать тревогу и/или страх и соответственно способствовать принятию всей аргументации.

И во-вторых, один из самых популярных аргументативных паттернов сегодня — это аргумент к выгоде. Обратим внимание, что в разных формах он повторяется во всех трех группах аргументативных паттернов, включая нравственные. Интересно, что эта же тенденция наблюдается и в других типах современных текстов с делиберативной аргументацией (например, рекламных и политических). Я полагаю, это связано с тем, что распространение электронной текстовой культуры ведет к постепенному сведению текстов всех типов к шаблону текста продающего; эта тенденция наблюдается сегодня даже в научно-популярных статьях [2].

Соответственно, исходя их выявленных паттернов, современный стиль мышления мы можем характеризовать как мышление, ориентированное на выгоду и эмоциональное восприятие, а также не склонное к строгим рациональным построениям.

Список литературы

- 1. Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации. М.: Проспект, 2017. 384с.
- 2. Шапиро О.А. Трансформация аргументативных стратегий в современной популяризации науки // РАЦИО. 2018. №1(19). С. 83–100.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД ГЕРМАНА КОГЕНА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Шамарина Е.Т.

Менеджер международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национальный исследовательский Университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия),

Герман Коген предпринимает попытку представить историческое понимание Канта и претендует на звание его продолжателя. Он привлек Критику Чистого Разума Канта как средство для экспликации своей собственной «теории опыта» в рамках математического естествознания. Его аргументация основана на определении обнаруженного им у Канта трансцендентального метода как научного познания и критики мышления. Но был ли Коген кантианцем? В статье автор исследует теорию а priori Когена, аналитическое и синтетическое в представлении Канта и Когена, трансцендентальный анализ у Когена, центральным понятием которого являются бесконечно малые величины.

Ключевые слова: Коген, Кант, трансцендентальный метод, опыт, а priori, аналитическое, синтетическое, бесконечно малые.

TRANSCENDENTAL METHOD OF HERMANN COHEN IN EPISTEMOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Shamarina E.T.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Hermann Cohen attempts to present a historical understanding of Kant and claims to be his continuator. He employed the Critique of Pure Reason as a vehicle for the explication of his own «theory of experience» within the framework of mathematical natural science. His argumentation is based on the definition of the transcendental method discovered by him in Kant as scientific knowledge and criticism of thinking. But was Cohen a Kantian? In the article the author researches Cohen's a priori theory, analytic and synthetic in the representation of Kant and Cohen, Cohen's transcendental analysis, the central concept of which is infinitesimals.

Keywords: Cohen, Kant, transcendental method, experience, a priori, analytical, synthetic, infinitesimals.

Герман Коген радикально переосмыслил различие у Канта двух «основ» познания: чувственность и рассудок. Он считал априорные законы необходимыми и объективными, они определяют то, что считается для нас объектом, а философия исследует знание в соответствии с методом, который он находил у Канта в «Критике чистого разума» [1, с. 15] как отражение нового способа философствования.

Революцию в естествознании Кант связывал с тем изменением в способе мышления, что «разум видит только то, что сам создает по собственному плану». У Канта наука возможна только посредством идеи априорного рассудочного знания как целого, разделяемого на понятия (неоднородные части), связываемых в одну систему. По Канту есть два источника познания или две способности – чувственность (знание через созерцание) и мышление (знание из понятий) [2, с. 69]. Познание возникает из их синтеза. В то время как, по мнению Когана, Кант применил трансцендентальный метод к обоснованию физики Ньютона, неокантианцы стремились его использовать для прояснения оснований современной им физики и математики. Коген отождествляет разум у Канта с научным разумом, чтобы исключить из картезианскую идею Бога, познание своей теории идей a отождествляет с естественнонаучным-математическим познанием, исходя из приверженности Канта «факту науки, обоснованной Ньютоном в системе принципов» [1, с. 129]. Для Канта природа есть совокупность предметов опыта. Это единство обеспечивает отношение времени к единству апперцепции, возникающем в трансцендентально синтезе воображения. Он различает объекты чистой интуиции (математические объекты) и конкретные причинно-следственные объекты в пространстве и времени — объекты, составляющие природу или объекты опыта (математического естествознания). Естествознание (физика) у Канта «заключает в себе априорные синтетические суждения как принципы». В возможности априорных синтетических суждений Кант видит истинную задачу чистого разума.

Коген определяет опыт как *познание природы*, включающее *объект и метод*, чем искаженно «интерпретирует» доктрину *а priori* Канта. «Критике чистого разума» через эпистемологическое разделение на априорные и апостериорные источники познания Кант утверждает, что знание или опыт как акт понимания и чувственности *уже основан* на формах интуиции и на концепциях. Коген часто цитирует Канта, но в своеобразном ключе. Очевиден выбор приводимых им цитат в соответствии с их полезностью для его собственной теории. Он делает априорную составляющую в каждом опыте абсолютно обязательной, в результате чего полностью теряется сфера апостериорной данности объекта. Кант выделяет в чувственном созерцании две внутренние чистые (априорные) формы — пространство и время; взятые вместе, они становятся двумя источниками познания, из которых а priori генерируются синтетические знания (чистая математика). Пределами границ пространства и времени являются предметы, рассматриваемые как явления, а не вещи-сами-по-себе. Коген игнорирует кантовское различие между априорной формой и эмпирическим содержанием (материалом) познания. Форма у Когена является *законом координации* в предположении, что сами форма и материал составляют неразделимое единство, мыслимое как присутствующее в нас самих.

Коген вводит *критику опыта*. Он утверждает, что «пространство и время закладывают *математический фундамент* опыта»; в качестве априори они как «первоначальные элементы сознания» [1, 252] являются предшествующими условиями синтетических принципов. Выводы Когена простираются за пределы интерпретаций или значения того, что сказано в формулировках Канта: концепция и форма интуиции, априорное и апостериорное, априорное созерцание (категории) и понятие смешиваются друг с другом: математика «производит содержание своих знаний»; задача математика — «создать фигуру (путем конструирования); естествознание «порождает опыт» — становятся предпосылками теории «производства объекта» в Марбургской школе.

Интерпретация Канта Когеном с самого начала прониклась Платоническими, а не Кантианскими принципами. Коген отождествляет идеи Платона с априорными законами Канта. Однако сам Кант обоснованно отвергал Платонизм как догматическую метафизику, так как Платонизм не был способен предложить такое определение априорному знанию, которое бы позволило обладать им человеку. В предисловии к первому изданию своей книги «Теория опыта Канта» Коген пишет прямо: «В предлагаемой книге я предпринял попытку по-новому обосновать априорное учение Канта» [1, с. 70]. Он утверждает, что у Канта можно выделить иерархию трех различных «ступеней» а priori. Трансцендентальный метод предполагает метафизический метод как необходимую предварительную ступень. На данной ступени обнаруживаются «метафизические» структуры, которые мы можем найти в нашем собственном мышлении посредством самоанализа или эмпирического исследования. Коген проводит различие между «метафизическими а priori» и «трансцендентальными а priori» [1, с. 147]. Если метафизические а priori являются основными структурами нашего мышления, то «трансцендентальные a priori» – это те достаточные и необходимые категории науки, которые делают возможным объективное обоснование факта науки, нуждающегося в философском объяснении.

Вторая ступень а priori включает формы чувственности (пространство и время) и формы созерцания (категории как синтетические единства формальных условий опыта). Необходимость этих форм вытекает из необходимости третьей ступени а priori в форме

мышления (единства суждений), потому что предыдущие формы созерцания (категории) объективно взаимосвязаны с суждениями. Третья ступень является наиболее важной, так как задает объединительный момент «формальным условиям возможности опыта». Коген обосновывает эти априорные законы как принципы математики и основополагающие законы чистого естествознания (механики). Он исключает зависимость математики и естествознания от чувственности, и, расширяя область их применения, рассматривает опыт с точки зрения развития доктрины математического естествознания. Метод бесконечно-малого Лейбница Коген обосновывает как трансцендентальный принцип, который наиболее значимо и детально представляет трансцендентный метод в действии: связь между понятием бесконечно малых и способностью естествознания представлять реальность. Если Кант предполагает «вещь саму по себе» объектом, существующим независимо от представлений субъекта и непознаваемым для субъекта, то для Когена вещь не существует вне научного опыта.

Два основных вида априори — вид созерцания и вид мышления — у него означают методы: «метод чистого созерцания означает метод математики, а метод мышления — метод механики». Для перехода к физике Когену недостает ощущения, отражающего связь с внешним миром. Знаком реального становится интенсивная величина ощущения. Смысл её заключен в представлении основы (самопорождения) экстенсивной величины. Содержание, объем и основание — это три различных составляющих априорного знания. Но Коген не замечает в содержании значение и смысл в качестве неявных семантических посылок.

Коген констатирует, что употребление Кантом терминов «аналитическое» и «синтетическое» было двусмысленным, но он не идет дальше констатации этого, и вместо указания на путаницу у Канта считает его аргументы весьма проницательными. Он не обращает внимания, что в пояснении термина «аналитического» Кант запутывает разные классы: то, что основано на определении и то, что основано на концепциях (оценочных значениях).

Кант аргументировал, что всё синтетическое знание требует интуиции. Б. Больцано бросил вызов принципу синтетических суждений. Подвергнув сомнению вслед за Лейбницем критерий очевидности, Больцано приходит к убеждению, что математика как наука основана на понятиях и является аналитическим знанием [3, с. 153]. Он делает заключение, что концепция чистой интуиции Канта не играет никакой роли в математике.

Коген же утверждает (неясным образом), что из принципа бесконечно малого по закону движения материальных точек формируется производящая величина, позволяющая познать реальное в ощущении. Введение производящей величины дает основание Когену отказаться от Кантовской непознаваемой вещи-самой-по-себе и превратить её в познаваемый предмет. Более подробное изложение принципа бесконечно малого метода Коген представил в своей работе «Принцип инфинитезимального метода и его история. Глава к основоположению критики познания» (1883 г.). В ней «основоположения интенсивной величины или основоположения антиципации» выступают также как «основоположение реальности». Кантор в 1884 г. в своей рецензии на статью Когена утверждал, что «так называемые бесконечно малые числа или дифференциалы не принадлежат сфере бытия» [4, с. 267]. Джулио Виванти в 1891 г., обратив внимание, что математические объекты происходят из идеализации реально существующих объектов, приходит к выводу, что действительные бесконечно малые не существуют в сфере реальных величин как явления природы [5, с. 98].

Предлагаемая Когеном методика трансцендентального исследования состоит в следующем: познающий ученый должен отвлечься от материи опыта, чтобы идентифицировать и сформулировать форму закона как форму опыта, где форма является истинным а priori. Трансцендентальный анализ у него направлен на определение тех элементов сознания, которые являются достаточными и необходимыми, чтобы для служить основой для факта науки. Здесь Коген смешивает 2 типа априорного знания: математическое и философское.

Можно заключить, что Коген в своих рассмотрениях не понял ту роль, которую в связи с интуицией играют значения. Также он не смог различить формальный характер принципов

чистого понимания Канта по сравнению с любыми физическими законами. Коген ограничивается «эмпирическим» понятием «вещи самой по себе» и отождествляет это определение с концепцией объектов, как если бы они были представлены в опыте, никогда не достигающим предела.

Точка зрения Когена стала прямо противоположной точке зрения Критики Чистого Разума. Хотя прочтение Канта Когеном имело огромное влияние не только на интерпретацию Канта Маргбургской школой, но и на всю философскую концепцию, оно было и остается столь же спорным. Это была одна из первых попыток строгой обоснованной интерпретации, и тем самым была создана научная традиция «методического идеализма».

Список литературы

- 1. Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В. Н. Белова. М.: Академический Проект, 2012. 618 с.
- 2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М., Эксмо, 2015. 567 с.
- 3. Больцано Б. Учение о науке/ Пер с нем. Б. И. Федорова. СПб.: Наука, 2003. 518 с.
- 4. Cantor G., 1884, Review of [Cohen 1883], Deutsche Literaturzeitung 5 (Berlin, Feb 23), P. 266–268.
- 5. Ehrlich P., The Rise of non-Archimedean Mathematics and the Roots of a Misconception I: The Emergence of non-Archimedean Systems of Magnitudes, Arch. Hist. Exact Sci. 60 (2006), P. 1–121.

КРИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА: МЕТОД СОМНЕНИЯ И РАБОТА С ПРЕДПОСЫЛКАМИ

Шиян А. А.

Кандидат философских наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русскоевропейского интеллектуального диалога
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

УДК 1/14 (091)

В примере трансцендентальной традиции тезисах на гносеологической рассматривается критическая функция философии. Кант, основатель трансцендентальной традиции, под критикой познания понимал выявление априорных условий возможности знания. Автор обращает особое внимание на роль сомнения и выявления предпосылок в обосновании познания.

Ключевые слова: трансцендентализм, познание, сомнение, предпосылки, неокантианство, феноменология, Кант.

CRITICAL FUNCTION OF TRANSCENDENTALISM: DOUBT METHOD AND WORK WITH BACKGROUND Shiyan A. A.

Ph. D., associate Professor Russian State University for the Humanities,

senior researcher at the International laboratory for research on Russian-European intellectual dialogue

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

The theses use the example of the transcendental epistemological tradition to examine the critical function of philosophy. Kant, as the founder of the transcendental tradition, understood by the critique of cognition the identification of a priori conditions for the possibility of knowledge. The

author pays special attention to the role of doubt and the identification of prerequisites in the justification of cognition.

Keywords: transcendentalism, knowledge, doubt, presuppositions, neo-Kantianism, phenomenology, Kant.

Критическое мышление прочно вошло в нашу повседневную жизнь. Без умения анализировать полученную информацию, текущие события, подвергать услышанное и увиденное невозможно ориентироваться в окружающем мире. В данном тексте мы рассмотрим понимание критического мышления в философской традиции, прежде всего, в трансцендентализме.

Исследование разума и его критических возможностей получило особый импульс в философии Нового времени. Особый интерес для нашей темы представляет Р. Декарт, который считал сомнение философским и научным методом. Декарт подверг сомнению все существующие в его время науки, обыденное мышление и философские концепции. Результат сомнения Декарта — ниспровержение всего научного и обыденного знания и попытка построения собственной системы наук, основанной на достоверных, несомненных основаниях.

Переломным моментом в осмыслении критической функции мышления стала кантовская трансцендентальная философия. Не случайно слово «критика» присутствует во всех трех его основных работах. Мы остановимся здесь на понимании критики в теории познании Канта. Кант, в отличие от Декарта, не подвергал сомнению результаты наук его времени. Критика для Канта означает обоснование науки, то есть поиск ответа на вопрос, как возможно то или иное знание. К условиям возможности знания относятся предпосылки и принципы, на которых основано познание. Этими предпосылками являются априорная структура и априорные функции рассудка, данность предмета познания в опыте.

Наследниками кантовской трансцендентальной философии в области теории познания в конце XIX начале XX века выступили неокантианство и феноменология Гуссерля. И неокантианцы, и Гуссерль, также как Кант, не сомневались в достоверности современного им научного знания. Означает ли это, что принцип сомнения был полностью изгнан из трансцендентальной философии? Вовсе нет.

Г. Риккерт, например, использует метод сомнения для определения предмета познания. Внешний мир, по мнению Риккерта, не может быть предметом познания, так как его трансцендентное (то есть независимое от познающего субъекта) существование мы можем поставить под сомнение. То, в чем мы можем сомневаться, Риккерт определяет как предпосылки познания и предлагает от них, по возможности, избавится. Отказ от предпосылки существования внешнего мира привел Риккерта к определению предмета познания как трансцедентального долженствования.

Гуссерль не только ни подвергал сомнению существующее в его время научное знание и, в отличие от неокантианцев, не сомневался в существовании внешнего мира. Хотя и относил веру в существование мира к предпосылкам повседневного сознания. Эпохе́, заключение в скобки суждения о существовании мира, было для Гуссерля лишь методическим приемом для изучения/познания трансцендентального сознания. Трансцендентный сознанию мир также является в феноменологии Гуссерля предметом познания, хотя его существование и является нашей предпосылкой. Гуссерль, в отличие от неокантианцев, как правило, не отбрасывает предпосылки познания, а фиксирует и исследует их с целью обоснования и уточнения.

Одним из вариантов метода эпохе́ является феноменологическая редукция, в рамках которой заключается в скобки существующее знание. Но заключение в скобки для Гуссерля не всегда означает сомнение и отбрасывание заключенного в скобки. В рамках эпохе́ Гуссерль осуществляет только отбрасывание всех современных ему психологических теорий сознания, и после этого развивает собственное понимание сознание. Редукция же в отношении научного и обыденного знания о мире означает лишь фиксацию тех положений, которые следует обосновать, то есть показать, как они соотносятся с повседневным опытом.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что критическая функция трансцендентализма, прежде всего, направлена на осмысление и обоснование научного и обыденного знания, которое несет в себе статус всеобщности и необходимости. И именно поэтому метод сомнение в трансцендентализме имеет лишь ограниченное применение, связанное с работой с предпосылками.

ЗАЧЕМ ФИЛОСОФИЯ НЕ ФИЛОСОФАМ: ФЕНОМЕН ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Васюков В. Л.

доктор философских наук Институт философии РАН (Москва, Россия)

УДК 167/168

Поскольку сегодня философия в облике философии науки является предметом кандидатского минимума для аспирантов, то вместо вопроса «зачем философия не философам и какая от нее польза в жизни?» можно задаться более узким вопросом: зачем ученому «философская компетенция» и чем она полезна в его научной деятельности? Рассматривая как сегодня выглядит и работает социальный (карьерный) лифт ученого, можно прийти к выводу, что для того, чтобы добиться успеха, ученому требуется иметь представление об облике науки в целом, что невозможно, если ты являешься глубоким специалистом лишь в одной области. Для того, чтобы получить общее видение науки, необходимо отойти «в сторону», взглянуть на науку глазами незаинтересованного лица. Здесь на помощь может прийти философия науки, поскольку задачей философии является изучение не только научных, но и любых видов знания, в силу чего философия представляет собой более широкую область познания, чем наука, будучи при этом научной философией.

Ключевые слова: ученый, социальный лифт, облик науки, виды знания, научная философия

WHY GRASSROOTS NEED PHILOSOPHY: PHENOMENON OF PHILOSOPHY OF SCIENCE

Vasyukov V. L.

DrSci(Philosophy)
Institute of Philosophy RAS
(Moscow, Russia)

Since nowadays philosophy in the guise of philosophy of science is a subject of PhD minimum for post-graduate students, then instead of the question "why grassroots need philosophy and what is the benefit in life from it?" should be asked more special question: why scientist needs "philosophy competence" and by which it is useful in his scientific activity? While considering how nowadays is looked and functioned a social (carrier) elevator one can conclude that to achieve a success the scientist should have an idea of the guise of science as whole that is impossible if you are a deep specialist just in one area. To have a global view of science one need to step "aside", to look at science by eyes of disinterested person. Here can help the philosophy of science since the task of philosophy is the study not just scientific but any kinds of knowledge because philosophy itself is more wide area of cognition than science while being at the same time a scientific philosophy.

Keywords: scientist, social elevator, guise of science, kinds of knowledge, scientific philosophy

Сегодня философия — дисциплина не только общевузовской подготовки, но в облике философии науки еще и предмет кандидатского минимума для аспирантов. Сужая поле зрения в этом случае, вместо вопроса «зачем философия не философам и какая от нее польза в

жизни?» можно задаться вопросом: зачем философия ученым и какая от нее польза в научной жизни? Зачем ученому «философская компетенция» и чем она полезна в его личной научной жизни?

Отвечая на этот вопрос, будем исходить из анализа практики функционирования наших научных институтов, сконцентрированных, в частности, в Академии наук. Как выглядит и работает социальный (карьерный) лифт ученого? Когда молодой ученый, работающий в научно-исследовательском институте, занимается определенной научной тематикой, он получает финансирование в рамках лаборатории или сектора, сотрудники которой говорят с ним на его научном языке и хорошо понимают его аргументы в случае утверждения плана работы лаборатории. Но вот, защитив кандидатскую диссертацию, он получает повышение и возможность руководства группой или даже сектором (лабораторией). В этом случае ему приходится вступать в диалог с заведующим лабораторией, в подчинении которого несколько подобных групп, по вопросам утверждения научной темы и финансирования сотрудников именно его группы из общего бюджета лаборатории. Коммуникация внутри лаборатории проходит на понятном всем сотрудникам языке, поскольку все темы связаны с профилем лаборатории.

Дальнейшее продвижении по научной лестнице ученого зависит от защиты докторской диссертации, после чего он сам может получить должность заведующего отделом, включающем в себя несколько лабораторий (секторов). Задача ученого, в сущности, остается той же, но диапазон тематики и финансирования изменяется. Главной проблемой при этом становится полемика по поводу научной значимости и перспективности тематики отдела, возглавляемого нашим специалистом, отстаивание его научных интересов в рамках института. Все остальные отделы должны признать ценность проводимых исследований и согласиться с первоочередностью их финансирования, хотя не факт, что это будет легко добиться — в институте может существовать много отделов с совершенно разными научными профилями, руководители которых говорят на совершенно ином научном языке, непонятным нашему герою.

Следующий этап может быть связан с назначением ученого на должность директора научного института. В этом случае его деятельность приобретает новые измерения: отстаивать научные программы и финансирование этих программ теперь придется на уровне Академии наук в конкурировании с научными институтами, пусть и того же самого научного профиля. Как убедить своих оппонентов, если они говорят на другом научном языке, движимы интересам иных научных дисциплин и имеют совершенно иное представление о важности и значимости той или иной научной тематики? Проигрыш в этой конкуренции может дорого обойтись возглавляемому нашим специалистом институту — от сокращения персонала до полного закрытия института.

Но и это не конец истории. Представим себе, что наш герой становится академиком и теперь ему приходится участвовать в распределении финансов по всем научным отраслям. Здесь ситуация усложняется еще больше, поскольку теперь приходится выносить суждения о перспективности и развитии тех или иных направлений науки, но ведь невозможно быть специалистом во всех областях науки. А ведь надо видеть, каков будет облик науки в ближайшем будущем, иметь мнение о науке в целом, а не только о ее отдельных дисциплинах и направлениях.

Но как составить представление об облике науки в целом, будучи глубоким специалистом лишь в одной области? Для того, чтобы получить это видение, необходимо отойти «в сторону», взглянуть на науку глазами незаинтересованного лица. И здесь на помощь может прийти философия науки.

Дело в том, что согласно некоторым точкам зрения философия не является наукой. Науке присущ свой специфический вид знания, характеризующийся систематичностью и достоверностью, который мы и называем «научным знанием». Но существуют и иные виды знания, например, мифологическое, религиозное и мистическое, которые не подпадают под характеристики научного знания. Наука исключает подобные виды знания, в то время как

задачей философии является изучение любых видов знания и в силу этой особенности философия представляет собой более широкую область познания, чем наука.

Однако сказанное не означает, что философия противостоит в этом отношении науке. Так, Франц Брентано утверждал, что истинный метод философии не отличается от метода естественных наук (Vera philosophiae methodus nulla alia nisi scientiae naturalis est), и подобная точка зрения разделялась многими философами. Философия, чьим методом является научный метод, получила имя «научной философии», и часто философы утверждают, что это и есть единственно верная философия.

Важно, что философия, будучи в этом отношении шире науки, позволяет нам смотреть на науку со стороны, позволяет сделать требуемый ранее шаг в сторону и наблюдать развитие науки в целом. Подобный взгляд и дает нам философия науки, дисциплина, изучающая науку, ее методологические, мировоззренческие проблемы и общие закономерности функционирования научного знания, изучение рождения, трансляции научного знания, его критериев научности и достоверности.

Возвращаясь теперь к нашей истории, можно заключить, что философия науки и является тем инструментом, который способен дать ученому высокого уровня знание и общую картину развития науки, то, что сама наука, профиль ученого и глубокое знание специальных проблем дать ему не в состоянии. Сумеет ли он этим распорядиться — это другой вопрос. По сути дела, к этому и сводится ответ на вопрос о том, зачем ученому «философская компетенция» и чем она полезна в его личной научной жизни и карьере.

ЭКОЛОГИЯ КАК КОММУНИКАЦИЯ: ФИЛОСОФИЯ В БОРЬБЕ ЗА ПРИРОДУ

Волкова А.А.

Аспирант Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Росиия)

УДК 101

В докладе поднимается проблема взаимодействия философии и экологии, а также идет речь о роли философии в решении вопросов, вызванных экологическим кризисом. Автор анализирует философию экологии Т. Мортона, который основывает свою теорию темной экологии на идее тесной взаимосвязи всех видов живых существ. Все живые существа сосуществуют в постоянной динамике, человек встроен в мир, а не занимает высшую позицию в иерархии живых существ.

Ключевые слова: философия экологии, темная экология, нечеловеческие существа, гиперобъекты

ECOLOGY AS A COMMUNICATION: PHILOSOPHY IN THE STRUGGLE FOR NATURE

Volkova A.A.

Postgraduate student RSUH, Faculty of Philosophy (Moscow, Russia)

The report raises the problem of the interaction of philosophy and ecology, and also discusses the role of philosophy in resolving issues caused by the environmental crisis. The author analyzes the philosophy of ecology of T. Morton, who bases his theory of dark ecology on the idea of a close relationship between all types of living creatures. All living beings coexist in a constant dynamic, a

person is built into the world, and does not occupy the highest position in the hierarchy of living beings.

Keywords: philosophy of ecology, dark ecology, non-human beings, hyperobjects

Для восточной философской и общекультурной традиции, китайской и японской в частности, характерно осмысление места человека в мире через встраивание его в бесконечный процесс взаимодействия живых существ. Подобное отношение человека и нечеловеческих существ (животных) описывает в своей работе «Инсектопедия» американский антрополог Хью Раффлз. Описывая увлечение коллекционированием насекомых, которое очень популярно в Японии, он говорит о том, что задача коллекционера заключается в том, чтобы «отыскать путь к их [насекомых] образу жизни» [1, с. 357]. Это значит, что соприкасаясь с жизнью других живых существ, человек может найти некую общую модель сосуществования. Человек должен постоянно осознавать себя существующим в динамичном межвидовом взаимодействии.

Американский философ Тимоти Мортон трактует экологическое сосуществование живых существ подобно такой восточной точке зрения. Такая позиция противоречит антропоцентрическому убеждению, которое лежит в основе западной философской традиции, для которой характерно утверждение о том, что человек является колонизатором природного пространства. Начиная с момента изобретения земледелия, человек присваивает себе природу. Вся история человечества может описываться с точки зрения разных этапов освоения и эксплуатирования природных пространств. Однако сегодня, в эпоху экологического кризиса, такая форма сосуществования невозможна, т.к. она влечет за собой лишь усугубление тяжелой экологической ситуации. Т. Мортон формулирует концепт «темной экологии», согласно которому все живые существа существуют в постоянном взаимодействии друг с другом, создавая экологические отношения. Эти отношения напоминают сетку, которая связывает все объекты друг с другом, а изменения в одном ее сегменте приводят к трансформации в другом.

Глобальное потепление сегодня стало предметом исследования не только естественных наук, но и гуманитарного сообщества, которое все чаще обращается к вопросам исторического развития коммуникации человека и природы. Т. Мортон называет глобальное потепление гиперобъектом. Гиперобъекты имеют ряд характеристик, отличающих их от обычных предметов и явлений. Они «вязкие», т.е. всегда навязывают взаимодействие с любым объектом, вовлекают его в себя. Гиперобъекты не локальны, т.е. их пространственновременное положение нельзя определить с точностью. Гиперобъекты распространяют свое влияние на протяжении долгого периода времени и на огромные пространства. Воспринять гиперобъекты возможно только при их интеробъективном проявлении, т.е. тогда, когда разные объекты взаимодействуют между собой [2, с. 11–12]. Глобальное потепление, таким образом, также оказывает влияние на всех живых существ, а также и на любой объект неживой природы.

На Мортона оказали влияние многие философские течения, направления и мыслители. В первую очередь — это бурно развивающиеся философские течения — объектноориентированная онтология и спекулятивный реализм. Основные представители этих подходов (Бруно Латур, Грэм Харман [4], Квентин Мейясу [5], Леви Брайант [6] и др.) также говорят о необходимости пересмотра места человека в мире. Все, что окружает человека, является объектами, в том числе, объектом является и сам человек. Это означает, что необходимо отказаться от построения иерархии существ, в которой человек ставится на самую высокую позицию. Такой подход показывает необходимость переосмысления сегодняшнего экологического мировоззрения, которое еще не может заставить людей беречь природу и решить усугубляющиеся экологические проблемы.

Список литературы:

- 1. Раффлз Х. Инсектопедия М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 416 с.
- 2. Мортон Т. Гиперобъекты Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
- 3. Мортон Т. Стать экологичным М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.

- 4. Харман Г. Спекулятивный реализм М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
- 5. Мейясу К. После конечности Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
- 6. Брайант Л. Демократия объектов Пермь, Гиле Пресс, 2019. 320 с.

МЕДИТАЦИИ НА ТЕМУ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Герасимова И.А.

Доктор философских наук, профессор Институт философии РАН (Москва, Россия)

УДК 167

В статье ставятся и обсуждаются проблемы преподавания философии в высшей школе. Реформирование образования привело к обострению рисков в подготовке специалистов. Разрушение старой системы и ее принципов можно рассматривать как очищение образовательного пространства, в частности, по таким направлениям как система знаний, система образовательных коммуникаций, система мышления. Критический анализ ситуации позволяет усмотреть в разрушительных процессах положительный полюс, связанный с закономерными проиессами необходимости трансформации всех сфер жизни и выхода из глобального кризиса. Обогащенная вековым опытом философии призвана сыграть ведущую роль на пути восстановления приоритета культуры во всех областях жизни. В реализации этих целей стоит обратиться к идеалам философствования, органически сочетающим интеллектуальные и духовные начала деятельности. В отношении преподавания курса «Философия и методология науки» в вузах автор предлагает создавать новые направления интеграции философского и конкретно-научного знания. Искусство совместного мышления рассматривается как эффективный путь возрождения философии как образа жизни. Обновление систем мышления возможно на пути медитации как глубокого осознанного размышления и медитации как опыта совместного созерцания, задействующего глубинные слои бессознательного.

Ключевые слова: образование, система знаний, образовательные коммуникации, система мышления, сознание, бессознательное, ученый-философ, искусство совместного мышления.

MEDITATION ON THE THEME OF HIGHER EDUCATION

Gerasimova I. A.

DSc in Philosophy, professor Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia)

The article discusses the problems of teaching philosophy in Higher Education. The reform of education has led to increased risks in training specialists. The author considers that the destruction of the old system and its principles is the cleansing of the educational space, particularly in areas such as knowledge, education communication, system thinking. A critical analysis of the situation allows to see a positive pole in the destructive processes. It is associated with the natural processes of the need to transform all spheres of life and to get out of the global crisis. Philosophy, enriched by centuries of experience, should play a leading role in restoring the priority of culture in all areas of life. In realizing these goals, it is worth turning to the ideals of philosophizing, which organically combine intellectual and spiritual principles. With regard to teaching the course "Philosophy and Methodology of Science" in universities, the author suggests creating new areas of integration of philosophical and specific scientific knowledge. The art of joint thinking is considered as an effective

way to revive philosophy as a way of life. The author sees the renewal of thinking systems on the path of meditation as a deep conscious reflection and meditation as an experience of joint contemplation, involving the deeper layers of the unconscious.

Keywords: education, knowledge system, educational communication, thinking system, consciousness, unconscious, scientist-philosopher, art of joint thinking.

Греческий идеал философии как образа жизни и любви к мудрости в далекие времена начала философствования вряд ли кто относил к «прагматизму». Философские школы были разнообразны, притягивали к себе жаждущих познаний и преображений себя. В техногенной цивилизации в апогей высот технического гения человечества, и, вместе с тем, осознания хрупкости всего планетарного мира, который мы создаем и в котором живем, на мой взгляд, вновь пробуждается желание понять себя как существо разумное, понять этот мир и прозреть будущее. Сказанное касается и вузовского образования. Система образования в целом, и высшего образования, в частности, за годы реформ претерпела явные изменения в сторону разрушения старых ориентиров. Что же мы имеем по факту? И каковы перспективы?

Посмотрим на разрушение как на очищение. Что было подвергнуто очищению?

Во-первых, весь корпус знания, по большому счету. Это касается и специальных наук, и философского знания. Сократили большинство программ по специальным дисциплинам, сократили программы по философии. Если ранее в неспециализированных вузах читали курсы по философии три семестра, причем на старших курсах, то сейчас — всего один. В РГУ нефти и газа, где у меня 20-летний стаж работы, основной курс читают во втором семестре молодым людям, которые по возрасту совсем далеки от глубоких размышлений о смысле жизни. Дальнейшая логика реформирования делает следующий шаг — устранение теоретического корпуса в сторону частно-прагматических дисциплин. Так, для магистрантов вместо курса «Философии и методология науки» вводят курс «Психология профессиональной деятельности». Правда удалось отстоять, сделав добавку «Методология науки и психология...». Но сократили вновь часы. Философия науки выживает, как и остальные дисциплины.

Во-вторых. Разрушается система **образовательных коммуникаций** — живое общение «учитель-ученик», индивидуальный подход к воспитанию личности ученика. Увеличение доли самостоятельной работы в программах привело к «свободному плаванию в интернетпространстве». Но все ли готовы? Предполагается, что молодой человек уже сформировал самостоятельное, критическое и творческое мышление, способность распознавания качества информации и пр.

В-третьих. Разрушаются **системы мышления**. При невиданном ускорении всех процессов идет резкая поляризация — одни тупеют, подчиняясь алгоритмической машинной логике, а те, кто может возвыситься над машиной, проявляют новые способности синтетического характера. Но последних малая часть. Отупение коснулось основ — элементарных операций мыслительной деятельности, способностей к логическому и историческому связыванию идей.

А стоило ли разрушать?

Техногенная цивилизация с установками на общество потребления, в котором культура терпит унижение и извращается до низких наслаждений, заставляет задуматься над образом жизни во всех сферах жизни.

Знание по поверку оказалось незнанием, частичной информацией без понимания основ жизни. Неопределенность в общественном сознании воспринимается как вызов.

В коммуникациях в массовом образовании господствовали субъект-объектные отношения: ученик – объект, перед которым ставят задачу потребления заданной информации.

В системах мышления развили интеллект за счет притупления чувствительности — физической, эмоциональной, духовной.

Образовательный процесс, используя модное выражение, стремится к сингулярности — точке не возврата. И вместе со всей планетарной системой — к крутой перестройке всех сфер

жизни. Будущее альтернативно, его мы делаем сами. И именно философия, обогащенная опытом и знаниями Запада и Востока, как способность к интеграции, должна повести остальные сферы жизни по направлению к гармонизации.

Чему учить?

Быть философом в своей профессиональной деятельности и повседневности. Философом в понимании своего профессионального рода занятий. Философом как активным деятелем этой жизни. Реализация этих целей предполагает особый образ философа-учителя. В освещении некоторых глобальных целей, посмотрим, что можно сделать при данных условиях в вузовском образовании. Приведу пример своей работы в техническом вузе по курсу «Философия и методология науки».

Чтобы развивать любой тип мышления, индивидуальные способности ученика, для начала нужно установить просто психологический контакт с учениками, а далее работать с ними вместе, ведя диалог как искусство совместного мышления (образовательные коммуникации). С точки зрения знания, ты их учишь философскому интегральному видению, и они тебя обучают, обогащая конкретными знаниями. Искусство диалога предполагает глубинных уровней эмпатического подключение взаимодействия, дорефлексивного понимания, создания ведущим-учителем пространства творческого взаимодействия. Только в таком случае задействуются уровни сознательного (язык, действия) и глубинно-бессознательного (эмоции, чувства, озарения, воля). Процесс познания (системы мышления) может стать целостным, обретая качества, если говорить на языке русской философии, «живого знания», «чувствознания», «духоразумения». Знание духа (глубинное «чутье правды» – дорефлексивное распознавания добра и зла) предполагает отказ от сложности в пограничных состояниях простоты. Духовная простота в святоотеческой литературе воспринималась как условие восприятия незримой, но ощущаемой сложности невидимых первопричин и эйдосов (архетипов, ноуменов) видимых действий. Этого достичь в коллективном мыслительном процессе можно только при условии доверия и искренности.

Вместе с магистрантами инженерных специализаций мы написали 21 статью. Материалы опубликованы в журнале «Эпистемология и философия науки».

Одна из старых догм в философской подготовке неспециалистов, на мой взгляд, состоит в навязывании им очередных теоретических схем, заданных программами. Студентов обучают философскому языку и стилю мышления, как правило, без обращения к их личному жизненному опыту и профессиональным занятиям. Исправляя ситуацию, я предлагаю, работать вместе с молодыми исследователями над философскими проблемами конкретной научной дисциплины, воссоздавая союз естествознания и философии. В качестве примера предлагаю разработку тематики «Философские проблемы науки о нефти и газе».

СОБЫТИЙНОЕ БЫТИЕ: ОБРАЗОВАНИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Глушко Е.С.

кандидат экономических наук Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «ДонНТУ» (Горловка)

УДК 101.1

Рассматриваются проблемы образования сквозь призму необходимости философского понимания событийного бытия. Выявляются реалии взаимосвязи образования и философии в контексте их взаимодействия. Определены пути выхода безбытийности современного образования.

Ключевые слова: событийное бытие, онтологичность, этизация, безбытийность,

EVENTING BEING: EDUCATION AND PHILOSOPHY

Glushko E.S.

Candidate of Economic Sciences
Automobile and road institute SCE HPE «Donetsk National Technical University»
(City Gorlovka)

The problems of education through the prism of the need for a philosophical understanding of event being are considered. The realities of the relationship between education and philosophy in the context of their interaction are revealed. The ways out of the non-existence of modern education are determined.

Keywords: event being, ontology, ethization, non-existence, human creativity, pedagogical determinant.

В сочетании образования и философии происходит специализация и детализация философии к нуждам и специфике образования. Философия высоко сознательных людей, вырвавшихся из пут производящего существования для наполнения жизни бытием и событийностью, представляет обозначенные способности. В отсутствии перестройки на данной основе системы образования в направление событийности человечеству спасения не обрести. Говоря же о мировоззрении, в частности, философии образования и о качествах образовательной активности, философия призвана формировать в людях прорыв производящей безбытийности в постпроизводство. Возведенная до онтологичности, выражая событийное бытие человека, последняя незаменимо наполнит содержание, смысл истинной человечности. Этическое задаст тон, бесспорно главенствуя, в движении и функционировании всей многосложной учебно-воспитательной действительности. В отсутствии такого рода этизации никак не преодолеть задачи текущего дня по расчистке путей к спасительному историческому будущему от уже нагроможденных завалов производящего натиска. По этой причине следует сконцентрировать свое внимание именно на вопросах этизации образования.

Наблюдается тяготение специалистов образования к философским обобщениям, среди которых необходимо выделить П. С. Гуревича, Ш. Г. Алиева, П. В. Плотникова. Именно они ищут основания и средства решения конкретных проблем образовательной системы.

Цель статьи заключается в определении важности событийного бытия в формировании личности во взаимосвязи образования и философии как таковых.

Процесс образования не возможен без поддерживающей его философии. Образовательная политика, практическая деятельность однозначно основываются на определенной философско-мировоззренческой базе. Образование в целом однозначно произрастает из человекотворческого момента практики, с самого начала образующего компетенцию философии. Так как проблемы образования, воспитание человека творческого – это вопросы дела о самом человеке. Поскольку последний есть результат образования, постольку, спрашивая о человеке, мы изначально подразумеваем и то, как и чему он образуется (творится). Следовательно, философия, которая держит человека и способ его существования (практику) во главе угла своих занятий, — не может убрать из собственной компетенции проблемы человекообразования.

Очень часто в нюансах своей самостоятельности функционирующая система образования выявляет сбои. Появляется потребность установить цели, средства, направления учебно-воспитательной работы, соотношении формы и содержания, сущности и явлений, с конкретизацией на учебно-педагогическом уровне запросов и требований времени, настоящего момента. Возникает нужда установить приоритеты работы, переосмыслить качества и содержание ценностных ориентиров и устоев, на которых строится здание учебновоспитательной деятельности [1].

Поиски решения назревших проблем в философии предстают очевидностью. Более отчетливей это видно в пору кризиса становления соответствующей области. Именно у философии спрашивают тогда причины возникших проблем. Без обращения к философии оказывается невозможно получить средства, методологию, которые бы наполнили систему новой энергией, импульсами движения.

В конкретном значении образовательная проблематика бесспорно присутствует в каждом значительном философском учении. Образовательная, педагогическая система сама по себе неминуемо восходит к философским обобщениям. Однозначно настоящий учитель — не просто человек от науки педагогики. Педагог должен быть наделен философским мышлением, тогда он поднимается до вершин образовательного творчества не просто в качестве особого социального «инструмента», «института», но как феномена онтологического, бытийно-человеческого, субстанциально-практического.

Концепция образования испытывает на себе воздействие нематериальных форм общественной жизни. Это касается социально-правовой обстановки, политики, морально-нравственной атмосфере, культуре, духовном состоянии общества и т.д. Но это не означает, что данные факторы, равно как и сама система образования детерминированы доминирующими материальными предпосылками.

В данном случае нет нужды разбираться, что и как влияет на интересующий нас предмет. Важно понимать, что философия, как бы преломляя на себе «стрелы» детерминант, исходящих от различных сторон общества в отношение доступной образовательной системы, консолидирует данные воздействия в цельный «пучок», перерабатывает, рационализирует, обобщает и устремляет на деятельность образования.

Итак, каждая образовательная, тем более, педагогическая система не самодостаточна: имеет необходимость в опоре, регулировании, направлении со стороны философии. Существующий образовательный процесс обычно реализует какие-то идеалы, цели, модель человека, ценности, методологические ориентиры, информацию. Повсюду в процессе преподавания и воспитания имеются серьезные перемены, процессы человекотворчества непременно вершатся на основе соответствующих философско-мировоззренческих построений, новаций.

Образовательный процесс, безусловно, не может существовать и пониматься как некий культурный агрегат, служащий безотносительно к философии трансляции «опыта поколений». Образование не сводимо к извечному «институту», обеспечивающему приобщение, «социализацию», «инициацию» детей к обычаям, традициям, нормам жизни общества. Признав даже аналогию функционирования образования в обществе с неким формально-техническим механизмом, ограничив его, к тому же, сугубо школьным обучением и воспитанием, нельзя не сознавать: он сложился, сотворен на основе мировоззренческой (философско-этической, философско-партийной) позиции, идеи [2].

Деятельность, структура, направленность образовательного процесса, содержание, форма обучения и воспитания, равно материал, отбираемый для педагогической обработки, обобщения, «рефлексии» и «трансляции», – все внутренне конкретизировано из определенных философско-этических, философско-психологических, философско-антропологических, социально-философских, мировоззренческих оснований, ценностей, установок.

Таким образом, соотношения философии и образования — это преподавательская деятельность, сопряженная с формированием образованного человека в целом. Предмет их активности — непосредственно человек. Образовательный фундамент относят к «гуманитарному комплексу» в отличие, скажем, от фундамента «естественного» комплекса. Данное означает, что естественные науки, в своем углублении в предмет могут так далеко уходить, что получают известную «автономию» от философии. Однако, своеобразие наук и поприщ гуманитарного комплекса заключается в том, что они никогда не способны достичь фундаментальности и не обретают означенную самостоятельность от философии.

Список литературы

- 1. Алиев Ш. Г. Философские основания образования событийного человеческого бытия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://filosofia.ru/svyaz-obrazovaniya-i-filosofii. Заглавие с экрана. (Дата обращения: 10.06.2020)
- 2. Плотников П. В. Сущность и содержание воспитания социальной активности у студентов, в процессе их подготовки к будущей профессиональной педагогической деятельности // Вестник Донецкого педагогического института. 2018. №2. С. 33–40

САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ФИЛОСОФИЯ «ГУМАНИТАРНОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ»?)

Демин И.В.

Доктор философских наук, доцент Самарский университет (Самара, Россия)

УДК 101.1

Раскрываются идейные истоки и социально-культурный контекст самоопределения современной философии в качестве гуманитарной науки. Показывается теоретическая парадоксальность и практическая несостоятельность трактовки философии как части гуманитаристики.

Ключевые слова: философия, самоопределение философии, гуманитарные науки, мировоззрение, метафизика, постметафизическое мышление.

SELF-POSITIONING OF PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY EDUCATION (IS PHILOSOPHY A "HUMANITIES"?)

Demin I.V.

Doctor of Philosophy, Associate Professor Samara University (Samara, Russia)

The article analyzes the ideological sources and socio-cultural context of the self determination of philosophy as a humanities. The interpretation of philosophy as part of humanities is theoretically paradoxical and practically untenable.

Keywords: philosophy, self-determination of philosophy, humanities, worldview, metaphysics, post-metaphysical thinking.

В современной российской культурной и образовательной среде глубоко укоренился стереотип о философии как «гуманитарной дисциплине», место которой в одном ряду с такими науками, как история, культурология, политология. Формирование и бытование данного стереотипа связано не только с далёкими от внутреннего содержания философии формально-бюрократическими и дидактическими классификациями наук и учебных дисциплин, но и с трансформацией форм и содержания самой философской рефлексии во второй половине XIX и XX вв.

Спонтанно складывающиеся и целенаправленно культивируемые теми или иными социальными инстанциями предрассудки во многом определяют социально-культурный контекст современной философской рефлексии. Стереотип о философии как части «гуманитаристики» не является чем-то всецело навязанным философам извне, он в значительной степени есть результат самопозиционирования современной российской

философии, её дисциплинарного и функционального самоопределения. Не будет преувеличением сказать, что данный стереотип определяет статус философии не только в системе образования, но и контексте культуры в целом, формирует спектр типических ожиданий относительно философии и философов, задаёт рамки функционирования философии в публичной сфере.

Парадоксальность самопозиционирования философии как «гуманитарной дисциплины» и части современной «гуманитаристики» становится отчётливо видна, если принять во внимание следующие обстоятельства:

- представление о коренном, глубинном различии между философией и *любыми* частными науками (в том числе и «социально-гуманитарными») давно уже стало общим местом, вошло в учебники, словари и энциклопедии;
- родоначальники и наиболее значительные представители основных философских направлений современности (неокантианство, аналитическая философия, феноменология, структурализм, философская герменевтика) последовательно дистанцировались от расхожей трактовки философии как «гуманитаристики»;
- философия, которая со времён Сократа и Платона, усматривала своё предназначение в развенчании устоявшихся стереотипов мышления и мнимых очевидностей, в настоящее время стала питательной средой для культивирования расхожих мнений и предрассудков о самой себе.

Факт самопозиционирования философии в публичном пространстве как «гуманитаристики» и стереотип о философии как части «социально-гуманитарного знания» могут быть описаны и объяснены в рамках двух альтернативных (и в то же время взаимодополняющих) стратегий — интерналистской и экстерналистской.

Интерналистская модель описания и объяснения предполагает рассмотрение данного факта в контексте *истории мысли*, посредством анализа развития и современной конфигурации философских идей, направлений, концепций.

Экстерналистский (социально-культурологический) подход предполагает обращение к социальным, культурным, политическим факторам, влияющим на профессиональную деятельность философов, функционирование философских сообществ, их взаимодействие с другими сообществами и государством.

Каждый из этих двух аспектов проблемы самопозиционирования философии как гуманитаристики (историко-философский и социально-культурологический) должен стать предметом отдельного специального рассмотрения. В общем же и предварительном виде суть этих двух моделей объяснения можно сформулировать следующим образом.

В историко-философском плане тезис о родстве философии с гуманитарным знанием возник и получил обоснование в рамках тех направлений, которые акцентировали внимание на *мировоззренческой* природе, значении и функциях философии (это все течения религиознофилософской мысли XIX и XX вв., а также марксизм и неомарксизм, философия жизни, экзистенциализм, персонализм, «диалогическая» философия, «постструктурализм» в его различных вариациях и т.д.). В конечном счёте, идейные истоки рассматриваемого стереотипа следует искать в мировоззренческом истолковании философии, в трактовке философии как мировоззрения (определённого типа).

Мировоззренческому пониманию философии противостоит традиция немировоззренческого (метамировоззренческого) истолкования философии как логики и методологии научного познания (позитивизм, аналитическая философия), критики форм человеческого опыта (Кант, неокантианство), экспликации и дескрипции априорных структур сознания (Гуссерль, феноменология), фундаментальной науки о бытии (Хайдеггер, Гадамер, философская герменевтика) и т.д. Продуктивную альтернативу расхожему пониманию философии как гуманитаристики, следовательно, необходимо искать в тех направлениях мысли, которые усматривают в философии не мировоззренческую проповедь, но фундаментальную науку, коренным образом отличную от частных (позитивных) наук, но сохраняющую при этом ориентацию на идеал знания и рациональности.

Тезис о немировоззренческой (метамировоззренческой) природе философской рефлексии, направленный против отнесения философии к области гуманитарного знания, может быть развёрнут в двух различных интеллектуальных контекстах — метафизическом и постметафизическом.

В метафизическом контексте со времен Платона тезис о фундаментальной (а не гуманитарной) природе философской рефлексии раскрывался посредством проведения аналогий между философией (метафизикой) и математикой. В этом отношении особенно примечательна трактовка соотношения метафизики и математики, данная Н.Я. Гротом в статье «Что такое метафизика?». Метафизика и математика, в отличие о частных, специальных наук, имеют дело с невыводимыми из опыта понятиями и эмпирически недоказуемыми истинами, которые в то же время «одинаково обязательны для всякого возможного опыта, прошедшего, настоящего и будущего» [1, с. 124]. Тем самым устанавливается полная аналогия метафизических понятий и положений с математическими «в отношении их происхождения и разработки» [1, с. 123]. Не вызывает сомнений, что самопозиционирование философии как фундаментальной науки, которую следует ставить в один ряд с математикой, а не с психологией и культурологией, могло бы коренным образом изменить не только статус философии в системе образования, но и господствующее отношение к философии в обществе.

В контексте постметафизической рефлексии, инспирированной главным образом поворотом 9-221, представлены различные лингвистическим [2, c. «негуманитарного», немировоззренческого понимания сущности философии. Рассмотрим в качестве примера трактовку Мартина Хайдеггера. В работе «Основные проблемы феноменологии» немецкий философ настаивает на коренном отличии философии от любой позитивной науки (в том числе и математики). Поскольку философия «есть теоретическипонятийная интерпретация бытия, его структуры и его возможностей» [3, с. 14], постольку «методическое различие между <...> математикой и классической филологией не так велико, как различие между математикой и философией, соответственно - между филологией и философией» [3, с. 25]. Признавая существенное отличие трактовки философии у Хайдеггера от трактовки Грота, необходимо подчеркнуть общий для них пункт – тезис о равноудалённости философии от всех частных наук (как естественных, так и гуманитарных).

В социально-культурном и образовательном плане живучесть и настойчивое культивирование стереотипа о философии как гуманитарной науке могут быть объяснены поиском философами способов и путей выживания в условиях, когда «эффективность» и «практическая значимость» становятся главными мерилами любых новаций, проектов, идей. философского обнаруживаемая Тенденция прагматизации знания, рамках мировоззренческого истолкования философии, в современную эпоху наиболее ярко стремлении привязать философию к «экспертной деятельности», «гуманитарной экспертизе» (технологий, исследований, разработок) и т.д. Суть этих попыток состоит в том, что философская рефлексия здесь заранее рассматривается как инструмент вполне определённого, содержательно конкретного мировоззрения с утверждения характерным для него набором ценностей и установок. Это мировоззрение может быть условно обозначено термином «гуманизм». «Гуманитарное» здесь теснейшим образом смыкается с «гуманистическим», вплоть до того, что философии (и гуманитарным наукам в целом) начинают приписывать особую – «гуманистическую» – функцию.

Стремление философов занять свою нишу в культуре, ориентированной на пользу и эффективность, приводит к тому, что философия всё более начинает рассматриваться в качестве назойливого напоминания учёным, инженерам, политикам и управленцам о «гуманитарной» составляющей и мировоззренческое подоплеке их деятельности. Ущербность и заведомая проигрышность подобной стратегии самопозиционирования философии в социуме и культуре связана с тем обстоятельством, что выживание по самой своей природе не может полагаться в качестве самоцели, а тот, кто стремится только к выживанию и самосохранению, никогда не выживет.

Список литературы

- 1. Грот Н.Я. Что такое метафизика? // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 107-128.
- 2. Демин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии: монография. Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. 238 с.
- 3. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. 446 с.

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ В ОПТИКЕ ДЕЙКСИСА: ДЕЙСТВИЕ VS. ФУНКЦИЯ¹

Зарапин О.В.

Кандидат философских наук, доцент Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

УДК 101.2

В докладе ставится проблема различия между личным словом и публичной речью, актуализированная эффектами диффузии, наблюдаемыми в рамках сетевого формата коммуникации. Различие между личным словом и публичной речью рассматривается в качестве различия двух дейксисов, что определяет особенность философского диалога как формы осмысленной речи. Выдвигается тезис о том, что философский диалог — это форма осмысленной речи, релевантная различию между речевой деятельностью в качестве личного действия и речевой деятельностью в качестве социальной функции.

Ключевые слова: диалог, дейксис, действие, функция.

PHILOSOPHICAL DIALOGUE IN THE OPTICS OF DEIXIS: ACTION VS. FUNCTION

Zarapin O.V.

PhD in Philosophy, associate professor Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

The report raises the problem of the difference between a personal word and public speech, actualized by the diffusion effects observed in the network communication format. The difference between a personal word and public speech is considered as a difference between two deixis, which determines the peculiarity of philosophical dialogue as a form of speech with "smysl". The thesis is put forward that philosophical dialogue is a form of speech, relevant to the difference between speech activity as a personal action and speech activity as a social function.

Keywords: dialogue, deixis, action, function.

Современные цифровые технологии задают новые форматы коммуникации, эпифеноменом этого инновационного процесса является трансформация традиционных форм коммуникации. Такая трансформация прослеживается в тенденции преодоления посредством сетевых ресурсов границы, разделяющей слово, предназначенное Другому («личное слово»), и речь, сказанную публично. Высказанное от собственного имени и адресованное лично собеседнику в онлайн-формате технически становится общедоступным. Процесс сближения личного слова и публичной речи ставит под вопрос Другого в его отличии от Всякого и

 $^{^1}$ Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ проекта А 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Каждого, проблематизирует адресат речи, и вместе с этим порождает эффект диффузии индивидуальной и коллективной (массовой) коммуникации, в зоне которой непросто отделить где говорит сам человек и где он выступает от чьего-то имени. Тогда как в качестве соответствующих регистров речевой деятельности это по-разному ориентированные способы общения как *приватный и публичный* способы речевой деятельности, т.е. личное действие и социальная функция.

О чем свидетельствует эффект коммуникативной диффузии, какой центр речевой жизни здесь задет, и как этот центр проявляется в масштабной социокультурной проекции? К ответам на эти вопросы мы подойдем с точки зрения философского диалога, полагая, что философский диалог, представленный в измерении письменной речи как форма текста и в измерении устной речи как коммуникативная практика общения, обозначает некий речевой центр как источник, подчеркнем это, осознанного и рефлексивно настроенного различения приватного и публичного способов речевой деятельности. Письменное слово является общедоступным, устное слово, напротив, подразумевает личный адресат. В диалоге устная и письменная речь взаимопроникают, и это не просто речевой эффект, но особый речевой механизм, продуцирующий поляризацию речевой жизни как сферы, в которой сказанное различается в личной и всеобщей адресациях. И это различие есть условие того, что сказанное является осмысленно сказанным. Наш тезис состоит в том, что философский диалог есть форма речи, в рамках которой речь обретает особенное качество осмысленности. Это качество возникает в различении и выделении двух типов адресатов, что подразумевает также и различие в позициях того, кто обращается с речью. И именно это обстоятельство, выраженное в вопросе «кто говорит?», мы подчеркнем как основное. В диалоге условие осмысленной речи прописывается в виде того, что говорящий связан со своей речью, обозначает себя в самой речи – в **дейксисе** (греч. δεῖξις: указание).

Дейксическая связь лежит в основе сюжета из «Апологии Сократа» [2, с. 89], в котором Сократ, проверяя пророчество оракула, беседует с политиками, поэтами и ремесленниками и убеждается в том, что среди них нет настоящих мудрецов. Политик, поэт и ремесленник олицетворяют различные типы речи, произносимые на агоре и это публичные речи. Они сходны способом, которым говорящий вовлечен в речь. Политическая речь выказывает говорящего в качестве представителя общественного мнения или выразителя государственного интереса. Поэта можно сравнить с прорицателем, обоими движет вдохновение и они не владеют собственной речью. Ремесленник, полагающий себя знатоком в определенном деле, говорит также от имени опыта и усвоенного мастерства.

Эти типы речи объединяет то, что действующее лицо внутри речи обозначает себя в качестве источника обезличенного голоса, способного сплотить людей и в этом проявляющего качество социальной функции. Речевым маркером частной беседы является авторизованное слово, существующее лишь в принадлежности лицу, дейксически обозначающему себя собственным именем. Разница в том, от чьего имени говорить — от собственного или от имени некоего начала, голос которого ты озвучиваешь.

Сократическое испытание возникает, когда позиция публичной речи помещается в речевую ситуацию частной беседы [1, С. 167–172]. Проверка состоит в том, что такая форма выявляет речь как процесс, в ходе которого говорящий представляет себя в третьем лице и, выступая от имени государственного интереса, божества или жизненного опыта забывает себя в собственной речи. Вспомнить себя в прицеле сократических вопросов – значит внести в мир речевое различие между личным действием (дейксис первого лица) и общественной деятельностью (дейксис третьего лица).

Как понимать различие в дейксических настройках? Можно подумать, что одна речь является подлинной, а другая неподлинной, и философское усилие сократической беседы нацелено на то, чтобы разоблачить и вместе с тем уничтожить дейксис третьего лица. Хотя в пользу такого подхода говорит сократический образ пробуждения от сна, этот же образ можно истолковать иначе. Сон и бодрствование являются частями жизни, и лишенная какой-либо части эта жизнь является неполной жизнью. В случае речевой жизни полнота есть синоним осмысленности как различение дейксисов, каждый из которых необходим и целесообразен качестве полюса речевой жизни.

Отсюда понятно, о чем свидетельствует продуцированный в онлайн эффект коммуникативной диффузии. Стирание границы между личным и публичным словом есть феномен речевой жизни, в которой затухает импульс осмысленности, что значит только то, что эта жизнь как бы заново рождается, адаптируясь к особенностям цифровых технологий. Сегодня Сеть значит то же, что в древности значила Агора [3], и если это так, то мы сейчас живем в сократическую эпоху.

Список литературы

- 1. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб: Изд-во РХГА, 2015. 638 с.
- 2. Платон. Апология Сократа // Платон Сочинения в 3-х т. Т. 1. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. М.: «Мысль», 1968. С. 81–112.
- 3. Dickenson K.P. On the Agora. The Evolution of a Public Space in Hellenistic and Roman Greece (c. 323 BC 267 AD). Leiden and Boston: Brill, 2017. 482 p.

ОБРАЗОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Камарали А.В.

Кандидат философских наук, доцент «Донецкий институт железнодорожного транспорта» (Донецк)

УДК 1:316:3

Рассматривается социально-философский анализ образования в условиях информационной цивилизации. Определены основные изменения в образовании связанные со становлением и развитием информационной цивилизации.

Ключевые слова: образование, информационная цивилизация, информационная культура.

EDUCATION AND INFORMATION CIVILIZATION

Kamarali A.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Docent "Donetsk railway transport institute" (Donetsk)

The socially-philosophical analysis of education in the conditions of an information civilization is considered. The basic changes in education connected with formation and development of an information civilization are defined.

Keywords: education, an information civilization, information culture.

В период перехода к информационной цивилизации необходимо подготовить человека к быстрому восприятию и обработке больших объемов электронных информационных

ресурсов, к овладению им современными средствами, методами и технологией работы. Кроме того, новые условия работы порождают зависимость информативности одного человека от информации, приобретенной другими людьми. Поэтому уже недостаточно уметь самостоятельно осваивать и накапливать информацию, а надо научиться такой технологии работы с информацией, когда подготавливаются и принимаются решения на основе коллективного знания. Это говорит о том, что человек должен иметь определенный уровень культуры по обращению с информацией.

Для отражения этого факта был введен термин «информационная культура». Информационная культура — умение целенаправленно работать с электронными информационными ресурсами и использовать для их получения, обработки и передачи компьютерную информационную технологию, современные технические средства и методы [3]. Приведенное определение информационной культуры не совсем точно отражает достигнутый уровень в развитии информационного общения людей, а также характеристику информационной сферы в жизнедеятельности людей, где мы можем отметить степень достигнутого, количество и качество созданного, тенденции развития и степень прогнозирования будущего.

Для свободной ориентации в информационном потоке человек должен обладать информационной культурой как одной из составляющих общей культуры. Информационная культура связана с социальной природой человека, она является продуктом разнообразных творческих способностей человека и проявляется в следующих аспектах:

- в конкретных навыках по использованию технических устройств (от телефона до персонального компьютера и компьютерных сетей);
- в способности использовать в своей деятельности компьютерную и информационную технологию, базовой составляющей которой являются многочисленные программные продукты;
- в умении извлекать информацию из различных источников: как из периодической печати, так и из электронных коммуникаций, представлять ее в полном виде и уметь эффективно использовать;
- в овладении основами аналитической переработки информации;
- в умении работать с различной информацией;
- в знании особенностей информационных потоков в своей области деятельности.

В информационном обществе требуется овладение информационной культурой с детства, сначала с помощью электронных игрушек, а затем и персонального компьютера. Для учебных заведений всех типов социальным заказом информационного общества следует считать обеспечение уровня информационной культуры студента, необходимого для работы в конкретной сфере деятельности. Причем качество обучения должно определяться степенью закрепленных устойчивых навыков работы в среде базовых информационных технологий при решении типовых задач в сфере деятельности.

В информационном обществе центр тяжести приходиться на общественное производство, где существенно повышаются требования к уровню подготовки всех его участников. Поэтому в программе информатизации следует особое внимание уделить информатизации образования как направления, связанного с приобретением и развитием информационной культуры человека. Это, в свою очередь, ставит образование в положение «объекта» информатизации, который требует изменения содержания подготовки, чтобы обеспечить в будущем специалисту не только общеобразовательные и профессиональные знания в области информатики, но и необходимый уровень информационной культуры [2, с. 38].

Вместе с тем современная цивилизация, где с каждым днем увеличивается значение информационных технологий, не способствует обращению человека к духовной стороне своего бытия, а все больше отдаляет человека от нее. Меняются масштабы жизни, человеку попросту не хватает времени; чтобы он мог себя материально обеспечить и находиться если не на вершине финансового обеспечения, то хотя бы в среднем слое, ему необходимо

постоянно воспринимать новую информацию. Этот процесс столь трудоемкий, что человеку не остается времени для реализации культурных потребностей в его повседневной жизни. Поток информации не так уж и безвреден. Например, А.Тоффлер новые технологии и новую информацию связывает с новыми метаморфозами власти. В результате приобретается более комфортабельная жизнь, но вместе с этим часто теряется творческий момент, который является основой каждого культурного общества [1, с. 90].

Самая большая проблема состоит в том, что классическая система образования, в основе которой лежит классическая образовательная парадигма, по своей сути является знаниецентристской и направлена на овладение системою знаний, умений и навыков, что является абсолютно неприемлемо в современном непостоянном мире, информационном обществе. Это обуславливает необходимость изменений ценностных ориентаций, изменений приоритетов в сфере образования, что приведет к изменениям новой образовательной парадигмы, которая способствует развитию системы образования с учетом общецивилизационных тенденций и обеспечит решение насущных проблем образования.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы:

- 1. Научное знание и информация играют роль важнейшего фактора производства; около трети ВНП постиндустриальных стран создается в отраслях, непосредственно производящих информационные блага и услуги, а также оборудование для передачи и обработки информации.
- 2. Развитие информационного сектора опирается на устойчивый и расширяющийся потребительский спрос, обусловленный высоким образовательным и культурным уровнем расширяющегося круга потребителей информации.
- 3. В структуре потребления значительной части социально активного населения новые знания и информация играют не меньшую роль, чем традиционные потребительские товары.
- 4. Происходит перераспределение общественного богатства в пользу работников информационного сектора, что приводит к повышению экономической и статусной ценности образования.
- 5. Образование в условиях информационной цивилизации должно быть направлено на подготовку творческого работника с разносторонним воображением и инновационным подходом к поставленным задачам.

Список литературы

- 1. Информатика: Учебник / Под ред. проф. Н.В. Макаровой. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 1998. 768 с.
- 2. Винарик Л.С. Информационная культура в современном обществе: Учеб. пособие. Донецк: Ин-т экономики пром-сти; ДИЭХП, 2003. 322 с.
- 3. Библиотека в эпоху перемен. Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2 (18). М.: Изд. РГБ, 2003. 160 с.

ФИЛОСОФИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Малюкова О. В.

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», (Москва, Россия)

УДК 101

Статья посвящена рассмотрению российской системы образования, которая в течение последних двадцати лет находится в процессе постоянного реформирования, преобразования и революционного переустройства. Совокупность этих процессов включает в себя: переход на Болонскую систему, переход на компетентностную модель образования, переход на онлайн образование в связи с эпидемией короновируса. Основная цель статьи — это

рассмотрение компетентностного подхода в преподавании философии в юридическом университете. Компетентностная парадигма ориентирует преподавателей на развитие у обучающихся интереса к философскому осмыслению действительности, мирового историко-культурного процесса, человеческой жизни, а также на подготовку обучающихся к активному участию в разработке и реализации правовых норм, обеспечении законности и правопорядка, модернизации и совершенствовании политической и правовой системы России в условиях четвертой промышленной революции и т.д.

Ключевые слова: компетентность, компетентностная модель образования, образовательная парадигма, дистанционные образовательные технологии.

PHILOSOPHY OF COMPETENCE AND LEGAL EDUCATION

Malyukova O. V.

PhD, professor of the Department «Philosophy and Sociology»

Moscow State Law University,

(Moscow, Russia)

The article is devoted to the consideration of the Russian education system, which for the past twenty years has been in the process of constant reform, transformation and revolutionary reorganization. The combination of these processes includes: the transition to the Bologna system, the transition to a competency-based education model, the transition to online education in connection with the epidemic of coronovirus. The main goal of the article is to consider the competency-based approach to teaching philosophy at a law university. The competence paradigm guides teachers towards developing students' interest in philosophical understanding of reality, the world historical and cultural process, human life, as well as preparing students for active participation in the development and implementation of legal norms, ensuring law and order, modernizing and improving the political and legal system Russia in the conditions of the fourth industrial revolution, etc.

Keywords: competence, competency-based model of education, educational paradigm, distance educational technologies.

Российская система образования в формате «высшей школы» в течение последних двадцати лет находится в процессе постоянного реформирования, преобразования и революционного переустройства. Совокупность этих процессов включает в себя:

- переход на Болонскую систему «бакалавр магистр»;
- переход на компетентностную модель образования;
- переход на онлайн образование в связи с эпидемией короновируса.

Каждый специалист сам может для себя решить, к какому из процессов относятся вышеуказанные переходы – к реформе, революции или преобразованию. При этом не следует забывать, что речь идет о крайне необычной учебной дисциплине, а именно, о философии.

Переход на Болонскую систему осуществлялся достаточно болезненно, быстро скатился к негласному восстановлению специалитета, ибо большинство, например, правовых структур приняли собственные постановления о пределах карьерного роста бакалавра в рамках юридической профессии. В образовательном формате произошло разделение обучения на три уровня, для каждого из которых были написаны и пишутся собственные программы, учебники и пр.

Переход на компетентностную модель образования породил собственные проблемы и решения. Целью освоения учебной дисциплины «Философия для юристов» оказалось развитие у обучающихся (студентов) интереса к философскому осмыслению действительности, мирового историко-культурного процесса, человеческой жизни, а также подготовка обучающихся, способных с методологической, мировоззренческой, ценностноориентированной и профессиональной точек зрения, активно участвовать в разработке и

реализации правовых норм, обеспечении законности и правопорядка, модернизации и совершенствовании политической и правовой системы России в условиях четвертой промышленной революции.

Задачами учебной дисциплины «Философия для юристов» стало формирование:

- способностей использования системных мировоззренческих подходов при разработке нормативных правовых актов;
- навыков использования философских методологических принципов и приемов при осуществлении нормотворческой деятельности;
- готовности выпускника в процессе правоприменительной деятельности использовать методы и способы правового познания, использовать понятия и знания правовой праксиологии;
- высокой философско-правовой культуры мышления для решения задач правоохранительной деятельности;
- навыков аргументированного методологического обоснования и принятия в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм;
- умений составления юридических документов на основе высокой профессиональной правовой и философской культуры;
- готовности обеспечения законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства во взаимосвязи с принципами организации правовой системы;
- способностей понимания целей и задач общественного развития на основе прогресса культуры при осуществлении охраны общественного порядка;
- высокого уровня гражданского и правового сознания, понятия о человеке как самоценности при предупреждении, пресечении, выявлении, раскрытии и расследовании правонарушений;
- принципиальных аксиологических и мировоззренческих подходов в защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;
- умений руководствоваться принципами познания и понимания категории «истина» при осуществлении экспертно-консультационной деятельности:
- навыков использования основ философской и юридической герменевтики (толкование, интерпретация) при осуществлении консультирования по вопросам права;
- способности осуществление правовой экспертизы документов на основе принципов философского и правового мышления.

Формирование столь значимых умений, знаний и навыков, однако, еще не исчерпало задач философии. Поскольку именно дисциплина «Философия для юристов» во взаимодействии с другими гуманитарными, общепрофессиональными и юридическими дисциплинами призвана обеспечить подготовку будущих профессионалов, отвечающих как современным квалификационным требованиям, так и требованиям интеллектуальной, общекультурной и гуманитарной подготовки.

И наконец, по итогам изучения учебной дисциплины «Философия для юристов» обучающийся должен обладать следующими компетенциями:

- Способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1);
- Способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития России, ее место и роль в современном мире в целях формирования гражданской позиции и развития патриотизма (ОК-2);
- Способностью выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета (ОК-4);
- Способностью осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2).

«Громадье» обязательств, взятых на себя преподавателями философии юридического вуза, приводит то ли в восторг, то ли в замешательство.

Переход на дистантное обучение, связанное в короновирусом, не вызвал паники среди преподавателей философии. Дистантные образовательные технологии в большинстве вузов уже использовались, многие университеты имели собственную систему дистанционного обучения. Однако, пока преподаватели обзаводились собственными навыками и ресурсами, государство при помощи различных коммерческих и некоммерческих организаций создало целый ряд работающий образовательных порталов. Среди них пока преобладают школьные ресурсы, но это пока. К основным образовательным порталам относятся:

- 1. Платформа Современная цифровая образовательная среда в РФ https://online.edu.ru/public/promo
- 2. BKP-BY3 http://www.vkr-vuz.ru/
- 3. Факультетус https://facultetus.ru/. Всем советую воспользоваться!!!

В этих условиях преподавателям вообще и преподавателям философии в частности пора задуматься о собственной компетентности как совокупности компетенций в новых образовательных условиях. В заключение приведу малоизвестный рассказ декабриста А. Е. Розена. В июне 1825 года великий князь Николай Павлович, возмущенный поведением лейб-гвардии Финляндского полка, сказал его офицерам: «Господа офицеры, займитесь службою, а не философией: я философов терпеть не могу: я всех философов в чахотку вгоню!» (Гордин А. Я. Мятеж реформаторов, драма междуцарствия. СПб. 2006. С.92.). Кстати, чахотка – это именно легочное заболевание. Итак, займемся службою, и пусть нашей службой будет философия!

УНИВЕРСАЛИЗМ ПАЙДЕЙИ VS КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Минченко Т. П.

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

УДК 316.61: 37.01

Статья посвящена сопоставлению целостного подхода к обучению, ведущего начало от универсальной системы воспитания и образования древнего грека — пайдейи, с одной стороны, и ограниченного «компетентостного» подхода, предписываемого в преподавании учебных дисциплин, в том числе философских, в современной российской системе высшего и послевысшего образования.

Ключевые слова: Παйдейя (Παιδεία), схоле (σχολή), универсализм, компетентностный подход, философия

PAIDEIA UNIVERSALISM VS COMPETENCY-BASED APPROACH IN TEACHING PHILOSOPHY: HISTORY AND MODERNITY

Minchenko T.P.

Doctor of philosophical science, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia) The article is devoted to comparing a holistic approach to learning, leading from the universal system of upbringing and education of the ancient Greek - Paideia, on the one hand, and the limited "competency" approach, prescribed in the teaching of academic disciplines, including philosophical, in the modern Russian system of higher and post-secondary education.

Keywords: Paideia, schole, universalism, competency-based approach, philosophy

Пайдейя (Παιδεία) — понятие античной философии, означающее универсальную образованность [1]. Как система воспитания и образования древнего грека, пайдейя в наиболее целостном проявлении была реализована в Академии Платона и Ликее Аристотеля.

Согласно А. Марру [2], Пайдейя становится символом культуры, понимаемой не в смысле подготовительного образования, но и в результирующей смысле: состояние универсального, реализующего все свои возможности развития человека.

Структурно Пайдейя представляла собой классическую греческую систему образования и профессиональной подготовки, которая включала в себя гимнастику, грамматику, риторику, поэзию, музыку, математику, географию, естественную историю, астрономию и физические науки, историю общества и этику, а также философию - полный педагогический курс обучения, необходимого для формирования универсального, всесторонне образованного гражданина полиса.

Понятие Пайдейи трактовалось как путь, который должен пройти человек, формируя себя через «арете» — приобретение мудрости, мужества, благоразумия, справедливости и других военных, гражданских, моральных и интеллектуальных добродетелей, стремление к «калокагатии» — идеалу духовного и физического совершенства.

Стержневым моментом, который показали на своем примере создатели философских школ древности, в первую очередь, Фалес, Пифагор, Эпикур, Сократ, Платон, Аристотель и другие, являются преемственные отношения учителя и ученика. Особое внимание уделялось устному наставничеству, непосредственному диалогу. Платон, например, полагал, что без мудрого учителя не может быть выдающихся достижений.

Вместе с тем, Платон не разделял педагогический оптимизм софистов, убежденных во всемогуществе образования. Следуя Сократу, он видел суть Пайдейи в культивировании с помощью педагогических усилий наставника внутренней духовной культуры добродетельных, мудрых людей, способных жить по справедливости.

В своих диалогах Платон, вслед за Сократом, пытался ответить на вопросы: Что такое добродетель? Можно ли научить этому? Какой путь познания приводит к пониманию истинных достоинств? Какова взаимосвязь между образованием и политикой? Ответы на эти вопросы составляют основное содержание платоновского понимания пайдейи, лежащей в основе философского, социального, политического, этического и эстетического учения Платона.

В отличие от софистов, Сократом и Платоном был поставлена проблема фундаментальных ценностей, которые имеют абсолютное значение и являются основой для жизни человека в обществе.

Согласно рационалистической позиции Аристотеля, главной задачей Пайдейи является развитие человеческого разума, как высшего источника мудрости, ведущей к добродетели. Объединение людей («толпы») в единое государство возможно путем воспитания через добрые нравы, философию и законы. Эта позиция стала основой западной цивилизации, культивируя рационализм в отличие от ориентации восточных обществ. Аристотель особое внимание уделяет неразрывной связи разума и добродетели, образования и этики.

В России целостная система обучения впервые была введена в высшем образовании. Создание Академии наук и первого русского университета стали основой создания и расширения гуманитарных основ идентичности российской академической науки, объединив эллинские традиции образования и российскую практику. Ломоносов впервые выразил научный и духовный идеал российской науки и образования, в котором, с одной стороны, подчеркивается созвучие греческой и европейской традиций «выращивания» научных гениев,

а с другой - необходимость в развитии отечественной парадигмы познания и системного образования.

Позднее принципы целостного обучения были разработаны и реализованы в высшем образовании дореволюционной России, была создана также система классического гимназического образования-воспитания, являющегося достойной основой для последующего университетского обучения.

В советское время, несмотря на социальные катастрофы, войну, идеологическое выхолащивание философии, продолжалась развитие сократовско-платоновского понимания миссии учителя - содействования развитию способности ученика задавать вопросы бытию, формулировать проблемы, мыслить творчески, диалектически, целостно, осознавая неразрывность познавательного процесса и этических идеалов. В XX в. эту традицию актуализировали и развивали такие отечественные мыслители и педагоги как М. Мамардашвили, Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев, В. В. Давыдов и другие.

После распада СССР российское высшее и школьное образование претерпевает целый ряд «реформ», общей чертой которых является линия на разрушение классического целостного образования, разрыв познавательной и этической сторон обучения.

В вузовскую систему России в рамках реформ был внедрен компетентностный подход в контексте Болонского процесса, предполагающий общую структуру и терминологию системы образования. Организаторы этого перехода объясняли его необходимость процессами общеевропейской и мировой тенденцией интеграции, глобализации мировой экономики, и, в частности, встраивания в архитектуру европейской системы высшего образования

Компетентностный подход возник сравнительно недавно: термин был введен в обиход в 1959 г. компанией White для описания качеств личности, определяющих «превосходное» исполнение работы. В сферу высшего профессионального образования компетентностный подход одним из первых предложил ввести шотландский исследователь Дж. Равен [3].

В России внедрение этого подхода началось после выхода приказа Министерства образования РФ от 15.02.05 № 40, в котором была поставлена задача разработать ГОС ВПО третьего поколения на основе компетентностного подхода и системы зачетных единиц.

С этого времени меняющиеся и дополняющиеся ФГОСы на практике приводят к вытеснению принципа целостности образования, сокращению курса философии, вытеснению этики и воспитания из образовательного процесса.

По мнению автора, для качественного образования, отвечающего современным потребностям, когда существует и появляется множество профессий, где универсализм специалиста — это важнейшее условие компетентности (а не отдельных, часто оторванных друг от друга компетенций) необходимо восстановить универсализм как сущностное ядро современного образования; ведущая роль в формировании мировоззренческого системного знания принадлежит именно философии и философским наукам, в первую очередь, этике и логике.

Что касается перевода высшего образования, включая курс философии, исключительно в онлайн-режим под предлогом эпидемии, автор разделяет запрос, направленный федеральным УМО по философии, этике и религиоведению в Министерство науки и высшего образования $P\Phi$ о включении в примерные основные образовательные программы, сопровождающие $\Phi\Gamma$ OC-3++ в качестве методической рекомендации указание на нецелесообразность преподавания обязательного курса по философии исключительно в онлайн-режиме. В том числе, поскольку это резко снижает результаты освоения философии в воспитательном аспекте, предполагающем прямой контакт педагога с аудиторией.

Список литературы

- 1. Солопова М. А., Шичалин Ю.А. Пайдейя // Новая философская энциклопедия // https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH014eb764b66ca9b6266dbd4e
- 2. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. 425 с.
- 3. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС ФИЛОСОФИИ

Сироткина Л.С.

Кандидат философских наук Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

УДК 101.1, 101.2

В докладе обсуждается аксиологический потенциал философского образования, характеризуется многоплановость объективного значения философской пропедевтики для личностно-ориентированного образования. Подчеркивается, что его реализация возможна на условиях деятельностного опосредования, при котором ценность философского познания приобретает индивидуализированный личностный смысл. Формулируются частные принципы организации философской пропедевтики, обеспечивающие формирование ценностно акцентированного образа философии и философствования.

Ключевые слова: философское образование, аксиологический статус философии, цели философского образования, образ философии, принципы преподавания философии.

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF PHILOSOPHICAL EDUCATION AND SUBJECTIVE VALUE STATUS OF PHILOSOPHY

Sirotkina L.S.

PhD in Philosophy
I. Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia)

The report discusses the axiological potential of philosophical education, characterizes the versatility of the objective value of philosophical propaedeutic for personality-oriented education. It is emphasized that its implementation is possible on the basis of activity mediation, in which the value of philosophical knowledge acquires an individualized personal meaning. Particular principles of organizing philosophical propaedeutic are formulated, which ensure the formation of a value-accented image of philosophy and philosophizing.

Keywords: philosophical education, axiological status of philosophy, goals of philosophical education, image of philosophy, principles of teaching philosophy.

В последние десятилетия в мире существенно изменился социальный статус философии и философствования: из элитарного компонента духовной культуры они трансформировались в популярную, институционально закрепленную, целенаправленно распространяемую специализированными организациями (в т.ч. ЮНЕСКО) форму ментальной активности. Современный социокультурный фон развития «общего» формального философского образования, на российском культурном пространстве характеризующийся: а) едва ли не нигилистическим отношением к философии и философскому познанию, б) нивелированием специфики приобщения философии редукцией выработке пелей К их общекультурных/универсальных компетенций, - со всей остротой поднимает проблему аксиологических оснований конструирования соответствующих образовательных практик. Каково значение философского образования в личностном аспекте, каковы его цели - эти вопросы остаются крайне актуальными.

Цели и ценностные ориентиры общего философского образования меняются в зависимости от исторического периода, социокультурных условий и авторского понимания роли философии в культуре и образовании. Многообразие позиций может быть представлено через их систематизацию в соответствии с типами образовательных результатов:

- 1. Социальное, в т.ч. гражданское, развитие личности: развитие способности к взаимопониманию, терпимости в отношениях между людьми и группами [1]; обеспечение осознания глобальных проблем и проблем и перспектив развития страны, последствий прогресса и т.п. [2].
- 2. Познавательное совершенствование: развитие философской культуры [3], свободы мышления через демонстрацию возможности построения внутренне согласованных систем взглядов на разных основаниях [1; 4], культуры мышления, включая логическую культуру [5] и способность осуществлять переход от обыденного к философскому рассуждению [6], обеспечение полноты культурной эрудиции [7], просвещенности [8], активизация рефлексивного [9] и критического мышления [10].
- 3. Личностное развитие: формирование мировоззрения [2; 3; 4; 11] через приобщение к универсальному сущностному и проблемному миропониманию [10], развитие самосознания в качестве представителя нации, поколения, эпохи [8]; выработка системы ценностных ориентаций личности, содействие самоопределению [4], привитие ответственности за результаты собственного труда, в т.ч. интеллектуального, принимаемые решения [8], воспитание независимости от внешнего идеологического и иного интеллектуального давления [1; 4], формирование неконфронтационного нонконформизма [10], сохранение индивидуальности в «обезличивающем потоке общественной стихийности», готовности адаптироваться к новым информационным, мировоззренческим, технологическим парадигмам [10].
- 4. Повышение качества профессиональной подготовки в аспекте формирования устойчивой и осознанной личностной позиции в отношении профессии и профессиональной деятельности [8], содействие осмыслению философских проблем конкретной науки и человеческой практики.

Нет оснований оспаривать многоплановость значения философии для личностного роста. Однако объективный аксиологический потенциал философского образования может быть реализован только тогда, когда ценность философского познания включается в систему личностных смыслов субъекта и философское знание/компетенция принимается в качестве значимого компонента структуры индивидуальных образовательных достижений. Поэтому реализация аксиологического потенциала философской пропедевтики должна быть психологически опосредована - должна выстраиваться с учетом структуры учебной деятельности, неотъемлемыми компонентами которой являются цели и мотивы учения. Важнейшая педагогическая задача, в этой связи, — содействовать трансформации объективно-аксиологических факторов философского образования в личностные структуры — подлинные реально действующие мотивы философского познания: цели, внеситуативные стойкие интересы и устойчивые потребности. Проблема: как обеспечить это опосредование?

Механизм интериоризации может быть основан на принципе: цель философской пропедевтики — не философская компетентность сама по себе, а «встроенность» ее в иные образовательные результаты, значимость которых очевидна для субъектов учения и, поддерживая мотивацию, способствует формированию ценностно-конструктивного образа философии/философствования. Желаемая модель индивидуализированного образа философии как результата образования включает, по крайней мере, следующие черты:

- Философия есть средство, а философствование способ (широко трактуемого) личностного саморазвития и совершенствования индивидуальных интеллектуальных структур, в т.ч. входящих в ядро востребованных в информационном обществе ключевых компетенций личности и профессионала (развивающий результат философского образования).
- Философское познание позволяет получить ответы на смысложизненные вопросы (воспитательный результат).
- Философское осмысление профессиональной деятельности есть необходимое условие профессионального становления (обучающий результат).

Модель определяет частнодидактические принципы конструирования процесса преподавания философских дисциплин:

- Философская пропедевтика должна обеспечить восполнение тех компонентов образования, которые не были реализованы на предыдущих уровнях и не могут быть реализованы вне философской подготовки (в частности, методологической и логической культуры, формируемых средствами фундированного и практикоориентированного освоения логики).
- Философская пропедевтика должна обеспечить рефлексивный анализ смысложизненных проблем обучающихся.
- Принцип профилизации: философская пропедевтика в определенной части должна быть профильно ориентирована, в частности, обеспечивать анализ тех проблем частных наук, которые не могут быть рассмотрены их собственными средствами.

Воплощение в образовательном процессе перечисленных принципов позволит корректировать связанные с философией и философствованием компоненты общественного сознания в направлении преодоления пренебрежительно-нигилистического отношения, содействовать формированию устойчивого интереса к философии и воспроизводству мотивированного философствования как духовной практики.

Список литературы

- 1. Парижская декларация по философии. [Электронный ресурс] https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138673_rus (дата обращения 10.04.2020).
- 2. Кочергин А.Н. Перестройка преподавания философии и философская культура личности/ Методика преподавания философии: проблемы перестройки. М., 1991. С. 9–21.
- 3. Тульчинский Г.Л. Философская культура и способы философствования // Философские науки. 2011. № 11. С. 65–76.
- 4. Липский Б.И. Курс философии как урок свободы// Философские науки. -2009. -№8. С. 45-54.
- 5. Брюшинкин В.Н. Логика. М.: Гардарики, 2001. 224 с.
- 6. Кондратьева С.Б. Зачем студенту философия: проблемы преподавания философии в высшей школе // Проблемы современного образования. 2018. –№ 2. С. 27–32.
- 7. Кузнецов В.Ю. Философия преподавания философии // Вестник МУ, Сер. Философия. 2003. №5. С. 73–85.
- 8. Никифоров А.Л. Философия в системе высшего образования // Вопросы философии. -2007. -№ 6. C. 17–23
- 9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. [Электронный ресурс] http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/st003.shtml (дата обращения 10.04.2020).
- 10. Андрейчук Н.В. Материалы к курсу «Методика преподавания философии». Калининград, 2003. 69 с.
- 11. Дианова В.М. Цели философского образования: возможные интерпретации // Философия и образование. -2013. -№ 1(4). -С. 107–112.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Смирнова О.М.

Кандидат философских наук, доцент Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина (Москва, Россия)

УДК 167.7

Экзистенциальные проблемы человека напрямую связаны с образовательной сферой сегодняшнего мира. Упование на возможности AGI в будущем свидетельствуют о

технократической сциентистской установке руководства образовательными структурами, что свидетельствует о подмене целей образования средствами, по сути, схоластическому выхолащиванию образования.

Ключевые слова. Экзистенциальные проблемы, образование, сциентистская установка, схоластика.

EXISTENTIAL AND SOCIAL RISKS OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF COGNITIVE EVOLUTION

Smirnova O. M.

Candidate of philosophy, associate Professor Gubkin Russian state University of oil and gas (national research University) (Moscow, Russia)

Human existential problems are directly related to the educational sphere of today's world. The hope for AGI opportunities in the future indicates a technocratic scientific attitude of the management of educational structures, which indicates the substitution of educational goals with means, in fact, the scholastic emasculation of education.

Keywords: Existential problems, education, scientific attitude, scholasticism.

Современный мир в целом пронизан неопределенностью и полон сингулярными возмущениями, любая система характеризуется неустойчивостью. Этим характеристикам соответствует и сфера образования [1]. Сегодня мы часто встречаем такие оценки цифровой эпохи, от которых веет эсхатологизмом. В особенности это касается процессов образования, воспитания, развития нравственности, когнитивных изменений человеческого разума и много другого. Поверить в саморазрушение человечества как homo sapiens оказывается гораздо легче [2], нежели попытаться понять и проанализировать ситуацию когнитивной неопределенности цифрового общества в сфере образования.

Выделим в системе образования и включенном в нее образовательном процессе три сферы — реальная сфера получения знаний, где присутствует сам субъект; сфера материализованного в книгах, статьях, учебниках и т.п. знания; виртуальный мир знания, образовательных и управленческих структур. Появление интернета и развитие информационных технологий оказало влияние на сферу современного образования. Традиционные процессы получения образования заменяются новейшими технологиями, усовершенствование и обновление которых, в свою очередь, происходит стремительно, порой, правда выплескивая с водой ребенка [3]. Применение информационно-коммуникативных технологий в учебном деле дает возможность педагогу использовать ПК и его способности в качестве ассистента, имеющего характерные способности, достигая при этом наибольшей производительности процесса преподавания. В таких условиях формируется новейшая организация процесса преподавания на наиболее значительном уровне [4].

Инновационные информативные и коммуникационные технологические процессы, основанные вовсе никак не с целью потребностей концепции образования, ведут к истинной революции в образовании. Мы ранее стали очевидцами того, что концепция образования вплетается в сетевое общество, где крепко взяли собственную роль ресурсы общественной информации, рекламное объявление, банковская организация, торговая деятельность и т.п. Лидерство в фактическом введении сетевых технологий тут принадлежит высшему образованию (к примеру, в открытом, дистанционном образовании). Одновременно с этим, высшие образовательные учреждения встречаются в собственной работе с некоторыми нестыковками, почти неразрешимыми в рамках их нынешней структуры [5].

Безусловно, развитие информационных технологий на прямую влияет на все сферы жизни общества, не исключая и образовательную систему. Примером о необходимости срочной смены концепции образовательного пространства и осмыслении форм преподавания

является нелегкая ситуация в мире, сложившееся в период с ноября 2019 по настоящее время. Из-за глобальной пандемии общество вынуждено приостановить большую часть функционирования экономики и начать работать в дистанционном, удаленном режиме. В связи с чем все сферы деятельности человека несут колоссальные убытки. Однако сегодняшнее направление информатизации с ее устоями и возможностями позволяет обществу смягчить исходы проблем, одной из которых является способ преподавания и подачи знаний в высших учебных заведениях. Стоит отметить доступность и реализацию удаленного режима обучения. Несмотря на наличие высокоскоростных технологий, наивысшей квалификации преподавательского состава, для некоторых студентов малоизвестных ВУЗов подобный процесс образования станет сложным, и возможно даже крайне нереальным. Это связано с онлайн-обучением в одном или нескольких часовых поясах, а так же с необходимостью дополнительного получения информации, порой закрытой от них, преобладанием бумажной версией материалов над электронной и т.д.

Вопрос о необходимости модернизации процесса преподавания остается одним из важнейших на уровне изменений концепций учебно-воспитательного процесса и образовательного пространства. Однако решение этой проблемы все также зависит от скорости и направления изменчивости информатизации и технологий в общем смысле, от виртуализированной схемы управления системой образования. Формирование информативной образовательной сферы приводит к возникновению дополнительных ресурсов управления системой образования в целом. Внедрение информационных технологий в образовательно-воспитательный процесс проходит в несколько стадий:

- применение ПК с целью дизайна указов и ведения документации, формирования журнала по успеваемости, обрабатывания итогов разных мониторингов (к примеру, состояния самочувствия, учебных нужд опекунов и т.д.);
 - использование программного обеспечения справочного характера;
- формирование автоматизированных рабочих зон работников администрации школы, трансформация к которым исполняется при поддержке особого программного обеспечения, дозволяющего разработать автоматизированные трудовые зоны начальника, завуча, секретаря, педагога, библиотекаря, мед сотрудника, админа сети, а также предоставляющего вероятность осуществлять индивидуальные процессы работников и учащихся, подсчет индивидуальных достижений учеников, публиковать указы по школе, применяя циклограмму указов, а кроме того книгу перемещения обучающихся. [6]

Ближайшее будущее человеческого общества — путь информатизации и компьютеризации. Именно сейчас рождаются новые возможности и идеи использования наук, объединения методов с техникой анализа. И, что крайне важно, эти идеи получают ныне необходимую техническую и программную базу. Они как раз и открывают перспективы для подобного симбиоза. Из этого следует простой вывод: использование ІТ-технологий в обучении является неизбежным процессом.

Сегодня мы видим интенцию виртуализации и в организационных и управленческих структурах образования [7]. В эпоху AGI (Artificial general intelligence – искусственный интеллект общего уровня, способный мыслить и действовать, как человек) люди должны превращаться в «киборгов» или «заливки» _ это люди, срощенные высокотехнологичными устройствами, причем это не только физические, но информационные гаджеты (смартфон с мобильным Интернетом в вашем кармане – начало) [8]. Упование на возможности AGI в будущем свидетельствуют о технократической сциентистской установке руководства образовательными структурами, что свидетельствует о подмене целей образования средствами. А по существу это путь к схоластике в виртуальном пространстве...

Список литературы

1. Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложностном мире / Рос. акад. наук, Ин-т

- философии; И.А. Герасимова, М.Р. Бургете Аяла, Л.П. Киященко, В.М. Розин. М.: ИФ РАН, 2019.-252 с.
- 2. Смолин В.С. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности. Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 192–207.
- 3. Боброва Л.А. Компьютер, интернет и мышление: изменение мышления под влиянием современных технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная лит-ра. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuter-internet-i-myshlenie-izmenenie-myshleniya-pod-vliyaniem-sovremennyh-tehnologiy (дата обращения: 23.03.2020)
- 4. Плоцкая О. А., Иванова Ж. Б. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе познания источников права// Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 15–16 января 2012 года. Пенза Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 105–113
- 5. Кривопалова И.В. Современные технологии информатизации образования // Вестник ТГУ. 2018. Т.15. вып. 6. –С. 1963–1965
- 6. Колченко Л.В. Особенности внедрения информационно-коммуникационных технологий в учебновоспитательный процесс школы // Мир науки, культуры, образования. № 4 (16) 2009. С. 109–111.
- 7. Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках. Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 8–20
- 8. Tegmark M. Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence. New York: Alfred Knopf Publ., 2017. 364 р. Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / Пер. с англ. Д. Баюка. М.: ACT: CORPUS, 2019. 560 с. ISBN 978–5–17–983126–6.

ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ: ОТ ЛОГОСА К КОММУНИКАЦИИ

Сомова О.А.

Аспирант 1-го года обучения Философского факультета СГУ им. Н.Г.Чернышевского (Саратов, Россия)

УДК 1(091)

В статье рассматривается взаимосвязанное изменения языка философии и картины мира. Эта взаимосвязь выстраивается на понимании Природы, характерном для каждой отдельно взятой эпохи: античность, Просвещение и романтизм, XX век и сегодняшний день. Автором статьи прослеживается постепенная редукция греческого Логоса к коммуникации с одной стороны, и к дискурсу в с другой.

Ключевые слова: природа, слово, рациональность, сознание,

UNDERSTANDING THE LANGUAGE OF PHILOSOPHY: FROM THE LOGOS TO COMMUNICATION

Somova O.A.

1st year postgraduate student Faculty of Philosophy SSU (Saratov, Russia)

The article discusses the interconnected changes in the language of philosophy and the world-picture. This relationship is built on the understanding of Nature, characteristic of each individual era: antiquity, Enlightenment and romanticism, the twentieth century and today. The author of the

article traces the gradual reduction of the Greek Logos to communication on the one hand, and to a discourse on the other.

Keywords: nature, word, rationality, consciousness

Человек осуществляется, история свершается не столько внутри природного окружения, сколько в среде языка, взятого не в частной лексике и грамматике а в его сути...это среда в которой сбывается историческое бытие В.Бибихин, «Язык философии».

Философская мысль всегда была внимательна к слову, поскольку философия — дело предельного напряжения разума в решении последних вопросов о человеке; дело, в котором язык есть тело мысли [1, с. 320]. По мере заключения философии в институциональные рамки, по мере сужения фокуса изучения с Космоса до человека, менялись и требования к языку философии. С целостностью мира страдал и язык, с ростом авторитета естественно-научного знания ценность поэтики философского текста уступала требованию непоколебимой достоверности. Эти изменения не оставались незамеченными самими философами: каждый шаг европейской рационализации сопровождался своими апологетами «живого языка» философии, выступавшего против отрыва слова от существа жизни.

И дело здесь не в усложняющемся терминологическом аппарате ученых. Напротив, слово было призвано выражать наиболее фундаментальные законы жизни, в отличие от продолжающей специализации наук. Отсюда такое доверие к поэтам у Аристотеля, по широте своего взгляда стоявших, по его мнению, выше историков[2, с. 32, 5165]; доверие, которое в последствии воспримут немецкие романтики, герменевтика, а затем М. Хайдеггер и ряд других крупных философов. Представляется, что философию мы можем вообще назвать доверием, к слову, однако это доверие к живости речи — речи, в сущности, способной высказывать бытие — было не одинаково, несмотря на преемственность идей.

Известен внимательный интерес к речи античных мыслителей, уделявших большое внимание ораторскому искусству: Аристотель обращается к теме ясности языка в трудах «Риторика», «Топика», Исократ посвящает циклы речей слову, самая известная из которых «Панегирик», Платон рассуждает об этом в своих многочисленных диалогах. Простота (ясность и выразительность) речи понималась в качестве «второй природы», с необходимостью, воспитываемой любым образованным греком. «Вторая природа», воплощенная в речах, находила свое отражение в «космосе логоса» [3, р. 29], целокупности существенности значения, гармонии и красоты слова. Таким образом, полнота мира, мудрость и правильная красивая речь находились в неразрывном единстве.

Европейское Просвещение, нашедшее свое вдохновение в культуре римской империи и форсировавшее наукообразие философии, в качестве своего эпифеномена столкнулось с возрождением и греческого канона в лице романтизма, в частности немецкого, во всей широте его гения. Показательна в этом случае полемика И. Гамана с И.Кантом, которую блестяще описывает Гегель [4, с. 618–622]. Гаман критикует Канта за бессмысленность и ошалелость языка, за «страсть к магической игре теней» и «галиматье пустых словесных конструкций» [4, с. 619]. В то же время, сам философ, полагая за словом силу чувственного познания, в конечном счете оказывается чужд систематичности мышления, предпочитая ей вдохновенный мистицизм. И эта характеристика справедливо относиться ко всему немецкому романтизму вообще: на смену Логосу приходит дикое слово, естественное, почти деревенское (у Ж.-Ж.Руссо), расходящееся в своем существе с холодным научным рассудком. За природой отныне закреплена интуиция и предчувствие с одной стороны, и человекоразмерная познаваемость, рассудочность и закономерность с другой.

Впоследствии это расхождение закрепится в виде деятельности позитивистов, до сегодняшнего дня практически экспроприировавших слово наукой, тогда как природа лишится голоса, мерцая в виде либидозных интенций Фрейда и подавленных культурой желаний в трудах представителей Франкфуртской школы. Примечательна здесь

феноменология (и Гуссерлевского, и Хайдеггеровского типа), в которой природа помещена в сознание, а в случае с Э. Гуссерлем – им же и ограничена.

Сегодня мы в праве констатировать новый всплеск внимания к природе, принявшей облик биологического дискурса в целом ряде концепций и даже онтологий (теория коммуникации Н. Лумана, темная онтология Л. Брайанта, «Динамика слизи» Б. Вударда). К биологии апеллирует и Г. Харман, рассуждая о своем объекте [5, с. 33, 57]. И здесь примечательна именно биологичность обращения: античный Логос редуцирован к физическим, химическим еtc. законам, существо материи запечатлено мощнейшими микроскопами. Природа если не познана до конца, то полагается познаваемой, а язык формул представляется единственно верным для нее.

Научная прагматика языка философии, ориентированная на трансдисциплинарное переоткрытие, пытается говорить о настоящем новыми, привнесенными из биологии, физики, экономики словами, полагая, что старые слова более не пригодны (и это не элиминирует неосвоенность уже существующих слов, скорее, даже ее объясняет). Укоренившееся требование к научности речи своей целью преследует унификацию языка, за что ратует П. Бурдье [6, с. 534], полагая, что это сконструированное единство способно решить старые проблемы, как если бы решение зависело только от консенсуса большинства дискутирующих.

Слово некогда установило границы справедливого и несправедливого, прекрасного и постыдного [7, с. 34], и теперь облечено в термин коммуникации и понимается в виде средства общения[8, с. 151]. Слово теперь под властью дискурса и самостоятельно ровно настолько, насколько освоена природа, и, как доказывает опыт формальной философии и онтологии (sic!), может вообще обходиться без соотнесения с реальными референтами. Это язык схолы, в котором едва ли преуспел бы М.Хайдеггер [9], преподносится в качестве пригодного для философской речи. Он самореферентен, и говорит о сущем как сущее (подобно гегелевской математике), не выходя за пределы контекста употребления, формулируемого в настоящем.

Список литературы

- 1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т.: т.1. Наука логики. М., Институт философии АН СССР, Мысль, 1974. 452 с.
- 2. Аристотель Поэтика; Риторика; О душе. –М.: Мир книги, Литература, 2007. 400 с.
- 3. Wardy R. The birth of rhetoric Gorgias, Plato and their successors. NY, The Taylor & Francis e-Library, 2005. 200 p.
- 4. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет, в 2 т.: т.2. М.: Институт философии АН СССР, Мысль, 1971. 630 с
- 5. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 152 с.
- 6. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- 7. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.
- 8. Бибихин В.В. Мир. Язык философии. СПб: Азбука, Азбука-Аттиус, 2016. 448 с.
- 9. Strasser P. Heidegger hätte heute keine Chance mehr auf eine Universitätskarriere über die Fabrikation des Geistes in den Geisteswissenschaften / Neue zurche zeutung. URL: https://goo.su/0xbv.

ФИЛОСОФИЯ И МАТЕМАТИКА: ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАМАТЕМАТИКИ В ЕЕ РАЗВИТИИ.

Титов А. В.

Кандидат технических наук, доцент Российский университет транспорта, Московский государственный технический университет им.Н.Э.Баумана (Москва, Россия)

УДК 165.23

Исходя из диалектических представлений о природезнания, изложенных в работах Г. Гегеля и А.Ф. Лосева, рассматривается вопросы о возможности процесса развития математики и использования диалектического подхода как методологической основы метаматематики.

Ключевые слова: диалектика, математика, математические структуры, категория, логика, формальная логика, оценка.

PHILOSOPHY AND MATHEMATICS: DIALECTICS AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR THE STUDY OF METAMATHEMATICS IN ITS DEVELOPMENT

Titov A.V.

Ph. D., associate Professor Russian University of transport (MIIT), The Bauman Moscow state technical University (Moscow, Russia)

The article considers the possibility of considering the process of mathematics development from these positions based on dialectical ideas about the nature of knowledge and its representation, presented in the works of Hegel and A. F. Losev. As well as using the dialectical approach as a methodological basis for metamathematics.

Keywords: dialectics, mathematics, mathematical structures, category, logic, formal logic, valuation.

В своем развитии математика достигла стадии, на которой все более актуальным становятся вопросы как об ее предмете, так и границах ее применения. Стихийность развития математики, возникновение новых разделов и направлений порождает интерес к поиску "механизмах" развития самой математики, к проблеме сохранении математикой единства.

Выдвигаются предложения новых оснований математики, призванных обеспечить ее единство. Однако все предлагаемые подходы основаны на одной и той же методической базе, а именно - на разработке системы аксиом и правил формального логического вывода.

Таким образом, выстраивается конструкция, имеющая строго заданную формально-логическую основу. Более того, при этом возможно построение ряда взаимно исключающих систем в математике, т.е. теряется единство математики.

В области приложений, при описании сложных объектов, приходится сталкиваться с ситуацией, при которой объект исследования обладает противоречивыми свойствами, что не укладывается в рамки классической математики. Для описания таких объектов должны претерпеть изменения законы противоречия и исключенного третьего.

Легко заметить, что имеющиеся средства математики не всегда позволяют обеспечить такие возможности. Достаточно указать на то, что в области приложений средств математики к моделированию сложных объектов не редки ситуации, когда объект обладает противоречивыми свойствами и законы исключенного третьего и противоречия в классической форме к ним неприменимы. Для описания таких объектов эти законы должны претерпеть изменения в сторону возможностного характера наличия противоречивых свойств.

Для исследования этих вопросов возникает необходимость привлечения средств исследования логических конструкций, находящимся вне самой математики.

В работах Г.В.Ф. Гегеля и А.Ф. Лосева в области диалектики и ее приложений к различным отраслям знания мы можем найти положения, которые позволяют расширить представление о том, как должна выглядеть логика, лежащая в основе описания объектов различной природы.

Гегель так определяет «структуру» логики: «Логическое по своей форме имеет три стороны: а) абстрактную, или рассудочную, β) диалектическую, или отрицательно-разумную, γ) спекулятивную, или положительно разумную» [1, с. 201].

И надо сказать, что в рамках таких разделов математики как обобщенный нестандартный анализ или в более общей форме — теория категорий имеются средства, позволяющие разрабатывать теории, основанные на неклассических видах формальной логики, с наличием в них диалектической и спекулятивной форм в виде возможностного представления законов исключенного третьего и противоречия [2].

Нестандартный анализ позволяет, используя принятое в математической логике понятие оценки и рассматривая пучки из категории формул в категорию мер оценки, получать различные виды неклассической логики. Наличие двух видов дополнения в решетках общего вида позволяет получить формальную логику с возможностной формой законов исключенного третьего и отрицания [3, C. 143–156].

Диалектический аспект можно проследить и в «естественном» развитии математики. Это выражается как в расширении границ тех или иных ее разделов, включаемых далее как моменты в новые разделы математики, так и выходе за пределы рассудочных рассуждений в направлении объектов, содержащих в себе противоречие. Таковы парадоксы теории множеств. Математика, верная формальной булевой логике, стремилась их избегать и для этого в ней были введены ограничения на понятие «множество». В результате развилось несколько систем, в которых исключаются указанные противоречия. Этому способствует и понятие бесконечно малой величины, как величины существующей, по словам Гегеля, в своем исчезновении. Более того по мнению Гегеля: «Математика обязана своими самыми блестящими успехами тому, что она приняла то определение, которого не признает рассудок» [4, с. 90].

Наконец, язык теории категорий может служить примером возможности обобщения в нем языков теории множеств и теории структур.

Например, мономорфной в теории категорий называют стрелку а \rightarrow b, которая сократима слева, т.е. такую, что если $f \circ g = f \circ h$ то g = h.

В теории множеств этому соответствует инъективное отображение. Но это понятие охватывает также *отношение порядка*, которое представляется стрелкой а \rightarrow b, если a<b (т.е. отношение в языке теории структур заменяется стрелкой в языке теории категорий), и операции, например над натуральными числами: m+n=m+p \Rightarrow n=p. Здесь натуральное число на языке теории категорий есть стрелка, а композиция – операция сложения чисел.

Уже из этих примеров видно, что понятие стрелки в теории категорий охватывает такие понятия какотображение в теории множеств (и не только), отношения, числа, а более широко – элемента алгебраической структуры и, вероятно многое другое, что еще не описано языками различных разделов математики. А если это так, то это позволяет надеяться на то, что потенциал теории категорий позволит расширить рамки моделирования, включая объекты и процессы, которые пока не могут моделироваться с достаточной степенью адекватности на языках других разделов математики.

Введенное Лосевым понятие эйдетического числа, позволяет подойти к анализу проблемы, о которой все чаще говорят в прикладной математике, а именно: о проблеме формирования «математики качества» [5].

По мере усложнения предмета моделирования в прикладной математике все более стали проявляться противоречивые и нераздельные моменты целого, она стала «стихийно» приходить к необходимости рассмотрения «операций» с качествами, а не числами (количествами). Примером такой техники может служить так называемая *теория нечетких множеств*.

Дальнейшее развитие теории нечетких множеств, ее превращение в строгую математическую теорию, требует устранения из нее субъективного момента и введение интуиций в рамки строгой математической теории.

Математика, развиваясь как формальная наука и опираясь на тот тип мышления, который характеризуется Гегелем как рассудочный, тем не менее, приводит к результатам, выходящим за рамки рассудочной деятельности, что может указывать на проявление диалектического характера ее развития.

Таким образом, рефлексия диалектического принципа в развитии современной математики становится актуальной задачей.

Список литературы

- 1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Логика. М.: Мысль, 1974. с. 201.
- 2. Любецкий В.А. Оценки и пучки. О некоторых вопросах нестандартного анализа // УМН. Т. 44. вып. 4(269). 1989. С. 99–153.
- 3. Титов А.В. Использование нефинитных методов в семантическом подходе к исследованию типов формальной логики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия, Культурология, Политология, Социология. Т.2 (68). №4. Симферополь.: Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского. 2016. С. 143–156
- 4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: «Наука», 1997. 799 с.
- 5. Лосев А.Ф. «Диалектические основы математики». М.: «Academia», 2013. 797 с.

С.А.БОГОМОЛОВ И С.И.ПОВАРНИН О ЛОГИКЕ ОТНОШЕНИЙ1

Черноскутов Ю.Ю.

Кандидат философских наук, доцент Санкт-петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 160.1

Рассматриваются основные исследования логики отношений Петербургскими философами и математиками в 1910-е гг. Проводится сравнительный анализ логики отношений С.И.Поварнина и взглядов С.А.Богомолова на роль исчисления отношений в основаниях геометрии.

Ключевые слова: С.А.Богомолов, С.И.Поварнин, логика отношений

S.A.BOGOMOLOV AND S.I.POVARNIN ON THE LOGIC OF RELATIONS

Chernoskutov Ju.Ju.

Candidate of sciences in philosophy, assistant professor Saint-Petersburg State University Saint-Petersburg, Russia

The principal inquiries in the field of Logic of relations by St-Petersburg's philosophers and mathematicians in 1910-es are considered. The comparison between the logic of relations of S.I.Povarnin and the views of S.A.Bogomolov on the role of calculus of relations in his philosophy of geometry is held..

Keywords: S.A.Bogomolov, S.I.Povarnin, the Logic of Relations

В 1910-е гг. логика отношений оказалась в центре внимания по крайней мере двух исследователей, влияние которых на содержание логико-математических исследований в Ленинграде в 1940-50-е гг. остаётся не вполне раскрытым вопросом.

Степан Александрович Богомолов (1877–1965) активно занимался вопросами, связанными с преподаванием геометрии и выработал своеобразную концепцию оснований геометрии. В 1897 году он участвовал в работе первого заседании Санкт-Петербургского философского общества, где с большим одобрением воспринял тезис А.И.Введенского, что геометрия Лобачевского является одним из главных вкладов русской мысли в мировую

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00144.

философию. Примерно треть его монографии [1] занимает раздел «Исчисление отношений, как часть математической логики». При этом в первом разделе, «Интуиция как источник геометрического знания» тщательно и глубоко анализируются взгляды на роль интуиции в математике не только Лейбница, Канта и Шопенгауэра, но и современного ему профессора кафедры философии Петербургского университета И.И.Лапшина. Примечателен его главный методологический принцип: «Оценивая различные методы – путь интуиции и путь дискурсивного мышления, мы исключительно будем иметь в виду методы доказательств геометрических истин, оставляя совершенно в стороне вопрос о том, как мы доходим до этих истин...» [1, с. 47]. Но ещё более примечательно, что он указывает в качестве источника этого принципа не Г. Фреге, о работах которого ему было известно, но книгу А.И.Введенского «Логика, как часть теории познания». К началу 1880-х гг. в алгебраической логике сформировалось три основных раздела: исчисление классов, исчисление высказываний и исчисление отношений. Такая структура зафиксирована в «Лекциях по алгебре логики» Э. Шрёдера и в «Основаниях математики» Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда. Но особенность концепции Богомолова в том, что он рассматривает исчисление отношений как теорию, венчающую всё здание символической логики. Именно на ней строится его оригинальная теория обоснования геометрии. Логика отношений позволяет ему выразить понятие упорядочения и доказать теоремы, выражающие его основные свойства. Понятие же порядка является фундаментальным для его концепции оснований геометрии. В целом эту теорию Богомолова можно признать достаточно оригинальной и несводимой к одному из вариантов формализма Гильберта или интуиционизма Брауэра.

С.Поварнин (1870-1952), как и Богомолов, обращает внимание на неспособность традиционной теории силлогизма описать многие способы рассуждений, но, в отличие от последнего имеет в виду не только математические применения. Математическую логику, или логистику, он рассматривает лишь как один из путей, который приводит к необходимости принятия логики отношений. Два других связаны, во-первых, со стремлением расширить традиционные учения об умозаключении, берущим начало по крайней о мере от работ Де Моргана и призывов Тренделенбурга к реформе логики; во-вторых, с теоретикопознавательной логикой. В логике отношений он видит новый великий синтез, который может дать ответы на вопросы, вызревшие и внутри самой логики, и в основаниях математики, и в теории познания. Сопоставляя традиционную и математическую логику, он приходит к выводу, что ни одна из них не может упразднить другую. Но если логика отношений является видом логики, «и исчерпывает всю область логики», то «логистика отношений составляет лишь часть логистики» [2, с. 139]. При этом он демонстрирует огромную эрудицию, подробно десятки разнообразных логико-философских теорий, предшествующие десятилетия в Европе и в России. Если Богомолов относится к числу очень немногих Российских математиков своего времени, детально разобравшихся в философии, то Поварнин является одним из редких логиков-философов, основательно принявших во внимание достижения математической логики. Кажется, из представителей математической логики он упустил из вида только X.Макколла, а из «теоретико-познавательной» логики – только Ф.Брентано и его учеников.

Поварнин вернулся к преподаванию логики в Ленинградском университете в 1944 году. Хотя он уже не смог воссоздать школу на опустевшем месте, мы надеемся показать, что его идеи растворились в исследованиях Ленинградской школы философской логики. Богомолов в ходе идеологической компании 1931 года был обвинен в «протаскивании идеализма» в советскую математику, после чего перестал публиковать работы по философии математики. Найти следы его влияния на развитие логико-математических исследований в Ленинграде представляется довольно проблематичным.

Список литературы

- 1. Богомолов С.А. Вопросы обоснования геометрии. Часть І. Интуиция, математическая логика, идея порядка в геометрии. СПб.; М.: Тов-во В.В. Думнов, 1913. 243 с.
- 2. Поварнин С.И. Логика отношений. Её сущность и значение. Пг., 1917. 144 с.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ О РУССКОЙ ИДЕЕ

Антипов Г. А.

Доктор философских наук, профессор Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ», (Новосибирск, Россия)

УДК 130.2

Тема русской идеи — одна из основных в русской философской традиции. Владимир Соловьёв первым придал ей характер национальной идеи, то есть стал трактовать её как форму национальной идентификации. Содержательно она должна была давать ответ на вопрос о смысле существования России во всемирной истории. Согласно Соловьёву, национальное призвание россиян заключается в реализации идеала совершенного единства церкви, государства и гражданского общества как верного образа божественной Троицы.

Ключевые слова: национальная идея, смысл, идентификация, история

VLADIMIR SOLOVYOV ABOUT THE RUSSIAN IDEA

Antipov G. A.

Doctor of Philosophical, Professor Novosibirsk state University of Economics and management "NINH" (Novosibirsk, Russia)

The Russian idea is one of the key themes in the Russian philosophical tradition. Vladimir Solovyov was the first to give it the character of a national idea, that is, to interpret it as a form of national identification. It was intended to give a reminiscent answer to the question about the meaning of Russia's existence in world history. According to Solovyov, the national calling of Russians is to realize the ideal of perfect unity of the church, state and civil society as the true image of the divine Trinity.

Keywords: national idea, meaning, identification, history

«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [1, с. 220]. Эта чеканная фраза из статьи Соловьёва «Русская идея» содержит два онтологически фундаментальных плана. Во-первых, план, так сказать, этногенеза, национального самосознания. Во-вторых, решение вопроса о национальной идее следует икать не в общественном мнении сегодняшнего дня, но в «вечных истинах религии».

Существенно иная трактовка русской идеи представлена у Н. Бердяева. Она фигурирует в трёх ипостасях. Во-первых, как «формация русской души». Выглядит это так: «Религиозная формация души выработала некоторые устойчивые свойств: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя свой веры, какова бы она ни была, устремлённость к трансцендентальному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, например, к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты» [2, с. 9]. Таким образом, налицо абрис национально-психологического склада, каким он представлялся Бердяеву. Во-вторых, это некоторая концептуальная схема. Таковой выступает доктрина

«Москва – третий Рим», то есть представление об особой исторической миссии России. Втретьих, русская идея рассматривается в качестве основного порождающего фактора для всей русской философской традиции. «Русская самобытная мысль, – писал он, – пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил творец о России, что есть Россия и какова её судьба» [2, с. 71].

На первый взгляд позиции Соловьёва и Бердяева альтернативны. Но так ли это, и во всех ли отношениях? Скажем, в общем контексте философии всеединства помимо Бога обнаруживаются и творящие силы иного порядка. К примеру, Соловьёв говорит: «Сверх силы всемирного тяготения идеальное всеединство осуществляются духовно-телесным образом в мировом теле посредством света и других сродных явлений (электричество, магнетизм, теплота), характер которых находится в таком явном контрасте со свойствами непроницаемого и косного вещества, что и материалистическая наука принуждена очевидностью признать здесь особого рода полувещественную субстанцию, которую называет эфиром. Это есть материя невесомая, всепроницаемая и всепрницающая — одним словом, «вещество невещественное» [3, с. 208].

Руководствуясь соображениями исключительно формы, подобные рассуждения следует квалифицировать понятиями типа «натурфилософия», «дуализм» и т. п. Но не надо спешить.

Владимир Соловьёв — первый, кто придал конкретные очертания обсуждениям путей поиска российской идентификации, отождествляя русскую идею с ответом на вопрос «о смысле существования России во всемирной истории». Предвечная мысль Бога о России, а значит и русская идея, национальное призвании россиян заключается в реализации идеала совершенного единств церкви, государства и гражданского общества как верного образа божественной Троицы.

Таким образом, русская идея по Соловьёву не является как будто сугубо идеологической формой в том смысле, что не редуцирует ответ на вопрос о «смысле существования России во всемирной истории» к действию так или иначе истолкованных «объективных законов». Её источник — «предвечное установление в плане Бога». Но, и здесь парадокс, рациональность и даже элементы научной рациональности сохраняют своё присутствие, ибо именно философ присваивает себе функции толкователя божественной воли, в частности, прибегая к аргументам, вроде следующего: единство человечества уже стало реальностью, данной эмпирически. Отдельные нации — это живые члены этого органического единства. «Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, - вот её истинная национальная идея» [3, с. 220].

Суть выводов Соловьёва в том, что общечеловеческое, христианское начло должно довлеть национальному, а социально-политическое устройство, говоря современным языком, основано на либерально-демократических ценностях. Формой российской идентификации оказывается миссия реализации идеальной социальной организации. Россия должна преподнести миру урок, но не в отрицательном чаадаевском, а в позитивном смысле. Причём, новый парадокс, русская идея, чтобы стать национальной идеей, должна перестать быть русской, и, тем самым, национальной идеей.

В чём причина отмеченной парадоксальности рассуждений Владимира Соловьёва по поводу русской идеи? Представляется, она кроется в во многом сохраняющейся и до настоящего дня не выявленности объективного статуса социальной реальности. Именно данное обстоятельство заставляет говорить, с одной стороны, о Боге, с другой, к примеру, о «веществе невещественном». В современном Соловьёву философском дискурсе не было адекватных средств для интерпретации, скажем, ценностей, в плане их независимого от индивидуального сознания существования. Можно сказать, в манере Соловьёва, они имеют «объективно-субъективный» статус существования. Но, ясно, это не «объективность» материи в гносеологическом смысле. Ценности существуют в мире долженствования. Но это необходимости иного рода, нежели, природные законы. Ценности суть конечные основания выбора, формы человеческой свободы. И конечно, изначально их присутствие в человеческом

обществе теснейшим образом связано с религией, с Богом. Именно он и делает «не всё» дозволенным, вспомним к слову Достоевского.

Владимир Соловьёв, сделаем общий вывод, близко подошёл к пониманию русской идеи в качестве объективной по своему социальному статусу культурной формы. Наиболее соответствующим подходу Соловьёва к толкованию русской идеи, в современном культурологическом дискурсе, было бы, думается, понятие культурного кода.

Список литературы

- 1. Соловьёв В. С. Русская идея // Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.
- 2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли X1X и начала XX века // О России и русской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271
- 3. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В С. Избранное. М.: Сов. Россия, 1990. С. 133–216

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Безик Ю. И.

кандидат военных наук,

докторант кафедры внешних церковных сношений и общественных наук общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия (Москва, Россия)

УДК 2(26)

В докладе на основе изучения трудов русских религиозных философов отмечается, что отечественная духовная идеология, базировавшаяся на трудах В. С. Соловьева и его последователей — Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, способствовала небывалому подъему патриотизма в начале Первой мировой войны. В структуре управления российской армии имелся институт военного духовенства, который осуществлял религиозное воспитание военнослужащих, а в условиях войны неотъемлемой составляющей религиозного воспитания становилось патриотическое воспитание. Военное духовенство как носитель духовной идеологии играло важную роль в поднятии боевого духа военнослужащих, используя в том числе идеи русских религиозных философов в качестве теоретической базы.

Ключевые слова: русская религиозная философия, национальная идея, военное духовенство, Первая мировая война, Брусиловский прорыв, религиозное воспитание, патриотическое воспитание.

RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL IDEAS AS A NECESSARY ELEMENT OF THE RELIGIOUS EDUCATION OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Bezik Yu. I.

PhD of military sciences
Doctoral student, Ss Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies,
(Moscow, Russia)

The report, based on a study of the works of Russian religious philosophers, notes that the domestic spiritual ideology, based on the works of V. S. Solovyov and his followers, was N. A. Berdyaev and S.N. Bulgakov, contributed to the unprecedented upsurge of patriotism at the beginning

of the First World War. The command structure of the Russian army included the institution of the military clergy, which carried out the religious education of military personnel, and in conditions of war, patriotic education became an integral component of religious education. The military clergy, as the bearer of spiritual ideology, played an important role in raising the morale of military personnel, using, among other things, the ideas of Russian religious philosophers as a theoretical basis.

Keywords: Russian religious philosophy, national idea, military clergy, World War I, Brusilovsky breakthrough, religious education, patriotic education.

Первая мировая война — событие, которое потрясло мировой порядок в целом, а в частности имело катастрофические последствия для государственности нескольких империй, в том числе для российской. Накануне войны сложилось два основных подхода по вопросу о необходимости ведения боевых действий и их философского обоснования — социально экономический и религиозно-философский [3, с. 73]. Последний подход будет изучен нами наиболее подробно, поскольку составляет предмет исследования, однако не стоит забывать о первом подходе, так как именно он возобладает над широкими массами населения и повлияет на наступление трагических последствий для российского государства.

Начало войны было встречено с воодушевлением многими социальными слоями Российской империи. Во многом это было обеспечено сложившейся религиозной идеологией, которая базировалась на многочисленных трудах таких великих философов как Владимир Сергеевич Соловьев и его последователей, на религиозную философию которых им было оказано огромное влияние, к ним относились Николай Бердяев, Сергей Булгаков и другие.

Подъем патриотизма был обеспечен прежде всего такой идеей, что война с Тройственным союзом оправдана и справедлива. Такая концепцию развивал В. Соловьев в своем произведении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» 1899 г. Философ в диалогах, на которых было построено философское рассуждение, доказывал, что война сама по себе является злом, поскольку предполагает убийство, но с другой стороны может быть справедливой. Такой аргумент он подкрепляет историческими примерами из истории Киевской Руси, когда Владимир Мономах шел войной на половцев, дабы предупредить их разорительные набеги на славянские села с мирным населением. Также Генерал (участник диалога, доказывавший справедливость войны) вспоминает возмездие башибузукам за то, что они уничтожили армянское село [6, с. 18–23].

Подобные идеи нашли отражение в русском национальном сознании. Периодические издания пропагандистского характера заполнили рынок брошюрами с заголовками: «Великая война», «Народная война» и тому подобные. Если рассуждать об идеях русских религиозных философов, то, в частности, по мнению Н.А. Бердяева: «война являлась очистительной силой». Он считал, что нашествие немцев может освободить Россию от внутренних врагов — немцев, которые мешают укреплению государственности, более согласной с идеями русского народа. Достигнув этой цели с победой в мировой войне, Россия должна была стать ведущей державой в европейском сообществе наций [1, с. 96].

Стоит добавить, что русские религиозные философы считали мировую войну заслуженной карой для европейской цивилизации, которая ставила материальные блага и технический прогресс выше над духовными ценностями. Н.А. Бердяев выражал такую идею в столкновении двух миров — славянского и германского. Германская агрессия должна была разбудить в русском населении осознанность «славянской идеи» [2, с. 116].

Русское военное командование смогло на деле доказать суждение о превосходстве духовных ценностей над техническими в знаменитом Луцком прорыве. Генерал А. А. Брусилов широко использовал возможности педагогического воздействия на военнослужащих силами военного духовенства для поднятия боевого духа. Существуют многочисленные примеры героических поступков военных священнослужителей, которые собственным примером воодушевляли солдат на подвиги. В какой-то степени моральный

фактор также являлся залогом успеха данной войсковой операции, впоследствии названной Брусиловским прорывом.

Необходимо подробнее остановится на таком субъекте религиозного воспитания как военное духовенство, которое также являлось носителей религиозно философских идей, передававшихся русским военнослужащим в ходе педагогического воздействия.

Само по себе религиозное воспитание, осуществляемое силами военного духовенства, представляло собой организованный процесс передачи религиозного опыта от старшего поколения к младшему. Система религиозного воспитания включала в себя совокупность взаимосвязанных компонентов педагогической среды, которые обеспечивали формирование религиозного сознания и поведения человека в соответствии с идеологией и практикой определенной конфессии [4, с. 16].

Применительно к нашему исследованию стоит добавить, что практика религиозного воспитания военнослужащих Российской императорской армии базировалась в том числе на идеологии, которая формировалась с учётом многочисленных идей русских религиозных философов, отмечаемых нами выше. В сложной внутриполитической обстановке военному духовенству удавалось внушать солдатам идею об исключительности России и необычайности ее миссии. Славянская цивилизация, являвшаяся самой молодой из всех сложившихся, находилась на стадии обретения национальной независимости и независимости её духа [2, с. 1]. Подобные концепции выражались прежде всего Н.А. Бердяевым и в свою очередь находили свою реализацию в ходе патриотического воспитания, осуществляемого военными священниками.

К вопросу о превосходстве русских духовных ценностей стоит помнить о точке зрения С.Н. Булгакова, который считал, что «европейская цивилизация дошла до естественного самовозгорания, и, прежде всего, в своей материальной основе» [4, с. 113]. По его мнению, западная цивилизация рушилась так как не имела моральной и нравственной базы, подобно русской. Его идеи в какой-то степени пересекались с мыслями Н.А. Бердяева об очищении, которое откроет перед человечеством перспективы возрождения на новых моральнонравственных основах.

Стоит признать, что русское общество, частью которого было военное духовенство и окормляемые им военнослужащие Русской императорской армии разделяли патриотические идеи, базировавшиеся на воззрениях русских религиозных философов-последователей В.С. Соловьева.

Высокий уровень патриотизма, поднятию которого способствовала духовная идеология, позволил Российской империи успешно провести оперативную мобилизацию, во что почти не верили неприятели, и с достоинством противостоять вражеской агрессии. Даже после неудач, вызванных, прежде всего, внутриполитическими проблемами, российской армии удалось совершить героический прорыв на Юго-Западном фронте, являвшийся образцом военного искусства.

С другой стороны, огромные потери, которые несла российская армия в одной из самых кровопролитных войн в истории человечества, привела к смене значительного количества военнослужащих, что повлияло на изменение настроений в армейской среде. Солдаты, мобилизуемые на фронт, приносили с собой все внутриполитические проблемы, которые происходили в стране. Здесь уместно вспомнить о другом философском социально-экономическом подходе к вопросу о целесообразности ведения войны, который базировался на политико-философской традиции марксизма.

Именно такие идеи возобладали в сознании большинства русских солдат в конце войны, что и привело к заключению унизительного для России и русского народа Брестского мира. Большевистская пропаганда, основанная на классовой борьбе за экономические блага, подрывала боевой дух солдат, толкая их к мысли о борьбе с внутренними классовыми врагами. Впоследствии результаты Первой мировой войны докажут, что среди победителей окажутся те страны, где долг перед Отечеством окажется важнейшей составляющей национального самосознания. Российская империя имела все предпосылки оказаться в числе стран-

победителей в силу сложившейся высокой и богатой духовной идеологии, однако нерешенность внутренних проблем толкнула русский народ к прагматическим устремлениям, впоследствии приведших к катастрофе.

Список литературы

- 1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
- 2. Бердяев Н.А. Русское и европейское отношение к войне // Утро России. М., 1916. № 285 (13 октября).
- 3. Борщукова Е.Д. Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 5. 2014 С. 73—77.
- 4. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1915. 59 с.
- 5. Иванов В.П. Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих русской армии в XVIII начале XX века : дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.01 / Иванов Владимир Петрович. Москва, 2014. 608 с.
- 6. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об антихристе и с приложениями : С портр. авт. 3-е изд. Санкт-Петербург : Труд, 1901. XXII, [2], 279 с.

ДОЛГОВЕЧНОСТЬ МИФА О СОФИИ: ОТ РЕТРОСПЕКЦИЙ К СОВРЕМЕННЫМ АНОМАЛИЯМ

Грива О.А.

доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского» (Симферополь, Россия)

УДК 130.2

Анализируя значение образа Софии — премудрости Божьей в жизни и в философии Вл. Соловьева, автор приходит к выводу о его центральном месте, однако, в то же время, недопроявленности и незавершенности. В поисках причин такой значимости образа, автор прослеживает его путь развития от Ветхого завета, через иудейскую и эллинистическую философии, гностические ереси, русскую религиозную философию — вплоть до своеобразных представлений современных лидеров новых религиозных движений. Автор приходит к выводу о том, что причины долговечности образа Софии кроются в его универсальности, а также архетипической психологической природе, объединяющей вполне земные черты индивидуальной психики человека с их трансцендентальной составляющей.

Ключевые слова: София, премудрость Божья, Вл. Соловьев, П. Флоренский, гностические ереси, архетип, миф, пророк, мессия.

THE LONGEVITY OF THE MYTH OF SOFIA: FROM RETROSPECTIONS TO MODERN ANOMALIES

Griva O.A.

Doctor of Philosophy, Professor FGAOU VO «V.I. Vernadsky Crimean Federal University» (Simferopol, Russia)

Analyzing the significance of the image of Sophia – the wisdom of God in life and in the philosophy of Vladimir Solovyov, the author comes to the conclusion about his central place, however, at the same time, underdevelopment and incompleteness. In search of the reasons for this

significance of the image, the author traces its development path from the Old Testament, through Jewish and Hellenistic philosophies, Gnostic heresies, Russian religious philosophy - down to the peculiar representations of modern leaders of new religious movements. The author comes to the conclusion that the reasons for the longevity of the image of Sophia lie in its universality, as well as the archetypal psychological nature that combines the earthly features of the individual psyche of a person with its transcendental component.

Keywords: Sophia, the wisdom of God, Vl. Soloviev, P. Florensky, Gnostic heresies, archetype, myth, prophet, messiah.

Образ Софии — Премудрости Божьей играет в философском творчестве В.Соловьева одну из главных ролей, так или иначе, сопровождая его всю творческую жизнь [1]. Он даже визуализировал ее, трижды видя, как будто, воочию. София, занимая столь важное место, в жизни и творчестве философа, в то же время, представлялась ему несколько расплывчато, похоже, что, он не мог ее «вместить» и выразить более отстраненно и четко. На это указывали некоторые исследователи философии Вл.Соловьева, в том числе, А.Лосев отмечал, что не только идея вселенской церкви, но также и теория Софии, несмотря на всю заинтересованность Вл. Соловьева в этих областях, тоже осталась непродуманной до конца и не сформулированной в каком-нибудь безупречном виде [2]. София у Вл. Соловьева есть не что иное, как конкретное выражение его общей концепции всеединства. Миф о Софии занимал умы многих философов, помимо Вл.Соловьева, он отразился и в философии П.Флоренского, отождествлявшего с Софией культуру, противопоставляемую им хаосу.

Религиоведческий анализ образа Софии уводит нас в поисках еще к книгам Ветхого завета, содержащего многочисленные упоминания о Софии, как о мудрости Бога, представляющейся всегда женской божественной ипостасью (эманацией), существовавшей еще до сотворения мира, а потом через мистический опыт и интуицию проявившейся в опыте пророков. На иврите «мудрость» значит «хокма», что эллинами переведено как «София». В некоторых книгах Ветхого Завета Хокма-София фигурирует в качестве женщины, которая принимала вместе с Богом участие в наиболее ранних действиях сотворения. Далеко не всегда детали образа Софии согласуются между собой, но в основном все, кто к нему имеет отношение, среди основных причин падения Софии называют самонадеянность, нездоровое стремление к Отцу, иногда — её чуть ли не преступное желание забеременеть без участия своего супруга. Если очень коротко охарактеризовать ситуацию, можно сказать, что бежавшая из дома Бога Отца София, родила дефективного Демиурга, ставшего правителем нашего испорченного космоса. Несмотря, на некоторую разницу во мнениях по отношению к образу, София, в соответствии с ним, выполняет главную роль в характере судьбы человечества и всей Вселенной.

Образ Софии активно разрабатывался богословами первого века: через Филона Александрийского (еврея) и Симона Мага он пришел к гностикам первых веков и поначалу кажется, что там-то он и приобрел свои наиболее яркие черты. Наибольшего расцвета он достиг в трудах Валентина. После подавления гностических ересей в 3-4 веках, Церковь стала отрицать образ Софии, а мудрость книг Ветхого Завета рассматривалась как некие интеллектуальности, а не конкретное личное женское божественное существо.

Миф о Софии и в современной религиозной действительности принимает, не смотря ни на что, деятельное участие, иногда, кажется, воспринимая черты аномальности, как, например, в вероучении и религиозной практике ныне живущего нашего современника «мессии» А.В.Набабкина, являющегося, по его словам, вторым пришествием Христа. А Его покойная первая жена Антонина Петровна Набабкина была воплощением Софии, умерев которая, открыла дорогу человечеству для возвращения к Отцу Небесному [3].

На сегодня София – премудрость Божья трактуется как архетипический вневременной миф, применимый к проблемам вне времени и пространства. Причиной его долговечности и устойчивости, на наш взгляд, является то, что миф о Софии фиксирует в достаточно ясной форме те универсальные элементы, которые составляют и земной, и космический опыт

человечества; и психическую, и трансцендентальную реальности человека.

Список литературы

- 1. Лосев А. Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 2-е изд-е. 617 с.
- 2. Соловьев B. София. URL: http://www.sophiology.narod.ru/SOF1.html (дата обращения: 06.06.2020)
- 3. Набабкин А.В. Спасающий вечность: предсказание будущего, которое уже настало. М.: Изд-во: Амрита-Русь, 2011. 576 с.

СОЛОВЬЕВ, ГНОСТИЦИЗМ И ЮНГИАНСТВО

Давыдов И.П.

доктор философских наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 159.964.26

В докладе подчеркивается вклад В.С. Соловьева в философско-историческое исследование позднеантичного гностицизма. С одной стороны, софиология русского философа XIX века позволяет сближать его гнозис со школой Валентина, уделявшей эону Софии больше внимания, чем школа Василида. А с другой — гностицизм неоднократно становился предметом юнгианского анализа и обсуждался на заседаниях кружка «Эранос» в XX веке. На основе современной реконструкции гностического мифа Е.В. Афонасина и собственных исследований функций архетипов коллективного бессознательного автор, используя сравнительно-функциональный анализ, сопоставляет эоны плеромы и образы архетипов.

Ключевые слова: история гностицизма, гностический миф, софиология, Валентин, К. Г. Юнг, архетипы, функции архетипов коллективного бессознательного, сравнительнофункциональный анализ.

SOLOVYOV, GNOSTICISM AND JUNGIANISM

Davidov I.P.

Associate Professor of the Philosophy, DPhil, Philosophy Faculty of Moscow State University Lomonosov (Moscow, Russia)

The presentation highlights V. S. Solovyov's contribution to the philosophical and historical research of ancient Gnosticism. On the one hand, the 19th century Russian philosopher's Sophiology makes it possible to bring his gnosis closer to the school of Valentinus, which paid more attention to the Aeon called 'Sophia' than the school of Basilides. On the other hand, Gnosticism was repeatedly the subject of Jungian analysis and discussed at meetings of the "Eranos" circle in the 20th century. Based on E. V. Afonasin's modern reconstruction of the Gnostic myth and comparative functional analysis, the author compares the Aeons of Pleroma and images of archetypes of the collective unconscious.

Keywords: history of Gnosticism, Gnostic myth, Sophiology, Valentinus, K. G. Jung, archetypes, functions of archetypes of the collective unconscious, comparative functional analysis.

Актуальность нашего исследования — в свете тематики данного круглого стола, — продиктована, во-первых, заслугами В.С. Соловьева в области философского осмысления и популяризации в России знаний о гностицизме, т.к. его перу принадлежат статьи «Валентин и Валентиниане», «Василид», «Гностицизм» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и

Ефрона [1, с. 285–292, 323–328.]; а во-вторых, — интересом юнгианцев к гнозису, о чем говорится в трудах К.Г. Юнга [2], [3], Э. Эдингера [4], М.-Л. фон Франц [5], Стефана Хёллера [6], [7], [8] и др. О масштабности затрагиваемой проблематики свидетельствует, например, электронный ресурс «Гностическая библиотека» (URL: https://gnosis.study/ (дата обращения — 10.07.2020)).

Объектом исследования выступает позднеантичный гностический миф, а предметом — представления гностиков-валентиниан об эоногенезе Плеромы и космогенезе Кеномы. Цель — выяснение возможной корреляции персонажей гностического мифа и образов юнгианских архетипов коллективного бессознательного, — определила круг промежуточных задач, а именно: (а) на основе имеющихся реконструкций гностического мифа М.Э. Поснова (1917) [9, С. 476–545] и Е.В. Афонасина (2002) [10] выстроить онтологическую схему «космоса» Валентина; (б) посредством метода функционального анализа эксплицировать функции наиболее значимых — для гностиков — эонов Плеромы и обитателей Кеномы; (в) сопоставить функции эонов с референтным списком из 61 функции 15/17 «классических» юнгианских архетипов — как личностностных, так и семейственных (функциональный анализ архетипов был осуществлен нами раньше [11], см. его результат ниже в таблице 1).

Hoвизна предпринятого исследования видится автору в конструировании наглядной схемы иерархии персонажей гностического мифа (см. $\underline{puc.}\ I$), и в постановке проблемы сравнительного анализа функций эонов и архетипов, а также результатах ее решения.

Полученные данные удобно представить в рисуночной и табличной формах:

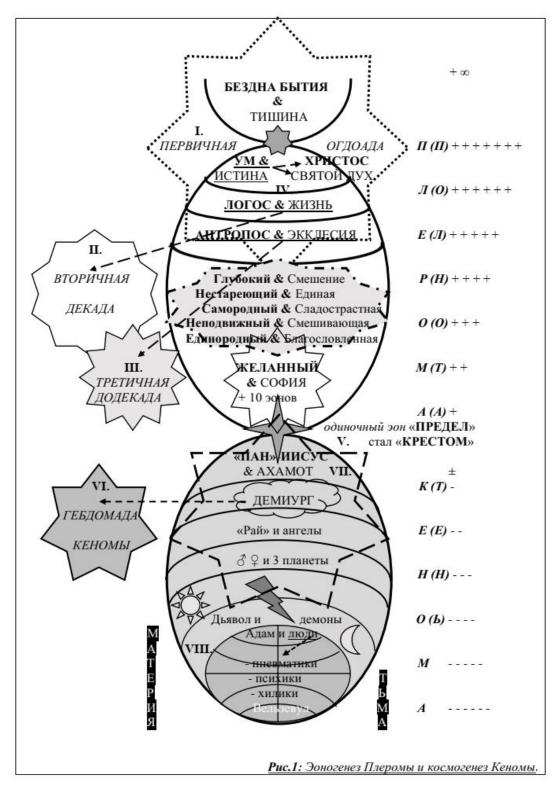
Таблица 1: Функции личностностных и семейственных архетипов [11].

Функции Самости (Богообраза)								
1. Креативная; 3. Религиозная;								
2. Компенсаторная; 4. Интегративная								
<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>		
<u>Анимуса</u>	<u>Анимы</u>	<u>Эго</u>	<u>Персоны</u>	<u>Трикстер</u>	<u>Гермеса</u>	<u>Тени</u>		
				<u>a</u>				
1.Сакрально	1.Матримо	1.Исполните	1.Социали	1.Панкри	1.Посредн	1.Инферна		
-	ниальная	льная	зации	тическая	ическая	льная		
спиритуалис	2.Экскурс	2.Конфронта	2.Коммун	2.Де-/	2.Ритуальн	2.Репрезен		
тическая	ивно-	ции	икации	реконстр	ой	тации		
2.Профетич	телеологи	3.Центростр	3.Обмена	укции	инициации			
еская	ческая	емительная	4.Адаптац					
3.Укрепляю	3.Аксиоло	4.Концентри	ии					
щая	гической	рующая						
4.Маскулин	ориентаци	5.Монитори						
изирующая	И	нга						
		6.Нейтрализ						
		ации						
		7.Идентифи						
		кации						
		8.Интроспек						
		ции						
		9.Координац						
		ии						
<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функции</u>	<u>Функция</u>		
сизигии	<u>Сизигии</u>	<u>Пуэра</u>	<u>Коры</u>	<u>Героя</u>	<u>Ментора</u>	<u>Танатоса</u>		
<u>Эроса &</u>	<u> Матери &</u>							
<u>Логоса</u>	<u>Отца</u>							

1.Связующа	1.Порожда	1.Потребите	1.Просите	1.Воина	1.Анагоги	1.Финализ
Я	ющая	льская	льная	2.Странн	ческая	ирующая
2.Любовная	2.Животво	2.Ученическ	2.Дарител	ика	2.Педагоги	
3. Чарующая	рящая	ая	ьная	3.Охотни	ческая	
4.Рационали	3.Натурал	3.Гедонизма	3.Заступн	ка	3.Консерв	
заторства	изующая	4.Игры	ическая	4.Триумф	ативности	
5.Логоменал	4.Самообн	_		атора	4.Трансля	
ьная	овления			_	ционная	
	5.Возрожд				5.Миротво	
	ения				рческая	
	6.Трансфо				6.Успокое	
	рмации				ния	
	7.Исцелен					
	ия					
	8.Полисно					
	-					
	патриарха					
	льная					

Таблица 2: Корреляты персонажей гностического мифа и юнгианских архетипов.

таолица 2. Корреляты персонажей гност	ического мифа и юнгианских архетипов.		
<u>ПЕРСОНАЖИ</u>	<u>ЮНГИАНСКИЕ АРХЕТИПЫ</u>		
<u>ГНОСТИЧЕСКОГО МИФА</u>			
Бездна бытия	Самость (Богообраз)		
& Тишина	Анима (?)		
Ум & Истина	Анимус и Анима		
Христос и Святой Дух	Сизигия Отца и Матери		
Логос	Логос		
& Жизнь			
Антропос	Персона		
& Экклесия			
Желанный	Пуэр (?)		
& София	Трикстер, Гермес		
«Пан»-Иисус	Ментор		
& Ахамот	Кора		
Вторичная декада	Эрос		
Демиург	Эго		
Кенома	Тень		
Дьявол	Танатос		
Человек-пневматик (гностик)	Герой		

выводы:

- а) значимых для гностиков эонов первичной огдоады и третичной додекады вместе с диадой «Христа» и «Святого Духа» и непарным эоном «Пан-Иисус» насчитывается 14, что примерно равно числу «классических» юнгианских архетипов (15/17) и делает сравнительный анализ оправданным.
- б) Этим 14 эонам Плеромы функционально однозначно соответствуют (в <u>таблице 2</u> выделено **жирным шрифтом**) 10 юнгианских архетипов, причем «Софии» сразу два (Γ ермес и Γ рикстер), что не очевидно без сравнительно-функционального анализа, т.к. София мыслится обычно как сугубо женственный (фемининный) персонаж.

в) Отсутствие корреляций заметно у двух фемининных эонов «Жизнь» и «Экклесия», однако это компенсируется наличием строгих коррелятов у других персонажей гностического мифа, в т.ч. у вторичной декады Плеромы и у Кеномы в целом. При этом гностик ассоциирует себя с *Героем*.

Результаты сравнительного анализа можно считать вполне репрезентативными и убедительными, поскольку только в 3 случаях (архетипы Γ ероя, Π уэра и Θ го) совпадают не все, но не менее $\frac{2}{3}$ набора функций, в остальных же наблюдается их полное тождество.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что многими отечественными исследователями поднимался вопрос о гностических корнях софиологии В.С. Соловьева [12]. Так, А.Ф. Лосев насчитал восемь аспектов образа Софии в творчестве В.С. Соловьева [13, С. 209–260]. Однако, «соловьевская» София предстает совершенно иной, нежели «валентинианская». И ей не будут свойственны черты Трикстера и Гермеса. Ее образ, например, в поэме «Три свидания» (1898) корреспондирует с фемининными архетипами Коры, Матери и Анимы [14, С. 80–86].

Список литературы

- 1. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 10. Брюссель, 1966 (СПб., 1914).
- 2. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. (Записано и отредактировано Аниэлой Яффе) / пер. с нем. И. Булкиной. Киев, 1994.
- 3. Юнг К.Г. Aion / пер. с англ. и лат. М.А. Собуцкого. М.; Киев, 1997.
- 4. Edinger E.F. The Christian Archetype. University of Toronto Press Inc., 1987.
- 5. Эдингер Э.Ф, Франц М.-Л., фон. Психологический анализ раннего христианства и гностицизма / пер. с англ. Л. Колтуновой и М. Королевой. М., 2016.
- 6. Хёллер С. Юнг и гностицизм / пер. с англ. М., 2018.
- 7. Hoeller S.A. The Gnostic Jung and the Seven Sermons to the Dead. Theosophical Publ. House, 2009 (1982).
- 8. War, Progress and the End of History. Three Conversations. Including a Short Story of the Anti-Christ by Vladimir Solovyov / Afterword by S.A. Hoeller. Lindisfarne Press, 1990.
- 9. Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Брюссель, 1991 (Киев, 1917).
- 10.Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства / пер. с др.-греч., предисл. и коммент. Е.В. Афонасина. СПб., 2002.
- 11. Давыдов И.П. Функциональный анализ образов архетипов коллективного бессознательного // Барашков В.В., Бурнашева А.А., Винокуров В.В. и др. Magnum Ignotum. Т. 4: Психология религии и психоанализ / под общ. ред. И.П. Давыдова. М., 2017. С. 98–147.
- 12. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М., 2007.
- 13. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
- 14. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 12. Брюссель, 1970 (СПб., 1914).

К ВОПРОСУ О ПОЛИФОНИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ШЕДЕВРЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Дидык М. А.

кандидат философских наук, доцент
Институт философии и социально-политических наук Южного федерального
университета
(Ростов-на-Дону, Россия)

Не прошло и столетие со времени выдающегося открытия М.М. Бахтина [1] по поводу полифонического романа Φ .М. Достоевского, как стало практически невозможным представлять его творчество, его философию вне ключевых категорий, с этим понятием связанных. Тема «полифонии» захватила различные круги гуманитарного знания и уже не

десятками и не сотнями, а тысячами исчисляются труды, посвященные различным аспектам открытия М.М. Бахтина, преимущественно в американской литературе.

А что в России? Какой отклик получило оно в русской историко-культурной исследовательской традиции? Тема полифонии вошла в отечественную литературу и пропустила через эту модель нового мышления разные литературные произведения и авторов, где главной идеей стал поиск философских смыслов в экзистенциальном пространстве человека как существа личностного и свободного. Таким образом, наблюдаемая концентрация философского многоголосья в нефилософском и подвела к этому новому уровню романного жанра, не укладывающегося «ни в какие рамки», не подчиняющегося «ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа» [2, с. 12–13].

Но, возникает вопрос: а можно ли говорить о чисто философском выражении бахтинского полифонического стиля применительно, например, к самой русской философии? Другими словами, можем ли мы найти подобное философское многоголосье, полифонизм в самой философии.

В докладе будет сделана попытка представить данную тему в несколько ином от общепринятого историко-философском контексте. Общеизвестно влияние Ф.М. Достоевского на В.С. Соловьева, но попытки «примерить» полифоническую модель на его философию мне не встречались. Однако же стоит упомянуть о «полифонии мысли» как особой, впервые возникшей ситуации второй половины XIX века, где произошло формирование-складывание философских и социальных течений, создававших в полемике «общий тонус философского мышления», и «необходимое для его живого развития многообразие идей в русской мысли», представленной М.Н. Громовым [3, с. 475] при описании русской философии. В этой полифонической «ситуации» наряду с политическими течениями (анархизм, народничество, позитивизм, материализм, неокантианство, марксизм) оказались и философствующие литераторы (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), а также Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.Ф. Федоров и философия в духовных академиях. Особая роль принадлежит двум фигурам – А.С. Пушкину и В.С. Соловьеву. «Если вершиной поэтического дара в литературе 19 в. явился А.С. Пушкин, то вершиной философского духа стал Вл. Соловьев, первый оригинальный русский философ общеевропейского масштаба» [3, с. 475].

Вершина философского духа в России на вершине своей философской мысли завершает, по сути, свой путь невероятным шедевром — «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Работа складывается не обычным способом, а проходит ряд этапов, приближающих к возникновению данного текста. В.С. Соловьев, описывая в предисловии эту необычность как поиск особой «удобной формы» для освещения «жизненного вопроса», крайне важного не только для «способных и склонных к умозрению», но и для всех, указывает на несколько заходов к этому своему труду. Первый осуществился «в трех первых главах теоретической философии» (1897, 1898, 1899), второй — «весной 1899 года, за границей, разом сложился и в несколько дней написан первый разговор об этом предмете, а затем, по возвращению в Россию, написаны и два других диалога» [4, с. 5]. К разговорам были добавлен ряд статей, опубликованных в газете «Русь» (1897, 1898). А также еще одним важным моментом является и «последний штрих» завершающий работу — предисловие, датированное 1900 годом и Светлым Воскресеньем в последней в предмете в предм

Это вполне объясняется тем, что «как известно, реальный разговор, в отличие от литературно оформленного диалога, возникает неожиданно, стихийно. Он потенциально незавершен, т.е. остается пространство для его возобновления» [5, с. 193]. И здесь уместно сослаться на исследования о «сфере разговора» Т.Г. Щедриной, в частности применимых к этой работе В.С. Соловьева [6, с. 34–42]. Ее анализ показывает, что «разговор становится формой, моделью, в рамках которой Соловьев осуществляет контекстуальное исследование конкретной идеи», однако особое внимание уделяется противопоставлению «разговора» и

¹ Если предположить, что речь идет о Пасхе, то это 22 апреля 1900 года, а, следовательно, всего лишь за несколько месяцев до безвременной кончины великого русского мыслителя В.С. Соловьева.

«диалога», а также введение Соловьевым еще одной формы повествования — рассказа. Такой разговор представляя собой особую «модель философской интерпретации», допускающей «объемное видение предмета исследования», позволяет, с одной стороны, увидеть, соотнести, противопоставить множественность и вариативность, а, с другой — «целостное единство». «Именно в разговоре эта множественность интерпретаций выступает как отблеск интерсубъективного смысла проблемы».

А поскольку «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основною особенностью романов Достоевского» [2, с. 12], то замечательно, что подобная полифония наблюдается и в «Трех разговорах...» В.С. Соловьева.

Таким образом, подводя общий итог в постановке проблемы и выдвижении нашей гипотезы можно сказать: если Ф.М. Достоевский, по Бахтину, — создатель нового романного жанра, творец полифонического романа, то В.С. Соловьев — создатель нового, особенного типа разговорного жанра. А именно: он — творец философского полифонического разговора.

Список литературы

- 1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л. Прибой, 1929
- 2. Бахтин М.М. Собрание соч. в семи томах. Т.2. М.: «Русские Словари» 2000. С 12–13.
- 3. Громов М.Н. Русская философия. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. III
- 4. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. М.: «Товарищество А.Н. Сытин и К». Фирма «ПИК», 1991.
- 5. Щедрина Т.Г. «Разговор» с философом (По материалам семейного архива Густава Шпета) // Вестник культурологии, 2003, с. 193.
- 6. Щедрина Т.Г. Смысл «разговора» в концепции Владимира Соловьева (этюд по философской интерпретации) // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Выпуск 5. Иваново, 2002. С. 34–42.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ И ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ КАК ДВА ТИПА ХРИСТИАНСКИХ ФИЛОСОФОВ

Едошина И.А.

Доктор культурологии, профессор Костромской государственный университет (Кострома, Россия)

УДК 1(091)

В тезисах Владимир Соловьёв и Павел Флоренский рассматриваются как два типа религиозных мыслителей. В качестве основы для типологических наблюдений взята статья В.С. Соловьёва «Платон», написанная для «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона и прочитанная П.А. Флоренским еще в гимназические годы. В результате автор тезисов приходит к выводу, что во Владимире Соловьёве и Павле Флоренском воплотились два варианта христианских философов. Их объединяет глубокое религиозное чувство, но у Владимира Соловьёва чувство это не носит конфессионального характера, отсюда идея всеединства, вселенской церкви. Павел Флоренский принял хиротонию и стал священником русской православной церкви. Владимир Соловьёв как философ в своих трудах утверждал необходимость связи философии с жизнью, Павел Флоренский эту связь осуществлял в своей деятельности во всех ее разновидностях.

Ключевые слова: В.С. Соловьёв, Π .А. Флоренский, Π латон, типология, жизнедеятельность.

VLADIMIR SOLOVYOV AND PAVEL FLORENSKY AS TWO TYPES OF CHRISTIAN PHILOSOPHERS

Edoshina I.A.

Doctor of Cultural Studies, Professor Kostroma State University Kostroma, Russian Federation

In the theses, Vladimir Solovyov and Pavel Florensky are considered as two types of religious thinkers. As the basis for typological observations, was taken an article "Plato" by V.S. Solovyov, written for the Brockhaus-Efron Encyclopedic Dictionary which was read by P.A. Florensky in high school years. As a result, the author of the theses comes to conclusion that two types of Christian philosophers embodied in Vladimir Solovyov and Pavel Florensky. They are united by a deep religious feeling, but by Vladimir Solovyov this feeling does not have a confessional character, hence the idea of all-unity, of the universal church. Pavel Florensky accepted consecration and became a priest of the Russian Orthodox Church. Vladimir Solovyov, as a philosopher, in his works stated the need to connect philosophy with life, Pavel Florensky carried out this connection in his activities in all its varieties.

Keywords: V.S. Solovyov, P.A. Florensky, Plato, typology, life.

Владимиру Соловьёву (1853-1900) и Павлу Флоренскому (1882-1937) не довелось встретиться в жизни. Начало их биографий поражает своей схожестью. Будущие христианские философы родились в семьях, к религии равнодушных, хотя корнями имели священнослужителей со стороны отцов. И Вл. Соловьёв, и П. Флоренский обучались на физико-математическом факультете Императорского Московского университета: Соловьёв на естественном отделении, Флоренский – на отделении чистой математики. Павел Флоренский, как и Вл. Соловьёв, пришел к Богу на старших курсах университета с той разницей, что немаловажную роль в этом процессе сыграла именно математика, в которой Вл. Соловьёв видел только очевидность аксиом.

Оба в годы обучения в университете поняли ограниченность сугубо рассудочного подхода к пониманию бытия, в чем значимую роль для каждого из них сыграл Платон. В.С. Соловьёву принадлежит статья об этом греческом философе, написанная для Словаря Брокгауза-Ефрона и прочитанная П. Флоренским еще в гимназические годы. В статье о Платоне Соловьёв приходит к выводу, что главный жизненный фактор пребывает внутри самого Платона и находит свое полное выражение в «Федре» и «Пире» как совокупности его творений в их жизненном единстве.

Но указанное единство не идеально, о чем, по мысли Вл. Соловьёва, свидетельствуют представления Платона о государстве, которые позднее лягут в основу «Жизненной драмы Платона». Здесь важно не отношение Вл. Соловьева к политическим воззрениям Платона, а самый факт тесной увязки сочинения и жизни в негативном варианте, что найдет, по Вл. Соловьёву, отражение в общественном устройстве европейского Средневековья как ярком примере гибельности подобной увязки. Несколько раньше Вл. Соловьёв предложил иной вариант устроения государственного устройства для Словаря Брокгауза-Ефрона в статье «Всемирная монархия» (1892), где писал, что именно христианство способно объединить людей в духе и истине, потому идея всемирной политической власти, пусть в иных формах, может быть реализована в будущем. Близкие идеи будет высказывать отец Павел, когда в советских застенках напишет свое последнее в жизни сочинение «Предполагаемое государственное устройство в будущем» (1933).

С другой стороны, для отца Павла Средневековье вообще утратит сугубо хронологические рамки, став идеальным образцом устроения мира на основе веры в Бога. Он будет все культуры делить на два типа: средневековый и «ренессанский», в первом случае первенствующую роль играет Бог, во втором — человек, что не исключает их общего с Вл. Соловьёвым понимания позитивизма как финальной точки в развитии антропоцентризма.

Наконец, еще одна тема объединяет Соловьёва и Флоренского — тема любви. Вл. Соловьёв подчеркивает, что учение Платона о любви выросло из его личного живого опыта — через Эрос, этот «могучий демон», соединяющий небо и землю в единое целое. Но такого рода Эрос Платону, по Соловьёву, дано было только созерцать. Эти размышления Вл. Соловьёва оказались значимыми для юного Флоренского. Он доведет идею соединения мысли с жизнью до ее воплощения в собственной биографии. Он будет не просто думать и писать на религиозные темы, но станет священником, чтобы словом и делом воздействовать на мир. Он женится без всякой любви, чтобы обрести ее в браке. Он станет многодетным отцом, оставив детям своим генеалогические сведения об их предках. Он будет заниматься научными изысканиями, чтобы доказать Божий промысел во всех явлениях бытия.

Свящ. Павел Флоренский являл собой тип мыслителя-деятеля в самом прямом смысле этого слова. Он всегда писал и делал только то, что могло быть прочитано, услышано, усвоено. Владимир Соловьёв в большей степени был именно мыслителем, хотя в своих работах всегда был сторонником связи философии и жизни.

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЛОВЬЁВА¹

Карабыков А.В.

доцент, доктор философских наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

УДК 101.1

Цель доклада — обосновать актуальность проблем и путей их решения, занимающих центральное место в творчестве В.С. Соловьёва.

Ключевые слова: христианство, свобода совести, веротерпимость, экуменизм

TOPICALITY OF SOLOVJEV

Karabykov A.V.

Associate Professor, D.Sc. in Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

The aim of the report is to ague topicality of problems as well as ways of their solving which play a central part in V.S. Solovjev's works.

Keywords: christianity, freedom of consciousness, religious tolerance, ecumenism

Наследие В.С. Соловьёва остро актуально, но по большому счёту не востребовано. Парадоксальное сочетание актуальности и невостребованности может складываться по разным причинам, но чаще всего, пожалуй, в силу одной – опасности. Мысль Соловьёва злободневна, опасна и *поэтому* невостребована.

_

 $^{^{1}}$ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Удивительно, что его многостороннее творчество остается актуальным в каждом из своих ключевых направлений. Соловьёв-метафизик, творчески осмысливший положения современной ему эволюционной теории в теистическом духе, мог бы помочь тем, кто решил бы встать на защиту христианства в споре с «новыми атеистами»: Докинзом, Деннетом и другими, – якобы от лица дарвинистской науки воюющими с религией.

Соловьёв – теоретик экуменизма, ставший той первой ласточкой, которая, по пословице, пусть и не делает ещё весны, но свидетельствует о её приближении. В данном случае этой весной стало движение за объединение христианских церквей, которое началось после смерти мыслителя в протестантской среде, чтобы позднее увлечь Католическую и затем Православную Церкви. И хотя экуменические идеи Соловьева служат источником вдохновения для многих христианских деятелей и пищей – для интеллектуалов, этот аспект его творчества по-прежнему находит меньше всего понимания и сочувствия в России, где противодействие экуменизму беспрецедентно сильно. Причем, не только в «низовом» православии, но и в среде православной интеллигенции, которая, как казалось в перспективе конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, станет главным агентом рецепции и продвижения идей философа. Произошло, скорее, обратное. На моей памяти (памяти человека, наблюдавшего за событиями с провинциальных окраин) решительным и сплочённым образом православная интеллигенция заявила о себе единожды – непосредственно после эпохальной и, как выяснилось после, бесплодной встречи московского патриарха и папы римского. Заявила, как мы помним, о принципиальном своем протесте против какого бы то ни было контакта с «еретиками», как несущим угрозу для православия. Откуда мог взяться столь пылкий антиэкуменизм? Бесспорно, из той же зловредной и невытравимой доктрины «Москва – Третий Рим». Но если сравнивать со временем Соловьёва, когда та же доктрина, утверждаемая, казалось, самим державным величием Империи, настроила против его экуменических построений широкую публику, – изоляционистский пафос современной (около-) церковной интеллигенции, на мой взгляд, имеет, как минимум, ещё одну мировоззренческую причину. Имея в виду прежде всего людей старшего, чем мое, поколения, сформировавшихся при советском режиме, когда доступ к собственно христианским текстам был совсем или почти закрыт и основным источником религиозного пробуждения служила классическая литература и, скажем общо, русская (украинская, белорусская и т.д.) старина (зодчество, иконопись, фольклор и т.д.), – я говорю о слиянии в их сознании собственно религиозных воззрений с национально-патриотическими. Так что быть христианином для многих значило быть обязательно православным и нередко русским (украинским, белорусским и т.д.) националистом, – значило тем более некритически, что дряхлевшая власть советов была враждебной как всякой религии, так и русскому национализму. К этому можно добавить тягу к своеобразной духовной компенсации, проявляющуюся в желании залечить геополитического поражения осознанием своего воображаемого духовного превосходства и богоизбранности.

Наконец, Соловьёв-публицист. Полагаю, не будет ошибкой утверждать, что лейтмотив его публицистики сводится к императиву духовной свободы (в смысле непринуждения) и веротерпимости. Российский XIX век, похоже, не знал более убеждённого и красноречивого противника — из числа христиански мотивированных интеллектуалов — проводимой тогда в Империи «политики религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия» [1, с. 216]. Исключение — Л.Н. Толстой, с которым они, решительно несогласные в догматических вопросах, были вполне солидарны в этом отношении. В своих статьях и письмах, посвященных этим темам, Соловьёв развивает несколько главных доводов, не утративших силу и в наше время, кровоточащее теми же бедами. Один и главный из них основан на словах Христа, многажды варьировавшихся в устах учителей нравственности: «...Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). В государстве, позиционировавшем себя как хранителя христианской истины, апелляция к Евангелию была более чем уместной. Но Соловьёв прибегал к ней для обоснования императива веротерпимости и свободы совести,

чего не делали (можно резче: делали обратное) те, кто должен был служить первейшим ревнителем этой истины: церковные иерархи и синодальные главы. «Говорю от своей совести и обращаюсь к Вашей совести», — завершал своё известное письмо К.П. Победоносцеву философ, настаивая на необходимости новой — истинно христианской — религиозной политики в официально-православной стране [Там же]. В основу этой политики должны были быть положены принципы уважения и социальной справедливости по отношению к инославным гражданам Империи, включая принадлежавших к другим конфессиям национальные меньшинства России, русских старообрядцев и огромное множество тех, кого на официальном языке Империи именовали "сектантами".

Соловьёв-публицист не был услышан при жизни: высокопоставленные адресаты, на чью христианскую совесть, добрую волю и здравомыслие он надеялся, видели в нём кабинетного вольнодумца, детски наивного в том, что касается realpolitik. В их глазах он заслуживал внимания в той мере, в какой нёс опасность существующему порядку вещей, «правильному» и «благословенному». Однако скоро ход событий показал правоту философа. То, что предлагалось им сделать по зову совести и благоразумию (ибо что для верующего может быть благоразумнее, чем следование заповедям Бога?), делалось позже под давлением обстоятельств и фатальным образом запоздало. Должен был грянуть гром русской революции 1905 года, чтобы царь издал Указ «Об укреплении начал веротерпимости», многие пункты которого повторяли то, необходимость чего десятилетиями раньше обосновывал русский мыслитель [2]. Но ни этот, ни все другие акты царской администрации были уже не в силах предотвратить катастрофу.

Список литературы

- 1. Соловьёв В.С. Письмо К.П. Победоносцеву (1892) // Новый мир. 1989. № 1. С. 226–227.
- 2. Именной Высочайший Указ, данный сенату Об укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ В. СОЛОВЬЕВА В РАБОТАХ Г. ФЕДОТОВА, ИХ СВЯЗЬ И ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Клепикова Ю. В.

аспирантка школы философии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК 101

Доклад посвящен идеям В. Соловьева, ставших источником для историософских построений ряда авторов русского религиозно-философского ренессанса, включая Г. Федотова. В публицистических работах которого рассматриваются процессы от средневековой до более поздней духовно-культурной истории России в тесной связи с многообразием индивидуальных свойств русского человека. В центре внимания автора находятся философские идеи Федотова, показывающие трансформацию национального духа и определяющие проблемы и перспективы дальнейшего национально исторического развития России.

Ключевые слова: Георгий Федотов, историософия, культура, история и человеческий дух, традиции философствования в России.

CONTINUITY OF V. SOLOVYOV'S IDEAS IN WORKS OF G. FEDOTOV, ITS CONNECTION AND VALUE FOR RUSSIAN MAN AND NATIONHOOD

Klepikova Yu.V.

Postgraduate student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities.

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

The report is focused on the ideas of V. Solovyov, became the source for historiosophical constructions of authors assigned to the Russian religious and philosophical renaissance, including G. Fedotov, whose publicist works deals with historical processes from medieval to the later spiritual and cultural history of Russia in close connection with the diversity of individual features of Russian man. The author focuses on the philosophical ideas of Fedotov, showing the transformation of national spirit and outlining the prospects for further national historical development of Russia.

Keywords: George Fedotov, historiosophy, culture, History and human spirit, traditions of philosophizing in Russia.

Систематически развить христианское мировоззрение на философской почве, окрашенное в национально-культурные тона, по нашему мнению, удалось не славянофилам, а В. Соловьеву, который первым в России создавшему систему религиозной метафизики, этики и философии истории. Решаемый Соловьевым вопрос о культурной общности России и Европы, христианском универсализме и национальной идентичности стал идейным источником для историософских построений его духовных наследников – авторов русского религиозно-философского ренессанса, многие из которых, как и Георгий Федотов, после революции оказались в эмиграции.

Философско-историческая концепция религиозного мыслителя Соловьева послужила импульсом для разработки центрального историософского сюжета в обсуждении исторической роли России и пути ее цивилизационного развития [1, С.41–63]. Собственно, к этой традиции отечественной философии истории, восходящей к Соловьеву, а через него – к славянофилам, Чаадаеву, Пушкину и Карамзину, примыкает и Георгий Федотов. Выдвинутая еще в конце XIX в. Д. С. Мережковским концепция «неохристианства», связанная с идеей духовного пересоздания мира, была подхвачена вчерашними марксистами, впоследствии ставшими крупнейшими мыслителями «русского религиозно-философского ренессанса». Одновременно с этим В трудах Л. П. Карсавина, П. М. Бицилли и других русских ученых-историков исследовательский интерес сосредоточен на выявлении культурных механизмов истории, психологических факторов общественного развития, особенностях внутреннего мира человека [2, С.351]

В этой связи мы отмечаем, что русская философия тесно связана с немецкой идеалистической традицией философствования, а интерес к историософии в Россию пришел в 30-е годы XIX столетия [3], вместе с гегельянством.

В творчестве русских писателей и мыслителей европеистского направления (Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Ф. А. Степуна. Общность литературных и философских нарративов, характерная для русской интеллектуальной традиции, в пореволюционной публицистике начала проявлять себя как единый историософский текст. В этом смысле идеи Федотова, изложенные в его публицистических статьях 1918-1930, где путь возрождения России утверждается возможным через покаяние и очищение народного духа и духа каждого человека могут быть отнесены к большой традиции русской философии истории.

Переживая события революции, Федотов исполняется любви к родине, отказываясь от характерной для социальных радикалов и левой интеллигенции ее уничижения. Разочаровавшись в революционных идеалах, он все еще видит задачу в том, чтобы правдой социализма спасти мир, и отходит от «пролетарского интернационализма», осознав, что в исторической жизни народа творится высокая культура. Федотов призывает понять: позади нас не «история города Глупова, а трагическая история великой страны», которую предстоит написать заново, станет центральной темой его работ в эмиграции объединенных позднее в

книгу «Судьба и грехи России». Мыслитель обладал методологической спецификой в изучении истории, по высказыванию о. Меня, изучая историю Федотов в истории выбирал, не выпуская из сферы своего внимания ни одного фактора и значимого события, влияющего на общественные и политические процессы в России, что, естественно, не осталось незамеченным видными его современниками (Ф. Степун, Н. Бердяев, С. Франк), но побуждает нас и сегодня обратить самое пристальное внимание на его мысли и оценки истории России.

Федотов, как и многие его современники, прошел по пути духовной эволюции, олицетворяя собой нового человека русского культурного возрождения, сохраняя при этом юношескую революционную мятежность Ф. Степун заметил, что среди наиболее крупных и значительных людей, перешедших от марксизма к Церкви Федотов занимал совершенно особое место, будучи едва ли ни самым радикальным, из отечественных мыслителей, противником революционаризма. Поэтому в стремлении к свободе, как залогу успешного социального и культурного строительства Федотов исключал крайности, в.т.ч. такие как революционный путь (для дальнейшей истории России) и любое проявление тоталитаризма. Не будет ошибкой утверждать, что Георгий Федотов уточняет онтологические основания исторических событий, выясняет причины, обеспечивающие или конституирующие социальный порядок и рассматривает путь формирования национального сознания в рамках Российского государства от Древней Руси до пореволюционной России.

Федотов проводит работу по критическому переосмыслению культурной и социальной истории России [4]. Философствуя о свободе и культуре их связи и значении для русского человека и национальной государственности в целом, он рассматривает конкретные исторические примеры (целые вехи отечественной истории) моделирует дальнейшее развитие истории, указывая на возможные и даже неотвратимые национальные проблемы и предлагает философски осмысленные их решения, адресованные будущим поколениям россиян.

Отводя место человеку в глобальном историческом процессе, философ следует словам В. Соловьева о судьбе, которая «хотя и независима от нас по существу, однако может действовать в нашей жизни только через нас, только под условием того или иного отношения к ней со стороны нашего сознания и воли» [5, С.179]

В своих работах Федотов показал, что историческая реальность рассматривает человека в полноте его духовной сущности, превращая историческое познание в познание духовной действительности, не разобщая историю и человеческий дух. Как философ культуры и во многом преемник идей В. Соловьева, сегодня идеи мыслителя актуальны тем, что в них осуществляется пересмотр политических и ментальных стереотипов культурной традиции.

Список литературы

- 1. Жукова О.А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: «Издательство «Согласие», 2014. 536 с.
- 2. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 350 с.
- 3. Белый А. Проблема культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 18–25.
- 4. Клепикова Ю.В. Бремя Империи и призвание России: к философии истории Г.П. Федотова // Философские науки. -2019. Том 62. № 4. С. 44–57.
- 5. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Литературная критика. Коммент. Н.И. Цимбаева. М.: Современник, 1990.

ТРИАДОЛОГИЯ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА

Козарезова О.О.

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Московский Педагогический государственный университет,

Российский православный университет (Москва, Россия)

УДК 1(091)

Доклад посвящен рассмотрению триадологии С. Н. Булгакова, рассматриваемой им в контексте метафизики Всеединства, представляющей собой универсальный синтез философии и богословия. Так, триадология о. Сергия, с одной стороны, тесно связана с философскими учениями И. Канта и Г. В. Шеллинга. В основе его тринитарной диалектики лежит антиномия полного тождества и полного различия между Божественными Лицами. С другой стороны характерной чертой его триадологии является учение о Софии как некоем четвертом элементе Троицы. Здесь прослеживается влияние неоплатонизма с его учением о Мировой Душе. В контексте софиологии о. Сергий говорит о самораскрытии Бога, о внутреннем раскрытии Ипостасей в общей божественной природе. Для него всеединство подразумевает органическое единение всего универсума.

Ключевые слова: Троица, сущность, ипостась, София, Всеединство, тринитарная диалектика, антиномизм.

TRIADOLOGY OF O. SERGIY BULGAKOV IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF UNITY

Kozarezova O. O.

Candidate of Phylosophy, Associate professor Department of Philosophy and Cultural Studies,
Moskow Pedagogical State University,
Russian Orthodox University of St. John The Theologian,
(Moskow, Russia)

The report is devoted to the triadology of S. N. Bulgakov, considered by him in the context of the metaphysics of all-unity, which is a universal synthesis of philosophy and theology. Thus, the triadology of Fr. Sergii, on the one hand, is closely related to the philosophical teachings of I. Kant and G. V. Schelling. Its Trinitarian dialectic is based on the antinomy of complete identity and complete difference between Divine Persons. On the other hand, a characteristic feature of his triadology is the doctrine of Sophia as a fourth element in the Trinity. Here we can trace the influence of Neoplatonism with its teaching about the World Soul. In the context of sophiology, Fr. Sergii speaks on the self-revelation of God, on the inner self-revelation of Hypostases in the common Divine nature. For him, all-unity implies the organic unity of the entire universe.

Keywords: Trinity, essence, hypostasis, Sophia, All-unity, Trinitarian dialectic, Antinomianism.

Как известно, эпоха «рубежа веков» охарактеризовалась своеобразным разнообразием, «полифонией идей». Это было время религиозно-философского ренессанса, когда под влиянием философии идеализма возникает интерес к религиозно-мистическим течениям, которые отразились не только в интеллектуальной мысли, но и в художественном творчестве. Среди различных направлений «рубежа веков» особое место занимала философия Всеединства, в которой прослеживается стремление найти свои культурные истоки.

Среди философов, представителей метафизики всеединства проблемами мистического богословия, а именно переосмыслением основных догматов христианского богословия и эстетики занимался также о. Сергий Булгаков, основатель Свято-Сергиевского института в Париже. С его именем связано богословие «парижской школы», оказавшей влияние не только на философскую, но и на эстетическую мысль XX века.

Основная идея философии о. Сергия Булгакова — это идея всеединства Бога, вселенной и человека. Согласно о. Сергию, созданный Богом мир, Его творение есть всеединство, где человек, будучи непосредственно связан с Богом, является Его образом и подобием. Вместе с тем, о. Сергий отмечал, что, «поскольку мир реален в своей божественной основе, поскольку

бытие его есть бытие в Абсолютном, – в этом сходятся идеи как творения, так и эманации» [3, с. 157]. Булгаков в своей философии парадоксальным образом соединяет идею творения мира и эманативную концепцию. В частности, в своей работе «Свет невечерний» он пишет: «творение есть эманация плюс нечто новое, создаваемое творческим да будет!» [3, с. 167], «Творя мир, Бог тем самым и Себя ввергает в творение, Он сам Себя как бы делает творением» [3, с. 178].

Согласно о. Сергию Булгакову, всеединство Бога и твари и есть «совлечение» любви, круговорот любви, в которой осуществляется полнота и совершенство, красота и всемогущество Создателя. Но как осуществляется это всеединство, эта связь человека с Богом, что она собою означает и что в себе содержит? Каковы основы и условия всеединства, представляющего собой универсальный синтез философии и богословия, знания и веры?

Задавая эти вопросы, о. Сергий отмечает сложность и многотрудность понимания всеединства, отличного от отвлеченного эллинского космизма и мыслимого как реальное воссоединение твари с Богом, как обожение и преодоление греховной падшести, которое невозможно обрести без участия Богочеловека — Иисуса Христа, приносящего себя в жертву миру и искупляющего грехи мира Своей крестной жертвой. Именно Личность Сына Божия, Сына Человеческого является «краеугольным камнем» христианской философии. «Я есть Свет миру», — говорит Спаситель — именно этими словами начинается сочинение о. Сергия Булгакова «Агнец Божий», вышедшее в 1933 году и вызвавшее многочисленные отклики со стороны духовенства и русской интеллигенции. Свое обращение к основам христианской веры, а конкретно к христианской догматике о. Сергий Булгаков объясняет необходимостью «оправдания добра», оправдания творения Божьего. Отсюда, собственно, становится понятным его обращение к учению о богочеловечестве Иисуса Христа, к этике искупления и спасения, ибо «богочеловечество есть догматический зов к духовной аскезе, так и к творчеству, как и спасению от мира, так и к спасению мира» [3, с. 106].

Обращаясь к евангельским словам о Воплощении Бога-Слова (Ин. 1:1-4), о. Сергий отмечает, что эти строки являются ключевыми, они указывают на то, что «между Отцом и Сыном утверждается полное тождество, однако, при различии их ипостасей. В своем рождении Отец раскрывает Сам Себя, но Он совершает это, рождая Сына Возлюбленного» [5, с. 427]. Таким образом, Отец и Сын соединены единством Божества в коем присутствует безграничная любовь, но, вместе с тем, данное единство является не количественным, а качественным, предполагающим не соподчинение, но единосущность, взаимодействие «трех в одном и единого в трех». Отсюда, Бог есть «Отец – начало всего, Сын – осуществляющий все, Дух – тот, кто приводит в движение» [5, с. 428] Такие слова, на первый взгляд не противоречат учению Церкви. Но возвращаясь к идее эманации, мы видим, что в отношении вопроса троичности акцент у него делается на личности, на отношении между «Я» и «ты». Перед нами предстают как бы три отдельные Личности. Такая позиция приближает философа к тритеизму. В отличие от концепции субординационизма, которая лишает божественные Ипостаси единосущия и невольно придает Второй и Третьей Ипостаси прикладное значение в отношении миротворения, о. Сергий видит откровение Отца в Сыне и Духе Святом как собственную жизнь Бога. В понимании Софии, считает о. Сергий, можно различать два аспекта: она есть собственно София (Хокма), как откровение Премудрости Божией, и она же есть Слава, как откровение Божией Красоты и Всеблаженства. В этих аспектах выражены свойства Второй и Третьей ипостаси: если София, как Премудрость Слова, как Логос, есть самооткровение Бога во Второй ипостаси, то Слава есть самооткровение Бога в Третьей ипостаси. Иначе говоря, София, как Слава, принадлежит Духу Святому. Это откровение и есть мир Божий, природа Божья, Усия – София, которая неотделима от божественных Ипостасей, но в то же время отличается от них. Она присуща единосущной Троице и по-своему – каждой из Ипостасей. Она и есть то самое начало, которое имел Господь в начале путей Своих в сотворении мира.

По мнению о. Сергия, «св. София есть не Бог, но Божество в Боге, совершенно в том смысле, в каковом является Усия (или физис) во Св. Троице... Конечно, задачей здраваго

богословия, тринитарнаго и софиологическаго, является понять Усию-Софию во Св. Троице, как начало подлиннаго единосущия, триединой жизни и откровения, — Единицы в Троице и Троицы во Единице, не только в отношении тройства разнобожественных ипостасей, но и Их подлиннаго единосущнаго триединства в природе» [1, с. 7].

В то же время, София оказывается неким посредствующим началом в творении мира и связью Бога и мира: «Как любовь Любви и любовь к Любви, София обладает личностью и ликом, есть субъект, лицо или, скажем богословским термином, ипостась; конечно, она отличается от ипостасей Св. Троицы, есть особая, иного порядка, четвертая ипостась. Она не участвует в жизни внутрибожественной, не есть Бог и поэтому не превращает триипостасность в четвероипостасность, Троицу в четверицу. Но она является началом новой, тварной многоипостасности, ибо за ней следуют многие ипостаси (людей и ангелов), находящиеся в софийном отношении к Божеству» [4, с. 212].

И далее он поясняет: «Жизнь Св. Троицы есть предвечный акт самоотдания, самоистощения Ипостасей в Божественной любви. Св. София тоже отдает себя Божественной любви и получает дары, откровения ее тайн. Но она отдается иначе, чем Божественные Ипостаси, Которые неизменно пребывают единосущным Божеством, наполняют Себя Им и Его Собою. София же только приемлет, не имея что отдать, она содержит лишь то, что получила. Себяотданием же Божественной любви она в себе зачинает все. В этом смысле она женственна, восприемлюща, она есть «Вечная Женственность». В этой женственности тайна мира. Мир в своем женственном «начале», αρχή, уже зарожден ранее того, как сотворен, и из этого семени Божиего, путем раскрытия в нем заложенного, создан мир из ничего...» [4, с. 212–215]. Иными словами, о. Сергий Булгаков, рассуждая в духе неоплатонизма, рассматривает Софию по аналогии с неоплатонической Мировой душой, посредством которой и через которую Бог творит мир неким эманативным образом.

Зарождение мира в Софии, по Булгакову, есть «действие всей Св. Троицы в каждой из Ее Ипостасей, простирающееся на восприемлющее существо, Вечную Женственность, которая через это становится началом мира, как бы natura naturans, образующею основу natura naturata, тварного мира» [3, с. 195]. София, по Булгакову, «как приемлющая свою сущность от Отца, есть создание и дщерь Божия; как познающая Божественный Логос и Им познаваемая, есть невеста Сына (Песнь Песней) и жена Агнца (Новый Завет, Апокалипсис); как приемлющая излияние даров Св. Духа, есть Церковь и вместе с этим становится Матерью Сына, воплотившегося наитием Св. Духа от Марии, Сердца Церкви, и она же есть идеальная душа твари».

Фактически, в учении о. Сергия мы опять видим некоторый отзвук паламитского учения о нетварных божественных энергиях, присущих Богу. Здесь можно обратить внимание на формулировку о. Сергия, что София «не Бог, но божество», что соответствует паламитскому определению божественной энергии, хотя философ понимает это выражение иначе, чем православное богословие. Рассматривая христианское учение через призму неоплатонизма, он субстанциализирует Софию. София оказывается у него «усией», «физисом» Троицы. Отсюда вытекает представление о. Сергия об эманационном характере творения.

Из всего вышесказанного можно видеть, что учение о. Сергия Булгакова носит по преимуществу гностический характер. Для него всеединство подразумевает единение всего универсума. Образ Софии для о. Сергия обозначает органическое единство первообраза и творения, образующих всеединство универсума.

Учение о. Сергия о Божественной Троице вряд ли можно назвать соответствующим православному тринитарному богословию. Оно включает в себя элементы неоплатонизма и идеалистической философии Шеллинга, которая оказала на Булгакова существенное влияние. С этой позиции о. Сергий интерпретирует средневековое искусство, в котором образ Троицы оказывается связан с образом Софии, которая рассматривается им как особая «четвертая» ипостась. Она есть первообраз мира, икона всех икон. Отсюда для Булгакова «догмат иконопочитания есть догмат существенно софиологический», а не христологический. Икона для него является «первоявлением» или «символом» высшей реальности – именно с этой

позиции он и рассматривает иконографию «Троицы», в которой он видит отражение божественной идеи, «где осуществление идеи, при котором она становится совершенно прозрачной в бытии, есть высочайшее художественное произведение, совершенный образ, адекватный идее. Эта адекватная идее прозрачность образа есть красота» [2, с. 120]. Этим совершенным образом красоты и является икона преп. Андрея Рублева.

Итак, как мы видим, о. Сергий отходит от святоотеческой традиции: разделяя ипостаси, он нарушает принцип единства троичных Лиц.

Список литературы

- 1. Булгаков С. Н. Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией. Докладная записка митр. Евлогию. январь 1936 г. // Приложение к журналу «Путь» №50, 1936.
- 2. Булгаков С. Н. Лествица Иаковля. Об Ангелах. Париж 1929.
- 3. Булгаков С. Н. Первообраз и образ. СПб., 1999.
- 4. Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1917.
- 5. Булгаков С. Н. Сочинения в 2 тт. М., 1993, т.1.

ФИЛОСОФИЯ В ОНЛАЙНЕ: ПУБЛИЧНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЛОСОФА И ЗОНЫ ОБМЕНА¹

Артамонов Д.С.

Канлилат исторических наук, доцент Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Тихонова С.В.

Доктор философских наук, профессор Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

УДК 101.9:008.2

В статье рассматривается самопрезентация философа в онлайн-среде как особая коммуникативная стратегия, способная решать задачи философствования особенности концептуализации цифрового опыта. Проанализированы современных философских течений в онлайн-среду. Используя метафору зоны обмена, авторы делают вывод о том, что философ в онлайне становится проводником новых способов применения медиаформатов, в процессе самопрезентации отбирая те из них, что пригодны для движения смысла между культурой печатной книги и цифровым пространством. Заявляя миру о себе в онлайне, он демонстрирует способ управления коммуникацией для самопознания, познания и понимания.

Ключевые слова: социальная философия, *цифровизация*, *цифровая* гуманитаристика, самопрезентация, зоны обмена.

PHILOSOPHY ONLINE: PUBLIC SELF-PRESENTATION OF THE PHILOSOPHER AND TRADING ZONES

Artamonov D.S.

PhD, associate professor Saratov State University (Saratov, Russia)

Tikhonova S.V.

Doctor of philosophy, professor Saratov State University (Saratov, Russia)

The article deals with the self-presentation of a philosopher in an online environment as a special communicative strategy that can solve the problems of philosophizing and conceptualizing the digital experience. The authors analyze the features of the transition of contemporary philosophical trends to the online environment. Using the metaphor of the exchange zone, the authors conclude that the philosopher online becomes a conductor of new ways of using media formats, in the process of self-presentation selecting those that are suitable for the movement of meaning between the culture of the printed book and the digital space. By making himself known to

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире», № 19-011-00265

the world online, philosopher demonstrates a way to manage communication for self-discovery, knowledge, and understanding.

Keywords: social philosophy, digitalization, digital humanities, self-presentation, trading zones.

Самопрезентация философа в публичном пространстве на протяжении истории конструировалась разными средствами. Посланием о личности и мировоззрении становился образ жизни, школа как сообщество учеников, трактаты и социальная активность. Все великие философы прошлого использовали эти стратегии комплексно, но, тем не менее, Сократ остался в памяти человечества как хозяин своей Судьбы, киник Диоген – как мастер эпатажа, Аристотель – как автор системных трактатов, а Вольтер – как вольнодумец и правозащитник. Индивидуализация разных форм коммуникации в процессе философствования дает широкий спектр репрезентации взглядов философа в общественном сознании. Трансформация его личности в лидера мнений и культового персонажа во многом зависит личных эстетических интенций и готовности использовать социальную коммуникацию как строительный материал персонального перфомативного проекта. В современной философии залогом влиятельности часто является медийность, что подтверждает культурный статус таких философов, как Ж. Бодрийяр и С. Жижек.

Интернет-революция предоставила философии богатейшие возможности коммуникационных игр. Сложности, связанные с длительным господством жанра монографии в изложении философских взглядов, порождающим громоздкие текстовые конструкции, постепенно преодолеваются современными философскими течениями. Например, для трансгуманистов «центром» движения, обеспечивающим «встречи умов», Интернет стал раньше, чем сложились академические формы трансгуманистической философии с их классическими формами публичности в апробации. Упоминания об этом можно найти в текстах Ника Бострома, чей личный сайт является рупором трансгуманистических идей и, одновременно, богатой коллекцией философских текстов автора. Схожие коммуникационные процессы характерны для спекулятивного реализма. Как показывает Н.П. Кнэхт, концепции объектно-ориентированной онтологии вырастают в новой среде онлайн-сообществ, открытых блогосферы, прозрачной для неспециалистов и ориентированной интерактивность [1]. В том числе и этим объясняются быстрые темпы роста известности представителей спекулятивного реализма, и скорость модификации их концепций, и перетасовка идей, концептуальный «ребрендинг» течения в условиях новых коллабораций. Сегодня «бастионы» спекулятивного реализма разбросаны по земному шару и объединены коммуникативной сетью Интернета. Опираясь на широкую палитру инструментов цифровой коммуникации, спекулятивный реализм не столько адресуется в вечность, сколько вербует единомышленников среди современников, обращается к живым лицом-к-лицу и неустанно рекомбинирует собственный дискурс, дистанцируясь от собственных же постулатов и подвергая критике вчерашних соавторов. Противостояние двух лагерей, печатной книги и глобальной деревни, постепенно снижается в процессе смены поколений. Интернет постепенно приобретает статус естественной среды философской коммуникации, и значение заявления о себе в социальных сетях все возрастает. Весна 2020 г. в силу карантинных мер по борьбе с пандемией COVID-19 явно входит в историю как прорыв онлайн-форм в публичность академической культуры. Многие профессиональные философы, использовавшие социальные медиа для досуговых целей неформального общения и социально-политической активности, свои цифровые коммуникационные стратегии в сторону профессионализации. Личные профили все чаще становятся доской объявлений о научной активности, центром обмена новыми данными, презентации исследовательских позиций. Самые разные форматы медиатекстов, от постов до записей докладов, становятся неотъемлемой частью повседневного ландшафта философии.

Цифровая среда онлайна позволяет системно и оперативно представлять любопытной общественности тексты-результаты и, одновременно, управлять «встречами умов» в самых

разных форматах. Примером может послужить личный блог Леви Брайанта https://larvalsubjects.wordpress.com/. Философия онлайне, возможно, дискретна, фрагментарна и эклектична по сравнению с метанарративами Модерна. Однако ее активность и коннективность порождают совсем иные масштабы отклика. Поэтому личное цифровое пространство философа, питательная среда его самопрезентации, всегда способна выполнить роль зоны обмена.

Согласно П. Галисону, локальная координация убеждений действий представителей разных научных субкультур осуществляется в зонах обмена, под которыми он понимает «аналитического понятия для обозначения социального и интеллектуального пространства, в котором связываются воедино дотоле разобщенные традиции экспериментирования, теоретизирования и изготовления научных инструментов» [2]. В зонах обмена представители субкультур получают доступ к внешним для себя «продуктам», которые неспособны произвести самостоятельно благодаря тому, что начинают опираться на ограниченный набор убеждений и действий. В зоне обмена возможна коммуникация между теми, кто вне этой зоны для коммуникации закрыт. И.Т. Касавин показывает важность роли философа как экспертамедиатора, способного стать проводником в зоне обмена для представителей разных научных дисциплин и субъектов диалога науки и общества [3]. Метафора зоны обмена применима и к территории философии в онлайне: философ становится проводником новых способов применения медиаформатов, в процессе самопрезентации отбирая те из них, что пригодны для движения смысла между культурой печатной книги и цифровым пространством. Заявляя миру о себе в онлайне, он демонстрирует способ управления коммуникацией для самопознания, познания и понимания.

Таким образом, онлайн-философия сегодня становится связующим звеном между печатной книгой и цифровым миром, используя самопрезентацию философа как инструмент создания зоны обмена.

Список литературы:

- 1. Кнэхт Н. П. Новый спор о старой проблеме: объективно ориентированная онтология и спекулятивный реализм // Экономические и социально-гуманитарные исследования. № 1 (9). 2016. С. 41—46.
- 2. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. -2004. -№ 1. C. 64-91.

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ НАУКОЙ: КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Душина С.А.

Кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 001.89

В докладе рассматриваются некоторые стратегии современной научной политики, обусловленные влиянием неолиберальных тенденций. Дается характеристика неолиберальной науке и показывается, что стремление к коммерциализации исследований в университетской среде снижает академическую автономию и формирует в отличие от традиционных иенностей новые, менеджерские, качества в угоду эффективности.

Ключевые слова: ученый, научная политика, коммерциализация, рынок, исследование,

TO THE ISSUE OF ACADEMIC MANAGEMENT: COMMERCIALIZATION OF THE UNIVERSITY

Dushina S. A.

Associate professor, PhD
S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
(Saint-Petersburg, Russia)

The report examines some strategies of modern science policy determined with the influence of the neo-liberal trends. The author proposes a characterization of the neo-liberal science and shows that striving for the commercialization of the university research hurts academic autonomy and opposing to the traditional values forms new managerial ones for the sake of the market performance.

Keywords: scientist, science policy, commercialization, market, research, autonomy

За последние десятилетия российская наука и образование претерпели серьезные трансформации, обусловленные, не в последнюю очередь, влиянием неолиберальных тенденций. К результатам таких изменений следует отнести создание российских научных фондов, коммерциализацию науки и образования, включение в Болонский процесс и проч. Неолиберальная наука зарождалась в странах ОЭСР в 80-х годах прошлого века. Под неолиберальной наукой мы будем понимать: во-первых, ориентированное на рынок производство знания, смену режимов знания – от общего блага к частному интересу, нацеленному на получение прибыли [1, с. 77–98]. Во-вторых, способ управления наукой по образцу бизнес-модели (менеджериализм), при котором деятельность научнообразовательных организаций оценивается на основании показателей. В-третьих, изменение отношений между наукой и обществом, новое общественное понимание науки, требующее большей публичности для научных исследований («налогоплательщики должны знать») и вовлеченности общественности в исследования («гражданская наука»). Мы ставим целью показать, что управление наукой в российской среде, заимствующее зарубежный опыт, ведет к снижению академической автономии.

Автономия представляет собой незыблемую либеральную научную ценность. История науки знает множества примеров того, как навязывание внешней воли, если этого не удавалось избежать, имело негативные последствия для научных групп. Ученые лавировали между государством, промышленными корпорациями, научными фондами с тем, чтобы сохранить свою исследовательскую независимость. История Массачусетского технологического института в период между мировыми войнами дает яркий пример того, как, сделав ставку на работу по заказу промышленности, можно «незаметно» попасть под ее диктат, утратив при этом исследовательскую автономию, и, как следствие – ведущие позиций в фундаментальной и прикладной науке. Внешний заказ в академической структуре привел к тому, что молодые исследователи самую продуктивную часть своей жизни, работали, «над всевозможными мелкими проблемами прикладной науки исключительно из-за денег, вместо того чтобы посвятить себя решению задач чистой науки» [2, с. 429]. Чтобы стать престижным научным заведением МТИ вынужден был сменить политический курс, сделать «становым хребтом» развитие фундаментальной науки, и избавиться от иллюзии, «что за счет одного лишь выполнения заказов для промышленности можно обеспечить прочную и достаточную материальную основу для прикладных научных исследований в академической структуре» [2, c. 441].

Возвращаясь к современной научной политике, отметим, что неолиберальная идея коммерциализации науки в российской среде была воспринята с большим энтузиазмом во многом превосходящий американский [3]. В некоторых университетах стала появляться

инновационная инфраструктура, копировавшая американские образцы. Несмотря на принимаемые государством программы, технологический трансфер в российских университетах не получил широкого распространения, хотя есть отдельные результативные случаи. Основным заказчиком исследований, в том числе прикладных, по-прежнему выступает государство [4].

Вместе с тем идея коммерциализации университетской науки подвергается серьезной критике, потому что университет, стремясь к рыночной эффективности через патентную и лицензионную активность, попадает в зависимость от рынка и перестраивает свою деятельность в перспективе получения прибыли, что к неизбежности ведет к потере академической автономии. Это касается, прежде всего, тех высокотехнологичных отраслей исследований, которые включены в инновационную систему.

Ориентация на коммерческую деятельность в американских университетах сформировало поколение молодых ученых, для которых важно продать, капитализировать результат своей интеллектуальной работы или получить постоянную ренту, что, в конечном счете, приводит к снижению качества исследований [5, с. 67]. Дрейф в сторону коммерциализации, предпринимательской успешности, приводит к тому, что ученый играет несколько ролей (изучает рынок, устанавливает связи с индустриальными партнерами) в ущерб основной – исследовательской. Если П.Л. Капица писал, что «чужими руками хорошей работы не сделаешь», то сегодня профессору некогда заниматься экспериментом («счастлив тот профессор, которому сегодня удается заниматься наукой»).

Представляется, что управленческие стратегии в российской научно-образовательной среде должны во главу угла ставить, прежде всего, создание благоприятных условий для научной работы, при которых исследовательские коллективы пользовались бы независимостью и свободой действий, а не копировать элементы чужеродной научной инфраструктуры, которые подвергаются разносторонней критике.

Список литературы

- 1. Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю. Ученые в сетях открытой науки. СПб.: Политехника сервис, 2019. 200 с.
- 2. Сервос Дж. Связи науки с производством по-американски: химическая технология в Массачусетсом технологическом институте, 1900-1939 гг. // Наука по-американски: Очерки истории. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 402–441.
- 3. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
- 4. Душина С.А., Камнева А.В., Куприянов В.А., Шиповалова Л.В. Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. №4. С. 51–76
- 5. Игнатов И. И. Эволюция американской университетской системы // Наука. Инновации. Образование. 2012. № 12. С. 55–82.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФИЛОСОФИИ В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ АКАДЕМИЙ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ Г.В.Ф. ЛЕЙБНИПА

Куприянов В. А.

Кандидат философских наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 001.89

В докладе рассматривается роль философии в организации научных обществ и

академий раннего Нового времени. В центре внимания — проекты немецкого философа Г.В.Ф. Лейбница. Подчеркивается, что в основе идейного содержания лейбницевских проектов лежит распространенная в эпоху раннего Нового времени идея «Республики ученых». Также автор рассматривает академические проекты Лейбница в контексте современных подходов к организации науки. Указывается, что если для современных способов организации науки характерно понимание науки в качестве, прежде всего, индивидуального творчества, направленного на достижение частного блага, то проектам организации науки в Новое время свойственно рассмотрение науки как общего блага человечества. Показывается, что это понимание полностью отражено в академических проектах Лейбница. Автор подчеркивает, что Лейбниц понимал науку как сотворчество свободных искателей истины, а не как арену для борьбы конкурирующих индивидуумов, что свойственно для современной научной соииальности.

Ключевые слова: академический капитализм, Лейбниц, Республика ученых, общее благо, искание истины, академия наук.

TO THE ISSUE OF THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE FOUNDATION OF THE ACADEMIES IN THE EARLY MODERNITY

Kupriyanov V. A.

PhD in philosophy
S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
(Saint-Petersburg, Russia)

The report examines the role of philosophy in the organization of the scientific academies in the early Modernity. The focus of the article is the projects of the German philosopher G.W.F. Leibniz. The author underlines that the ideological content of Leibniz's projects of the organization of science are based on the idea of the Republic of Letters which was characteristic of the early modern science. The author also considers Leibniz's academic projects in the context of modern approaches to the organization of science. The author points out that if contemporary understating of science is characterized with individualism aimed at the attaining of a private good, the projects of the organization of science in the early Modernity considered science as a common good of all mankind. The article shows that this understating is totally expressed in Leibniz's academic projects. The author underlines that Leibniz considered science as a co-creativity of the free searches for truth, and not as an arena for the struggle of the competing individuals, which is characteristic of the contemporary academic sociality.

Keywords: academic capitalism, Leibniz, the Republic of Letters, common good, search for truth, academy of sciences.

Влияние философии на развитие теоретической мысли хорошо известно. Такие крупные историки науки как В. П. Зубов, А. Койре, П. Дюгем достаточно убедительно показали значимость философии в периоды революционных преобразований в науке, в частности в творчестве Г. Галилея, И. Ньютона, И. Кеплера. Значительно реже исследователи обращают внимание на роль философских воззрений в организационной истории науки, в частности, в истории создания научных академий и обществ в эпоху раннего Нового времени. В этой связи чаще всего обращают внимание на Ф. Бэкона и его идеи о научных обществах и научных организациях [5]. Также исследователи интересуются ролью философии чешского мыслителя Я. А. Коменского в организации Лондонского королевского общества [6]. Не менее важна в истории организации научных обществ и академий роль великого немецкого философа и математика Г.В.Ф. Лейбница. Его участие в организации Петербургской академии наук достаточно хорошо изучено [1, 2]. Не менее подробно рассмотрено в литературе участие немецкого философа в организации Прусской академии наук [4]. Также не менее подробна реконструирована деятельность Лейбница как организатора науки в целом [3]. Тем не менее

философский, то есть идейный, контекст этой весьма широкой деятельности Лейбница изучен, на наш взгляд, еще недостаточно. В проектах Лейбница, словно в зеркале, отражены его размышления на тему религии, марали и политики. Они проникнуты особым пониманием социальной роли ученого и науки как общественного института. В настоящем докладе мы предполагаем обратиться к академическим проектам и планам Лейбница, с одной стороны, как к источникам, проливающим дополнительный свет на его философское учение, а с другой, как к текстам, отражающим в определенной мере «идеологию» организации науки в эпоху зарождения современной научной инфраструктуры. Основное внимание мы уделим главной, на наш взгляд, стороне лейбницевских проектов – их этическому и политико-правовому смыслу. Главным тезисом нашего доклада будет мысль о том, что проекты Лейбница отражают значимость науки как социального предприятия, направленного на достижение общего блага. Данный аспект оказывается значим в контексте современных тенденций в области организации науки, которые предполагают, что наука основана прежде всего на частной инициативе и связана в основном с индивидуальным творчеством. Даже коллективные научные проекты отталкиваются именно от понимания того, что субъект науки – индивидуален и результаты его деятельности сродни его частной собственности. Эта тенденция в современной социологической и экономической литературе получила название «академический капитализм», или же «неолиберальная наука» [7]. Наша мысль заключается в том, что хотя период раннего Нового времени известен как время активных споров о научных приоритетах и открытий, сделанных гениальными индивидами, социальная мысль того времени предполагала, что знание относится к числу общих благ человечества, а социальная миссия ученого в целом сосредоточена на совершенствовании жизни всего человечества. Этот смысл можно обнаружит в сочинениях Бэкона, Спинозы, а также и Лейбница. Именно в его организационных проектах и планах эта идея отражена как нельзя ясно, что делает их интересными с точки зрения истории философии и истории идей.

Тематика организации науки интересовала Лейбница еще на заре его творческой биографии. Уже в возрасте 21 года он сделал один из первых своих набросков «Semestria literaria» (1667). Помимо записок и проектов для организации Берлинского общества наук и Петербургской академии наук, к числу известных лейбницевских проектов относятся «Societas Philadelphica» (1669), «Grundriss eines Bedenckens von Aufrichtung einer Societät in Teutschland zu aufnehmen der Kunste und Wissenschafte» (1671). В этих проектах отражено понимание научных организаций как научных братств и коллегиумов, modus essendi которых состоит не в соперничестве и конкуренции индивидуумов, а в сотрудничестве равных и солидарных между собой искателей истины. Этот подход соответствует распространенной в философии Нового времени идее республики ученых как содружества, основанного, с одной стороны, на индивидуальной активности ученых, а с другой — идее их коллективного творчества на благо всего человечества. С развитием коммерциализации и внедрением принципов рыночной экономики в организацию науки этот подход все больше утрачивается, что делает актуальным обращение к идейному наследию философов, стоящих у истоков современной науки.

Список литературы

- 1. Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
- 2. Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977. 212 с.
- 3. Böger I. Ein Seculum- Da Man Zu Societaten Lust Hat: Darstellung Und Analyse Der Leibnizschen Sozietatsplane Vor Dem Hintergrund Der Europaischen Akademiebewegung Im 17. Und Fruhen 18. Jahrhundert. München: Herbert Utz Verlag, 1997. 850 s.
- 4. Harnack A. Geschichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, im Auftrage der Akademie bearbeitet. Berlin, 1900. Vier Teilbände.
- 5. Kronick D. A. A history of scientific and technical periodicals. New York, NY: Scarecrow Press; 1962. 274 p.

- 6. McKie D. The Origins and Foundation of the Royal Society of London // Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 15. P.1–37.
- 7. Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore: JHUP, 2009. 384 p.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БИОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-X – 1970-Е ГГ.¹

Шалимов С.В.

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Россия)

УДК 57(47+44):001.83(100)

В докладе проанализированы научные связи отечественных и французских биологов в контексте плодотворного сотрудничества СССР и Франции. Автор рассматривает влияние политических факторов на развитие советско-французских контактов в области биологии. Источниковая база доклада включает в себя большой объем исторических источников. В частности, используются документы из нескольких архивов, материалы «устной истории» и периодическая печать. Автор освещает командировки советских биологов во Францию, участие советских делегаций в научных мероприятиях, проходивших на ее территории, а также визиты французских исследователей. Также в исследовании анализируются трудности, осложнявшие развитие международного сотрудничества.

Ключевые слова: международные научные связи, «железный занавес», «холодная война», научно-техническое сотрудничество, биология, история биологии.

SOVIET-FRENCH LINKS IN BIOLOGY IN THE SECOND HALF OF THE 1960S – 1970S

Shalimov S.V.

PhD in History

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia)

The paper analyzes the development of collaboration between Soviet and French biologists in the second half of the 1960s – 1970s. The author investigates the influence of political factors on the development of Soviet-French collaboration in biology. The paper is based on the wide range of archival materials from several archives, the sources of oral history and periodical press. The priority attention is given to the trips of Soviet geneticists in France, to the participation of Soviet delegations in the conferences, which were held in France and to the visits of French researchers. Besides, the paper illustrates difficulties, which hindered the development of international contacts.

Keywords: international scientific contacts, "Iron Curtain", "Cold War", cooperation in science and technology, biology, the history of biology.

_

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-511-22002

Советско-французские отношения всегда отличались особой динамикой и стояли особняком в ряду взаимодействия СССР с капиталистическими странами. Сложившееся в силу целого ряда внешне- и внутриполитических факторов сотрудничество двух великих держав способствовало развитию научно-технических контактов. Наиболее ярко это проявилось в 1960-е гг., когда было заключено несколько соглашений о научно-техническом сотрудничестве и работали смешанные советско-французские комиссии. Во многом это было связано с политикой французского президента генерала Шарля де Голля (1890–1970), находящегося у власти в рассматриваемые годы. Недостаточность внутренних научно-технических ресурсов вынуждало Францию искать пути к кооперированию усилий в области научно-технических исследований с другими странами, в том числе развивать сотрудничество с Советским Союзом, которое могло принести им определенную пользу и укрепить их положение по отношению к США и ФРГ [1, с. 260].

Сложившаяся ситуация была выгодна и советской стороне. Например, в отчете Управления внешних связей Академии наук СССР за 1969 г. говорилось: «Считать научное сотрудничество СССР с Францией как одно из самых важных звеньев работы УВС АН СССР» [2].

Между тем именно во второй половине 1960-х гг. в Советском Союзе начинается «перестройка» биологии, включавшая в себя «реабилитацию» генетики. Одним из ключевых элементов этого процесса являлось развитие международных связей советских ученых. В этой связи, в настоящем исследовании мы постараемся осветить развитие научной кооперации между советскими и французскими биологами в контексте плодотворного сотрудничества двух стран в рассматриваемый период.

Согласно справке о научных связях с Францией за 1965 г., советские ученые, побывавшие в этой стране, отмечали высокий уровень развития научных исследований в течение последних 2-3 лет в таких областях науки, как физика, электроника, математика, химия и биология. Говорилось о целесообразности командирования молодых советских ученых на длительные сроки для ознакомления с опытом французских коллег [3].

В свою очередь, в отчете о сотрудничестве за 1969 г. сообщалось, что ученые из нашей страны стремились посетить уже известные научные центры Франции. Среди них назывались химико-биологический центр в Жив-сюр-Иветте, Институт Пастера и другие. Как отмечалось в документе, «ознакомление с проводимыми в них исследованиями и практическая научная работа советских ученых в любом из этих учреждений весьма желательны». При этом подчеркивалось, что в новых научных лабораториях, создаваемых в Гренобле, Тулузе, Страсбурге, оснащенных отличным оборудованием, разворачиваются новейшие направления научных исследований, в том числе в области биологии и физиологии [4].

В целом, характеризуя советско-французские научные связи, следует отметить положительные оценки, содержащиеся в некоторых документах. Так, в отчете Управления внешних связей АН СССР о научном сотрудничестве с Францией за 1970 г. сообщалось: «... по объему научных обменов научное сотрудничество с Францией по сравнению с другими кап. странами в системе АН СССР занимает ведущее положение» [5]. Яркой иллюстрацией положительной динамики в научном сотрудничестве служат официальные заявления лидеров двух стран. Так, 5 декабря 1974 г., во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию, президент Пятой республики В. Жискар д'Эстэн сказал: «Я выражаю удовлетворение быстрым и знаменательным развитием нашего обмена в области науки и техники» [6].

В свою очередь, в отчете об итогах XVII сессии смешанной советско-французской комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству, проходившей в Москве с 11 по 13 февраля 1980 г., сообщалось, что «в истекшем году успешно развивалось сотрудничество в области фундаментальных и прикладных исследований по таким проблемам, как физико-химические основы жизни, астрономия, сейсмология, здравоохранение и медицина, охрана окружающей среды, метеорология и метеорологические приборы, строительство, градостроительство и архитектура [7].

Как следует из документа, особенно отмечались сотрудничество в области физикохимических основ жизни. Действительно, в 1970-е гг. развернулось плодотворное сотрудничество между советскими и французскими учеными в области молекулярной биологии и биохимии. Так, в рассматриваемый период состоялось несколько советскофранцузских симпозиумов по этой проблеме. Первый из них под названием «Структура и функции нуклеиновых кислот» проходил с 3 по 5 сентября 1974 г. в Пущино. Согласно отчету о сотрудничестве с Францией за 1974 г., симпозиум прошел на высоком уровне. В нем приняли участие 25 французских ученых, в том числе такие известные ученые как профессора Марианна Грюнберг-Манаго, Франсуа Гро, Жан-Поль Эбель и др. Советскую сторону представляли академики А.А. Баев, В.А. Энгельгард, А.С. Спирин, члены-корреспонденты Г.К. Скрябин, М.Н. Колосов и др.

Характерно, что данное сотрудничество продолжалось в течение двух десятилетий, симпозиумы проводились поочередно в СССР/России и Франции до середины 1990-х гг. В 1970-е гг. на французской земле симпозиумы организовывались в Конкарно (1975), Ментоне (1976), Порт-Кро (1979), а в Советском Союзе встреча ученых проходила в Ташкенте (1977).

Вместе с тем научные контакты советских и французских биологов осложнялись общими проблемами советской науки, значительно тормозившими развитие международной коллаборации отечественных ученых. «Холодная война» и «железный занавес» создавали существенные трудности, выражавшиеся в запретах на выезд советских исследователей и в жесткой регламентации визитов зарубежных партнеров. Как свидетельствуют документы, подобная бюрократизация иногда приводила к некомпетентному формированию делегаций, к финансовым затруднениям советских ученых. При этом приезжавшие французские исследователи не всегда имели возможность посетить желаемые лаборатории и могли столкнуться с некачественным обслуживанием.

Список литературы

- 1. «От Атлантики до Урала»: Советско-французские отношения.1956—1973 / Науч. редактор и отв. составитель Г.Ж. Мулек. М.: МФД, 2015. 624 с.
- 2. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 579. Оп. 13. Д. 89. Л. 64.
- 3. АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 78. Л. 127.
- 4. АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 89. Л. 57–58.
- 5. АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 95. Л. 2.
- 6. Визит Л.И. Брежнева во Францию // Правда. 1974. 6 дек.
- 7. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 77. Д. 166. Л. 8.

МЕДИАСРЕДА ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИЛИ КТО УПРАВЛЯЕТ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ?¹

Шиповалова Л. В.

Доцент, доктор философских наук СПбГУ кафедра философии науки и техники (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 165.12

_

В докладе предлагается философская критика трех парадигмальных элементов, определяющих научную коммуникацию между экспертами, обществом и властью в поле публичной политики. Высказываются сомнения относительно однозначности субъектов

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного РНФ № 19-18-00210 Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости.

коммуникации, управления как контроля и регулирования, а также цифровых технологий как средств управления и проводников коммуникации. Контексты данной критики задают концепты распределенного познания, управления как рефлексивной координации, а также технологий как посредников.

Ключевые слова: научная коммуникация, управление и управляемость, цифровые технологии, публика и власть.

MEDIA ENVIRONMENT OF SCIENCE COMMUNICATION OR WHO RULES THROUGH DIGITAL TECHNOLOGY

Shipovalova L.V.

DSc in Philosophy, Associate Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg. Russia)

The paper offers a philosophical critique of three paradigm elements defining science communication between experts, society and government in the field of public policy. The author expresses doubts about the unambiguity of communication subjects, governance as control and regulation, and digital technologies as governance tools and communication mediators. The concepts of distributed cognition, governance as reflexive coordination, and technology as intermediaries define the contexts of this critique.

Keywords: scientific communication, governance and governability, digital technologies, public and power.

Публичная научная коммуникация – явление далеко не однозначное, особенно, если речь идет о взаимодействии научных экспертов, публики и власти. Каким бы способом она не осуществлялась, могут быть высказаны сомнения, скажем, в актуальности для ученых включаться в публичную сферу, в допустимости политизации науки посредством установления отношений экспертов и власти, в конкретизации целей, которые достигаются этим взаимодействием по факту или должны достигаться по праву, в необходимости вовлечения в такую коммуникацию публики. Какими бы ни были ответы на такого рода сомнения, чаще всего они имеют форму установления предпосылок, выработки однозначных оснований для действий, выражающих интересы того или иного субъекта. Потому эти ответы всегда могут стать предметом философской критики, предполагающей движение к интересу всеобщему и преодоление всякой субъективной или партийной позиции. Единственным основанием такой критики, ее началом, которое само не является предпосылкой, поскольку уже включает в себя жест рефлексии и сомнения, может быть выдвижение в качестве цели публичной научной коммуникации создания или обнаружения «лучших способов совместного проживания в современном мире» неопределенности [1]. Однако остальные элементы, задающие форматы коммуникации науки, общества и власти, могут быть подвергнуты критике.

На первый взгляд само собой разумеющимся является то, что коммуникация, связанная с публичной политикой как сферой принятия решений, предполагает однозначно определенного субъекта окончательного действия и ответственности. Как правило, речь при этом идет о субъекте власти, реализующем так называемую децизионистскую модель взаимодействия с научными экспертами и публикой (Ю. Хабермас). Все остальные участники должны этому субъекту в том или ином смысле подчиняться, что делает коммуникацию организованной иерархически. Представляется, однако, что такое положение дел неадекватно требованиям принятия решений в сложных кризисных общественных ситуациях, связанных, например, с техногенной катастрофой, эпидемиологической опасностью, политическим напряжением и т.п. В этом случае научные эксперты должны не

просто давать вариативные рекомендации, но принимать непосредственное участие в решении проблем, а публика должна активно включаться, поддерживая и разделяя рациональность решений своими действиями. Следует отметить, что такое распределение участия не является полным и все еще остается предметом возможной критики. Здесь не учитывается активная роль информационной и коммуникативной среды, обеспечивающей взаимодействие, представляющей собой необходимой элемент распределенного познания при разрешении проблемных ситуаций [2; 3]. Различного рода цифровые платформы — официальные и неофициальные — оказываются включенными в процессы решения проблем, а дискуссии, ими обеспечиваемые, мотивируют или останавливают публику в реализации решений.

Эта активная роль цифровых технологий может не быть учтена с позиции представления об управлении (technology governance), трактующего последнее как контроль и регулирование и, соответственно медиасреду как подчиненный объект или средство. Однако такая позиция становится проблематичной в ситуациях кризиса, когда сами основания действия для субъекта власти оказываются неопределенными. Тогда следует говорить уже об управлении посредством «рефлексивной координации» [4]. Это понятие характеризует такого рода процедуры общественного управления, когда основание заранее не дано и вырабатывается в самом процессе, также как и окончательное распределение ролей активных и ответственных участников. Рефлексия здесь предполагает возможность понимания ограниченности любой позиции и в силу этого принятия в расчет позиции Координация же оказывается единственно возможным жестом согласовывающим различные перспективы и выстраивающим медиацию позиций и интересов в контексте общей цели обнаружения или конструирования лучших путей совместного проживания в общем мире неопределенности. Однако и в этой ситуации все еще можно рассматривать цифровые технологии как средство если не реализации доминирующих интересов властных элит, то, вовлечения граждан в управление или научных экспертов в обсуждение проблемы.

Развивая критику, следует отметить, что, как и другие медиаторы, организующие коммуникативную среду или обеспечивающие сетевое взаимодействие, цифровые технологии могут быть рассмотрены как проводники или как посредники [5, с. 55-63]. Первые призваны и способны передавать информационный сигнал или реализовывать интенцию воздействующего субъекта без искажения и в полной мере. Вторые активно включаются в перевод и своим дизайном, дополняющим реализацию конкретной функции, влияют, порой непредсказуемо, на участников процесса. Следует отметить, что любые сложные технологические устройства могут обнаруживаться в качестве посредников, создавая в силу этого повод для дополнительных когнитивных и социальных исследований взаимодействия людей и технологий при их использовании [6]. Особая ситуация имеет место тогда, когда в цели действующих лиц коммуникации – в данном случае научных экспертов, субъектов власти и публики – включено предположение понимания технологий как проводников, а их посредническая роль становится неучтенной. Хотя эта вторая роль обнаруживается, например, в существенном различии коммуникативного эффекта официальных и неофициальных платформ как элементов цифровой медиасреды публичной научной коммуникации, а также в значении их дизайна, предоставляющего возможность, скажем, для организации обсуждения со снятием ценностной поляризации позиций или с включением максимального количества активных участников. В этой ситуации субъектом, управляющим посредством цифровых технологий, может становиться не тот, что заранее наделен властными полномочиями, но тот, кто сможет актуализировать не всегда очевидные возможности этими технологиями предоставляемые.

Список литературы

- 1. Law J. STS as Method // Handbook on Science and Technology Studies, edited by U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, and L. Smith-Doerr. Cambridge, MA: MIT Press. 2016. P. 31–57.
- 2. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.

- 3. Press A.L., Williams B.A. The New Media Environment: An Introduction. Wiley-Blackwell, 2010.
- 4. Hofmann J., Katzenbach Ch., Gollatz K. Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance //New media and Society. 2017. Vol. 19(9). P. 1406–1423.
- 5. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с.
- 6. Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // Philosophical Psychology. 2014. Vol. 27 (1). P. 34–49.

ВЗГЛЯД ИЗ 1920-Х ГГ. НА ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ (ПИСЬМО С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА К А.И. РЫКОВУ)

Юсупова Т.И.

Доктор исторических наук СПбФ ИИЕТ РАН, (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 56(517.3+47)(09)

В докладе будет сделан сравнительный анализ некоторых проблем академической науки 1920-х гг. и сегодняшних, прежде всего, попытки бюрократических структур усилить контроль за академическими институтами. В качестве источника для сравнения рассматривается письмо непременного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга к главе советского правительства в июне 1926 г. Ольденбург обращает внимание правительства на слабое взаимодействия государственных структур, курирующих науку, с Академией наук. Они не только контролировали Академию наук, но и навязывали свои решения по развитию ее деятельности. Ольденбург призывал изменить такой подход, не «администрировать» Академию наук, а помогать в решении проблем. Как показало время, и сегодня в дискурсах о проблемах российской науки тема «наука и бюрократия» осталась актуальной.

Ключевые слова: Академия наук, наука и бюрократия, С.Ф. Ольденбург, взаимодействие с государственными структурами

A LOOK ON THE PROBLEMS OF PRESENT-DAY ACADEMIC SCIENCE FROM THE 1920S (A LETTER FROM S.F. OLDENBURG TO A.I. RYKOV)

Yusupova T.I.

Doctor in History
Institute for the History of Science and Technology, St.-Petersburg branch, RAS
(St.-Petersburg, Russia)

The paper compares some of the problems of the Academy of Sciences in the 1920s with nowadays ones. First of all, it focuses on attempts by bureaucratic structures to strengthen control over academic institutions. One of the sources for comparison is a letter from the Permanent Secretary of the Academy of Sciences academician S.F. Oldenburg to the head of the Soviet government. Oldenburg drew the attention of the government to the weak interaction of government agencies in charge of science with the Academy of Sciences. They tightly controlled the activities of the Academy of Sciences. Oldenburg called for a change this approach, not to direct scientific work, but to help the Academy of Sciences to solve its problems. As time has shown, the topic "science and bureaucracy" has remained relevant in the discourses on the problems of Russian science until nowadays.

Keywords: Academy of Sciences, science and government agencies, S.F. Oldenburg, interaction

Почти три столетия важнейшей формой организации науки в России являлась Академия наук. Сегодня, когда после реформы 2013 г. из под ее юрисдикции были выведены практически все научно-исследовательские учреждения, она стала, преимущественно, экспертным институтом, в том числе, и по оценке деятельности учреждений, когда-то входивших в ее состав. При этом, система оценок эффективности работы институтов разрабатывается в недрах бюрократического аппарата министерства науки и высшего образования – теперь де-юре учредителя вышеназванных институтов.

По образному выражению непременного секретаря Академии наук в 1904—1929 гг. академика С.Ф. Ольденбурга, «наука у нас возникла по требованию и желанию государства». Желание «учредителя» установить контроль за деятельностью учреждений, казалось бы, довольно обоснованно. Однако, планово-отчетные показатели, сколько бы их не вводили на всем протяжении истории Академии наук, не оказывают ожидаемого воздействия на эффективность исследовательской работы в силу внутренней специфики развития науки, прежде всего, фундаментальной, что не хотят принять государственные бюрократические структуры.

Еще в 1920-х гг. советским правительством после неудавшихся попыток преобразовать «царскую» Академию в «коммунистическую» были предприняты радикальные меры по административному «совершенствованию» ее структуры для упрочнения связи научных исследований с политико-социальными задачами, что нашло отражение в новом уставе Академии наук, принятом в 1927 г. Он на многие десятилетия закрепил ее двойственное положение: с одной стороны — научное сообщество, имеющее свой Устав, членство, самоуправление; с другой — государственное учреждение, подчиненное правительству, где решались все текущие академические проблемы. В докладе будет проанализировано письмо одного из руководителей Академии наук С.Ф. Ольденбурга к председателю СНК СССР А.И. Рыкову (из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН).

Поводом для письма явилось сокращение бюджета Академии наук на 1927 г. С.Ф. Ольденбург просил руководителя правительства «бережного и осторожного отношения» к академической смете, поскольку наука «имеет исключительное значение» для молодого советского государства. Далее в письме он отметил несколько препятствий, которые стоят на пути развития науки в СССР. Одними из главных С.Ф. Ольденбург считал «стремление к бумажному согласованию научных исследований путем административного руководства ими» директивных инстанций. Чиновники пытались взять под контроль все виды деятельности Академии наук. И в этом, по мнению Ольденбурга, была главная ошибка административного аппарата. Он полагал, что государственные структуры должны «содействовать научной работе», а не брать на себя «функции научного руководства», изменить свое отношение к Академии наук от «руководительства» к содействию. Именно такой подход позволил бы наладить «нормальную научную жизнь» и поднять авторитет административных учреждений.

Как показывают сегодняшнее взаимоотношение академического сообщества и «администрирующих» его структур, проблемы, отмеченные С.Ф. Ольденбургом более 90 лет назад, остаются актуальными.

XVI Таврические философские Чтения «АНАХАРСИС» «Философские практики в культуре: история и современность»

Сборник научных статей Сетевое электронное издание

Подписано к использованию 20.11.2020. Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 18,7. Объем данных — 2,4 Мбайт.

Минимальные системные требования: браузер Google Chrome v. 2.0 и выше, пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с